

НОВЫЙ МИР

4

МОСКВА
1938

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

АПРЕЛЬ

МОСКВА
1938

Уполн. Главлита Б—41309.
Объем 18 печ. л. по 64.000 знаков.
Одано в набор 20/III—38 г. Подписано к печати 15/IV—38 г.
Тираж 80.000. Зак. 980.
Технический редактор А. И. Гессен.
Тип. «Известий Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва, Пушкинская площадь, 5.

ВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ НАЧАЛАСЬ

Началась кампания по выборам в республиканские Верховные Советы. Эта кампания имеет первостепенное политическое значение.

Подготовку к предстоящим выборам каждая республика начинает, обогащенная большим политическим и организационным опытом, накопленным во время выборов в Верховный Совет СССР.

Что показали эти выборы? Они показали небывалую политическую активность советского народа, его высокую политическую сознательность. 96,8% всех избирателей приняли участие в голосовании.

Выборы в Верховный Совет СССР показали всему миру исключительное моральное и политическое единство советского народа, его тесную сплоченность вокруг партии большевиков, его готовность неуклонно следовать по пути, указанному великой партией Ленина — Сталина.

Выборы в Верховный Совет СССР вызвали во всей нашей стране гигантский производственный подъем, умноживший силы нашей родины, ее славу и могущество.

Во время выборов в Верховный Совет СССР победил сталинский блок коммунистов и беспартийных.

В течение долгих лет партия большевиков ковала этот союз. Он стал возможен на основе победы социализма в нашей стране. Социализм теперь вошел в быт советского народа. Он стал явлением, доступным пониманию и реально ощутимым каждым трудящимся нашей страны.

Выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательно-

го округа Москвы, 11 декабря 1937 г., товарищ Сталин говорил:

«На наших фабриках и заводах работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом на деле. На наших полях работают труженники земли без помещиков, без кулаков. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом в быту, это и называется у нас свободной, социалистической жизнью».

Блок коммунистов и беспартийных одержал во время выборов в Верховный Совет СССР всемирно-историческую победу. Успех прошлой кампании не должен, однако, вызывать чувство самоуспокоенности. Нельзя организацию и проведение выборов в республиканские Верховные Советы, эту ответственнейшую политическую кампанию, предоставить самотеку. Это было бы величайшей ошибкой.

Выборы в Верховные Советы республик следует провести еще лучше, еще более организованно, чем выборы в Верховный Совет СССР. Это значит, что нужно не покладая рук работать над организацией выборов. Еще шире должна быть развернута разъяснительная кампания в массах.

В нашей стране не должно остаться ни одного трудящегося, который бы не знал Конституции СССР и Конституции своей республики. В нашей стране не должно быть трудящегося, который бы не знал порядка намечения кандидатов, порядка выборов, который бы не участвовал в выборах.

Массово-политическая работа, кото-

рая должна быть развернута, требует от каждого сознательного гражданина нашего великого Советского Союза активного участия во всем ходе подготовки предстоящих выборов.

Во время выборной кампании в Верховный Совет СССР выявились огромные слои беспартийного актива — непартийных большевиков, которые показали себя блестящими агитаторами и организаторами, которые умело несли слово великой Ленинско-Сталинской партии в самую гущу народных масс. Во время предстоящих выборов в Верховные Советы республик ряды этого беспартийного актива должны быть умножены во много раз.

Предстоящие выборы республиканских Верховных Советов должны послужить дальнейшему укреплению блока коммунистов и беспартийных.

Сталинская Конституция является могучим орудием сплочения нашего народа. Во время предстоящих выборов это должно проявиться с еще большей силой, еще более ярко, чем во время выборов в Верховный Совет СССР.

Предстоящие выборы в Верховные Советы республик будут ярчайшей демонстрацией несокрушимой дружбы народов Советского Союза. Выступая в 1935 году на совещании передовых колхозников и колхозниц Туркменистана и Таджикистана, товарищ Сталин говорил:

«... Дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует».

Дружба эта живет, здравствует и крепнет с каждым днем!

За годы существования советской власти, под руководством коммунистической партии, с помощью русского пролетариата, пышным цветом расцвели национальные республики, входящие в великий Советский Союз, расцвели в хозяйственном и культурном отношениях.

В национальных республиках расцвела сейчас промышленность, расцвело крупное механизированное социалистическое сельское хозяйство, выращены национальные кадры рабочих, расцвела культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Нет и в помине прежних «отсталых окраин» — фактических колоний российского капитализма.

Во всей нашей стране царит сейчас небывалый производственный и политический подъем. Предстоящие выборы в Верховные Советы республик еще выше поднимут волну социалистического соревнования, ударничества, стахановского движения на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах. Предстоящие выборы мобилизуют знания, стремления, волю миллионов советских людей — добиться новых побед, прославляющих СССР, великую родину трудящихся всего мира.

Не может быть сомнения в том, что во время предстоящих выборов затаившиеся еще кое-где вражеские элементы, троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты, попытаются всячески вредить, попытаются выставлять кандидатуры из своего вражьего лагеря. Тем выше должна быть бдительность каждого трудящегося нашей страны. Выборная кампания должна помочь усилению бдительности, разоблачению врагов, ушедших в глубокое подполье и пытающихся из этого черного подполья вредить нашей стране.

Мы зовем всех граждан Советской страны, мы зовем писателей и всех работников советского искусства и науки активно включиться в подготовку к предстоящим выборам в республиканские Верховные Советы.

Мы зовем каждого принять самое деятельное участие в большой разъяснительной работе, которую надо вести. Мы зовем каждого участвовать в назначении кандидатов, доказавших на деле свою преданность нашей родине, великому делу партии Ленина—Сталина, делу коммунизма. Мы зовем каждого активно участвовать в выборах, голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Испанский дневник

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

★

3 АВГУСТА

Демонстранты шли веселые, по-летнему нарядные, почти все в белом. Шесть стройных загорелых девушек пришли в коротких спортивных туниках, видно, прямо со стадиона. Они держались за руки и кричали по слогам: «Фран-ко до-лой! Фран-ко до-лой!».

Митинг на Красной площади начался в пять часов пополудни. Жара и страшная теснота. Я опоздал, да так и не мог пробраться поближе к трибуне, но было отлично слышно через усилители. Оратор призывал рабочих и народ Советского Союза оказать материальную помощь бойцам Испании. Уже до этого призыва, несколько дней, на многих заводах идут сборы для Испании.

Заканчивая, оратор сказал:

— Трудящиеся Советского Союза, миллионы рабочих, объединенные в профессиональные союзы, создавшие под руководством великого Сталина социалистическое общество, выражают свою братскую солидарность с испанским народом, героически защищающим демократические завоевания от озверелых банд фашизма.

Демонстрацию не подготовляли — только сегодня утром ее решили прове-

сти. И — за несколько часов — сколько успели сделать плакатов, надписей, огромных карикатур на испанских мятежников! Франко изображен с длинной седой бородой и в русской генеральской форме; рядом с ним несут попов-иезуитов и итальянского фашиста, у которого пасть открывается и защелкивается на веревочке.

Слушателей волнует упоминание о германских и итальянских самолетах и пушках, посылаемых мятежникам. Рабочие с шоколадной фабрики рядом со мной толковали: не начало ли это войны, мировой.

Работница Быстрова сказала с трибуны:

— Наши сердца с теми, кто сейчас кладет свои жизни в горах и на улицах Испании, защищая свободу своего народа. Мы шлем наше слово братской солидарности, наш пролетарский привет испанским рабочим и работницам, испанским женам и матерям, всему испанскому народу. Мы заявляем: помните, вы не одиноки — мы с вами.

После митинга все полтора-два тысяч человек двинулись пить прохладительное. На два километра кругом были захлеснуты все кафе, киоски с водой и мороженым. Даже на Пушкинской площади надо было долго дожидаться бутылки лимонада.

В эти дни все начинают читать газеты с испанских событий. Но по телеграммам ничего не понятно. Из Лондона ТАСС передает о занятии правитель-

---

Исключительное право перевода и издания во всех странах на иностранных языках книги «Испанский дневник» предоставлено Литературному агентству в Москве (ул. Станиславского, д. 24).

ственными войсками какого-то Састаго на севере страны. У Севильи рабочие взорвали мост. В центре Гибралтарского пролива стоит большое итальянское судно, якобы занятое исправлением кабеля. Что за селение Састаго, важно ли оно? Кто хозяин в Севилье, фашисты или рабочие? Мятельники в пятидесяти километрах от Мадрида, — а где правительство республики?

5 АВГУСТА

На заводе имени Сталина слесарь Клевечко сказал:

— В годы гражданской войны, когда мы, русские пролетарии, отражали натиск белогвардейцев и интервентов, нам помогали пролетарии Запада. Наш священный долг — помочь теперь морально и материально испанским братьям, героически отстаивающим свою свободу. Я предлагаю отчислить в пользу испанского народа полпроцента от месячного заработка и послать пламенный привет тем, кто сейчас с оружием в руках борется с фашистами.

За шесть дней рабочие сборы в помощь испанским борцам за республику дали сумму в 12 миллионов 145 тысяч рублей. От имени ВЦСПС Шверник перевел эту сумму во франках, то-есть 36 миллионов 435 тысяч франков, на имя премьер-министра Испании Хирала, в распоряжение испанского правительства.

6 АВГУСТА

На аэродроме, на Ленинградском шоссе, косили высокую траву, она уже начала желтеть от зноя.

Облачная, но сухая погода. У Ржева чудесные колхозные льны боролись со зноем. В Великих Луках в белом домике аэродрома дали теплого парного молока, тяжелого желтого масла и ржаной хлеб с золотистой коркой. У самолета нарвал полевых цветов. Они хотели пить. Почти над самой границей нас нагнала гроза, сизый занавес туч, косая сетка щедрого долгожданного дождя.

8 АВГУСТА

Самолет коснулся земли, чуть подпрыгнул и покатился по зеленому коч-

коватому лугу. Навстречу бежали и приветственно размахивали руками люди. Тяжелый густой зной опалил глаза, стиснул горло.

Здесь на поле соседствуют и фактически смешались военная авиация с гражданской, испанская с иностранной. Прямо от самолета повели в павильон начальника военно-воздушных сил Каталонии. В изящном павильоне тесно, толчея, на широких диванах отдыхают летчики, на столах навалены карты, фотоаппараты, оружие; денщик беспрерывно обносит всех напитками и кофе. Прямо против двери начальника, полковника Сандино, поставлена стойка импровизированного бара, перед ней на высоких табуретах, со стаканами в руках, гаждят пилоты и механики.

Сам полковник Фелипе Сандино, каталонский военный министр и начальник авиации, небольшого роста седоватый человек в синей блузе с закатанными рукавами, в кабинете не сидит, а бродит, довольно оторопело, по всему павильону, заговаривает то с одной, то с другой группой людей, пробует сосредоточиться, вникнуть в карту, которую ему подносят, но его сейчас же отвлекают другим разговором, он переходит к другому человеку. Мы условились поговорить завтра.

Машина помчалась из Прата, где аэродром, за десять километров, в Барселону. При выезде из Прата, через дорогу, огромное полотнище: «Виска Сандино!» (по-каталонски — да здравствует Сандино). Все чаще баррикады на шоссе — из мешков с хлопком, из камней, из песка. На баррикадах красные и черно-красные знамена, вокруг них вооруженные люди в больших остроконечных соломенных шляпах, в беретках, в головных платках, одетые кто как или полуголые. Одни подбегают к шоферу, спрашивают документы, другие просто приветствуют и машут витовками. На некоторых баррикадах едят — женщины принесли обед, тарелки расставлены на камнях, детишки в промежутке между ложками супа ползают по бойницам, играют патронами и штыками.

И, чем ближе к городу, с первыми улицами предместий, мы вступаем в поток раскаленной человеческой лавы, неслыханного кипения огромного города, переживающего дни высшего подъема, счастья и безумства.

Была ли она когда-нибудь такой, как сейчас, празднующая свою победу, неистовая Барселона? Испанский Нью-Йорк, самая нарядная красавица Средиземного моря, ее ослепительные пальмовые бульвары, ее гигантские проспекты и набережные, фантастические виллы, возобновившие роскошь византийских и турецких дворцов над Босфором. Нескончаемые заводские кварталы, огромные корпуса судостроительных верфей, механических, литейных, электрических, автомобильных цехов, текстильные, обувные, швейные фабрики, типографии, трамвайные депо, испанские гаражи. Банковские небоскребы, театры, кабаре, увеселительные парки. Страшные черные уголовные трущобы, злоеущий «китайский квартал» — тесные каменные щели, в самом центре города, более грязные и опасные, чем портовые клоаки Марселя и Стамбула. Все сейчас наводнено, запружено, поглощено густой возбужденной людской массой, все всколыхнуто, выплеснуто наружу, доведено до высшей точки напряжения и кипения. Заражаясь все больше этим настоящим в воздухе волнением, слыша, как тяжело колотится собственное сердце, с трудом продвигаясь в сплошной толчее, среди молодежи с винтовками, женщин с цветами в волосах и обнаженными саблями в руках, стариков с революционными лентами через плечо, среди портретов Бакунина, Ленина, Жореса и Махно, среди песен и оркестров и воплей газетчиков, мимо свалки со стрельбой у входа в кино, мимо уличных митингов и торжественного шествия рабочей милиции, мимо обугленных развалин церквей, пестрых плакатов, в смешанном свете неоновых реклам, огромной луны и автомобильных фар, временами сшибая публику тротуара, добрались до мостовой, я наконец добрался к отелю «Ориенте» на Рамблас де лос Флорес.

В вестибюле, рядом с портье в расшитом золотом сюртуке, дежурит вооруженный отряд. Это охрана профсоюза, который реквизирует отель. Впрочем, она никого не контролирует, только всех приветствует поднятым кулаком. Много свободных номеров, — портье объяснил, что иностранцы и приезжие в большинстве покидают Барселону. Ужин был подан с церемониями богатых отелей, но за соседним столом непринужденно шумела компания рабочих парней. Многочисленная английская семья — отец в крахмальной манишке, мамаша с бриллиантами и три дочки с одинаковыми выпяченными челюстями в немом ужасе наблюдали, как ребята перебрасывались хлебными шариками. Огромный француз, кинооператор, быстро напивался, его багровое лицо-зад посинело. В углу за столиком прямо, один, сидел старик с блуждающей вежливой улыбкой. Он заказал себе к ужину каталонское виши и смотрел на свет, как с поверхности воды убегают пузырьки газа. В конце ужина он с той же улыбкой подошел ко мне и наклонил причесанную белую голову с аккуратным пробором посередине:

— Хулио Хименес Орге. А по-русски — Владимир Константинович Глинский. Ведь я еще не имел чести вам представиться.

Комната балконом выходит на Рамблас. Это все равно, что жить на улице. Сделав заметки, я лег, потушил свет. В широкой раме огромных раскрытых дверей, в ожидании утренней свежести, фосфоресцируя, плавилась революционная человеческая стихия. Толпа не уходила, она оставалась на улице круглые сутки, слушала громкоговорители и спорила. Время от времени пели хором под аккордеон или стреляли. В третьем часу шло еще какое-то шествие с оркестром, но уже не было сил подняться, даже шевельнуть рукой или ногой.

9 АВГУСТА

Беспрерывно движется по улицам густой поток автомобилей. Это сборище машин всех марок, большей частью новые, дорогие, роскошные машины. Они

все исписаны белой масляной краской, огромными кривыми буквами по кузову и по крыше: названия разных организаций и партий или просто лозунги. Краска тяжелая, крепкая, несмываемая — исписанную так машину ее бывший владелец не может без полной перекраски вернуть в частное свое пользование. В машинах выбиты и прострелены стекла, текут радиаторы, сорваны подножки; некоторые украшены цветами, бусами, лентами, куклами. В машинах ездят все, возят все, они скопляются на перекрестках, на площадях, сшибаются друг с другом, ездят по левой стороне, — это озорной праздник вырвавшихся на свободу автомобилей.

Все большие здания заняты, реквизированы партийными организациями и профсоюзами. Анархисты взяли отель «Риц». Другой громадный отель, «Колумба», занят Объединенной социалистической партией. В десяти этажах «Колумба» — ноев ковчег комитетов, бюро, сборочных пунктов, комиссий и делегаций. Сильно напоминает украинский Наркомвоен 1919 года. По лестницам тащат тюки газет, связки оружия, арестованных, корзины винограда, бутылки с оливковым маслом. Между взрослыми бегают и играют в пятнашки дети, — их оставляют на день родители, несущие караульную службу в милиции. Здесь работают и спят; кроме каталонцев и испанцев, много иностранных лиц и голосов. Немец приводит в порядок склад оружия; американки устроили санитарную службу; венгерцы сразу занялись любимым делом — создали пресс-бюро, стучат на восковках и крутят на ротаторе информационный бюллетень на пяти языках; итальянцы смешиваются с испанской толпой, но чувствуют себя старшими.

Рабочие приводят в отель «Колумба» захваченных фашистов. Им объясняют, что этим должна заниматься республиканская полиция. Но они этого не понимают и уходят, оставив пленников, их бумаги, их золото, бриллианты и пистолеты. «Сегуридад» (управление безопасности) не торопится принимать арестованных — так при комитетах всех

партий образовались маленькие кустарные полиции и тюрьмы.

Во втором этаже «Колумба» — военный отдел. Здесь формируют рабочие отряды для взятия Сарагосы. Записывается много молодежи, но есть и старики. Уже отправлено пять тысяч человек. Нехватает винтовок, — а город ими наводнен. На бульварах все гуляют с ивнтовками. За столиками кафе сидят с винтовками. Женщины с винтовками. С оружием едят, спят, с ним ходят смотреть кинокартины, хотя уже есть специальный декрет правительства — оставлять винтовки в гардеробе под номерок. Рабочие получили в руки оружие — они не так легко отдадут его.

По улицам проходят похоронные процессии. Мертвецов привозят с фронта или откапывают под развалинами домов, где шли бои. Павших бойцов несут в гробах не горизонтально, а вертикально, и мертвые, как бы стоя, призывают живых продолжать борьбу. Вслед за похоронами несут растянутые одеяла и простыни — публика щедро швыряет в них серебро и медь для Мопра, для помощи семьям убитых.

Но, несмотря на оружие и ежечасные беспорядочные стычки и перестрелки, в городе нет озлобления. Атмосфера, скорее, взвинченно-радостная, лихорадочно-восторженная. Еще длится столь неожиданный и столь заслуженный триумф уличных боев народа с реакционной военщиной. Безумство храбрых, дерзость рабочей молодежи, пошедшей с карманными ножами на пушки и пулеметы и победившей, гордость своей пролитой кровью наполняют огромный пролетарский город упоением и уверенностью. Все преклоняется перед человеком в блузе с винтовкой, все льстит ему. В кафе и кабачках отказываются брать с него деньги. Лучшие артисты поют для него на бульварах, тореадоры обнимаются с ним на перекрестках, элитные звезды кабаре и кино дразнят его прославленными своими ногами, они не жалеют цветных каблучков в танцах на асфальтовой мостовой, они серебристо смеются соленым островам портовых грузчиков.

В два часа я завтракал у полковника Сандино в его павильоне в Прате. За столом шумно, говорят по-испански и по-французски. Сандино сказал, что пока все идет отлично. Сегодня республиканцы взяли остров Ивису. Теперь Майорка зажата с двух сторон — с Ивисы и с Минорки. Валенсийцы собрали, за свой счет и своими людьми, экспедицию для занятия Майорки. Там держится около тысячи человек мятежников. Под Сарагосой республиканцы ждут подкреплений. Как только отряды из Барселоны подойдут, можно будет штурмовать город. Этим арагонский фронт будет ликвидирован. Впрочем, неправильно называть его фронтом. Никаких сомкнутых фронтов здесь, в Испании, пока нет. Есть отдельные разобщенные города, в которых держатся либо правительственная власть и комитеты народного фронта, либо восставшие офицеры. Сплошной линии фронта между ними нет. Даже телефонная и телеграфная связь кое-где работает по инерции: мятежные города разговаривают с правительственными.

Подробно говорить не довелось — все время прерывали, подымали тосты и ссорились. Я только спросил Сандино, есть ли единоначалие и кому подчинены все военные силы. Он ответил, что единоначалие уже есть, что в Каталонии все вооруженные силы подчинены ему, Сандино, а об общих вопросах он договаривается с Мадридом.

Здесь же был Мигэль Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, а сейчас прибыл помогать и отдать здешней партии свой опыт мексиканской гражданской войны.

Вот как Мигэль Мартинес перебрался сюда из Франции.

Документы его были не в порядке, надо было долго ждать визы и рейсового самолета. Он попросил помощи у Андре. Тот принял его вечером у себя, вблизи бульвара Сен-Жермен. Тесная писательская квартирка была полна народу. Во всех трех комнатах дожидались и группами шопотом беседовали

люди. Андре увел на кухню, там еще было свободно.

— Вы можете через час уехать в Х..?

— Могу.

— Будьте там завтра в одиннадцать утра за столиком кафе Мирабо. Это большое кафе, его вам всякий укажет. К вам подойдут.

Мигэль поехал. Поутру он был в Х... С ручным чемоданчиком отправился с вокзала в кафе. Ждать пришлось долго — начало казаться, что поездка сделана зря. Во втором часу дня у столика вдруг появился сам Андре. Он не извинился.

— Вы хорошо доехали? Выпьем перно. О морали французской технической интеллигенции второй четверти нашего века надо будет написать особо. В конце-концов, два из пяти — это сорок процентов. Если сорок процентов пилотов будут драться против французского фашизма, то будут драться и семьдесят. Вопрос только в том, действительно ли эти сорок процентов суть сорок, а не двадцать и не нуль.

— Меня тошнит от перно, — сказал Мигэль, — я буду пить вермут. Что случилось? Я не лечу?

— Пять пилотов должны были сегодня перегнать в Барселону семь машин. Они были мне рекомендованы, они получили деньги. Трое подошли ко мне два часа назад на аэродроме и сказали, что не будут перегонять машины. Они были даже остроумны: сказали, что получение денег для них было само по себе таким сильным ощущением, что они не хотят более сильных. Французы в таких случаях всегда остроумны. Эти были особенно остроумны, потому что знали, что я не могу заявить в полицию. Они даже спросили — не намерен ли я заявить в полицию. Это было наименее остроумным, но им показалось наиболее остроумным.

— Могло быть хуже, — сказал Мигэль. — Для сволочей они еще очень приличные люди. Они могли взять деньги, отвезти самолеты вместо Барселоны к Франко и там получить деньги еще раз.

— Вы философ. Но эта перспектива еще не исключена. Остаются два пилота. Они берутся перегнать сегодня до

ночи три машины. Они могут сделать с машинами, что им заблагорассудится. Впрочем, эти двое как будто приличные ребята. Один даже не взял еще денег. Он даже не говорит о них. Во всяком случае, это комбинация не для вас, Мигэль. Вам лучше потерять неделю, чем обнять Франко вместо Хосе Диаса. И, более того, там могут расстрелять, не дав обняться даже с Франко.

— Неделя, это невозможно, — сказал Мигэль. — За неделю в Испании все может кончиться. Я полечу. Я попробую полететь.

— Пробовать здесь нечего. Пробовать будет пилот. Это безрассудно, Мигэль. Это совершенно безрассудно. Я обещал вам и не могу отказать, но чувствую, как это безрассудно. Мне это особенно ясно, потому что я полечу со вторым пилотом. Платите скорее за вермут. Молодчики из «Боевых крестов» знают о наших делах, да и те трое пилотов, несомненно, держат с ними связь. За мной следят с утра. Нельзя терять ни секунды.

На аэродроме в Х... все имело неприкрытый и небрежный вид. Полицейский дремал с газетой в руках на скамеечке перед контрольно-пропускным пунктом. Механики ругались в баре. Рейсовые самолеты приземлялись и отлетали. Авиэтка гуляла над полем. Андре беспечно разгуливал у ангаров, заговаривая с рабочими; Мигэль издали следовал за ним. Чемоданчик стеснял и выдавал его, он хотел уже бросить его в уборной, но боялся потерять Андре. Так они подошли к большой двухмоторной машине; винты ее уже тихо вращались. Андре начал болтать с молодым парнем, лежавшим на траве, и вдруг, не выпуская сигареты изо рта, нервозно сказал Мигэлю:

— Чего же вы ждете?

Мигэль мгновенно вкарабкался в кабину. Там было два человека. Девушка в белом резиновом плаще, загорелая, с букетом цветов сидела на длинных цилиндрических бомбах. Старик с седой головой, с аккуратным пробором посередине примостился в переднем стеклянном «фонаре».

Парень встал с травы и, не прощаясь с Андре, влез на пилотское место. На нем не было ни шлема, ни шляпы, ни перчаток. Андре кликнул рабочего, тот вынул колодки из-под колес. Сразу, крутым косым виражем, чуть не толкнув авиэтку, машина пошла на высоту. Одно мгновение виден был Андре. Он стоял, расставив ноги, руки в карманах, с сигаретой в зубах, как дирижер мюзик-холла на генеральной репетиции.

Погода была ясная, жаркая, самолет болтал, люди в нем делали вид, что не замечают друг друга. Пилот со спины имел задумчивый, мечтающий вид. Мигэль искал ориентиры. Местность была незнакомая, но хорошо памятная по географии. Он пробовал найти Рону, город-замок Каркассон, первые цепи Пиренеев, Перпиньян. Но гор не было.

Нескончаемо долго шли тучные французские поля, вкусная яркая зелень, расчерченная грифельной сеткой дорог. Прошло более часа, наконец подошли горы, машина поднялась на две тысячи метров, посвежело. Мигэль окончательно потерял ориентировку. Перед пилотом не было никакой карты, вид его был мало внушающий доверие.

В конце-концов, если лететь на Барселону, море когда-нибудь да должно показаться, и непременно слева. А если лететь на Бургос, на Севилью? Море покажется справа. Может показаться, но не обязательно. Можно перелететь в Бургос над центром Пиренеев, не видя моря. Расчет можно делать только по времени. Мигэль тихонько переложил пистолет из заднего кармана брюк в карман пиджака. Девушка не обратила внимания, старик неподвижно сидел ногами над стеклом.

Мигэль стоял теперь за спиной у пилота. Тот чуть-чуть оглянулся на него и продолжал почти дремать, кончики пальцев на штурвале. Тот ли это из двух, который не просил денег? Это было трудно понять по его плечам, по черным, блестящим, чуть лысеющим волосам, по синеве бритой шеи, по маленькому уху. Полет длился уже два часа без семи минут. Море давно должно быть видно!

Мигэль решил приставить пистолет к затылку пилота и одновременно сказать ему: «Налево!». Драки не будет, руки можно успеть схватить, да после пули в затылок руками много не наработаешь. Мигэль сел бы тогда за штурвал, он немного умел вести самолет, только боялся грохнуть эту тяжелую машину на посадке, да еще с бомбами.

А что, если у парня нет худого на уме? У него такое детское розовое ухо и весь очерк лица юношеский, открытый. Два часа десять минут полета. Может быть, он просто плутал, ему могут быть самому незнакомы эти места.

Мигэль спросил:

— Мы прибываем? — и постучал пальцем по браслету часов.

Пилот двинул плечом и ничего не ответил.

Еще десять минут. Горы. Мигэль дал себе восемь, нет, пусть еще десять минут. Они окончились. Старик смотрел вперед, не оглядываясь, девушка изучала свой белый плащ. Горы... Горячие пальцы в кармане прилипли к пистолету. Но почему-то он сначала положил левую руку пилоту на плечо. Тот никак не реагировал. И через целую вечность, а может быть, это было несколько секунд, сказал:

— Я сделал крюк через горы, здесь свежее. Андре просил менять каждый раз маршрут, чтобы не встречаться с рейсовыми самолетами. Среди них есть германские. Сейчас покажется Барселона...

Сейчас мы с ним пили вермут в баре военного аэродрома. Его зовут Абель Гидез. Он старше, чем кажется, — двадцать восемь лет. Это тот, который еще не разговаривал о деньгах. Вчера они вдвоем с другим пилотом успели вернуться в Х... и опять вернуться, на двух машинах. Он — военный летчик запаса, сейчас гражданский пилот, безработный. Интересны его глаза: детские, ясные и при этом выпукло-пристальные, как у птицы.

Самые выпуклые глаза — у Андре. Его огромные белки в сумерках почти освещают тонкое овальное лицо и придают ему оттенок бессонницы, неуспокоенности, ночного бдения. Странно было

бы видеть Андре с закрытыми глазами; вообще, спящий — это не он.

Из гражданских воздушных линий работает пока только «Люфт-Ганза». Огромный «юнкерс» с фашистской свастикой на хвосте садится совсем рядом с управлением военной авиации. Пилоты и пассажиры разгуливают между испанскими военными летчиками, прислушиваются к разговорам, щелкают фотоаппаратами. Из самолета выгружают и в самолет кладут огромные ящики с надписью «Германскому генеральному консульству в Барселоне». Этому никто не препятствует.

Сандино приказал своему адъютанту с золотыми шнурами отправить меня в город на машине. С этим получилась большая возня. На площадке стояло машин пятнадцать, шоферы сидели на земле кружком и пели. Никто из них не хотел ехать, хотя адъютант произнес большую речь о необходимости дисциплины в революционной войне. Он также подчеркнул важность поддержания авторитета полковника Сандино, конечно, когда приезжают иностранные товарищи. Все-таки никто не хотел ехать. Адъютант ругался и кричал, он весь покраснел от натуги. Ничего не помогало. Мы пошли обратно в павильон — за столом еще пили кофе с ликерами. Услышав, что шоферы не хотят ехать, Сандино грохнул чашкой о стол. Он вышел наружу, поговорил с шоферами, и наконец один из них согласился отвезти меня в город.

Под вечер я нашел Комореру и Вальдеса, руководителей Объединенной социалистической партии Каталонии. Социалисты и коммунисты объединились в день фашистского мятежа. Других социалистических организаций в Барселоне нет. Коморера — давнишний деятель социалистической партии, спокойный, углубленный человек интеллигентского вида. Вальдес — рабочий, молодой, скромный, с боевым революционным стажем. Руководство держится дружно, едино. Они работают круглые сутки в доме ЦК на Пасео де Грасиа, менее шумно, чем отель «Колумб», но тоже переполненным людьми и милицией.

Они очень озабочены положением. Главная проблема сейчас — это взаимоотношения между партиями и организациями народного фронта. Особенно остро положение с анархистами. НКТ, национальная конференция труда, и ФАИ, федерация анархистов Иберии, впитали в себя огромную массу новых людей, частью отсталых рабочих без революционных традиций, частью деклассированный люмпен-пролетариат и просто уголовные элементы из «китайского квартала». Все это сорвано со своих мест, вооружено, находится в непрерывном брожении и кипении, плохо подчиняется руководству, все готово вспыхнуть и взорваться новыми уличными боями при любой провокации, по любому поводу и без повода. Некоторые вожди анархистов пробуют, как могут, отделить лучшую, наиболее организованную часть анархистских рабочих, направить их в русло народного фронта и подлинной борьбы с фашизмом; им это пока плохо удается. С другой стороны, они же, анархистские вожаки, боятся расправы с ними со стороны других партий, особенно боятся коммунистов. Объединение социалистов с коммунистами очень встревожило и насторожило ФАИ. Она создала много складов с оружием и готовится к вооруженной борьбе в городе. Руководитель барселонских анархистов Гарсиа Оливер сказал Коморере: «Я знаю, вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов. Это вам не удастся». Поэтому, ведя в своих рядах агитацию за сотрудничество с правительством в борьбе с мятежниками, анархисты в то же время будоражат свои профсоюзы, готовят к новым уличным боям, ожесточают против коммунистов и социалистов. Коморера и Вальдес всеми путями и способами стараются побороть эти дезорганизаторские настроения, дают доказательства своей полной лояльности и стремления к единству всех пролетарских сил. На-днях Коморера, Видиелья и другие представители социалистов специально вышли из состава каталонского правительства, чтобы не пользоваться политическими преимуществами перед

анархистами. Сейчас обсуждается возможность их возвращения в правительство, но уже вместе с анархистами. Взаимное недоверие и настороженность очень ослабляют общую борьбу с мятежниками.

Провокационную и деморализующую роль играет Поум — троцкистская организация. Она составила, тотчас же после мятежа, из двух частей: из троцкистской группы Нина и организации Маурина — бухаринского толка правых отщепенцев, исключенных из коммунистической партии. Сам Маурин застрял где-то на территории фашистов — руководство объединенными испанскими троцкисто-бухаринцами принял на себя Нин. Поумовцы имеют свою газету, юлят вокруг анархистов, натравливая их на коммунистических рабочих, требуют немедленной развернутой социальной революции в Испании, выступают с отвратительной демагогией по адресу Советского Союза. В практических действиях они гораздо рассудительнее: захватили лучшие, самые аристократические отели Барселоны, контролируют самые дорогие рестораны и увеселительные заведения.

— Мы—испанская Украина,—сказал Коморера, стараясь быть понятнее гостю.—От нашей судьбы зависит очень многое. Если провокаторы создадут террористическую ситуацию — неизбежна интервенция, и не только Италии и Германии. Надо напрячь все нервы, мобилизовать всю выдержку, чтобы предотвратить беспорядок в Барселоне.

Лишь поздно ночью я отправил первые телеграммы в «Правду». Здесь очень трудная цензура — трудная не по строгости, а по технике. Пришлось перевести весь текст с русского на французский язык и просить специального человека перевести с французского на каталонский.

Сообщение о том, что советские рабочие уже дали антифашистской Испании тридцать шесть миллионов франков, получилось здесь только сегодня. Его передали в вечерних газетах и по радио. Бессменно бодрствующая толпа бурно аплодировала у рупоров. Гром-

кие возгласы «Виска Русиа!», пение «Интернационала» и анархистских песен.

10 АВГУСТА

Утром ездили по рабочим кварталам и в порт. Все та же обнаженная дикая нищета, какую встретишь в Европе только на Балканах и здесь. Вся жизнь напоказ: половина — на тротуаре, остальное — через раскрытые окна и двери. Тучи ребятишек ползают по асфальту, играют мусором, дерутся и поют. Хозяйки готовят обед — оливки, бобы и похлебку из бобов на оливковом масле. Картофель дороже, едят его меньше. Мяса едят совсем мало, оно дорого. Вместо него бакалао — треска, привозная, сушеная, часто тухлая. Слишком много алкоголя — это помимо вина, которое пьют много, все до маленьких детей, пьют, как часть обеда; кроме вина, рабочие, толкаясь у стоек баров, рюмками поглощают ядовитые спиртовые смеси, скверно пахнущие аперитивы из бутылей с яркими крикливыми этикетками. Вокруг баров много мочатся, все сливается в острую тоскливую вонь. Ремесленники, мелкие кустари ютятся и работают вокруг огромных современных заводов; полуслепой дедушка зашивает грубой драгвой отвалившуюся подошву рабочему великолепной механизированной обувной фабрики. На примусах лудят старую, поломанную посуду. Торгуют самой изодранной, грязной, засаленной платяной ветошью, — здесь, рядом с гигантскими комбинатами и магазинами дешевого готового платья, которым Барселона снабжает всю Испанию, отчасти Францию и даже Англию.

Но весенний ветер взбудрил теперь эти печальные кварталы. Они взбудоражены, оживлены. На домах, в окнах, почти над каждым входом — флаги, либо с серпом и молотом, либо красно-черные анархистские, либо полосатые каталонские, либо официальные республиканские. Все заполнено плакатами, листовками, газетами, их читают, обсуждают. Девушки, усевшись вместе, хором разучивают по нотному листку революционные песни. В книжных лав-

чонках уйма новой литературы, много советских книг.

Колонна молодых рабочих отправляется на фронт. Она выходит из профсоюзного дома, с барабанщиками, по четыре в ряд, первые шестнадцать человек с винтовками, затем двое с пистолетами, а остальные просто размахивают руками в такт барабану. Матери, невесты и маленькие братья провожают их, шагают вместе, в рядах, обняв за шею. Один парень взял на руки маленькую, седую, сухонькую мать и несет ее, покраснев от напряжения, смущенно улыбаясь.

Военные новости хороши, но неопределены. Валенсийская экспедиция отправилась на военном корабле «Альмиранте Миранда», имея на борту будто бы семь гидросамолетов и тысячу двести милиционеров. Крейсер направляется к острову Минорке. Одновременно высажен десант на Ивисе, которая накануне перешла в руки правительственных сил. Штурм Сарагосы предполагается через один-два дня.

Я прилетел сюда гол, как сокол, а сегодня у меня уже есть маленькое хозяйство. Вальдес дал мне переводчицу на французский, Марину Хинеста, каталонскую комсомолку, с огромной старинной винтовкой, которую она не выпускает из рук ни на миг. У меня есть автомобиль — длинный открытый «шевроле» с помятыми крыльями, исписанный лозунгами и инициалами, неведомых мне организаций. От охраны и от шофера я отказался — пусть их лучше используют в отряде. Бензин можно получить пока повсюду — по талонам, либо за деньги, либо, если очень попросить, то и совсем даром. У меня еще есть дорожная пишущая машинка и фотоаппарат ФЭД, — можно сказать, целое отделение «Правды»!

В полдень я посетил Гарсиа Оливера. Ему сейчас подчинены все каталонские милиционные части. Штаб — в здании морского музея. Прекрасное здание, широкие галереи и залы, стеклянные потолки, художественно исполненные огромные модели старинных кораблей, множество народу, оружие, ящики с патронами.

Сам Оливер — в богатом кабинете, среди ковров, статуй; тотчас же предложил огромную гаванну, коньяку, Смугл. красив, со шрамом на лице, кинематографичен, хмур, огромный парабеллум за поясом. Сначала молчал и показался молчаливым, но вдруг прорвался огромным страстным монологом, избличившим оратора, опытного, знойного, ловкого. Долгие восхваления храбрости именно анархистских рабочих; уверяет, что именно они спасли положение в уличных боях в Барселоне. Что именно они сейчас составляют авангард антифашистской милиции. Анархисты отдали и готовы дальше отдать жизнь революции. Больше, чем жизнь, — они готовы даже сотрудничать с буржуазным антифашистским правительством. Ему, Оливеру, трудно убеждать в этом анархистскую массу, но он и его товарищи делают все, чтобы дисциплинировать ее, поставить под руководство всего народного фронта, и это удастся. Ведь его, Оливера, уже обвиняли на митингах в соглашательстве и в измене анархистским принципам. Пусть коммунисты учтут все это и не слишком натягивают струну. Коммунисты чересчур прибирают к рукам власть. Если так будет продолжаться дальше, НКТ и ФАИ не отвечают за последствия. Потом он начинает нервно, что-то чересчур уж нервно, опровергать. Неправда, что анархисты попрытали много оружия. Неправда, что анархисты только за милицию и против регулярной армии. Неправда, что анархисты работают вместе с Поум. Неправда, что анархистские группы грабят магазины и квартиры; может быть, это просто уголовники используют красно-черное знамя. Неправда, что анархисты против народного фронта; их лойяльность доказана и словами, и делами. Неправда, что анархисты против Советского Союза. Они уважают и любят русских рабочих, они не сомневались в том, что русские рабочие придут на помощь Испании. А если нужно, то анархисты помогут Советскому Союзу. Пусть Советский Союз в своих расчетах не пренебрегает такой силой, как испанские анархистские рабочие. Неправда, что в других странах

нет анархистского движения; но, конечно, центр его в Испании. Почему в России пренебрегают Бакуниным? Испания отдает Бакунину долг и за себя, и за Россию. Неправда, что анархисты не признают Маркса. Он советует поговорить с его другом Дурутти; хотя Дурутти на фронте. Он стоит у ворот Сарагосы. Думаю ли я поехать на фронт?

Да, я думаю поехать на фронт. Завтра — если получу пропуск. Не может ли Оливер дать мне пропуск? Да, Оливер охотно соглашается дать мне пропуск. Он говорит адъютанту, и тот здесь же пишет на машинке бумагу, и Оливер подписывает. Он жмет руку и просит, чтобы русские рабочие получили правильную информацию об испанских анархистах. Неправда, что анархисты вчера разграбили винные склады «Педро Домек». Возможно, что какая-нибудь мразь это сделала, прикрывшись званием членов ФАИ. Неправда, что анархисты отказываются войти в правительство!..

После обеда за мной заехал Сандино и повез во дворец, к главе правительства. Стража у ступеней подъезда взяла на-караул. Внутри тихо и пусто, бродят лакеи в ливрейных сюртуках. Секретарь просит обождать — синьор Казановас принимает французскую делегацию. Тикают громадные мраморные часы, мы все молчим. Странные звуки нарушают эту тишину. Похоже немного на звериный рев. Сначала один, потом несколько, потом много страшных реющих звуков, словно много зверей пробуют голос. Что еще могло здесь случиться?! Я сгораю от любопытства. Надо тотчас же выбежать на улицу. Секретарь и Сандино не трогаются с места. Секретарь, наверно, трус. А полковник Фелипе Сандино?! Ладно, я буду спокойно сидеть. Секретарь вежливо улыбается. Я говорю: «Потешные звуки..». «О, да. Это, кажется, лев». «Почему лев?». «Это, наверно, лев, хотя там есть и тигры». «Где там?». «В зоологическом саду».

— Здесь разве зоологический сад? Рядом с дворцом?

— Да, совсем рядом. Мы почти сидели. У нас на Западе в так называе-

мых зоологических садах имеются различные звери. Например — львы, леопарды, крокодилы, змеи, слоны.

При слове «слоны» я не могу больше удержаться. В это время открывается дверь кабинета, синьор Казановас провожает французскую делегацию. Он и все начинают тоже смеяться, не зная причины. На всех находит хорошее настроение. Среди делегатов я узнаю Леона Жуо.

Синьор Казановас крайне любезен. Он подробно разъяснил мне принципы автономии Каталонии и координации ее правительства с центральным правительством в Мадриде. Трениям между партиями в Барселоне не следует придавать чрезмерного значения. Президент Каталонии синьор Компанис и он, Казановас, приложат все усилия и обеспечат единство вокруг правительства. В отношении быстрой ликвидации мятежа — он совершенно в ней убежден. Но это будет не сразу. Недели? Да, если хотите — недели. Во всяком случае, не дни. Декретом каталонского правительства учреждена комиссия промышленности и обороны, в полное ведение которой переданы все крупнейшие металлургические и машиностроительные заводы, в том числе автомобильный завод «Испано-Суиса», резиновые, электротехнические, химические и некоторые текстильные предприятия. Заводским комитетам предоставляется право с 15 августа вступить в полное управление производством на предприятиях, принадлежавших участникам фашистского мятежа.

— Мы бросаем сейчас все силы на взятие Сарагосы, которая является одним из трех очагов фашистского мятежа. Взятие Сарагосы, где сосредоточены крупные военные части, танки, орудия и авиация, требует значительных усилий. Но оно развяжет нам руки для других военных действий. Мы продолжаем создавать новые отряды рабочих милиции, которые впоследствии превратятся в регулярные части народной армии. Одновременно каталонское правительство принимает все меры для организации нормальной жизни в столице и во всем нашем крае.

Казановас распрощался и ушел с Сандино на заседание. Я вернулся пешком, разыскал свой «шевроле» и вместо ужина в отеле поехал искать харчевню. Подальше от Рамблас на каждой перекрестке проверяют машины. Женщин высаживают, если у них нет служебных документов. Это потому, что на реквизированных машинах очень много катают девушек. Меня, ехавшего порожняком, заставили несколько раз подвозить — больного в лечебницу, какие-то мешки с посудой и полицейских. Я не обязан этого делать, но было интересно. Удивлялись, что не знаю улиц, и показывали дорогу. Во многих местах города перестрелка. При этом публика не разбегается, а, наоборот, торчит на мостовой, соображая, откуда стреляют. Большею частью стреляют из угловых верхних этажей.

Ужинал в таверне позади Параллело. Дали зеленых соленых маслин, каракатицу в собственном чернильном соку, баранину с луком, сыр и хорошее простое вино из бочки. Хозяин с хозяйкой сидели на табуретах перед входом; подавала дочка, кругом было совсем покойно, как будто ничего кругом и не случилось.

11 АВГУСТА

Поздно, после завтрака, мы выехали из Барселоны на запад, по отличному асфальтовому шоссе. Миновали много баррикад в предместьях и в окрестностях, много патрулей, большей частью анархистских, разодетых в романтические отрепья, шумливых, частью навеселе. Они контролируют проезжающих по-разному: одни придирчиво и недоброжелательно, другие с улыбками и приветственными возгласами. Но и тех, и других мало заботит эффективная сторона контроля, им просто любопытно, кто ездит в машинах, что за люди, поболтать с ними или подразнить. Большинство патрулей никем не уполномочены, среди них, наверно, враги и шпионы.

Дальше от Барселоны патрули редуют и меняют свой характер. Теперь это стража при въезде и выезде из деревень — крестьяне, молодые и пожилые,

каталонские и арагонские крестьяне в черных блузах и черных беретах, в полотняных туфлях на босу ногу, крепкие, плечистые люди с коричневыми от вечного солнца лицами, со старинными охотничьими ружьями в руках. Они спокойно и с достоинством приказывают машине остановиться, и путникам предъявить бумаги:

— Документос!

Им вываливают пухлые пачки мандатов и удостоверений, но в документах они разбираются не очень и возвращают их со скромной, иногда смущенной улыбкой. Они охотно указывают дорогу и вообще очень доброжелательны, очень вежливы. Называют всех попрежнему «синьор», но на прощанье поднимают кулак по-ротфронтовски.

Рядом с патрулем часто стоят женщины с кувшинами на плечах. Они гостеприимно, трогательно угощают, на выбор:

— Агуа, вiно? (Вода, вино?)

Хулио Хименес Орге попросился поехать со мной на Арагон. Он вежлив и сентиментален. Гражданская война в России застала его подполковником артиллерии. Он ведал у белых артиллерийскими складами, потом эвакуировался из Новороссийска, потом был регентом церковного хора в Париже, потом десять лет работал у Рено, вступил в «Союз возвращения на родину», затем во французскую компартию. Он приехал в Испанию помогать, как он выражается, «новым красным».

Накануне я послал его за дорожными картами, он аккуратно обошел все барселонские магазины и принес целый набор. В машине он сидит чинно, прямо и вытирается платочком. Его волнует неумелое и небрежное отношение патрулей к своему оружию. Часто он выскакивает на шоссе, берет у бойцов из рук винтовки и показывает, как надо держать. Они воспринимают это с благоговением и долго, знаками, восторженно благодарят. Ест и пьет мало, из-за болезни желудка, но, выпив, рассказывает, очень чувствительно, о России и о Франции.

Дорога очень оживлена, мчатся на сумасшедших скоростях грузовики, автобусы, лимузины, с бойцами, с провиан-

том и со штатской публикой. На откосах, каждые пятнадцать-двадцать километров, валяются разбитые машины — жертвы столкновений и просто неумелой стремительной езды. В первые дни после мятежа в барселонские гаражи ринулась толпа автомобильных любителей, все объявили себя шоферами, а шофером в Испании считается только тот, кто ездит не менее чем со скоростью сто километров в час.

К закату солнца приехал в Лериду, красивый, кокетливый город на Эбро, с мостами, живописными арками, оживленной толпой. Здесь крупный текстильный центр, шелковые фабрики. Несмотря на близость к фронту, спокойно, и военных видать меньше, чем в Барселоне. Пили кофе и оранжад; заправившись бензином, оранжадом и кофе, двинулись дальше, по шоссе на Уэску. Каталонские многоцветные краски сменились однообразной раскаленной песчаной равниной, сухостью, пылью, пустынным безлюдьем. Вечером прибыли в Барбастро, старый городок с узкими улицами и маленькой, тесной площадью. В доме епископа расположился штаб полковника Виллальба. Под каменными сводами портала шестнадцатого века солдаты, еще в королевской форме, играли в карты. Через галерею, освещенную луной, я прошел в покои епископа, ныне штаб-квартиру фронта Сарагоса — Уэска. Над столом с военными картами нависло огромное распятие из слоновой кости. Полковник поднялся навстречу, худ, суров, застенчив. Он и его помощник, капитан Медрано, артиллерист, в числе немногих офицеров на Арагоне и в Каталонии остались верны правительству. Виллальба удержал при себе весь свой кадровый полк.

Позиции фашистов имеют на своем левом фланге отроги Пиренейских гор, а на правом — город Теруэль. Почти посередине фронт пересекается рекой Эбро. Правительственные части ставят себе задачей отрезать фашистов от Пиренеев, прорвать фронт между Сарагосой и Уэской и наконец взять оба города, которые прикрывают провинцию Наварра, самый реакционный центр мя-

тежа. Одновременно внизу, на юге, колонна, сформированная в Валенсии, подходит к Теруэлю, чтобы, взяв его, ударить по правому флангу фашистов.

Борьба затруднена сильно пересеченной местностью, частью переходящей в горный рельеф. Из артиллерии с обеих сторон действуют скорострельные пушки «Виккерс» калибра 105 миллиметров, горные орудия типа «Шнейдер», испанского производства, и французские, 75-миллиметровые. У мятежников есть несколько крепостных орудий и танки. У правительственных войск есть бронепоезд. Пехота с обеих сторон вооружена винтовками «Маузер» и отчасти ручными гранатами. Есть отдельные минно-подрывные команды. Есть несколько легких разведывательных самолетов. Средства связи и управления ничтожны. Бои ведутся за обладание отдельными естественными рубежами, высотами и населенными пунктами. Саперных полевых работ не производится, окопов нет.

— Это все. Остальное вы увидите сами. — Полковник положил на карту аккуратно отточенный красный карандаш.

Пожав руку, он остался стоять посреди огромной комнаты, хмурый, длиннотелый испанец.

Мы спали в прохладных каменных покоех епископского дома, серебряная луна лилась в окна, солдаты под арками спорили и пели.

12 АВГУСТА

В Ангиесе стоят крестьянские отряды, батальон полка Виллальба и штаб артиллерии. Капитан Медрано, румяный, толстый весельчак, ранен в ногу, она у него забинтована, ходит с палкой, переваливаясь. Орудия стоят почему-то здесь, в пятнадцати километрах от противника, в крестьянских дворах, под чехлами. Их показывают с гордостью, простодушно объясняют, что орудия пока не стреляли, потому что к ним нет снарядов.

Выдвинулись еще вперед. На пятнадцатом километре впереди Ангиеса часовая сказал, что дальше нельзя, здесь стреляют, дальше противник.

Здесь же, в домике шоссейных рабочих, стоит рота из полка Виллальба. Местный капитан, пожилой и толстый, остался очень недоволен нашим желанием пройти по передней линии, он предложил вместо этого пообедать. Обед будет чудесный — баранина уже жарится на углях, вино — изумительное, фруктов таких нигде не сыскать.

— Кто ваш противник?

— Мятежники.

— Конкретно кто, где, какие силы, сколько орудий, пулеметов, есть ли кавалерия?

Капитан пожал плечами. Противник потому и называется противником, неприятелем, энемиго, что не сообщает о своем расположении, о своих силах. Иначе он был бы не неприятель, не энемиго, а приятель, амиго!

Все кругом засмеялись познаниям и остроумию капитана.

— А разведки вы не делали?

Нет, капитан не делал разведки. Хотя один солдат ходил охотиться на диких кроликов и говорит, что слева у мятежников есть пулеметы, они в него стреляли. Если синьору хочется, парня можно расспросить поподробнее; капитан сам давно собирался это сделать. Стали искать парня, но он, оказывается, уехал в Лериду, у него заболела сестра. Тем временем дело все-таки подходит к обеду. Обед в самом деле отличный, сидят по-демократически, все вместе, все чинно прислушиваются к любезной беседе, которую переводит Марина; капитан хвалит Красную Армию, а я хвалю испанскую. Капитан объясняет, что он уже тридцать лет на военной службе, что он всегда был и всегда будет предан правительству. Он не может понять, как так люди могли выступить против правительства. Мало ли что правительство им не нравится — это еще не резон против него восставать. Правительство есть правительство... Горы ароматной баранины постепенно тают. Меня учат пить из поррона, направляя струю вина прямо в раскрытый рот; всех смешит мое неумение. Они поражены, узнав, что в России нет порронов и что там умеют пить только из стаканов.

После обеда капитан исчез — солдаты показали жестами, что он отправился на боковую. Они, видимо, очень довольны таким отцом-командиром; через Марину объяснили, что он хороший человек.

Мы с Хименесом вышли за сторожевое охранение и поползли вперед. Солдаты не удерживали нас. Метров через сто надоело ползти — пошли на корточках, потом в рост. Кругом тишина, безлюдье, ветер. Так прошли около трех километров, натолкнулись на телегу без лошадей, больше ничего, тихо. Хименес рассмотрел в мой бинокль холмы кругом — еще на два-три километра никаких огневых позиций. Может быть, противник за этой грядой, а может быть, и дальше. Вернулись, стали втолковывать охранению, что противника нет по меньшей мере километра на четыре. Они подтвердили. Марине солдаты тоже сказали, что знают, что противник далеко, но что наступать на него нельзя, потому что на то нет ордена (приказа) из центра.

Мы направились севернее, к деревне Сиетамо, накануне захваченной у фашистов, в шестой раз. Деревня чернела старыми каменными домами в седловине гор.

Уже в темноте мы поднялись на седловину. В Сиетамо стоит хорошо вооруженный рабочий отряд. Люди пришли из Барселоны, они — участники июльских боев, обстрелянные, спокойные ребята. Командир колонны, Сантос, каменщик, работал еще недавно на юге Франции. При нем есть советник, молодой лейтенант. Военных специалистов здесь называют «техники». Мне показали двух убитых в утренней перестрелке. Одному пуля вошла в голову, над ухом, другому в крестец. Оба — похожие друг на друга, небольшого роста худенькие парни, почти мальчишки. У одного в руке сжат белый платок. Это первые мертвецы, которых я увидел в испанской гражданской войне.

Завтра утром колонна хочет занять две высоты, господствующие со стороны мятежников над Сиетамо. Мы с Хименесом легли спать в древнем крестьянском доме, на каменных скамьях, на ко-

жанных тюфяках. Из пустой бочки кисло и дурманяще пахло вином.

Проснулись от взрыва и перестрелки. Вскочили на ноги, схватились за винтовки. Я вбежал в соседнюю горницу, осветил Марину спичкой, она крепко спала, одетая, вытянув длинные ноги, улыбаясь по-детски. При первом оклике встала, ничего не спросила, взяла в руки тяжелое свое ружье. Я открыл ворота настежь, поставил машину на выезде, посадил девочку на заднее сиденье.

Вдоль улочки шла стрельба. Перебежками мы с Хименесом пробрались вперед. С колокольни кто-то, видимо, наш, швырялся гранатами через крыши. Грохот отчаянный. Вопли. Это оруд фашисты — их леденящий душу крик очень влияет на наших бойцов. Вдруг, чуть не ударившись лбами, мы столкнулись с Сантосом. Он в двух словах объяснил: караул задремал, фашисты перерезали его и заняли, видимо, небольшим отрядом округан деревни. Теперь надо отрезать этот авангард, пока к нему не подошли подкрепления.

Бой длился еще около часа. Загорелся стог сена, около него звонко затрещало и заискрилось оливковое дерево. Наконец стрельба с той стороны совсем утихла. Маленькими группками, пользуясь светом луны, начали прочищать край деревни. Нашли только двух убитых фашистов, в форме «терсио», иностранного легиона. У одного ручной гранатой совсем обезображено, сорвано лицо; возможно, он размахнулся гранатой и ударил ею нечаянно в стенку дома против себя: улицы здесь очень узкие.

Поставили новые караулы и пошли разогреть кофе. Мы убеждали Сантоса тотчас же сделать контратаку, но он говорит, что люди не привыкли драться ночью.

Невыспавшиеся, злые, в пять часов утра мы сели в машину.

13 АВГУСТА

Проселочными дорогами, в густых облаках тяжелой, едкой пыли, мы едем вдоль фронта вниз, к Тардиенте. Дороги не все поименованы, крестьяне в деревнях советуют быть осторожными —

очень легко незаметно заехать к мятежникам, — с нашей стороны непрерывной линии охранений нет. Из-за этого мы несколько раз кружим, возвращаемся и подолгу стоим на перекрестках.

Наконец Тардиента, оживленный городок, масса солдат, повозки, боеприпасы, уйма автомобилей и автобусов, железнодорожная станция, бронепоезд на путях.

Мы находим штаб милиционных частей, здесь вдруг трогательная встреча — Марина видит своего брата Альбера. Небольшого роста, хрупкий, легкий, он очень в пару сестре. Был портным, а теперь хочет стать командиром, и уже командир, — он член военного комитета тардиентской колонны, он командует отдельными подразделениями и ходит с ними в бой. Он весел и даже шутив — редкость для каталонца.

Колонна велика, — несколько тысяч человек, в том числе несколько сот иностранных добровольцев. Есть батальоны имени Карла Маркса, Тельмана, Чапаева. Колонной руководит комитет, его исполнительный орган — тройка в составе кадрового офицера («текнико»), социалиста дель Баррио и коммуниста Труэвы. Все они держатся дружно, весело, по-молодому. Нас они встречают с энтузиазмом и сейчас же, целой толпой, ведут все показывать.

У Ангиса кадровые части не приближаются к противнику и фактически не воюют с ним. Здесь, наоборот, все слишком вынесено в первую линию. Высокий бетонный акведук служит основным укрепленным рубежом. Акведук — в зоне обстрела противника. На нем и под ним тардиентовцы расставили пулеметы и минометы. Но этим и исчерпывается вся глубина обороны. В пятидесяти шагах — уже сама деревня, казармы, штаб, склады боеприпасов. Противовоздушной обороны и наблюдения никакого нет.

Все-таки здесь много смелости, отваги, инициативы и преданности борьбе. По утрам на площади обучают новичков строю, мелкой тактике, ружейным приемам. В кружках учат стрельбе и сборке пулемета. Каждый день ходят в разведку и с чем-нибудь возвращают-

ся — с пленным, с винтовкой, с продовольствием. Среди бойцов — большая политраба, каждый день митинги, каждый день газеты, есть радио, кино. У всех стремление учиться военному делу, жадность к военным знаниям и страшная досада на недостаток их. Хименес обласил пулеметные посты и артиллерийские позиции, затем сел у подоконника, попросил бумаги, вынул цветные карандаши, надел очки и сделал простенькие, но тщательные кроки — более целесообразное расположение орудий и пулеметных точек. Это привело все руководство в восторг, Хименеса обнимали, и даже кадровый офицер, единственный «текнико» в Тардиенте, довольно ревнивый, посмотрев, сказал, что вполне одобряет.

На кладбище заравнивают и забрасывают камешками свежую могилу. Оказывается, вчера случилась история. Трое товарищей повезли в Барселону деньги и ценности, собранные крестьянами на антифашистскую борьбу. В деревне Монсон какие-то местные болваны задержали их, не разобрались в документах, обыскали, нашли много денег, тут же расстреляли всех, как фашистов, вывозящих ценности, — торжественно явились сюда же, в Тардиенту, со своей добычей. Их судили, но простили — полуграмотные крестьяне, думали сделать, как лучше... Товарищей хоронят пока безымянно, могилу маскируют — кто знает, в чьих руках может еще оказаться Тардиента.

В колонне — большинство рабочих, но большая прослойка интеллигенции — инженеры, юристы, студенты. Здесь и два тореадора — они быстро обучились метать ручные гранаты. Профсоюз тореадоров в Мадриде мобилизовал себя в распоряжение правительства, торреро храбро дерутся против фашистов. Впрочем, торреро города Севильи отдали себя в распоряжение генерала Кейпо де Льяно.

Под вечер начинают медленно перестреливаться пушки. В местном трактире начинается общее собрание крестьян. Вторичное собрание, потому что вчера уже было собрание по тому же вопросу. Несколько анархистов собрали

крестьян и объявили Тардиенту колхозом. Им не возражали, но наутро возникли споры и ропот, группа пошла к Труэве и попросила его, как военного комиссара, разобраться в этом деле.

Очень острые и сложные вопросы сейчас — это о распределении земли и урожая, о формах хозяйства. Почти поуюду земля, конфискованная у фашистских помещиков, распределяется между беднейшими крестьянами и батраками. Урожай с помещичьих полей убирают совместно крестьяне и батраки и делают соответственно труду каждого, участвовавшего в уборке. Иногда делят по семейному признаку, по числу едоков. Но в прифронтовой полосе появилось несколько групп анархистов и троцкистов. Они добиваются, во-первых, немедленной коллективизации всех крестьянских хозяйств, во-вторых, реквизиции урожая с помещичьих полей в распоряжение сельских комитетов и, в-третьих, конфискации земли у средних крестьян, имеющих по пять-шесть гектаров. Приказами и угрозами было создано несколько подобных коллективов.

Низкая зала с каменным полом и деревянными столбами набита доотказу. Тлеет керосиновая лампа — ток берегут для кино. Крепкий дух кожи и крутого канарского табаку. Если бы не триста черных беретов, не бумажные веера у мужчин, можно бы поверить, что мы в кубанской станице.

Труэва произносит небольшую вступительную речь. Он разъясняет, что борьба ведется против фашистских помещиков, за республику, за свободу крестьян, за их право устраивать свою жизнь и труд по своему усмотрению. Никто не может навязывать арагонским крестьянам свою волю. И в отношении колхоза — это дело могут решить только крестьяне, никто, кроме них, никто за них. Колонна, в лице военного комиссара, может только обещать, что оградит крестьян от чьих бы то ни было насильственных мероприятий.

Общее удовлетворение. Крики «муй бьен» (очень хорошо).

Из залы спрашивают Труэву, не коммунист ли он. Отвечает, что да, коммунист, вернее, член Объединенной

каталонской социалистической партии, но что это сейчас не имеет значения, потому что он здесь представляет военную колонну и весь народный фронт.

Он невысокого роста, коренаст, крепок, был горняком, затем поваром, сидел в тюрьме, молод, одет в полувойсковую форму с ремнями и пистолетом.

Поступают предложения: разрешить присутствовать на собрании только крестьянам и батракам Тардиенты. И другое предложение: присутствовать всем желающим, но говорить только крестьянам. Принимается второе.

Говорит председатель тардиентского синдиката (союз батраков и малоземельных крестьян, нечто вроде комитета бедноты). Он считает, что вчерашнее решение о коллективизации принято без участия большинства крестьян. Во всяком случае, оно должно быть еще раз обсуждено.

Одобрение собрания.

Голос из задних рядов заявляет, что вчера в табачной очереди очень ругали комитет. Он призывает вчерашних критиков выступить здесь. Буря в зале, протесты и одобрения, свист, крики «муй бьен». Никто не объявляется.

Крестьянин средних лет говорит смущенно, предлагает работать пока индивидуально, а там, после войны, вопрос встанет опять. Одобрения. Еще два оратора выступают с тем же.

Спор о разделе урожая этого года на конфискованных землях. Одни требуют раздела поровну, по дворам, другие — чтобы синдикат распределил по степени нуждаемости, по едокам.

Есть еще урожай, не скошенный из-за военных действий. Молодой парень выступает с предложением: пусть каждый скосит себе пшеницы, сколько сможет, за свой страх, под огнем фашистов. Кто больше рискнет своей шкурой, тот больше и получит. Это встречает одобрение. Но вмешивается Труэва. Он считает предложение недостойным. «Мы все братья и не станем подвергать друг друга опасности из-за мешка зерна». Он предлагает собрать урожай в обстреливаемой зоне сообща, а военная колонна будет охранять крестьян. Зерно разделить по количеству затраченного труда

и нужде. Собрание склоняется на сторону Труэвы.

Уже восемь часов, и дело идет к концу. Но новый оратор нарушает равновесие. Взволнованными, страстными словами он убеждает жителей Тардиенты перестать быть эгоистами, начать делить все поровну, — не для этого ли ведется эта кровавая война. Надо подтвердить вчерашнее решение и сейчас установить свободный коммунизм. Надо конфисковать землю не только у помещиков, но и у богатых и у средних крестьян.

Крики, свист, ругань, хлопки, возгласы «муй бьен».

Вслед за первым еще пять анархистских ораторов идут в атаку. Собрание растеряно, часть хлопает, часть молчит. Все устали. Председатель синдиката предлагает голосовать. Первый анархист выступает против: разве такие вещи решаются голосованием! Здесь нужен порыв, единое стремление, вихрь, вдохновение. При голосовании каждый думает о себе. Голосование — это эгоизм. Не надо голосования!

Крестьяне смущены, шумные фразы обжигают их, и, хотя подавляющее большинство настроено против анархистского оратора, восстановить порядок и голосовать невозможно. Собрание пошло под откос.

Сейчас уже ничего нельзя сделать. Но Труэва вдруг находит выход. Он предлагает: так как сейчас трудно договориться, то пусть все, кто хочет хозяйствовать индивидуально, — пусть хозяйствует. Кто же хочет создать коллектив, пусть придет сюда завтра в девять часов утра на новое собрание.

Это нравится всем. Анархисты расходятся огорченные.

Ночью в маленьком театрике при раскаленном внимании идет кинофильм. У зрителей черные береты надвинуты низко на брови, глаза расширены. Василий Иванович Чапаев в широкой бурке мчит по холмам, и холмы похожи на здешние, арагонские. Черные береты жадно следят, как Василий Иванович объединяет приуральских крестьян против помещиков и генералов, как он бьет своих, русских фашистов, тоже похожих

на здешних, испанских... Василий Иванович готовится по карте к завтрашнему бою, а Петьке не спится, он разглядывает с полатей своего командира:

— Гляжу я на тебя, Василий Иванович, и думаю: непостижимый ты для моего разума человек. Наполеон! Чистый Наполеон.

Он спрашивает Чапаева — мог ли бы он командовать в международном масштабе. И Василий Иванович, смущаясь, отвечает:

— С языками у меня плоховато.

Но он недооценивает себя. Язык Василия Ивановича стал понятен всему миру. Большевиками-командирами, Ворошиловым, Чапаевым, гордятся рабочие и крестьяне во всех странах — как символом рабочей боевитости и непобедимости. Теперь каждый народ воспитывает своих Ворошиловых, своих Чапаевых. Пусть они пока никому не известны — первая же схватка обнаруживает их. Наполеон? Здесь был Наполеон. Именно здесь сто двадцать восемь лет назад Наполеон осадил с несколькими тысячами солдат Сарагосу. Арагонские крестьяне и мастеровые заперлись в городе и отказались сдаться иностранным завоевателям. Восемь месяцев генерал Лефевр лез на крепостные стены, рыл подземные ходы, взрывал порохом отдельные дома — и через восемь месяцев, по приказу Наполеона, позорно снял осаду. Сейчас в Сарагосе заперся с семью тысячами солдат, с артиллерией и танками, старый генерал Кабанельяс, член фашистского правительства. Арагонские крестьяне, каталонские рабочие учатся у Чапаева защищать свои права. Смертельно раненый русский большевик тонет в реке Урал, похожей на реку Эбро. Но в ответ в зале гремит яростный клич:

— На Сарагосу!

В домике на площади заседает военный комитет. Под окнами молодежь поет песни. «Красный Веддинг» сменяет «Карманьолу», затем звенят незнакомые кастильские слова «Приамурских партизан». Сюда собрались люди со всего света — даже шведы, австралийцы, македонцы. Есть даже абиссинский негус,

не настоящий, конечно. Это один итальянец-рабочий отпустил себе бороду, подстригает ее, как негус. Он очень храбрый человек, не пропускает ни одной атаки, идет в бой обнаженный до пояса, с винтовкой и с навахой. Его все фотографируют на память, и он всем повторяет: «Надо, чтобы Муссолини это видел; пусть он видит, что я опять сражаюсь против него, не в Абиссинии, а здесь».

Вдруг суматоха, слышен рокот мотора. Тушат свет. Появляется самолет, очень маленький, просто авиетка. Она шныряет над Тардиентой, пока в нее не начинают наугад стрелять.

С ночлегом здесь туго, все переполнено. Меня послали на паровую мельницу. Хозяин был видным здешним фашистом, его расстреляли. В спальне его, уже порядком замусоренной, встретил пожилой, с совершенно черным от небритости лицом, человечек. Это репортер барселонской газеты «Публицитад». Он вынул из заскорузлого бумажника визитную карточку и подал мне. Я сделал то же. Мы церемонно поклонились друг другу и, не сказав ни слова, тотчас же улеглись вместе в единственную грязную кровать.

14 АВГУСТА

Проснулся в кровати мукомола, одетым, обнявшись с заросшим человечком. Коллега-журналист тотчас же засуетился, поправил на шее ветхий воротничок, ушел и вернулся с солдатским котелком кофе, с большим куском хлеба. Труэва, Альбер и Марина пришли разделить завтрак. Я сказал, что хочу поехать в Бухаралос, к Дурутти. Труэва предложил сопровождать, он хочет посмотреть анархистскую колонну.

На утреннее собрание по коллективизации пришло только шестеро крестьян.

За два часа езды по проселкам мы опять покрылись толстым слоем мучнистой известковой пыли. Опять останавливались и проверяли дорогу — она идет в трех-четыре километрах параллельно фронту. Противник тоже путается в здешних дорожках. Этой ночью крестьянский патруль окликнул машину: «Кто едет?». Бойкий ответ: «Фа-

ланха эспаньоль!». Крестьяне дали огонь, перебили всех пассажиров, среди них фашистского полковника.

Бухаралос весь увешан красно-черными флагами, заклеен декретами за подписью Дурутти или просто плакатами: «Дурутти приказал то-то и то-то». Городская площадь называется «Площадь Дурутти». Сам он со штабом расположился на шоссе, в домике дорожного смотрителя, в двух километрах от противника. Это не очень-то осторожно, но здесь все подчинено показу демонстративной храбрости. «Умрем или победим», «Умрем, но возьмем Сарагосу», «Умрем, покрыв себя мировой славой» — это на знаменах, на плакатах, в листовках.

Знаменитый анархист встретил сначала невнимательно, но, прочтя в письме Оливера слова: «Москва, Правда», сразу оживился. Тут же, на шоссе, среди своих солдат, явно привлекая их внимание, он начал бурный полемический разговор. Его речь полна мрачной фанатической страстности:

— Может быть, только сотня из нас останется в живых, но эта сотня войдет в Сарагосу, уничтожит фашизм, подымет знамя анархо-синдикалистов, провозгласит свободный коммунизм... В Сарагосе много коммунистов, они ждут нас. Я войду в Сарагосу первым, провозглашу там свободную коммуно. Мы не будем подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, ни Асанье, ни Хиралю, ни Компанису, ни Казановасу. Хотят — пусть живут с нами в мире, не хотят — мы пойдем на Мадрид... Мы покажем вам, большевикам, русским и испанским, как надо делать революцию, как доводить ее до конца. У вас там диктатура, в Красной Армии заведены полковники и генералы, у меня в колонне нет ни командиров, ни подчиненных, мы все равны в правах, все солдаты, я тоже здесь только солдат.

Он одет в синее холщевое моно (комбинезон), шапка сшита из красного и черного сатина; высок, атлетического сложения, красивая, чуть седеющая голова, властен, подавляет окружающих, но в глазах что-то чересчур эмоциональное, почти женское, взгляд иногда ране-

ного животного. Мне кажется — у него недостаток воли.

— У меня никто не служит из-за долга, из-за дисциплины, все пришли сюда только из-за желания бороться, из-за готовности умереть за свободу. Вчера двое попросились в Барселону повидать родных — я у них отнял винтовки и отпустил совсем, мне не надо таких. Один сказал, что передумал, что согласен остаться, — я его не принял. Так я буду поступать со всеми, хотя бы нас осталась дюжина! Только так может строиться революционная армия. Население обязано помогать нам, ведь мы боремся против всякой диктатуры, за свободу для всех! Кто нам не поможет, того мы сотрем с лица земли. Мы сотрем всех, кто преграждает путь к свободе! Вчера я распустил сельский совет Бухаралоса — он не помогал войне, он преграждал путь к свободе.

— Это все-таки пахнет диктатурой, — сказал я. — Когда большевики во время гражданской войны иногда распускали засоренные врагами народа организации, их обвиняли в диктаторстве. Но мы не прятались за разговоры о всеобщей свободе. Мы никогда не прятали диктатуры пролетариата, а всегда открыто укрепляли ее. И затем — что это может получиться у вас за армия, без командиров, без дисциплины, без послушания? Или вы не думаете воевать всерьез, или вы притворяетесь, у вас есть какая-то дисциплина и какая-то субординация, только под другим названием.

— У нас организованная недисциплинированность. Каждый отвечает перед самим собой и перед коллективом. Трусов и мародеров мы расстреливаем, их судит комитет.

— Это еще ничего не говорит. Чья это машина?

Все головы повернулись, куда я указал рукой. На площадке у шоссе стояло около пятнадцати автомобилей, большей частью изломанных, потертых «Фордов» и «адлеров», среди них роскошная открытая «испано-суиса», вся блистающая серебром и щегольской кожей подушек.

— Это моя, — сказал Дурутти. — Мне пришлось взять более быстроходную, чтобы скорее поспевать на все участки фронта.

— Вот и правильно, — сказал я. — Командир должен иметь хорошую машину, если можно ее иметь. Было бы смешно, если бы рядовые бойцы катались на этой «испано», а вы в это время ходили бы пешком или тащились бы в разбитом фордике. Я видел ваши приказы, они расклеены по Бухаралосу. Они начинаются словами: «Дурутти приказал».

— Кто-нибудь да должен же приказывать, — усмехнулся Дурутти. — Это проявление инициативы. Это использование авторитета, который у меня есть в массах. Конечно, коммунистам это не могло понравиться... — Он покосился на Труэву, который все время держался в стороне.

— Коммунисты никогда не отрицали ценности отдельной личности и личного авторитета. Личный авторитет не мешает массовому движению, он часто сплачивает и укрепляет массы. Вы командир, не притворяйтесь же рядовым бойцом, — это ничего не дает и не усиливает боеспособности колонны.

— Своей смертью, — сказал Дурутти, — своей смертью мы покажем России и всему миру, что значит анархизм в действии, что значат анархисты Иберии.

— Смертью ничего не докажешь, — сказал я, — надо доказать победой. Советский народ горячо желает победы испанскому народу, он желает победы анархистским рабочим и их руководителям так же горячо, как коммунистам, социалистам и всем прочим борцам с фашизмом.

Он повернулся к окружавшей нас толпе и, перейдя с французского на испанский язык, воскликнул:

— Этот товарищ приехал, чтобы передать нам, бойцам НКТ — ФАИ, пламенный привет от российского пролетариата и желание победы над капиталистами. Да здравствует НКТ — ФАИ! Да здравствует свободный коммунизм!

— Вива! — воскликнула толпа. Лица стали веселые и гораздо дружелюбнее.

— Каковы же дела? — спросил я.

Он вынул карту и показал расположение отрядов.

— Нас держит железнодорожная станция Пина. Поселок Пина — в наших руках, а станцию держат они. Завтра-послезавтра мы перейдем Эбро, двинемся к станции, очистим ее, тогда правый фланг у нас будет свободен, мы займем Кинто, Фуэнтес де Эбро и подойдем к стенам Сарагосы. Бельчите сдастся само — оно окажется окруженным у нас в тылу. А они, — он кивнул на Труэву, — они все еще возьматся с Уэской?

— Мы готовы подождать с Уэской, поддержать ваш удар с правого фланга, — скромно сказал Труэва. — Конечно, если ваш удар серьезный.

Дурутти молчал. Потом нехотя откликнулся:

— Если у вас есть желание — помогите, нет желания — не помогайте. Сарагосская операция — моя, и в военном, и в политическом, и в военно-политическом отношении. Я за нее отвечаю. Дав нам тысячу человек, думаете ли вы, что мы станем делить с вами Сарагосу? В Сарагосе будет или свободный коммунизм, или фашизм. Берите себе всю Испанию — оставьте меня с Сарагосой в покое.

Потом он смягчился и стал беседовать без колкостей. Он увидел, что к нему приехали без злых намерений, но на резкости будут отвечать не менее резко. (Здесь, несмотря на всеобщее равенство, с ним никто не смеет спорить.) Он много и жадно расспрашивал о международном положении, о возможностях помощи Испании, по военным, по тактическим вопросам, расспрашивал, как велась политработа в гражданской войне. Он сказал, что колонна хорошо вооружена и имеет много боеприпасов, но очень трудно с управлением. «Текнико» имеют только совещательные функции. Все решает он сам. По его словам, он произносит в день около двадцати речей, это изнуряет его. Строевых занятий ведется очень мало,

бойцы не любят их, а ведь они неопытны, дрались только на улицах Барселоны. Довольно сильное дезертирство. Сейчас в колонне осталось тысяча двести человек.

Он вдруг спросил, обедали ли мы, предложил дожидаться, пока привезут котел. Мы отказались, не желая отнимать порции бойцов. Тогда он дал Марине записку.

Прощаясь, я искренно сказал:

— До свидания, Дурутти. Я приеду к вам в Сарагосу. Если вас не убьют здесь, если вас не убьют в драке с коммунистами на улицах Барселоны, вы, может быть, лет через шесть станете большевиком.

Он усмехнулся и тотчас же повернулся широкой спиной, заговорив с кем-то, случайно стоявшим.

В Бухаралосе в амбаре нам по записке выдали роскошный паек: коробку сардин, три большие головки сладкого валенсийского лука, помидоров, хлеба, копченого мяса и живую курицу. В первом же крестьянском доме устроились на обед: курицу подарили хозяйке, она же сделала нам салат и принесла воды. Вода здесь горькая, в нее подсыпают чуть-чуть сахара. Хозяйкина дочь разгуливает в анархистском колпаке, отец, батрак, ушел воевать.

Мы простились с Труэвой и остаток дня ехали. Ночью — опять кипящая, бессонная, в огнях Барселона. Ловили фашистский автомобиль. Он уже третью ночь носится (или их несколько?) по городу, обстреливает и убивает прохожих, вчера обстрелял булочников, шедших с работы.

15 АВГУСТА

Сегодня пропащий день, — первый пропащий со дня отлета из Москвы, — но, наверно, не последний. В восемь утра послал Марину на телеграф, узнать, проходила ли ночью моя большая телеграмма из Лериды. Через полчаса она звонит: телеграмма дошла до Барселоны — и дальше не идет, есть какой-то новый декрет правительства о цензуре заграничных телеграмм. Поехал на телеграф — огромное здание; началось хождение и митингование по всем

коридорам, разговоры по-каталонски, по-испански, по-французски, по-английски, — это кошмарные нескончаемые разговоры с испанскими чиновниками, пытка, равной которой нет ни в какой другой стране. Каждый новый вступающий в беседу необычайно любезен, активен и прост; об'ясняет, что вопрос — пустяковый, уладить его можно мигом, он уладит сам. Начинается обмен благодарностями, похлопывание по плечу. Затем он вас куда-то ведет, входит в чей-то кабинет, выходит слегка потускневший и в сопровождении следующего. Они яростно галдят, спорят, потом вдруг сговариваются и любезно предлагают притти завтра. Вы настаиваете, они раздумывают и ведут к третьему. Третий опять бурно любезен, — опять хлопанье по плечу, и опять все сначала. В общем, все зависит от начальника телеграфа. Но старый начальник третьего дня сменил, а новый еще не приступил к работе и, говорят, очень строгий.

Отправился искать протекцию. Сначала к Коморере, затем к Эспанье, члену правительства по внутренним делам. Во дворе и в доме куча народу, жандармы, полиция, но Эспаньи нет, уехал завтракать.

Поехал к Казановасу. Он здесь во дворце, но у него заседание. Я согласен ждать до конца заседания. Секретарь очень любезен, ему, кстати, нечего делать. Он показывает дворец, потом картины, потом гобелены, потом библиотеку. Заседание идет. Слышен львиный и тигровый рев из зоологического сада. Идут часы. Хочется рычать вместе со львами.

Наконец правительство выходит. Казановас жмет руку, показывает на Эспанью: «Он вам все устроит». Исчезает. Эспанья: «Да, да, не беспокойтесь, все будет улажено. Знакомьтесь, это наш комиссар прессы, он все сделает». Исчез. Комиссар прессы: «Подождите меня здесь, я через минуту вернусь». Исчез. Все исчезли. Десять, двадцать минут. Никого. Слуги убирают... Комиссар прессы все-таки вернулся: «Приезжайте через два часа в управление внутренних дел — правительство к

этому времени договорится с телеграфом». Оставил визитную карточку. Его зовут Хоаким Вила-и-Биса. Исчез.

Ровно через два часа, как из пушки, приехал в управление внутренних дел. Где комиссар прессы, синьор Хоаким Вила-и-Биса? Его нет. Когда будет? Неизвестно. Но все-таки?! Он работал всю ночь и, вероятно, будет спать до трех. Но ведь я уже его видел! Все равно, сейчас, наверно, отсыпается. Где он живет? Вот адрес. Еду по адресу. Хоаким раздет, бреется, бодро настроен. Дал мне еще раз карточку с рекомендацией к начальнику аппаратного отделения на главном телеграфе. «Он вам протолкнет. И знаете, почему? Он коммунист. Для «Правды» он сделает все».

Опять на телеграф. Начальник аппаратной готов протолкнуть — тем более, что корреспонденция была сдана в Лериде и накануне запрета. Но — нужна виза начальника телеграфа. А начальник новый, он еще не принял дел, очень осторожен, с ним ничего не выйдет. Разве что прямое распоряжение из Мадрида.

Опять у разбитого корыта, — все провалилось. Вчера начальника не было, сегодня у его дверей сидят два седых цербера в галунах. Видимо, очень большой бюрократ. Ладно, терять нечего, пойдем... В огромном кабинете оказался парень лет двадцати двух, рабочего вида, веселый и простой. Пропустить телеграмму? Пожалуйста. Он мгновенно накладывает визу. Он сожалеет, что вчера не приступил к работе, — телеграмма ушла бы вчера.

Остаток дня Марина показывала места боев, пункты главных схваток. Немногословно, вежливо, она рассказывает: их было трое — она, брат Альбер и друг. Вместе росли, вместе играли, вместе вступили в комсомол. Девятнадцатого июля вместе взяли по винтовке и пошли на баррикады у Пласа дель Колон. Друга убило четырьмя пулями в живот. Он упал между братом и сестрой. Альбер достал учебник тактики и пехоты и ушел под Сарагосу, Марина стала машинисткой в военном комитете. Иногда она отворачивается, заби-

вается в угол и долго сидит лицом к стене. Когда я ее окликаю, она объясняет:

— Вам, как русскому товарищу, я могу сказать открыто: мы все здесь слишком сентиментальны. Это огромный недостаток! Мы ужасно сентиментальны!

Хулио Хименес Орге не едет в Мадрид. Сегодня приехал Альбер, специально по поручению Труэвы и всей тардиентской колонны, — просить Хименеса вернуться к ним, как военного советника и начальника артиллерии. Он решил принять это предложение — ребята хорошие, способные, храбрые. К тому же Хименес робеет перед большими штабами. Военные знания его несколько устарели, они относятся к девятьсот шестнадцатому году. Для поднятия авторитета он хотел купить себе стэк; я отговорил и подарил ему желтые лайковые перчатки. Он сказал, что это тоже как-то придает авторитет.

Тревожные известия из Мадрида. Мятельники взяли город Бадахос. Это даст им возможность соединить два своих, до сих пор изолированных, района — южный и северный.

16 АВГУСТА

Утром поехал в Прат на аэродром, в дороге сломал правую ключицу и вывернул ступню. Был твердо уверен, что так произойдет, думал только, что это будет позже и в менее умеренной форме. Вчера утром у меня взяли машину, — она понадобилась кому-то для поездки в Валенсию, — и дали другую, уже с шофером; роскошную новенькую «испано-сису» с серебряными инкрустациями внутри; только правая дверца оторвана и лихо привязана старой веревкой. Шофер Хосе, молодой парень с нежным, тихим лицом и глазами газели, ездит, как все здесь, то-есть как буйно-помешанный. Уже вчера, при переездах от дворца на телеграф он делал кривые, от которых приходили в голову мысли о бренности всего земного. Развернувшись с глубоким заездом на тротуар, давая народ, он считает самым богоугодным делом... Сегодня на шоссе, на скорости девяносто, не сбав-

ляя хода, обгоняя телегу с ослами, он сделал чудовищный виток между встречным грузовиком и второй телегой. Лимузин грохнуло о громадный платан, кузов вогнулся, как уголок конверта. Спутницу мою хлестнуло по руке хрустальными осколками, сразу залило кровью белый резиновый плащ. Она выскочила вся в крови, оставив туфли в машине, я — держась за плечо и шею. Сейчас же толпа, ахи, охи, откуда-то карета Красного Креста. Нас берут в карету. Машу обматывают ватой, бинтами, везут и... И затем — этому никто на свете не поверит, это трюк из дешевого приключенческого фильма — ровно через две минуты, через три километра, санитарную карету, которая тоже мчит-ся на скорости сто, заносит на мостике, и она валится с высокого откоса вниз...

Все целы и уныло посмеиваются. Вдруг на шоссе, вихляя, появляется наша «испано» со скомканным кузовом. Выходит Хосе, спускается по откосу, смотрит на санитарного шофера уничтожающим взглядом, забирает нас, своих пассажиров. Едем в Прат — там сначала в гараж, сказать, что санитарная машина в канаве, затем к местному хирургу, в маленькую частную клинику. Хирург нескончаемо долго и усердно выковыривает стекло из руки, Маша улыбается сквозь слезы. Хосе тоже проперся вовнутрь, он смотрит, оцепенев, на операцию и вдрут, закрыв лицо руками, ложится на кушетку. Он, оказывается, не выносит вида крови: «Сой нервиосо» (я нервный)...

В Прате самолетов на Мадрид нет. Вернее, нет испанских и французских самолетов. Правительственный «дуглас» с дипкурьерами летает раз в неделю. А вот германский «юнкерс» все еще ходит, оборачивается каждый день Мадрид — Париж и обратно, все еще возит пассажиров-немцев, грузы, пакеты, какие-то машины. Никто пока не решился расторгнуть договор с «Люфт-Ганза».

Эскадрилья Андре уже вся в Мадриде. Гидез задержался с поручениями здесь. Он резв, мил, насмешлив. Он рассказывает: проезжая через маленькую площадь Прата, под огромным по-

лотником «Виска Сандино!», он спросил у местного жителя, кто повесил эту надпись. Местный житель удивился его наивности. «Как, кто? Сандино!».

Сообщение о фашистской атаке на Тардиенту. Мятежники начали с воздушного налета, затем послали в атаку пехоту, поддержанную артиллерией. Их отбили подметами, ленточными гранатами и врукопашную. Отлично дрался батальон имени Маркса. При одном из убитых фашистов нашли неотправленное письмо: «Завтра идем в Тардиенту бить абиссинцев и обедать». Мятежники называют себя итальянцами, правительственные войска — абиссинцами.

В газете «Публиситад» — длинная телеграмма от коллеги-журналиста об одержанной победе. Она кончается сообщением: «Корреспондентский пункт нашей газеты в Тардиенте (речь о спальне расстрелянного мукомола) стал постоянным местом посещения виднейших политических деятелей. Так, вчера нам нанес визит представитель большевистской газеты «Правда».

17 АВГУСТА

До сегодняшнего дня — никаких известий, информации из Москвы. Здешняя печать поглощена целиком внутренними делами.

И вдруг сегодня во всех газетах — снимки московских демонстраций в честь испанского народа и еще большое фото: улыбающийся, счастливый, победивший Чкалов стоит рядом со Сталиным, Ворошиловым, Кагановичем.

Это оживило день, а то тоскливо было бездейственно лежать с подломанной ключицей. И самолета на Мадрид нет, и новости с фронта неважные.

18 АВГУСТА

Поутру, на английской машине «драгон», крайне обветшалой, улетели из Барселоны. Перед отлетом — совещание пассажиров с пилотом и французским директором аэродрома, как лететь в Мадрид: кругом, берегом, через Валенсию, или напрямик, над территорией мятежников?

Пассажиров — восемь, все разной национальности, незнакомы, все подозри-

тельны друг другу, все подозрительны пилоту, и пилот подозрителен всем. Неизвестно, откуда он, его ли самолет и откуда самый самолет. Все устроились лететь через директора аэродрома. Директор, веселый краснощекий господин, знает все, но не объясняет ничего. Ко всем у него одно и то же обращение: «Мой бедный друг».

В результате долгого спора принято решение, в согласии с пилотом: лететь напрямик, с тем, чтобы над территорией мятежников подняться не менее чем на две с половиной тысячи метров. Самолет плотно загружают неопределенного вида поклажей, между ящиками и чемоданами набиваются люди.

Летим сначала побережьем, затем на юго-запад. Через сорок минут подходим к горным цепям. От жары и потоков воздуха в ущельях очень болтает. Чемоданы начинают раз'езжать внутри кабины... Вот Сиерра Кукалон, Сиерра Кудар, Сиерра Альбарасин. Здесь южная часть занятой мятежниками арагонской провинции. Скоро начнется Новая Кастилия. Летим час. До Мадрида еще час. Но пилот вдруг меняет курс. Вместо Гвадалахары мы поворачиваем на восток. Горы утихают, сменяются волнистыми холмами, затем равниной. Отчего? Мы летим в Валенсию. Почему? Нехватает бензина. Но ведь до Мадрида — такое же расстояние! И зона мятежников уже пройдена на три четверти! Впрочем, здесь трудно вступать в пререкания. Еще час полета, — на неозримом, геометрически четком узоре оливковых рощ — голубая, зеленая, розовая, в светлой дымке, Валенсия.

На аэродроме представитель «гардиасивиль» пробует проверить у прилетевших паспорта. Только пробует — большинство пассажиров в ответ вытаскивает документы более чем странного вида. Один пред'являет просто визитную карточку. Жандарм в раздумьи качает головой и отходит в сторону.

В аэропорту нет бензина, — пока его подвезут, можно с'ездить в город. Здесь все выглядит спокойно и мирно. Красивые площади с небоскребами изнывают от жары. На тротуарах под пальмами, за столиками, пьют кофе и вермут, слу-

шают радио. Иногда, обмакнув или по-слюнив палец, подымают вверх — нет ли ветерка с моря.

В порту и на рейде много судов, выгружается нефть, чугунные болванки, скот из Югославии.

К трем часам баки наконец полны. Вылетели. Быстро кончились чистенькие оливковые рощи на ровной багровой земле. Пошла суровая, выгоревшая, скалистая сьерра.

Старенький «драгон», обливаясь ручьями горячего масла, ползет вверх, по надгоры. Два моторчика «джипси» по сто семьдесят сил тужатся тащить восемь человек, пилота, механика и гору клади. А в Москве, в Ленинграде, повсюду на родине сегодня день авиации. По московскому времени сейчас восемнадцать часов. Сотни самолетов, тысячи парашютистов, десятки тысяч людей на Тушинском аэродроме. И эскадрилья имени Горького где-то сбрасывает тучи листовок. И свежо, есть чем дышать, не то, что в этом рыдване над кафельной каменной сковородкой.

Наконец на плоскогорьи, серой известковой массой, в облаке пыли, возникает Мадрид. Он кажется одиноким среди гор. Предместья его обрываются сразу. Мало зелени, только большое зеленое пятно леса Каса дель Кампо.

На аэродроме много народу, почти все военные. Бродит Андре — он устал, худ, взвинчен, не спал много ночей. Его отзывают то в одну, то в другую сторону, все управление эскадрилей происходит стоя, на ходу, в торопливых разговорах.

Мы едем в город — после Барселоны здесь спокойнее, обыденнее. Меньше декоративности, флагов, плакатов. Автомобили не измазаны огромными лозунгами, на улицах сравнительно нормальное движение. Сравнительно — имея в виду езду испанских шоферов.

Почти не видно разрушенных зданий. Много магазинов, закусовых, гостиниц, обозначено надписью «инкаутадо»; это те предприятия, которые взяты в государственное или профсоюзное управление.

Повсюду, как и в Барселоне, здесь властвует моно — синий холщевый

или бумажный комбинезон с застежкой «молния». Очень удобны альпартас — легкие белые полотняные тапочки на веревочной подошве. Раньше в этих кварталах Мадрида даже в самую страшную жару неудобно было показаться без пиджака, жилета, галстука, без шляпы. Сейчас вся столица разгуливает в моно и в альпартас, с непокрытыми головами, — милиционеры, разносчики воды, дамы, почтенные старцы.

19 АВГУСТА

Военное министерство — в самом центре города, на холме, в саду. Перед подъездом статуя «Большого капитана», Гонсалеса из Кордовы, знаменитого средневекового полководца. Лестницы, приемные и залы дворцового типа — мрамор, ковры, гобелены. К этому зданию пристроены более новые корпуса канцелярского типа — генеральный штаб.

Все залы полны народу, люди за столами, у телефонов, в групповых разговорах. Очень много штатских, особенно депутатов парламента. Они сидят здесь часами и целыми днями, выпрашивают, вытягивают, мольбами или протекциями, или угрозами, у министерства по 500 или 300, или 150 солдат, или винтовок, или пулеметов, или грузовиков для своего избирательного округа. Это считается проявлением патриотизма, преданности избирателям и даже военных талантов. И министерство, уступая нажиму, поторговавшись, раздает делегатам по 490 или по 275, или по 140 винтовок, солдат, грузовиков...

Военного министра Саравия куда-то вызвали. Вместо него беседую с премьер-министром, Хосе Хиралем. Это пожилой, чистенький, скромного вида человек, в докторских очках, с тугим крахмальным воротником. По основной профессии он ученый-химик, но в то же время активный левый республиканец, один из ближайших друзей президента Асани. Он старается не поддаваться стихийности обстановки, владеть собой и направлять события, хотя это плохо удается. По испанской привычке он, для разговора вдвоем, выводит меня на

балкон. Пять лет назад, через две недели после свержения династии Бурбонов, на этом же балкончике мы разговаривали с военным министром Асаньей.

Взятие Бадахоса не очень тревожит Хиралья. Чудовищна только резня, которую фашисты там устроили, этот кошмарный расстрел полутора тысяч рабочих, женщин, детей на площади для боя быков. Сомнительно, чтобы мятежникам удалось, даже со взятием Бадахоса, сомкнуть свой северный и южный фронты. На Гвадараме части держатся крепко. Единственное, что катастрофично, — это отсутствие оружия. Нужны самолеты, артиллерия, танки, а прежде всего — винтовки. Во имя бога, винтовки! Правительство обратилось ко всем нефашистским странам, оно просит оружия в Европе, в Северной и Южной Америке. Предлагает какие угодно цены и условия. Людей есть сколько угодно, храбрых, преданных добровольцев. Всюду формируются новые колонны. Нечем их вооружать. Основная и единственная забота правительства сейчас — это снаряжение. Сколько продлится война? Хираль думает, что это история на месяцы. Может быть, даже на полгода. Если было бы, вот сию минуту, под руками оружие — мятеж можно было бы ликвидировать в две-три недели. Германцы и итальянцы открыто подсылают мятежникам все виды снаряжения.

— Я, — сказал еще Хираль, — только-что беседовал с перебежчиками из Севильи — они сообщают о прибытии туда третьего дня нового поезда со снаряжением и боевыми припасами для всех родов оружия, при чем даже охрана поезда состояла из германских фашистов, именовавших себя «добровольцами»... Нам трудно возразить против деятельности французского правительства, которое пытается, впрочем безуспешно, договориться о международном нейтралитете в отношении Испании, хотя мы не понимаем, какой нейтралитет можно соблюдать, когда правительство, созданное законным образом, борется внутри страны с мятежниками. Но беда в том, что и такого нейтралитета по отношению к нам не существует. Каждый день мятежники получают из-за грани-

цы самолеты, винтовки, бомбы. На глазах у всех совершается наглое издевательство над международным правом. При таком положении подавить противника будет, чем дальше, тем труднее... Но все-таки мы его подавим. А потом, если вы не против, я поеду к вам посмотреть советскую химию и отдохнуть. Еще недавно моей самой большой мечтой было поехать в Советский Союз, познакомиться с вашими учеными, о которых я много слышал и среди которых надеялся найти друзей. Судьба сложилась так, что я как республиканец и демократ оказался во главе правительства, обороняющего республику, культуру и честь испанского народа от монархии, от реакции, от фашизма... У нас огромное чувство благодарности к советскому народу, к его правительству, к его профсоюзам за благородное отношение, за помощь нам в этот тяжелый момент...

Спрашивает, обеспечен ли я всем необходимым, нужны ли бумаги, пропуска, нужен ли автомобиль. Дает указания по почтовому ведомству — не задерживать телеграмм. Возвращается полковник Саравия, седой вежливый человек маленького роста. Он был у президента — тот целиком поглощен ходом военных действий, вникает в каждое передвижение частей, каждое оперативное распоряжение. Саравия хватается за телефон, начинает реализовать разговор с президентом. Штаба здесь, очевидно, никакого нет, средств связи и управления тоже нет, министр сам устанавливает связь с отдельными батальонами и колоннами, сам ими командует по телефону. Так далеко не уедешь.

Левые республиканцы из группы Асаньи все похожи на Хиралья и друг на друга. Это радикальные интеллигенты, очень образованные, по стилю — люди кабинета, но не кабинета министров, а ученого, профессорского кабинета; склонные к широчайшим обобщениям (вообще испанская черта), расплывчатые и медлительные в конкретных решениях. Все это пока дополняется какой-то внутренней решимостью: решимостью остаться с народом, проделать до конца взятую на себя миссию. Судь-

ба жестоко пошутила над спокойными докторами химии, археологами и литературоведами. Бросила их в котел гражданской войны, революции, интервенции. Они пока не противятся этой судьбе; они хотят, сколько хватает сил, бороться с фашизмом — в этом их, лево-радикальных буржуа, правильно понятая историческая роль и несомненная заслуга.

Но борьба все острее. Сегодня уже месяц с того дня, когда загремели первые фашистские выстрелы в казарме Ла Монтанья, а узел затягивается все крепче.

Это уже не мятеж только. Это война, и тылы обоих противников уходят очень глубоко. Франко заявил корреспонденту Рейтера: «Если мы победим, Испания будет управляться на корпоративных началах, на основе тех же принципов, что Германия, Италия, Португалия. Мы установим диктатуру, которая будет длиться столько, сколько это понадобится».

У Франко в тылу — миллиардер Хуан Марч, монахи с банковскими арифмометрами, гестапо, Троцкий со своей шайкой, японские самураи, арийские параграфы, итальянская касторка для рабочих, заводы Круппа, иступленный бред Мигэля Унамуно.

За тихим доктором химии Хиралем, радует это его или нет, в тылу — пролетарии и крестьянство Испании, радикальные китайские профессора и студенты, встревоженные чехословаки, британские лейбористы, черно-красные флаги Дурутти, антифашистский гнев и ярость рабочих кварталов всего мира.

В Италии, в Германии вызов не был принят. Рабочие не успели сговориться с крестьянством и с мелкой буржуазией, партии — между собой. Черная, коричневая чума подкралась внезапно, стремительно. Фашизм не может прийти к власти без мятежа, без насильственного разгрома. Даже получив избирательное большинство, Гитлер должен был, уже после прихода к власти, устроить мятеж, переворот, поджечь для этого рейхстаг, схватить парламентских деятелей — и вовсе не только из рабочих партий.

Здесь, именно здесь, в беспечной, медлительной, отсталой стране, у рабочего класса нашлась молниеносная хватка, стихийная организованность, чтобы схватить фашизм за горло, сразу поранить и окровавить его первым попавшимся под руку оружием, отбросить, пусть пока только из столиц, начать с ним борьбу. Здесь, впервые, вызов принят, и какая это будет борьба! Изуверства военщины и ответная ярость масс растут с каждым днем. Сколько здесь еще прольется крови!

Франция, безумная страна, чего ж ты ждешь? Сто двадцать лет, как ты перестала чувствовать границу в Пиренеях, а теперь тебя обходят с юга, германские стальные шлемы уже показались у Ируна, у Сен-Себастьяна. Здесь у тебя нет линии Мажино. Две дюжины чудаков и искателей приключений из эскадрильи Андре, без паспортов, на случайных почтовых машинах, кинулись в воздух оборонять тебя, Франция, твое спокойствие и безопасность, твои богатства и красоты, твои заводы и пашни, громадную армию, твой могучий воздушный флот. Папаша Марти, морской унтер-офицер, которого как изменника родине гноили в парижской тюрьме за отказ участвовать в нападении на советскую Россию, — папаша Марти собирает по одному человеку французских рабочих патриотов для помощи Испании, для отражения фашистского нашествия. Уже Мексика обещает прислать винтовки испанцам, а ты все медлишь! Опасность мировой войны? Когда же пожар тушили, давая пламени угаснуть самому по себе? Надо затоптать ногами огонь в комнате, чтобы он не захватил весь дом.

Францию трепетно ждут здесь эти дни. Ни у кого, ни у кого: ни у главы правительства, ни у рабочего с винтовкой на плече, ни у чистильщика сапог нет ни малейшего внутреннего сомнения, что Франция, левая, правая, какая угодно Франция, в испанских ли, во французских ли, в общих ли, в каких угодно интересах безопасности, придет на помощь Испании. Многие верят, что помощь уже пришла.

Офицер работает над картой в со-

седней с Хиралем комнате. Он подмигивает мне:

— Франсэ?

— Но. Русо.

Изумление. Сомневается — не шутка ли.

Девушка в газетном киоске:

— Франсэ?

— Но. Русо.

Смеется. Не верит.

Милиционеры-бойцы в кофейной, обочиваясь ко мне с рюмками коньяку:

— Да здравствует наш верный друг Франция!

Я отвечаю:

— Мерси.

Вечером, на улице Серрано, в центральном комитете коммунистической партии, довелось увидеть и обнять сразу и Хосе Диаса, и Долорес Ибаррури, и Висенте Урибе, и Андре Марти, и других, знакомых и впервые встреченных друзей.

20 АВГУСТА

Рано утром я заехал за Долорес, оттуда через Фуэнкарраль мы поехали на сиерру Гвадарамы. Великолепная автострада идет через густой лес-парк, затем среди роскошных усадеб с загородными вилами. Почти не прерываясь, сменяют друг друга маленькие курортные поселки. Здесь отдыхала от мадридской духоты знать и богатая буржуазия. Сейчас все разрушено артиллерией, пожарами или просто заколочено, запущено, брошено.

Поселки Серседилья и Гвадарамы — последние перед линией фронта. Здесь разбито три четверти зданий. Почти сплошные пепелища и развалины. Вот от этого сгоревшего дома уцелела буквально только одна каменная калитка и на ней на одном гвозде висит закопченная табличка: «Застраховано от огня». Валяются телеграфные столбы, провода, пустые гильзы и стаканы из-под снарядов.

В этом сложном нагромождении скал, ущелий леса вот уже скоро месяц идет напряженная, сосредоточенная борьба. Ни разу здесь еще не было затишья. Фашисты загнипнотизированы близостью столицы. Всего пятьдесят ки-

лометров — да и того меньше. Стоит только прорваться вниз, в котловину, — и уже можно схватить за горло Мадрид, правительство, республику. Республиканцы понимают это. Они понимают, чего может стоить ничтожный промах, зевок.

Орудий с обеих сторон не так много. Но горная акустика разносит канонаду стократным эхо по ущельям, создает фантастический, поистине адский грохот.

Каждый день от раннего утра до поздней ночи маленькие группы людей крадутся по склонам, ползут по каменным откосам, стараясь обойти, отрезать, подкараулить друг друга, захватить еще одну скалу, еще один пригорок, держаться под огнем еще одну ложбинку.

Здесь все знают Долорес, издали приветствуют ее, угощают хлебом, вином из солдатских фляжек, уговаривают задержаться, посидеть, не идти дальше. На сиерре каждый солдат говорит, что знаком с Долорес лично.

Сегодня здесь особенное оживление. Республиканские колонны пробуют развить вчерашний успех группы полковника Мангада и сбросить мятежников с ближайшего рубежа. Противник отвечает ожесточенным орудийным и пулеметным огнем — пули и шрапнель повзвигивают каждые несколько минут. Солдаты убеждают Долорес ползти — она отмахивается и перебегает, как все, в рост, чуть пригнув голову.

— Чем я хуже вас! Ладно, в другой раз приеду с зонтиком, тогда на меня ничего не будет капать.

Она входит в каждый разрушенный домик, беседует с каждым солдатом и офицером, подолгу спрашивает пленных, выуживает из них мелкие и вместе с тем ценные подробности положения мятежников. Она скандалит с поварами по поводу качества обедов. Узнав, что в колонне уже второй день нет овощей, она соединяется по полевому телефону с какими-то организациями, раздобывает грузовик дынь и томатов.

В небольшой вилле расположился штаб гвадарамского сектора. Сейчас фашисты взяли под пулеметный обстрел этот дом и садик. Командир участка,

полковник Асенсио, красивый мужчина несколько оперного типа, запрещает выходить, пока не стихнет обстрел. Варят кофе. Долорес беседует с Касаресом Кироса, худым остролицым человеком в моно и сандалиях. Он был главой правительства в момент мятежа, обнаружил растерянность и бездеятельность, ушел в отставку при всеобщем недовольстве и сейчас старается замолить свои грехи на фронте.

Нам надоело ждать, Долорес хочет пробраться вперед, туда, где залегло сторожевое охранение. Все мнутя и отговаривают. Долорес напоминает, что у ребят там впереди уже четверо суток никто не был, кроме осликов с продовольствием. Майор Ристори, жизнерадостный толстяк, хромой и почему-то в полной парадной форме, вызывается сопровождать нас.

Мы идем, перебегаем, коротышка Ристори ковыляет с палкой, обливается семью потоми. После километра дороги и двухсот метров тропинки надо просто ползти по раскаленному солнцем камню, в колючем шиповнике. Долорес трогательно, по-женски шарахается, когда пуля позванивает о камень; Ристори в огорчении смотрит на нее.

Под обломком скалы устроился взвод. Отсюда он прорыл себе открытый ход сообщения к блиндажу. Блиндаж устроен из мелкого камня и мешков с песком. В начале и в конце хода солдаты сделали шуточные надписи: «Метро Мадрид — Сарагоса».

Солдаты и командиры в восторге от прихода Долорес.

— Как ты сюда пробралась?! Ведь сюда и мужчины ходят только ночью! Вот так женщина — не даром тебя прозвали неистойвой!

Подползли к блиндажу. Отсюда ясно видны блиндажи мятежников — каких-нибудь двести шагов.

Весь взвод набился в это крохотное гнездо. Бойцы облепляют Долорес со всех сторон — обгорелые от солнца, обросшие, частью перевязанные. Тормошат ее, окликают сразу со всех сторон.

— Долорес, выпей из моей кружки!

— Нет, из моей!

— Долорес, возьми письмо для моей матери.

— Долорес, посмотри мои раны, они почти зажили за четыре дня.

— Долорес, я тебе дарю на память мой шарф. Смотри, не брось его!

— Долорес, попробуй мой пулемет, что за дивная машина.

Долорес пьет из кружки, она берет письма, она щупает раны, она надевает солдатский шарф и смотрится в зеркальце, она прижимается своей черной с проседью головой к пулемету и выпускает очередь.

Фашисты отвечают густым, яростным огнем. Им давно уже не понравились возня и оживление в блиндаже.

— Вот видишь, Долорес, мы тебя вовлекли в невыгодное дело.

— Наоборот, это я наклекала на вас такой проливной дождь.

Тесно сгрудившись, солдаты слушают стрывистые слова Долорес:

— Ведь я, как и вы,—простая испанка, не из благородных. Я была судомойкой при шахте. И муж мой — рабочий-горняк... Но мы все, простые люди, рабочие, будем драться до конца за свободную, счастливую народную Испанию, против генеральской и иезуитской фашистской клики... Вы храбрые ребята, я знаю, но одной храбрости мало. Надо ясно сознавать, против кого бороться, в кого стреляешь. Мы стреляем в наше проклятое прошлое, в Испанию Бурбонов и Примо де Ривера, которая пробует вернуться и задушить нас. Пусть враг не просит у нас милости... Мы — авангард мировой борьбы против фашизма, от нашей победы зависит очень многое. Нас поддерживает демократия всего мира... Русские рабочие поддерживают нас. Они уже прислали нам деньги, пришлют и другое, что нам нужно будет... Вот со мной русский товарищ, он прилетел к нам на авионе... Но надеяться мы должны прежде всего на себя, на свое оружие, на свою храбрость... Никто никогда не мог до конца победить народ, который борется за свою свободу. Можно превратить Испанию в кучу развалин, но нельзя превратить испанцев в рабов... Вы говорите, у вас мало снарядов, — а чем

боролись русские рабочие и крестьяне против своих фашистов и иностранных завоевателей? Они захватывали патроны и снаряды у противника... Не долго пройдет, и наше дело победит. Знамя демократической республики будет реять над всей Гвадарамой, над минаретами Кордовы, над башнями Севильи.

Она делает паузу, лукаво прихорашивается и предлагает:

— Если хотите оказать большую честь — назовите ваш полк моим именем.

Бойцы согласны.

— Конечно... Если ты не боишься, что мы тебя осрамим.

Мятежники все упражняются над окопом, а Долорес рассказывает, какие успехи делает испанская женщина, участвуя в войне, помогая мужчинам в тылу. Она совсем загорается, перейдя на любимую тему — о женщине, семье и ребенке в Советском Союзе.

— Долорес, а у тебя дети есть?

— Конечно, — можете мне позавидовать. У меня дочка в Иваново, — это такой советский текстильный город, вроде нашего Сабаделя. А сын в Москве, на заводе имени Сталина. Ему только шестнадцать лет, а рост у него один метр восемьдесят сантиметров. Вы только подумайте: скоро он появится и скажет: ну-ка дай, я возьму тебя на руки, моя маленькая мамаша.

Все долго смеются. А Долорес осматривает взвод с заботой и нежностью.

Бойцы подают Долорес букет. Это цветы не из магазина. Они собраны на склонах скал, под фашистским огнем.

В темноте мы добираемся до штаба, уже не втроем, а в заботливом сопровождении. За Серседильей, у группы домов, вдруг выстрел, нечеловеческие, душераздирающие крики и возня. Остановили машину, я пошел посмотреть. Оказывается, парень, держа руку на дуле винтовки, задремал и прострелил себе ладонь. Кое-как перевязали, взяли к нам — довести до эскуриальского госпиталя. Здоровенный парень заливается на все голоса, Долорес терпеливо успокаивает его.

— Ну, дурак, чего ты орешь? Ведь ты жив. Ведь это не так больно, ты

просто очень перепугался, потому что со сна. Я сама всегда пугаюсь со сна. Меня, если даже булавкой уколоть со сна, я подумаю, что меня уже зарезали. Это понятно. Может быть, ты хочешь курить? Сейчас тебе дадут курить.

Да, он просит курить, но курить и реветь в одно время неудобно. Нет, он не хочет курить. Отчего так долго нет госпиталя? Долорес утешает:

— Сейчас будет госпиталь. Мы едем медленно, потому что без огня, чтобы не обстреляли машину. Куда торопиться! Тебе перевяжут руку, и ты заснешь, как ангел.

И, сдав раненого, отрывисто приказывает шоферу:

— Скорее в Мадрид, в центральный комитет. Мы опаздываем на заседание. Дай свет, не можем же мы так ползти без конца.

22 АВГУСТА

В большом доме на улице Серрано помещался национальный совет католической фашистской партии Хуля Роблеса. Дом совершенно не тронут, стулья в зале стоят под чехлами, на площадке мраморной лестницы дежурит человек с ружьем. В кабинете, за столом Роблеса, согнувшись над бумагами и газетами у вентилятора, сидит Хосе Диас. Длинное, смуглое, задумчивое его лицо кажется гораздо старше от усталости и болезни. Днем он работает один, с секретарем, принимает делегатов из провинций, с фронтов, с предприятий. Время от времени с музыкой, с барабанами к дому подходят демонстрации, — колонны, уходящие на фронт, они требуют показать им Пепе (Хосе). Он выходит на балкон, трогательно скромный, и вдруг улыбается молодой, задорной, всепобеждающей улыбкой, от которой у всех становится уверенно и радостно на душе.

К вечеру, часам к семи, с'езжаются из разных мест члены политбюро. Все сидят в кабинете у Пепе, обмениваются новостями за день, вместе читают вечерние газеты, обсуждают и решают вопросы. В соседней комнате они вместе ужинают, всегда приглашая к столу

приезжих или кого-нибудь из командиров. Затем работают дальше, до глубокой ночи, и насильно посылают друг друга в салон Хилия Роблеса. Там, среди мягкой мебели, поставлены четыре узких солдатских койки для короткого сна.

Руководство испанской партии молодое, как она сама, недавно ставшая массовой пролетарской партией. Оно сложилось на-ходу, в борьбе с фашизмом, в борьбе с троцкистской кликой, одно время задававшей здесь тон, в борьбе с носителями анархистской распушенности и с сектантскими иллюзиями. Новое политбюро — это все пролетарии, обстрелянные революционеры, популярные в рабочей массе, отличные пропагандисты и ораторы. При этом в этой горсти людей представлены разные характеры и темпераменты, разные индивидуальности, разные народные областные типы Испании.

Висенте Урибе — баск, небольшого роста, рабочий каменщик, он хорошо начитан, много занимался вопросами теории пролетарской революции, испанской экономики, особенно аграрной проблемой, в общении краток, молчалив, суховат, иногда менторски надменен. При этом он вдумчивый организатор, решительный и твердый человек, хороший товарищ. Ко мне он сразу проявил большое деловое внимание, потратил время, чтобы связать меня с людьми, с организациями, с предприятиями, собирает справки, данные, цифры... Сейчас он прикомандирован для связи к военному министерству.

Хесус Эрнандес — высокий, плечистый молодец воинственного вида, с бачками, какие носят торреро. Некстати на этом лице очки — да и в очках он, видимо, всегда может дать капитальную затрещину любому, кто вздумает навязывать свои порядки где-нибудь в мадридском рабочем предместьи. Разгуливает в синем моно, препоясан солдатским кушаком и пистолетом, рукава закатаны выше локтей. У него громовой голос, это лучший оратор-массовик, он же отличный популярный массовик — журналист и директор (редактор) «Мундо обреро».

Педро Чэка, тонкий, очень худой, очень бледный, — второй секретарь центрального комитета, его непрерывно действующий организационный винт. В роблесовском доме у него маленькая комнатенка рядом с машинистками и счетоводами, через эту комнатку круглые сутки проходит все: связь с мадридскими и областными организациями, военные дела, ремонт автомобилей, мандаты и удостоверения, расправа с провокаторами, печатание листовок, прием и исключение членов партии, созыв собраний и митингов. Вечно переутомленный и всегда неутомимый, тихим голосом, чуть-чуть улыбаясь, он распоряжается и командует всю ночь напролет.

Антонио Михе, веселый, круглолицый андалусец, приходит всегда с маленьким портфелем, всегда с опозданием, так что всякое заседание, где участвует Михе, начинается со всеобщего недовольства его отсутствием. Но, придя и сразу умиловив собравшие важные и интересными новостями, он завладевает всеобщим вниманием, докладывает обо всем подробно и толково. Партия использует его по профсоюзным, хозяйственным вопросам; он неизменный ее представитель во всех переговорах, контактных комитетах, военно-промышленных совещаниях.

Присутствие Долорес вносит особую ноту в среду партийного руководства. Оно придает мужской, суровой, иногда подчеркнуто деловой атмосфере политбюро тепло, жизнерадостность, юмор или страстный гнев, ожесточение, особую непримиримость к компромиссам. Она приходит празднично приподнятая, с веселой, лукавой улыбкой, прибранная, нарядная, несмотря на простоту своего всегда черного платья, садится, кладет руки на стол и, слегка наклонив большую красивую голову, молча прислушивается к разговору. Либо, смертельно усталая, чем-нибудь огорченная, подавленная, с серым, каменным, постаревшим лицом, она тяжело опускается на стул у двери, в углу, и тоже молчит. А потом вдруг вторгается в чужую речь, и тогда бесполезно прерывать, пока не выльется целая длинная, единым

духом, тирада, либо веселая, смешная, остроумная, торжествующая, либо мрачная, гневная, почти причитающая, полная скорбных упреков, обвинений, протестов и угроз — против очередного явного или скрытого врага, бюрократа, саботажника, сорвавшего доставку оружия или пропитание милиционеров, обиженного рабочих, интригующего против партии или внутри нее.

У Хосе среди членов политбюро, как и во всей партии, какой-то необыкновенно естественный, органический авторитет, особенно подчеркиваемый его столь же необыкновенной скромностью. Во время заседаний, даже очень оживленных, он говорит очень мало, слово даже избегает выступать, кроме тех случаев, когда правильное решение не может быть принято без его вмешательства.

Наивно принимать его скромность и доброту за безобидность — в разгар самого мирного разговора он вдруг роняет скучную характеристику кого-нибудь, короткую и убийственную, как удар шпаги. От его даже вежливо высказанного укора люди бледнеют, теряются, уходят более подавленные, чем если бы это была долгая крикливая, ругательная сцена, какие приняты в Испании даже в деловой обстановке.

Всем хочется сделать приятное Пепе Диасу, не для того, чтобы заслужить его благодарность, а просто, чтобы порадовать его, увидеть его улыбку или хотя бы довольное покачивание головой...

Иногда, во время беседы или в разгар заседания, на него находит страшная усталость, или это приступ его болезни. Тогда он делает странные вещи: выходит из кабинета, прогуливается один по коридорам, заходит в канцелярию, в пустой архив, разглядывает связанные пачки газет, окурки на полу, спускается по лестнице во двор, смотрит, как чистят картошку, выходит в ворота, к подъезду и стоит с четверть часа среди шоферов и машин. Товарищи делают вид, что не замечают, занимаются своим делом. Преодолев боль, он возвращается в кабинет и присоединяется к разговору.

Они внимательно, молча слушают отчет о процессе троцкистско-зиновьевских террористов, который Хесус Эрнандес медленно читает по телеграфным бюллетеням агентства «Фабра». Места в допросе Каменева выводят их из себя. Долорес встает из-за стола с вопросом: «А мы здесь церемонимся с ними!». Урибе тихо говорит: «Повесить!». Диас, нагнувшись над столом, подперев виски руками, просит читать дальше. Окончив бюллетени, Хесус начинает оглушительным голосом громить зиновьевскую банду. Диас прерывает его:

— Вот это самое — не говори, а пиши, тогда услышим не только мы. Не забудь о наших собственных болячках.

Сейчас в Мадриде ведется следствие по делу группы террористов «Испанской фаланги»; среди них, на руководящих ролях, несколько коммунистов, исключенных из социалистической и коммунистической партий. Они убили офицеров-антифашистов — лейтенанта Кастильо, капитана Фарадо и готовили убийства Асаньи, Ларго Кавальеро, Альвареса дель Вайо, Долорес и Эрнандеса. Спасая свои шкуры, обвиняемые указывают, как на заслуги прошлого, на свое пребывание в партии. Центральный комитет обратился к прокуратуре и суду с заявлением, что для троцкистов, бывших членов компартии, он считает желательным не смягчение, а отягчение наказания.

Неутихающие волны, глубокие судороги колышут и сотрясают столицу. Каждые два-три часа что-нибудь случается — на улице, у ворот фабрики, даже в больницах: время от времени туда являются вооруженные группы людей и требуют допустить их к больным. Атмосфера накалена, ее стараются использовать для терроризма и провокаций заинтересованные в этом элементы и агенты.

После полудня город охвачен опять страшным волнением. Говорят, что горит «Карсель Модело» (мадридская Образцовая тюрьма), что заключенные фашисты вырвались на волю и ведут бой с населением. Все повалило в сторону тюрьмы, уличное движение расстроилось, люди с винтовками остано-

вливают автомобили, автобусы, даже трамваи и приказывают водителям направляться к тюрьме.

В центральный комитет добрался товарищ из охраны тюрьмы. Он рассказывает: в «Карсель Модело» накопилось около двух тысяч заключенных фашистов. Во второй половине дня главари организовали коллективный поджог матрацев. У заключенных не было больших шансов на побег. Они больше имели в виду другое — пожаром взбудоражить легко возбуждаемую мадридскую массу, создать уличное столкновение, показать стране и за границе, что правительство не хозяин в столице. Это удалось, но только наполовину. Густой дым из окон тюрьмы собрал вокруг многотысячную разъяренную толпу. Она хочет ворваться вовнутрь и уничтожить всех заключенных поголовно. Стража не справляется — надо что-то сейчас же сделать.

Диас и Урибе связываются по телефону с социалистами, анархистами, республиканцами, предлагают послать по одному представителю от каждой партии — успокоить толпу, предложив ей разойтись и пообещав, что чрезвычайный трибунал с представителями партий немедленно расследует фашистский бунт и сурово накажет всех активных его участников.

Все согласны с предложением, вопрос лишь в том, как пробраться к тюрьме. Решено, что каждый представитель доберется своими силами, чем скорее, тем лучше.

К самой тюрьме — ни пройти, ни проехать, все оцеплено в пять кварталов. Некоторые улицы полиция перегородила своими автокарами. Все-таки с пропуском Хирала добрался до самой площади. Она сплошь, как банка икры, заполнена людьми.

Тюрьма в огне и дыму, освещена прожекторами пожарных, на стене дерутся врукопашную. Рев сирен, крики, конная гвардия давит народ, стрельба, конец света.

Чудовищных усилий и около часа времени обходится заставить площадь выслушать несколько слов через громкоговоритель. Виден тоненький, картон-

ный силуэт оратора на арке ворот, с микрофоном в руках. Он убеждает свободных и сильных граждан Мадрида спокойно разойтись в сознании, что правительство и народный фронт не дадут фашистам вырваться из тюрьмы. Все бунтовщики уже схвачены, пожар уже почти прекращен, особый трибунал заседает, — и горе преступникам — их ликвидируют по мере вынесения приговоров! Из толпы кричат: «Муи бьен!». После него выступает, с такой же речью, другой оратор; но толпа уже и так простыла; не слушая, она отворачивается от тюрьмы и, сердясь, напирает на тех, передних, что закупоривают выходы. Постепенно город успокаивается.

23 АВГУСТА

Хулио Альварес дель Вайо приехал ко мне во «Флориду», взволнованный, добродушный, очень дружеский, очень журналист, хотя и с пистолетом. Его первые слова:

— Вы помните, что я вам говорил в «Правде»?!

Это верно, летом 1935 г. он заходил прощаться после большой поездки по Советскому Союзу и сказал, я помню хорошо, сказал уверенно: «У нас в Испании в марте будут бои, ручаюсь головой». Тогда это звучало очень теоретически, то, что называют «прогноз», — а теперь мы сидим в вестибюле мадридской гостиницы, среди взлохмаченных дружинников и французских летчиков-добровольцев, и он, немного неуклюжий в своем потертом, защитного цвета моно, наклонив большую интеллигентскую голову, опустив на нос роговые очки, горячо рассказывает последние новости из частей, из профсоюзов, из министерств.

Вайо говорит о «старике» Ларго Кавальеро с преклонением. Все дни на фронтах, с бойцами, солдаты обожают его, делегации непрерывно осаждают Всеобщий рабочий союз, приглашают выступать, отдают себя в его распоряжение. Это подлинный вождь масс! А какое умение разбираться в военных вопросах! Старик стал настоящим стратегом. Его неутомимость — представьте себе, ведь ему шестьдесят семь лет!

Вам надо поскорее встретиться с ним. Он будет рад. Посоветуйте ему приехать со мной к ноябрьским праздникам в Москву, ему будет приятно, если он это услышит.

— Вы думаете здесь управиться к ноябрю?

Он размышляет.

— Трудно сказать точно. Генерал Франко восстал, кроме всего прочего, и против моих личных планов. Вы ведь знаете, я хотел поехать на зиму к вам, писать книгу о советской интеллигенции. У меня уже были договоры с мадридским и лондонским издательствами... Но ничего, мы уговорим этого господина. Немного раньше, немного позже.

Около полудня мятежники совершили налет на военный аэродром Хетафе. Атаку ведут восемь двухмоторных «савойя». Они сбросили только часть бомб и ушли, преследуемые правительственными истребителями.

Часа через два о налете стало известно по всему городу. Но очередная воскресная коррида (бой быков) все-таки собрала свои двадцать пять тысяч зрителей. Никого не смутили и высокие цены — коррида благотворительная. Бой сегодня в пользу Секоро Рохо — испанского Мопра...

Над переполненным открытым амфитеатром появляется самолет. Публика встревоженно жужжит; но это только маленькая спортивная машина. Она петлит, штопорит и бросает листовки. Все-таки это безумие — собираться так, не боясь авиации, в традиционный, точно назначенный час. Или, может быть, в воскресенье, в четыре пополудни, в час корриды, гражданская война приостанавливается...

Представление начинается по всей форме. Но, когда средневековая процессия проходит вокруг арены к президентской ложе, верховные герольды в черных кафтанах перекалдывают трубы в левую руку, а правой, сжав кулак, делают «рот фронт!». Шесть торреро маршируют, одетые по ритуалу и при кошичках, но вместо треуголок на них пролетарские кепки.

Первый торреро подчеркивает перед публикой свою разносторонность. Он

бегает вместе с капеадорами и очень ловко маневрирует красным полотнищем, быстро приводя быка в первую стадию ярости. Он показывает затем образцы мастерства бандерильеро — наводя быка на себя и мгновенно втыкая ему в спину пару легких копий с острыми крючками на концах. Но, когда пришел черед показать свою собственную квалификацию, матадор оказался не на высоте. Он неуклюже угодил быку в легкое, кровь хлестнула фонтаном, залила быку глаза, он приткнулся к барьеру и перестал реагировать. Под свист и улюлюканье публики неудачник долго добивал очумелое животное.

Второй торреро оказался триумфатором всей корриды. Он начал с того, что посвятил быка коммунистической партии и донье Долорес Ибаррури, — бурные овации. Долго, рискованно и изысканно играл он со своим диким противником, пропускал страшную рогатую машину на волосок от себя, оставаясь почти неподвижным, в классической балетной позе. И вдруг, сверкнув шпагой, мгновенно сразил быка. Новые дикие овации, оркестр играет «Интернационал», затем республиканский гимн, победителю бросают форменную шапку рабочей милиции, он надевает, бежит в ней вдоль арены, все ликует, бурно и молодо. Трибуны обмахиваются бумажными веерами, пьют лимонад и оживленно громко болтают. Женщины недовольны, что торреро стали небрежно одеваться. Мужчины хитро перемигиваются: тут, пожалуй, не без того, что коммунисты завербовали этого торреро, они народ такой, что любую вещь обстрипают. Недаром говорят, будто Хесус Эрнандес, директор «Мундо обреро», в свободное время пробует руку на новильяс (молодых бычках)...

Следующие торреро особого искусства не показали. В помощь им на арену выбегают двое дружинников. Они усердно дразнят быка, оттаскивают от него споткнувшуюся лошадь с пикадором и сами отважно втыкают бандерильяс. Публика хохочет и бурно хлопает. Завзятые знатоки недовольны. Карамба, можно ли вносить баловство в такое

серьезное дело! Некоторые встают и уходят.

Вечером во «Флориду» приносят с аэродрома неразорвавшуюся сегодняшнюю бомбу. На ней германское клеймо.

25 АВГУСТА

Сводки передают, что Кордова накануне падения. Правительственные войска окружили ее со всех сторон. В перехваченном республиканцами радио генерал Аранда, осажденный в Овиедо астурийскими горячками, заявляет: «Если не пошлете формально обещанных подкреплений, я вынужден буду вылазку из Сарагосы и была почти целиком рассеяна рабочей милицией. Захвачены пленные и трофеи. Правительственные легчики бомбардировали Уэску и Уэльву. «Вчера, — пишет сводка, — были отмечены на некоторых секторах некоторых фронтов триумфы, которые заставляют ожидать в ближайшие дни еще более важных и решающих успехов».

Все это очень мило. Но одновременно фашисты, о чем в сводке не говорится, потеснили республиканские части у Навольмораль де ла Мата и продвигаются к Оропесе. За пять дней они прошли здесь около ста километров. Я промерил линейкой, просмотрел по десятиверстной карте и просчитал это эстремадурское направление. От Навольморалья по шоссе до Мадрида — 179 километров (от Мериды было 354, от Бадахоса — 415). Но дело здесь не в километрах, а в том, что линия эта и параллельная ей Мериды-Наваэрмоса-Толедо-Хетафе служат естественными проходами к Мадриду между горными хребтами, по долине реки Тахо. Узловым препятствием служит здесь только Талавера, в самом узком месте долины. За Талаверой и до самого Мадрида ровная полоса достигает ширины в пятьдесят-шестьдесят километров и позволяет армии ровно катиться к столице, не наталкиваясь ни на какие естественные рубежи. Правительственных войск, вернее, милиционных частей, здесь очень мало, отчасти потому, что здесь, к юго-западу от Мадрида, нет

никаких больших и, исключая Толедо и Талаверу, маленьких городов. Но толедские рабочие скованы осадой Алькасара, фашистского гнезда внутри города. Пока они не разделаются с этим, выйти навстречу противнику они не смогут. В Талавере есть железно-дорожники и рабочие керамиковых фабрик, но они никем не организованы. Да и, будучи боеспособны, они могли бы только временно, до прихода основных сил, задержать наступление фашистской армии, с авиацией, с артиллерией, с легионерами, с марокканцами.

Все это из-за Бадахоса. Взятый мятежниками, он стал для них не только воротами в Португалию, но и связующим звеном их северных и южных сил. Со взятием Бадахоса гражданская война вступает в новый фазис. До сих пор военные действия были разорваны на отдельные куски, на очаги. Кое-где воюющие стороны располагались даже концентрическими кругами, — например, в провинции Кордова, где республиканская провинция осаждает самый город Кордову, а внутри города, в свою очередь, рабочие кварталы, верные правительству, осаждаются мятежниками. Так — в Астурии, в Толедо, на Балеарских островах. Теперь началось слияние отдельных пятен в сплошные массивы. Если провинция Эстремадура будет занята, территории мятежников сольются и будут охватывать столицу с севера, с запада и юго-запада. Вот что наделало преступное невнимание Мадрида к обороне Бадахоса!

Эстремадурское направление тревожит не из-за самой опасности его, а именно потому, что ему пока не уделяется оперативного внимания. Двадцатого ночью, когда фашисты заняли Мерида, я телеграфировал в «Правду»: «К юго-западу от Мадрида создан новый боевой участок, значительно более серьезный, чем участок у Гвадарамы, который хотя и ближе, но хорошо защищен и горами, и войсками. Генерал Мола направил внушительную группу войск по линии Мериды — Толедо, которая топографически является удобным путем на Мадрид». Как бы в Москве не сочли паникером...

На час дня мне назначил дон Мануэль Асанья. Во дворе бывшего королевского дворца шумно, много автомобилей, среди них некоторые — с грязью проселочных дорог на крыльях. Подлетают военные мотоциклетки. Среди дворцовых ковров и гобеленов тоже много офицеров, карт, пишущих машинок, телеграфных аппаратов. Смахивает на то, что именно здесь тот главный штаб, которого нет пока в военном министерстве.

Сам Асанья тих, задумчив, заметно постарел за эти пять лет.

В Испании, стране пышной дворянской роскоши и дикого деревенского невежества, народ простодушно и преданно чтит интеллигенцию. Изъявления человеческой мысли, иногда чем более абстрактные, тем более заманчивые, окружены атмосферой преклонения и признания. Асанья, философ-эстет, публицист на уровне избранных, автор изысканных психологических романов, глава интеллигентского клуба «Атенео», оказался призван возглавлять громкопящую народную Испанию тридцать шестого года. Ему, литературному критику, чья тонкая стилистическая шпага стремилась поизящнее пробить средневековые кольчуги религиозных мистиков, довелось стать живым центром политического объединения, руководителем парламентской и массовой борьбы, сначала против монархии и военно-помещичьей диктатуры, затем против фашистской реакции.

Избирательная победа народного фронта привела Асанью в Национальный дворец как официального главу государства. Личная живость и активность не позволили ему стать чисто представительской фигурой. Наоборот, для друзей и врагов имя Асанья стало символом активной обороны демократической республики от фашизма. Потому и старый королевский дворец оживлен сейчас, как никогда за все свое существование.

С волнением говорит Асанья о героизме и сплоченности испанского народа, который с оружием в руках обороняет демократический строй.

— Несмотря на провокацию фаши-

ма, или, может быть, в результате ее, наш народ показал свою сознательность, волю и непоколебимость в защите своих прав.

Он очень хвалит коммунистическую партию за ее организованность и дисциплинированность в боевые дни, говорит о ее огромном авторитете в широких народных массах.

Долго рассказывает о затруднениях с оружием, о возможностях его покупки и доставки, характеризует личности и свойства немногих профессионалов-военных, оставшихся верными правительству... Но, в общем, командного состава республиканские силы почти не имеют. Его надо создавать на-ходу, это не делается в один день.

Он тепло говорит о нашей стране. Подробно расспрашивает, какие формы и проявления имело у нас сочувствие к испанскому народу.

— Передайте советскому народу, что его сочувствие, его внушительная помощь нас глубоко тронули, но не удивили. Мне всегда было ясно, что великая советская демократия не могла не быть солидарной с испанской демократией. Ничто не разделяет нынешнюю Россию и нынешнюю Испанию. Наоборот, есть и будет много общего и сближающего. Я надеюсь на укрепление и углубление культурно-экономических связей между обеими странами.

Он выпрямляется, круглое, мягкое, немного как у старой дамы, лицо становится жестче и тверже.

— Испанский народ, его президент, его законное правительство продолжают оставаться на-страже своей чудесной страны, ее свободы, ее драгоценной культуры. Наша победа будет выдающимся успехом для культуры, прогресса и демократии, успехом всего человечества в борьбе против темных сил уходящего прошлого.

26 АВГУСТА

Индалесно Прието не занимает никакой официальной должности. Ему все же отведен огромный роскошный кабинет и секретариат в морском министерстве. Мадридские министерства—самые роскошные в Европе. Парижские и лон-

донские кажутся рядом с ними просто жалкими конторами по продаже пеньки.

Прието приезжает сюда утром, диктует ежедневный политический фельетон для вечерней газеты «Информасионес». Затем до обеда принимает политических друзей и врагов.

Он сидит в кресле, огромная мясистая глыба с бледным ироническим лицом, веки сонно приспущены, но из-под них глядят самые внимательные в Испании глаза.

У него твердая, навсегда установившаяся репутация делового, очень хитрого и даже продувного политика. «Дон Инда!» — восклицают испанцы и многозначительно поднимают палец над головой. При этом дон Инда очень любит откровенность и даже щеголяет ею, иногда в грубоватых формах.

Лукаво смотрит из-под тяжелых век и говорит на ломаном французском:

— Мелкий буржуа ошастливлен вашим вниманием и визитом.

Он произносит, как все испанцы: «пэты буршуа». В 1931 году я отчаянно ругал его в «Правде» за реформизм и соглашательство, я думал — он не читал!

Я спрашиваю его мнение об обстановке. В десять минут он дает очень пристальный, острый и пессимистический анализ положения. Он издевается над беспомощностью правительства.

— А что вы думаете о Ларго Кавальеро?..

— Мое мнение о нем вообще — известно всем. Это дурак, который хочет слыть мудрецом. Это холодный бюрократ, который играет безумного фанатика, дезорганизатор и путаник, который притворяется методическим бюрократом. Это человек, способный погубить все и всех. Политические наши с ним разногласия составляют существо борьбы в испанской социалистической партии последних лет. И все-таки, по крайней мере сегодня, это единственный человек, вернее, единственное имя, пригодное для возглавления нового правительства.

— И вы?

— И я готов войти в это правительство, занять в нем любой пост и ра-

ботать под началом Кавальеро на любой работе. Другого выхода нет для страны, его нет и для меня, если я сегодня хочу быть полезен стране...

На мраморных площадках широких лестниц болтаются и болтают морские офицеры в шикарных униформах. В баре внизу они сбивают коктейли. Повидимому, они только для этого и собираются здесь.

27 АВГУСТА

Фашистские самолеты начинают прокладывать дорожку к Мадриду. Сегодня на рассвете они появились над предместьями. Власти запрещают неорганизованную стрельбу по ним, но тщетно. Как только что-нибудь появляется в воздухе, — все, у кого есть оружие, начинают беспомощно палить в воздух — из винтовок, из револьверов, из чего попало. Трудно бороться с этим помещательством. Ночью республиканские истребители сбили один трехмоторный самолет, но где и как — не поймешь.

Хорошие новости с Арагона. Там Дурутти перешел вброд Эбро у деревни Пина и вернулся с пленными солдатами и офицерами. В Тардиенте колонна из частей Труэвы заняла новый рубеж Керро Сангарра.

Встреча со «стариком» — в помещении Всеобщего рабочего союза. Здесь типичная обстановка реформистской профсоюзной канцелярии, только взбудораженной сейчас революционным шквалом. Маленькие чистенькие комнатки, многолетние просиженные стулья, бесконечные архивы и архивные чиновники за карточками. Они смущены непрестанным потоком посетителей, вооруженных рабочих, женщин в штанах, запыленных крестьян из далеких деревень.

Сам Ларго Кавальеро одет в военное моно, с пистолетом на поясе, обветренный, загорелый, очень свежий и бодрый для своих без малого семидесяти лет. Альварес дель Вайо, организовавший встречу, служил нам переводчиком. Это было довольно трудно, потому что старик говорил быстрыми, стремительными монологами; впрочем, я

все лучше понимаю этот язык, простой, звучный и плавный в построении фразы.

Без всяких предисловий и вступлений Ларго Кавальеро бурно и резко обрушился на правительство. Обвинил его в полном неумении и отчасти даже в нежелании подавить мятеж. Министры — неспособные, тупые, ленивые люди. Они проваливают все и вся, на каждом шагу. Никто их не слушается, они не считаются друг с другом. У них нет ни малейшего представления об ответственности и серьезности обстановки. Им бы только благодушествовать в своих министерских кабинетах. Да и кого они представляют? Все народные силы объединяются вне рамок правительства, вокруг социалистических и анархистских профсоюзов. Рабочая милиция не верит правительству, не верит военному министерству, потому что оно пользуется услугами темных личностей, бывших реакционных королевских генералов, кадровых офицеров, заведомых изменников. Рабочая милиция уже не слушается правительства, и, если так дело пойдет дальше, она сама возьмет в руки власть. Какое же это правительство! — Кавальеро гневно приподымается со стула. — Это комедия, а не правительство! Это позор!

На вопрос, почему так затягивается переход от милиционных дружин к регулярной армии и кто в этом виноват, он не дает прямого ответа и опять нападает на правительство. Он считает вредным недавно изданный декрет, кладущий основу добровольной армии. В нее приглашаются вступить в первую очередь солдаты-резервисты и унтер-офицеры, затем все граждане, владеющие оружием и готовые в регулярных войсковых частях защитить республику. Чтобы обеспечить республиканский демократический характер новой армии, декрет требует, как обязательное условие приема, от каждого солдата рекомендации партий и организаций народного фронта.

Кавальеро видит в этом декрете пренебрежение к рабочим бойцам и создание особых привилегий для кадровых солдат. «Опять возрождается армейская каста!».

Я убеждаю его в полезности для армии солдат-резервистов, особенно в такой штатской, военно необученной, почти не воевавшей стране, как Испания. Он пророчесствует, что регулярная армия отнимет у народа оружие, так дорого доставшееся ему.

Разгорается длинный горячий спор о преимуществах армии и милиции. Дель Вайо еле успевает переводить. Ларго ссылается на некоторые места из «Государства и революции» Ленина о вооруженном народе. Я напоминаю, что в другой обстановке сам же Ленин возглавил создание рабоче-крестьянской армии, отдавая ей полное предпочтение перед организационной пестротой милиционных дружин, колонн и отрядов. Надо втянуть, убеждаю я его, лучшие, профильтрованные элементы младшего командного состава, соединить их с передовыми революционными рабочими и из этого сплава создать крепкую народную антифашистскую армию. При параллельном и равноправном существовании армейских частей и милиционных или партизанских отрядов между ними раньше или позже начинается противоречие, затем конфликт, и выигрывает всегда армия как более высокая по уровню форма. Зачем же растягивать этот период противоречий? Надо ускорить объединение всех вооруженных антифашистских формаций в единый армейский организм.

Он прямо не возражает и на это, но начинает ругать коммунистов за их стремление «все организовать, повсюду поставить начальников, всему «дать кличку, ярлык и номер». Он относит это к молодости руководителей партии, их самоуверенности, основанной на успехах и опыте не их самих, а русских коммунистов. Говорит, что коммунисты, помогая правительству, делают вредное дело, приближают катастрофу, усиливают недовольство масс. Рабочим партиям нужно скорее смести чиновников, бюрократов, министерскую систему работы и перейти к новым, революционным формам управления.

— Массы протягивают к нам руки, требуют от нас правительственного руководства, — а мы пассив-

ны, уклоняемся от ответственности, бездействуем!

Все это вырывается у Ларго Кавальеро бурно, сердито, с упрямой силой убеждения. Трудно понять, откуда этот запоздалый радикализм и максимализм у человека, многие десятки лет отстаивавшего самые реформистские и соглашательские позиции в рабочем движении, шедшего на компромиссы и даже на коалицию с самыми правыми буржуазными правительствами вплоть до реакционной королевской диктатуры Примо де Ривера. Но Альварес дель Вайо и многие другие уверяют, что старик в самом деле внутренне очень изменился, что борьба в Астурии и весь последующий период заставили его пересмотреть свой политический путь, что он разочаровался в канцелярских методах профсоюзного руководства, очень сблизился с живой рабочей массой. «Он еще окончит свою жизнь на баррикадах...». Коммунисты относятся к этой перемене без доверия. Подтрунивают над «старческой болезнью левизны». Этот холодок между коммунистами и Кавальеро отражается на возможности взаимного сотрудничества.

Мы разговариваем еще около полутора часов. Кавальеро несколько раз возвращается к неспособности и нелояльности республиканских генералов, личных друзей Асаньи, всех этих Саравий... Потом, уже вдвоем с дель Вайо, мы спустились на улицу, в маленький бар. Он очень доволен встречей и разговором, уверяет, что теперь старик целиком согласился с необходимостью регулярной народной армии.

— Он вам этого не сказал открыто, у него такая манера, но вы увидите, как он будет теперь выступать за армию. Старик преклоняется перед Советским Союзом, перед опытом вашей революции. Жаль, что Аракистайна не было при разговоре, — он очень хотел присутствовать, его что-то задержало. Но все равно, старик сам даст Аракистайну все указания. «Кларидад», наверно, завтра же выступит по этому поводу. Я бы сам написал на эту тему, но лучше, если это сделает Араки-

стайн. Я очень рад, что вы так хорошо поговорили...

Луис Аракистайн — депутат-баск, левый социал-демократ, директор «Кларидад», органа Всеобщего рабочего союза, ближайший помощник Ларго Кавальеро и официальный выразитель его мнений.

... Потом я посетил мадридских писателей. Их «Альянса» помещается в реконструированном дворце маркиза де Дуэро. Дворец угрюм, в залах сумерки, штофные портьеры, мраморные бюсты надменных грандов. Маркизу было восемьдесят лет, он был идиот, фетишист, всю жизнь коллекционировал перчатки — их нашли здесь несколько тысяч пар. В спальне под стеклом висят шелковые подтяжки, подарок Альфонса XIII, с автографом монарха. Сейчас в этой спальне — редакция литературно-художественного журнала «Синее моно».

Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон, взяв большой ключ, повели меня по стеклянной галерее, отперли дверь — и вдруг изумительный двухярусный готический библиотечный зал открылся нам, сотни тысяч книг и манускриптов. За стенами шкафов — средневековые фолианты, редчайшие первоиздания испанских классиков, рукописи, гравюры, целая сокровищница.

Старик-служитель рассказывает, что маркиз за всю свою жизнь был в своей библиотеке четыре раза.

— Позже мы разберемся в этой библиотеке, — сказал Рафаэль. — Сейчас мы заняты политической работой на фронте и вот этим журналом. Не правда ли, он живо сделан? Только художав — пока лишь восемь страниц. В Мадриде сейчас мало бумаги.

Почти каждый день под вечер Мигель Мартинес бывает в «Мундо обреро», узнает новости и немного помогает делать газету. Это бывшая редакция «Эль дебате», старейшей католической реакционной газеты. Комнаты отделаны тяжелым дубом, элегантно уют богатых каноников, деловых монахов. На письменном столе директора стоит фигурка инквизитора в капюшоне, с длинной свечой в руках. За сто-

лом — Хесус Эрнандес, взлохмаченный, потный, в расстегнутом моно, с маузером.

Сегодня Мигэль Мартинес пишет в «Мундо обреро»: «Мы реалисты и не можем недооценивать силы врага, отчаянные попытки максимально отдалить момент своего неизбежного поражения. Все входящие в народный фронт группы будут согласны с коммунистами в том, что необходимо создать в кратчайший срок армию, которая обладала бы той действенной силой, какую обеспечивает современная техника. Никто не является более решительным сторонником точки зрения, что оружие должно быть в руках народа, чем мы. Но народная армия должна быть дисциплинирована, она должна быть соответствующим образом вооружена, и ею должно руководить единое командование».

28 АВГУСТА

Из Парижа приехала комиссия, выделенная Вторым и Третьим Интернационалами для помощи антифашистской Испании, — Жак Дюкло, Жиромский и сенатор Брантинг. Мы ужинали и беседовали с ними в маленьком баскском ресторанчике возле Гран Виа, когда, около полуночи, раздался два довольно близких тяжелых взрыва. На улице началась легкая суматоха, но света почти никто не тушил, сверкали огромные разноцветные неоновые рекламы кино и театров. Только через минут десять завывала сирена — она пронеслась несколько раз на мотоциклете.

Бомбы разорвались в самом центре, в саду военного министерства. Здание это было очень легко найти, еще легче ночью, чем днем, потому что оно приходится точно на пересечении двух ярких линий фонарей, улицы Алкала и линии бульваров. У министерства убит капрал и ранен солдат. Какое-то орудие выстрелило в самолет, после чего он улетел, сбросив по пути еще три бомбы, — ранены рабочие.

Это первый со времени мировой войны воздушный налет на гражданский город. Первый, но, видимо, не последний. До сих пор мятежники бомбили,

главным образом, военные объекты. Теперь принимаются за мирное население.

Город долго не может уснуть, к тому же ночь невыразимо душная. Мы сидим до рассвета в вестибюле «Флориды», у раскрытых окон. Проведена какая-то черта. Германские бомбардировщики опять над европейской столицей! Фашизм объявил, что уже готов сражаться. Не лжет ли он, поистине ли он готов? Может быть, это обман, проба сил, дерзкий вызов антифашистским и парламентским странам, чтобы проверить, готовы ли они? Может быть, это «психическая атака»? Не следует ли отразить ее немедленно, решительно, сокрушительно? Поднять эту брошенную в лицо перчатку. Завтра, вернее, уже сегодня, в исторический день двадцать девятого августа тысяча девятьсот тридцать шестого года, в ответ на бесчеловечную бомбардировку мирной европейской столицы правительства Франции и Англии пошлют ультиматум фашистским державам, поддерживающим мятежников против законного испанского правительства. Экстренный пленум совета Лиги наций предложит французскому правительству обеспечить мощью своих воздушных сил оборону мирных испанских городов. Правительство Хирала немедленно получит все виды боевого снаряжения, которое Франция должна была поставлять Испании. Вся Европа, весь мир в едином порыве, в мгновенном и грозном сплочении дают отпор милитаристскому блоку фашистов. Зверю прищемляют хвост, он идет на попятную, он отступает, бомбардировка мирного Мадрида в ночь на двадцать девятое августа дорого обходится фашистским поджигателям войны... Я спрашиваю Дюкло. Он согласен со мной. Его самого лихорадит. Скорей в Париж — он выступит в палате, он заявит правительству. Блюм должен это понять, он будет реагировать, он не упустит этого момента. Шутка сказать! Бомбардировка мирного Мадрида — ведь это фантастика! Более подходящего момента для контратаки поджигателям войны не было уже много лет. Пропустить в бездей-

ствии день двадцать девятого августа 1936 года — будет отвечать как преступник перед народом, перед историей тот, кто сделает... Жиромский полностью согласен с этим. Спокойного, молчаливого Брантинга всего трясет. Он убежден, скандинавские страны выступят сплоченно и резко — Копенгаген и Стокгольм не хотят видеть «юнкеров» над своими мирными крышами. А Прага! А Вена! А Бухарест!.. Нужно только, чтобы Франция подала сигнал.

Но сейчас, реально, только дюжина парней из интернациональной эскадрильи представляет собой международную военную помощь... В четыре утра Гидез и еще двое пилотов уехали в Барахас, дежурить у истребителей. Остальные в компании с дамами сидели тут же в вестибюле и обсуждали характер будущей войны; поутру они разошлись по комнатам спать, оставив на столе много бутылок. Через час их стали будить — Гидез по телефону требовал пополнения на аэродроме. Дамы тоже спустились с ними вниз, не очень одетые, и во что бы то ни стало хотели ехать вместе. Пилоты долго препирались с ними у стойки портье и покончили на том, что по дороге в Барахас развезут их по домам.

29 АВГУСТА

Вышли газеты. Если бы не знать стиль испанской печати, можно бы получить столбняк от рассуждений о ночной бомбардировке. Газеты пишут, что воздушные бомбы в сто килограмм (кто их взвешивал?!) никому не опасны и просто смешны. Храброе население Мадрида, пишут они, просто смеется над такими бомбами. Двести пятьдесят кило — это тоже, в сущности, пустяковая бомба. Вот, ежели взять бомбу в пятьсот килограмм, да еще если направить ее точно на какое-нибудь очень большое здание, например, на Национальный дворец, — тогда, если угодно, пришлось бы говорить о настоящем эффекте. Эти указания, похожие на провокацию, содержатся в нескольких газетах... «Клариад» выступает — не отклик ли на позавчерашний разговор со стариком? — с большой статьей об

организации вооруженных сил. Позиция — решительно против регулярной добровольной армии, которую автор (статья без подписи, говорят, писал Аракистайн) называет армией наемников и противопоставляет рабочей милиции.

Места, где упали бомбы, отгорожены, кровь засыпана песком, толпа азартно разбирает на память осколки разбитого стекла. Все упоенно судачат о весе бомб; уже установилось мнение, что бомба в пятьдесят кило — это не для Мадрида. Такие арбузы пусть сбрасывают где-нибудь на Каламочу или на Махадаонду, испанскую Чухлому. Камереро в кафе, подавая шарик мороженого, грациозно приговаривает: «Одна в десять кило, разрывная, шоколад с ананасом». Чистильщики сапог приветствуют: «салют и бомбас», «салют и тримоторес».

В саду военного министерства, на том месте, где убит капрал, на взрытую траву положен букетик красных роз. Кругом садовой решетки, по улице Алкала и по бульварам катится река устойчивой мадридской жизни. По широкому тротуару стучат высокими каблучками прибранные синьориты. Платья, пояса, юбки, сумки прилажены, как всегда, до последней складочки; прически напوماжены, отлакированы, каждая курдюшка, каждый завитой волосок укреплен воском, чтобы не раскрутился, не отстал в этой сумасшедшей жаре. Лицо, губы, реснички, уши, ногти тщательно раскрашены — есть ли что-нибудь более законченное, чем испанская женщина на улице, на прогулке! Их ведут под руку солдаты, командиры и просто военные люди без чина и звания, в грубых холщевых комбинезонах, полотняных милицейских шапках или совсем без шапок, в туфлях на босу ногу, с винтовками, с пистолетами, с ручными гранатами за поясом. Синьориты стреляют подведенными глазами и громко болтают низкими, грубоватыми цыганскими голосами; но не подумайте плохого; это добропорядочные девицы и уважаемые матери семейств. Одинокое прохожие, бездельники в кафе, шоферы в ожидании пассажиров задевают жен-

ский пол восторженными восклицаниями: «О, гуапа!», «О, морена!», «О, рубия!» (О, красивая! О, брюнетка! О, блондинка!) Делают они это подряд, автоматически, так что игривый комплимент достается иногда и восьмидесятилетней старухе.

Стоят длинные очереди пожилых хозяек — на сахар. Выдают по полкило. Стало туго с картофелем — привозной с севера продукт, и с мясом — основные мясные районы захвачены мятежниками. Сливочного масла совсем не видно в Мадриде. Большие очереди на молоко.

Военная милиция не имеет пока никакого своего аппарата снабжения. Части прикреплены на питание к гостиницам, к ресторанам, к кафе, по разверстке. Потому в самых шикарнейших отелях в обеденное время полно солдат, шум, оживление. Обед для них готовится, конечно, похуже, чем для гостей, но все-таки пока очень хороший, с рисом, рыбой, с мясом, с огромным количеством оливкового масла. Военным хлебом называется белоснежный, очень тяжелый, плотный, как сыр, белый хлеб.

Магазины все торгуют, цены не поднялись, только нигде нельзя достать автоматических ручек и фотопринадлежностей. В дни мятежа и в последующие дни были мгновенно растасканы все оружейные, фотографические и пишечбумажные магазины. В этой войне будут много снимать и много писать.

Автомобилей частных нет, такси нет, купить тоже нельзя. Мне предоставили реквизированную машину «автоплан», очень хороший сильный лимузин. Шофер Дамасо вечно слушает в машине радио. Сегодня, во время передачи какой-то теноровой арии, он взвизгнул, обернулся и подмигнул:

— Хозяин поет!

— Какой хозяин?

Оказывается, машина принадлежит (принадлежала?) знаменитому певцу Анхелильо (Ангелок), исполнителю легкого репертуара.

— А сам он где?

— Здесь, в Мадриде. Вот же, поет с радиостанции. Он ведь здорово за рес-

публику. Он и на фронт часто ездит, поет перед народной милицией.

— А почему у него машину забрали?

— Этого я не знаю. Я обещал ему, что буду беречь лимузин, но я, конечно, не обязан этого делать, потому что это уже не его машина.

Я пробую объяснить Дамасо, что машину беречь все-таки надо и насчет общественной собственности. Но здесь пока трудно обо всем этом толковать. Это демократическая революция нового типа, при чем еще не ясно, кому принадлежат лимузины.

31 АВГУСТА

Фашисты заняли Оропесу и с боями настойчиво продвигаются по шоссе на Талаверу. Какие части удерживают их, какие командиры? Этого никто толком не знает в военном министерстве. Называют генерала Рикельме, полковника Асенсио, говорят, что несколько колонн спустились вниз со сиерры, на подмогу, что полковник Мангада предлагает пойти к Талавере, но что сиерру бояться оставить без крепких частей — тогда враг мог бы сразу прорваться в Мадрид... Надо поехать посмотреть самому.

Начались переговоры об изменении правительства, о вхождении социалистов и, может быть, даже коммунистов. Жираль в частных разговорах соглашается на реорганизацию своего кабинета.

А маленький черный крестик опять движется в окне по горизонту. Ничего не произошло, никто никому не объявил ультиматума, двадцать девятое августа миновало, как обычный будничнейший день, — в парижских и лондонских газетах прибавился еще один сенсационный заголовок. Никто ничему не воспрепятствовал — только Гидез и его товарищи гоняются в воздухе, стараясь встретиться с противником. Где они сейчас? Вот «юнkers» хладнокровно выискивает себе подходящую цель среди столичных кварталов. Еще полгода назад у фашистских летчиков был только один живой полигон, довольно пустынный, — Абиссиния. Сейчас они упражняются над миллионным городом, над испан-

ской столицей. И это так будет? Невозможно поверить.

Каждый день в Мадрид прибывают несчетные делегации из разных стран. Председатели всех и всяческих обществ, лиг человеколюбия, междупарламентских, ученых и женских организаций. Все они тотчас же направляются на прием к главе правительства и к отдельным министрам, некоторые к президенту республики, все подробно информируются о военном и политическом положении, затем выражают свое глубокое возмущение фашистским мятежом, глубокое признание и сочувствие законному правительству. Выразив свои чувства устно, по радио и в печати, делегации уезжают. Перед отъездом они справляются у портье отеля, можно ли еще купить настоящие испанские шали, веера, кастаньеты, испанские вышивки и керамику. Можно.

Правительство охотно, хотя все с меньшим жаром, принимает гостей. Им дают цифры, документы, доказательства.

Говорят о моральной помощи. Сейчас реальная, вещественная помощь оружием или хотя бы продовольствием будет в то же время самой высокоморальной помощью.

Неизвестно, много ли иностранных делегаций посетило главную квартиру мятежников. Но фашистские полки, те, что наступают на Талаверу, уже отлично снабжены всеми видами вооружения последних немецких и итальянских образцов, вплоть до танков.

Это страна, чей народ не имеет даже опыта мировой войны. Крестьяне ходят с кремневыми ружьями, вахаха считается грозным оружием. Этот народ засыпают тучами снарядов, бомб, зажигательных, бронебойных, разрывных пуль. Единственный крупный центр военной промышленности на территории мятежников в Овиедо кругом осажден и поставлять оружие никуда не может. Откуда-то техника Франко и его огневые средства щедро пополняются. Откуда?! Захудалась испанская авиация вдруг обогатилась новенькими бомбардировщиками «фоккер», «юнкерс» и «капрони», каких никогда и не мечтала

иметь на вооружении. К Франко съезжаются, на глазах у всего мира, германские и итальянские пилоты, пехотные инструктора, артиллеристы. Летчик самолета, сбитого у Талаверы, выпрыгнул на парашюте в правительственной зоне и пробовал откупиться деньгами от местных крестьян, но был ими расстрелян. На трупе найдены документы на имя итальянского пилота Эрнеста Монико и приказы от итальянского командира эскадрильи. Идут пароходы с пушками, с пулеметами, со взрывчатыми веществами. Для так называемых немецких добровольцев севильская радиостанция каждый день, мы слышим, исполняет германский фашистский гимн.

Подавление мятежа вылилось в гражданскую войну, гражданская война превращается в борьбу с иностранной интервенцией, с вторжением иностранных фашистских войск. Неужели это именно так? Я не верю самому себе. Но «юнкерс» в окне на горизонте подтверждает, и сирены плачут.

3 СЕНТЯБРЯ

Эти дни в Мадриде подготавливалась смена правительства.

Сначала реорганизацию мыслили в довольно скромных масштабах. Речь шла о вхождении в кабинет Хиралю двух-трех социалистов — от группы Ларго Кавальеро и от группы Прието. Внезапно старик потребовал себе военное министерство и почти вслед за этим, дополнительно, пост премьера. Это встретило всеобщие возражения, не столько фракционные, сколько лично деловые; все считали, что сварливость, неуживчивость и нетерпимость Ларго Кавальеро сделают невозможным нормальное сотрудничество с ним. Друзья старика сами испугались. Вайо пробовал уговаривать его согласиться взять военное министерство, оставляя председательство Хиралю. Приетисты, кроме самого Прието, тоже восстали. Все обратилось за посредничеством в ЦК компартии. Здесь тоже были против старика как главы кабинета. Но он закусила удила: или все, или ничего. Ему помогла общая обстановка и спешка: кризис

фактически начался и слухи о нем уже начали просачиваться; в военное время такое положение не могло длиться и одного дня.

Прието заявил, что лично он, хотя все знают его отношение к Кавальеро, не возражает против него и согласен взять в кабинете Кавальеро любой пост. Для него хотели создать министерство военного снабжения, но почему-то передумали и выделили ему флот и авиацию. Всем было очень тяжело соглашаться на возглавление правительства стариком, все партии дали согласие в порядке гражданского мужества. Как-никак Ларго Кавальеро сейчас в самом деле наиболее маститая и видная фигура профессионального движения; со времени астурийских событий как-то простились, вернее, забылись его реформизм, соглашательство с буржуазией и притеснение рабочих в бытность его министром труда. В отношении его демагогических левацких загибов Вайо успокаивал всех: это пройдет в первый же день, как только он примет на себя ответственность за страну...

Почувствовав почву под ногами, Кавальеро тотчас же выставил новое ультимативное требование: чтобы коммунисты вошли в кабинет. Партия была против этого, она предпочитала поддерживать всеми силами правительство народного фронта, находясь вне его; к тому же не хотелось создавать лишнее затруднение международного характера — уже и без того будущее правительство объявили большевистским, советским. Старик объявил, что все это чепуха, на границу наплевать, а если коммунисты отказываются, он отказывается тоже, пусть все летит к черту, и пусть партия отвечает за то, что случится... В конце-концов они решили взять министерство просвещения и земледелия — две отрасли, где министры-коммунисты могли бы наиболее быть полезными кооперативству и народной массе, реализуя максимум того, чего можно добиться в условиях буржуазно-демократической республики нового типа, какой является Испания при народном фронте. В последний момент у Кавальеро начались какие-то желудочные

колики, все переговоры приостановились.

Сегодня, наконец, все завершилось. Я заехал во Всеобщий рабочий союз, узнать у Вайо о последних вариантах, и здесь, в небольшой комнате Кавальеро, оказались все будущие министры. На узком диванчике тесно сидели рядом тяжеловесный, на глыбу похожий, с опущенными веками Прието, взволнованный Вайо в моно, холеный, иронического вида Галарса, Эрнандес с пистолетами у пояса, маленький Урибе без воротничка, с торчащей запонкой.

Они кивают, молча улыбаются и продолжают молчать и курить. Самого хозяина кабинета здесь нет, он во дворце, у президента.

Молчат, курят, ожидание кажется долгим. Наконец, телефон звонит. Говорит Кавальеро, из дворца: президент сгласен, подписал декрет, приглашает новое правительство представиться ему.

Гурьбой они сошли вниз, их ждали машины. У подъезда охрана стала обнимать их, жать руки, желать успеха. И вся толпа, новые министры и рабочие с винтовками, все гордо и простодушно, по-испански, мечтательно закинув лица вверх, заулыбались.

Я поздравил министра иностранных дел Хулио Альвареса дель Вайо. Он ответил:

— Да, но Ирун взят.

4 СЕНТЯБРЯ

Мигэль Мартинес лежал вместе с другими в цепи по обе стороны шоссе Мадрид — Лиссабон, несравненно ближе к Мадриду, чем к Лиссабону. Часть дружинников была при старых испанских ружьях, у командира колонны был хороший короткий винчестер, а у Мигэля только пистолет. Сзади них дымила двумя большими пожарами красивая Талавера де ла Рейна. Мигэль смотрел в бинокль, стараясь разглядеть живого марокканца.

— Зачем вам бинокль? — спросил майор. — Ведь у вас очки. Четырестекла в бинокле и два очка и два глаза, это вместе восемь глаз. Сколько мавров вы видите?

— Ни одного. Я перестаю верить, что они существуют. Я уеду из Испании, не повидав мавров.

— Вы ко всему подходите с чрезмерными требованиями... — Майор стал растирать ладонью черную жесткую щетину на лице. — Но я думаю, что через два часа на том самом месте, где мы лежим, будет стоять или лежать человек в чалме или феске, с темной кожей.

— Это будет знаменательно. Известно ли вам, что на этом же самом месте, где мы лежим, чуть ли не в том же месяце сентябре, были в 1809 году разбиты французские интервенты?

— Вот видите. А вы сомневаетесь в силе испанского оружия.

— Я не сомневаюсь, но французам разбил здесь английский фельдмаршал герцог Веллингтон.

— Он дрался не один, у него было больше половины испанских сил. Мы, испанцы, отвыкли драться в одиночку. Нужно, чтобы всегда кто-нибудь помогал. Мавры били нас в Марокко, пока мы не соединились с французами. Теперь «Испанская фаланга» наступает с марокканцами, немцами и итальянцами. Если республика хочет устоять, ей нужны французы или Мексика, или Россия.

— И это говорите вы, офицер испанской армии? Чего же требовать от солдат!

Пули попискивали над ними очень часто. Цепь лежала беспокойно, число бойцов все время таяло. Они уходили то пить воду, то оправиться, то просто без объяснения причин и не возвращались. Капитан относился к этому философски — он только старался вслух регистрировать каждый уход:

— Эй ты, задница, ты забыл ружье, возьми на себя хоть бы труд отнести его в тыл! Тебя не уполномочивали передавать мятежникам государственное имущество!

Или:

— Шевели ногами поскорей, а то тебя и в Талавере нагонят. Лупи прямо в Мадрид, выпей в Вальекас хороший вермут в мою память!

Или:

— Что же вы меня оставляете одного занимать иностранного товарища? Ведь мы соскучимся здесь вдвоем!

Или:

— Подождите еще час, нам привезут обед, и тогда мы улепетнем вместе!

Мигэль кипел от огорчения и злости. Он упрекал майора:

— Вы держитесь с ними провокационно и презрительно. Так не поступает лояльный офицер. Ведь это неопытный народ, а вовсе не трусы. Вы думаете, что, если мы с вами спокойно лежим, а не удираем, нам прощаются все грехи? Если вы командир, вы обязаны во что бы то ни стало удержать свою часть на месте, хотя бы расстреляв десяток трусов. Или если это невозможно, то организованно отступить, в полном порядке и без дезертиров.

Огонь со стороны фашистов усилился. Дружинники отвечали частой, оторопелой стрельбой. Майор тоже приложился и выстрелил, не прицеливаясь. Он сказал:

— Вы подходите с неправильными мерками. Здесь не Европа, не Америка, не Россия, даже не Азия. Здесь Африка. А я сам кто такой?! Я болел два года кровавым поносом в Марокко, — вот весь мой боевой стаж. У меня общность идей с солдатами, хорошо. Может быть, даже общность интересов. Но я их вижу на первый раз, пусть они даже самые различные ребята. Мы не верим друг другу, — я, командир, боюсь что они разбегутся. Они, солдаты, боятся, что я их заведу в ловушку.

Мигэль не мог успокоиться:

— Давайте соберем эти семьсот человек, повернем на юг и ударим вверх, перпендикулярно шоссе. Противник отскочит, ведь совершенно же ясно, что он продвигается небольшими силами!

Майор отрицательно мотал головой и растирал небритые волосы на щеках.

— Я уже пробовал это третьего дня, спасибо. Меня хотели расстрелять за ввод народной милиции в окружение противника. Какой-то парень, из ваших же коммунистов, Листа или Листер, еле спас меня. Они часто нестерпимы, эти испанские коммунисты, эти ваши родственники. Они всех всему учат и у всех

всему учатся. Не война и не революция, а какая-то сиротская школа, — не понимаю, какое вам всем это доставляет удовольствие. Но, честно говоря, если уж записываться в какую-нибудь партию, то или в «Испанскую фалангу», или к вам. Не знаю, выйдут ли из нас, офицеров, коммунисты, но из коммунистов офицеры выйдут. Они твердолицы. В Испании можно добиться чего-нибудь, только имея твердое лицо. На месте правительства, я для этой войны отдавал бы вместо командирского училища на три месяца в коммунистическую партию.

Взрыв раздался позади них, и облако черного дыма медленно всплыло у самого края шоссе.

— Семьдесят пять миллиметров, — торжественно сказал майор. — Это здесь пушка-коLOSSаль. Теперь наши кролики побегут все. А вот и авиация. Теперь все в порядке, как вчера.

Три самолета появились с запада, они шли линейно над дорогой, не бомбя. Цепь поднялась и с криками кинулась бежать во весь рост.

— А тьерра! А бахо! — заорал Мигэль, размахивая пистолетом. — Кто придумал эту идиотскую цепь?! Ведь даже в Парагвае теперь так не воюют!

Небритый майор посмотрел на него недоброжелательно:

— Вы все учите, всех учите. Вы все знаете. Вы себя чувствуете на осенних маневрах 1936 года. А знаете ли вы, что у испанцев нет опыта даже русско-японской, даже англо-бурской войны! Мы смотрим на все это глазами 1897 года. Признайтесь, господин комиссар. — неприятно и вам лежать под «юнкерсами». Ведь такого у вас не было, э?

— Это неверно, — сказал задетый Мигэль. — Я бывал под воздушной бомбардировкой, правда, не под такой. Один раз я был даже под дирижаблем, в германскую войну, я был тогда под ростком.

«Юнкерсы», вытянувшись в кильватер, бросили на шоссе по одной бомбе.

— Следите за автобусными пассажирами, — сказал майор. — Они боятся, что им разобьют шоссе и они не смогут

вернуться к женам. О нас они не подумали. Ну, и пусть катятся к чорту.

Дружинники набивались в автобусы и в автокары. Машины покатались назад, к Талавере. Они удирали от самолетов, и их счастье было в том, что «юнкерсы» пронеслись слишком быстро вперед. Еще только одна бомба разорвалась на дороге — мятежники явно берегли боеприпасы и шоссе.

Талавера была вся забита машинами, повозками, беженцами, скотом, вьючными мулами и ослами. У мостов через Тахо и Альберче стояли длинные хвосты эвакуирующихся частей и гражданского населения. Генерал Рикельме прислал динамитчиков, чтобы приготовить взрыв мостов, — их схватили, как фашистов, и трех расстреляли, трупы их лежали на брезентах у берега Тахо. На некоторых домах уже (или еще) развевались белые флаги и лоскуты. Сладострастно и игрушечно улыбалась раскрашенными талаверскими плитками церковь Вирхен дель Прадо. Мигэль потерял в толпе майора и потом снова увидел его издали, в толпе на мосту, спорящим с шофером автобуса. Уже в сумерках на окраине началась перестрелка. Это местные фашисты преследовали по пятам отступающую народную милицию.

Мигэль вышел из Талаверы в восемь часов вечера. Он ничего не ел полные сутки и ничего не мог достать, — солдат не кормили, интендантство удрало раньше всех. Уже перейдя мост, на возвышенной равнине, он повалился на сухую траву у шоссе, рядом с группой усталых бойцов. Один солдат дал ему большую кисть черного винограда и кусок хлеба. Мигрень мучила его. Он поел и заснул.

5 СЕНТЯБРЯ

Проснувшись, он увидел себя оставленным. На часах было пять, солнце уже светило во-всю, кругом не было ни души, хотя где-то недалеко слышались выстрелы. Талавера виднелась за мостом, церковь Вирхен дель Прадо сияла колокольней. Может быть, он уже в плену? Чтобы не встретить никого, он ушел с шоссе и зашагал на юго-во-

сток по бугристой равнине. Он вырвал и уничтожил несколько фото и листов из записной книжки, а свое удостоверение зажал в руке, чтобы, если нужно будет, сразу поднести ко рту и проглотить.

Он шел берегом Тахо, страдая от жары, но не смея подойти к самой реке. На другом берегу, в направлении к Талавере медленно ехали два всадника в бурнуссах. Вот когда он увидел марокканцев! Мигэль тихонько примерил пистолет к правому виску. Самое глупое будет, если он застрелится, не успев использовать остальные патроны в обойме.

На всякий случай Мигэль решил шагать медленно, во весь рост, спокойно, как будто ему нечего опасаться. Но всадники ехали, не оглядываясь. Они возвращались из разведки и считали, видимо, что их задача выполнена.

Через два километра он пересек узкоколейку и пошел по проселочной дороге. Наконец показалась высокая дуколка, запряженная мулом. Его вел под уздцы крестьянин в большой соломенной шляпе. Мигэль положил руку в карман.

— Буэнас диас, — сказал он, поровнявшись.

— Муи буэнас, синьор, — ответил крестьянин, улыбаясь и с любопытством. Он не сказал «салюд». Может быть, он сам принял Мигэля за фашиста? На фронте обе стороны одеты одинаково, в моно, отличаются только мелкими нашивками и значками.

Мигэль шел еще около трех часов, все разгораясь от жолнца. Он не выдержал и подполз к реке напиться, вода была отвратительная.

Он почти дошел к большой деревне — туда вели мощеная дорога и столб с надписью «Себольяс». Но это было слишком близко от Талаверы, он зашагал дальше. Маленький грузовичок вдруг нагнал его по дороге, — прятаться было поздно. В грузовике сидели трое солдат, они везли дрова. Уже пропустив машину мимо себя, Мигэль увидел ее толедский номер, выкрашенный в черный и красный цвета. Он крикнул, остановил, вытер пот со лба и примостился в машину.

Они переехали большой тяжелый мост

через Тахо и мимо красивого замка вкатились в деревню Мальпику. Мигэль пошел в военную командансию, — там было пусто и двери настежь открыты, — а оттуда к алькальду. Сержант и алькальд, оба старики, завтракали под навесом толстыми омлетами, сыром и белым вином. Они очень обрадовались Мигэлю и тотчас же заказали для него здешней жареной рыбы. Это необыкновенная рыба, сказали они, такой нет даже в Толедо. И в Мадриде в ресторанах, пожалуй, такой нет. Хотя в Мадриде, возможно, есть, туда привозят жратву со всего мира. Но рыба отличная. Сюда, в Мальпику, приезжал русский писатель Эренбург, и ему рыба тоже очень понравилась. Мигэль сказал, что мнение Эренбурга ценно, потому что в России большие реки с прекрасной рыбой. В отношении морской рыбы мнение русских не так ценно, но в речной рыбе они кое-что понимают. Мигэля тошнило от голода, он не выдержал, схватил кусочек хлеба со стола и запил его вином.

Знают ли они, что фашисты так близко, что они в Талавере? Сержант сказал, что да, знают, но что ему наплевать. Пусть-ка попробуют сунуться сюда, в Мальпику. Пусть! Мальпика задаст им перцу. Мужики не пропустят их. В Мальпике крепкие мужики. Алькальд с одобрением посмотрел на него. Это верно, — подтвердил он. В Мальпике отличные мужики.

— Какой партии?

Алькальд объяснил, что все они — левой республиканской партии, но что это, в общем, не существенно. Институт Аграрной Реформы, когда там сидели жулики из партии Леруса, ограбил деревню, опутал ее долгами и много хозяйств пустил с молотка. Из-за этого они все голосовали за левых республиканцев. Теперь, говорят, министром земледелия стал коммунист, и жульничество прекратилось. Если это так — алькальд намерен вместе со всей деревней вступить в партию коммунистов. Во всяком случае, своего бывшего гранда Мальпика обратно не пустит.

— Мы подложили динамит под его проклятый замок и взорвем его, если

фашисты подойдут. Мы не пустим их. Ведь они не только, вместе с грандом, отберут у нас землю. Они вырежут нас и наших детей. Они опять запретят нам рыбную ловлю вокруг деревни. Нет, пусть попробуют сунуться.

Сержант согласился дать грузовичок до Санта Олальи. Он хочет только посмотреть, что делается в Сан Бартоломе. Они едут туда вдвоем с Мигэлем. Сан Бартоломе покинут, фашисты обстреливают его шрапнелью. Оставив грузовичок под холмом, они ползут вверх. Здесь растет шиповник с какими-то особенно длинными иглами, они вонзаются глубоко через тонкие полотняные альпартас, сквозь полотно на ступнях проступают пятнышки крови.

С холма видна вся Талавера — дома, фабрики, церкви, высокое пламя пожара. Около станции паровозик с тремя вагонами улепетывает от самолета. Это машина из эскадрильи Андре.

Вокруг холма лежит рота дружинников. Она в спокойном настроении и не ожидает атаки. Почему? Ведь противник, естественно, будет атаковать эти холмы, чтобы закрепиться на своем правом фланге! Это элементарное требование тактики.

Нет, сержант не думает этого. Старик считает, что мятежники будут двигаться по шоссе, и только по шоссе, до тех пор, пока это будет возможно. Пожалуй, старик прав.

Они возвращаются, старик остается в деревне, Мигэль едет на главное шоссе, к Санта Олалье. Вдоль шоссе и параллельно ему едут и едут части — переполненные автокары, грузовики, повозки. Это даже не паника, не бегство, а какая-то чудовищная массовая спешка — как в Москве, в Петровском парке, на стадион к началу футбольного матча.

На шоссе стоят командиры со своими адъютантами и охраной, агитаторы, политработники, они задерживают машины, уговаривают, просят, грозят, и ничего не могут добиться. Мария Тереса Леон, в слезах, с маленьким пистолетом в руках, кидается от одного прохожего к другому, закликает их ласкательными и бранными словами, взывает к их революционной, мужской и испанской чести.

Некоторые слушаются ее и шагают назад.

Высокий, красивый парень, с медного цвета гладкими прямыми волосами, успешнее других задерживает бегущих Вокруг него образовалось нечто вроде плотины. Его помощники или друзья отводят задержанных в ложбинку и собирают их в некоторое подобие колонны. Мигэль заговорил с ним, парень для знакомства показал последний номер «Милисиас популярес», газетки Пятого полка народной милиции; там была маленькая солдатская корреспонденция, восхваляющая его, капитана Энрике Листера, командира батальона на эстремадурском фронте. Простой рисунок пером передавал длинные, прямые, назад заброшенные волосы Листера.

Мигэль остался с ним до вечера. Он убедился, что Листер умеет молча и властно распоряжаться людьми даже незнакомыми и не подчиненными ему. В нем была какая-то тихая угрожающая сила. Он был галисийский рабочий, участник восстания в Астурии, одно время эмигрант в Советском Союзе, он там работал проходчиком на стройке московского метро.

Они обедали куском сыра, который был у Листера в кармане. Остановленные дезертиры угостили их вином из фляжек.

— Не хотят воевать, — хмурился Листер. — Сегодня путь на Мадрид совершенно открыт. Передовые автобусы с трусами доехали до города; они пробежали почти сто тридцать километров! На одном танке фашисты могли бы сегодня в'ехать в столицу.

— Нужно учить, — говорил Мигэль. — Боец еще не понимает простых вещей. Он здесь привык драться в каменных домах или из-за уступов скал. Он не знает, что такое бой на равнине, что такое невидимый противник. Кто этого не знает, кто этому не обучался, тому будет всегда страшно, даже самому храброму из храбрых. Страшно чувствовать себя голым, беззащитным, открытым под огнем, особенно под самолетами. Здесь еще не знают, что такое окоп, оптический прицел, перекидной огонь.

— Надо отнять у частей автобусы,— хмурился Листер. — Им лень ходить, они только ездят. И потому мы так держимся дороги — и мы, и фашисты. Мы стукаемся и отскакиваем друг от друга, как шары на бильярде. Потому такие скачки, на двадцать километров к западу, на двадцать к востоку. Пешком мы бы так не отскакивали. Здесь все наоборот. Артиллерийская подготовка здесь завершает атаку. Здесь охотно взрывают железную дорогу и бросают ее. А шоссеиную дорогу портить жалко — может пригодиться и в наступлении, и чтобы удирать.

Паника утихла медленно. Хорошо, что мятежники что-то задержало в Талавере. Видимо, они наткнулись на сопротивление рабочих, оттого такая стрельба в городе. Может быть, это был просто расстрел беззащитных людей. Но факт — они почему-то не продвигались по этому, никем не обороняемому, покинутому, даже не минированному шоссе.

Кто-то приехал из города и рассказал, что гвадарамские части спускаются с гор, через Аренас де Сан Педро, что колонна Мангада нанесет фашистам удар с фланга на Талаверу. Этот слух не подтвердился, но немного успокоил и остановил отход частей. К вечеру, после трех суток отсутствия, появились полевые кухни. Солдаты начали сходить к кострам. Ночью в Санта Олалье состоялся митинг. Стало известно, что два командира, первыми бежавшие вчера из-под Талаверы, обнаружены и расстреляны. При этом люди подмигивали в сторону Листера.

На ночлеге в деревне Листер говорил Мигэлю:

— Я тоже считаю, что надо учиться. Но, как только об этом говоришь бойцам или командирам, они спрашивают: «Вы коммунист?». Они видят в коммунистах школьных учителей. Они говорят, что учиться теперь поздно, что надо воевать. У нас есть люди, которые готовы три дня составлять теорию, чтобы освободиться от работы на полчаса. Нет ли у тебя книжек по тактике или по рытью окопов?

6 СЕНТЯБРЯ

Тоledo было видно издали, замок Алькасар курился на высокой горе дымом двух разбитых башен, фиолетовая лента Тахо круто опоясывала город. На старинных мостах люди в костюмах мексиканских бандитов, в остроконечных соломенных шляпах, с шелковыми цветными лентами на винтовках, проверяли въезд и выезд. Они куда-то унесли удостоверение Мигэля и вернули его, шлепнув на печать военного министерства свой штамп: «Анархисты Тоledo, НКТ-ФАИ». Пушка стреляла по Алькасару, каждые три минуты, из четырех снарядов в среднем разрывался один.

Крутые и узкие улицы были прелестны, но, подымаясь по ним, Мигэль забыл, что это и есть улицы Тоledo, заманчивого тревожного сна его юности, трагического Тоledo инквизиторов и озорных гуляк со шпагами, прекрасных дам, лиценсиатов, еврейских мучеников на кострах, хранилище самого таинственного, что он знал в искусстве, — магнетической силы продолговатых, чуть-чуть припухлых юных и старческих лиц на полотнах Греко, его кавалеров и отроков в стихарях, гипнотизирующего взгляда их непарных, различных глаз. Всегда казалось, что если он каким-нибудь чудом окажется в Тоledo, — он, как паломник, не оглядываясь, пройдет к заветному дому, изученному по альбому и снимкам, минует низенький сухой сад, разостланный по жесткой кастильской земле, через двор и старую галерею с деревянными колоннами, в простую прохладную студию непонятного художника...

Вместо этого он вместе с дружинниками, под отчаянную ружейную трескотню, мимо скульптурных порталов мрачных маленьких дворцов, мимо остова разбитого автомобиля, в чьих внутренностях копошились и шалили дети, мимо рухляди, мебели, шкафов, пианино, матрацев, вытащенных на улицу из разбитых домов, — поднялся на площадь Сокодовер, примыкающую к крепостной стене Алькасара.

Центр площади был под огнем мятежников, под аркадами все перебито, пули

прыгали по грудам стекла и подымали мелкие тучки пыли. У входов на площадь с трех сторон стояли баррикады, перед ними в мягких плюшевых креслах и в качалках сидели стрелки в красно-черных шапках, с красно-черными галстуками. Трескотня разгорелась потому, что к баррикадам подошло целое сонмище кинооператоров и репортеров. Здесь был огромный пьяный француз из Барселоны, с лицом-задом, с двумя камерами и помощником, далее американцы из «Фокс-Мовиетона» и испанские фотографы из Мадрида. Они приказывали дружинникам принимать позы, прикладываясь к винтовке, палить. Мятежники в замке решили, что это атака, и начали ее отражать.

У баррикад и по переулкам бродили корреспонденты, писатели, художники. Они брали интервью у анархистов, зарисовывали их в альбомы, расспрашивали о переживаниях. Сюда приехала Андре Виоллис, с нею Жорж Сориа из «Юманите», долговязый Френк Питкерн из «Дейли уоркер», тут же Луи Фишер, Жан Люрса и несколько больших американских газетных чемпионов. Они спорили о том, когда может быть взята крепость, и о принципиальности поступка фашистов, заперших у себя в крепости заложниками жен и детей толедских рабочих. Виоллис и Сориа считали это образцом фашистского цинизма. Американцы доказывали, что и всякий другой на месте осажденных поступил бы так. «Итс лоджикл!» — восклицали они. Потом все вместе пошли искать обед, но его уже успели сожрать в гостинице кинооператоры.

7 СЕНТЯБРЯ

Металлургический завод компании «Сосиэдад коммерсиаль де иэрос» в Мадриде подвергнут «инкаутации». Слово это никто не может перевести ни на какой язык.

По приблизительному смыслу, это значит «взятие в руки». Инкаутует государство или профсоюзы, или комитеты народного фронта. Подвергаются инкаутации заводы, универсальные магазины, склады, промышленный и сельскохозяйственный инвентарь, универ-

сальные магазины и даже редакции газет.

Инкаутация имеет в разных случаях разные причины и поводы.

Это прежде всего управление предприятиями, которые покинуты сбежавшими хозяевами-фашистами.

Это также реквизиция производства прямого или косвенного военного значения.

Это и поддержка тех отраслей промышленности и торговли, которые из-за мятежа и военной обстановки вынуждены закрываться, обрекая свой персонал на безработицу.

Это иногда и просто беззаконие, к тому же бесцельное, когда инкаутуются мелкие предприятия и лавчонки.

Различны и формы, и степени инкаутации.

Это и полная конфискация предприятия, и его временная реквизиция, и так называемая «интервенция», то-есть вмешательство в работу предприятия путем назначения государственного или профсоюзного представителя с широкими полномочиями.

Это прикомандирование государственного контролера к бухгалтерии предприятия.

Это, чаще всего, рабочий контроль над предприятием, под руководством профсоюза, контроль, который часто переходит в полное управление.

Все виды государственного и общественного управления частными предприятиями объединены в «Национальном совете по инкаутации» при правительстве республики. В совет входят представители всех ведомств и всех партий народного фронта. Порядка здесь, впрочем, мало. У совета нет точных данных, сколько и какие предприятия подверглись инкаутации. Каталония имеет свой комитет и данных пока не прислала. По грубому подсчету, по всей территории, свободной от мятежников, насчитывается около восемнадцати тысяч инкаутированных единиц. Из них в Мадриде — две с половиной тысячи, в Барселоне — около трех тысяч. Цифры эти, по-моему, преуменьшены по крайней мере вдвое.

В Мадриде полностью инкаутированы, во-первых, все крупные предприятия тяжелой промышленности — металл, химия, топливо; во-вторых, все виды транспорта, его ремонта и обслуживания; в-третьих, крупные торговораспределительные аппараты — универмаги, тресты хлебных лавок, закусовых, баров; в-четвертых, коммунальные предприятия — свет, газ, вода, телефон, находившиеся в руках частных компаний; в-пятых, разного рода фабрики, заводы и магазины, брошенные их бегавшими хозяевами.

Первоочередные задачи «Совета по инкаутации» — это приспособить все управляемые им производства для нужд обороны, освободиться от импорта некоторых видов сырья и полуфабрикатов, обеспечить снабжение фронта и тыла. Но совет оказывает влияние и на менее важные производства. Он, например, устраивает банковские ссуды предприятиям второстепенного значения, которые оставлены владельцами без оборотных средств, или вмешивается в финансы предприятия, обеспечивая выдачу заработной платы.

На заводе «Сосиедад коммерсиаль де иэрос», который я посетил, дела сложились так.

Завод имел тысячу рабочих, вырабатывал железные конструкции, арматуру для бетона и несгораемые шкафы. Принадлежал испанскому анонимному акционерному обществу с капиталом в шесть миллионов песет. Фашистский мятеж застал завод на шестой неделе стачки, — рабочие добивались увеличения зарплаты на восемь процентов и сокращения рабочей недели с сорока четырех до сорока часов. Большинство, две трети, рабочих принадлежит к Социалистической федерации труда. На другой день по окончании уличных боев на пустой завод явились представители Анархистской конфедерации труда со своими рабочими и начали производство кузовов для бронированных автомобилей. Несколько дней на заводе была неразбериха. Затем состоялся общезаводской митинг; был переизбран завком. Из одиннадцати членов, намеченных в цехах, восемь членов от Социалистиче-

ской федерации труда, в их числе два коммуниста, и три члена от Анархистской конфедерации. Завком удалил посторонних с завода и возобновил работу.

Двадцать пятого июля был издан правительственный декрет об инкаутации. На завод явился представитель «Национального совета по инкаутации», молодой инженер, не-металлург, республиканец. Совместно с ним завком перевел предприятие на производство броневиков.

Заводской комитет и правительственный представитель произвели прежде всего чистку администрации. Были уволены три инженера, два техника. Зато был принят обратно на работу инженер левых убеждений, уволенный администрацией после октябрьских событий 1934 года.

Главный инженер завода бежал с мятежниками. Директор ухитрился в последний момент «подарить» свой дом бразильскому посольству, получил бразильский паспорт и укрывается в здании посольства.

Условия работы были установлены те, которых рабочие добивались стачкой накануне фашистского мятежа. (Вообще говоря, рабочие по всей стране работают пока на тех ставках, которые они получали к моменту мятежа.) Объем продукции завода сохранен и оставлен тот же, что и прежде; причины — недостаток металла и уход двухсот рабочих на фронт.

Из числа оставшегося технического персонала выделен главный инженер на правах технического директора.

— Какие у завкома ближайшие планы?

Председатель завкома Бальтасар, беспартийный, сочувствующий коммунистам, простой и вдумчивый парень, отвечает после паузы:

— Пока мы живем сегодняшним днем. Но как только отгоним фашистов от Мадрида — устроимся более основательно. Прежде всего иначе разместим цеха и рабочих. Здесь был порядочный хаос, как мы теперь видим. Производство от этой перестановки очень выиграет. Затем хотим создать охра-

ну труда, — у нас было очень много несчастных случаев. В Мадриде есть институт безопасности производства. Мы заключили с ним договор. Организуем при заводе маленькую больницу, откроем дом отдыха, как у вас. Хотим создать кооператив. Уже сейчас снабжаем рабочих табаком. Наши женщины организовали посылки на фронт. Наднях у них была большая радость: они узнали, что им самим советские женщины послали продовольствие. Но главное — это, конечно, отбросить фашистов. Иначе будем висеть на фонарях со всем семейством.

Завком распределил работу так: председатель и секретарь; двое членов завкома ездят по городу, держат связь с заказчиками и учреждениями; двое занимаются профсоюзной работой; остальные, неосвобожденные, следят в цехах за производством.

Правительственный представитель решает все вопросы в полном контакте с комитетом. Возникают, конечно, трения, особенно по вопросу о единоначалии. Но представитель правительства заверяет, что никаких серьезных недоразумений у него пока не было...

«Национальный совет по инкаутации», видимо, останется как постоянное правительственное учреждение. Его забрасывают тысячами проектов и проблем. Сейчас совет регулирует производство и потребление бумаги. Создается государственное транспортное машиностроение. Хотят монополизировать за государством важнейшие отрасли внешней торговли. Испанские писатели предлагают создать государственное издательство — при сохранении наряду с этим частной издательской деятельности.

8 СЕНТЯБРЯ

Глава испанского правительства и военный министр республики Франсиско Ларго Кавальеро в 11 часов 30 минут принял представителя московской газеты «Правда». Беседа происходила в здании военного министерства и длилась 20 минут.

Все залы бельэтажа теперь очищены от лишних людей и почти пустынные. Курьеры стоят у дверей и задерживают

приходящих. Посетители тихо ожидают на диванах и перелистывают военные ежегодники 1887 года. Старичок в пенсне, из типа старых социал-демократических функционеров, долго мучился, записывая трудное русское имя на анкетный листок. Этого старичка я видел в прихожей Всеобщего рабочего союза, но теперь он в черном пиджаке и с официальной повязкой на рукаве. Когда надоело с ним возиться, я оставил его на полуслове и перешел на другой конец громадной приемной. Шикарный офицер с аксельбантами, с навощенным пробормом, поклонившись, сразу пропустил в кабинет — свидание было условлено по телефону.

Кавальеро, уже не в милицейском мундире, а в хорошо сшитом штатском костюме, чисто выбритый, прямой и строгий, сидит за столом. Он молчит, нескончаемо долго и холодно, пока с ним заговорят.

Услышав поздравления, кивает головой и опять молчит. Наконец выговаривает несколько слов. Просит извинить его — сейчас он не может повторить со мной беседы в таком же роде, какая у нас была 27 августа. Тогда он был свободный человек, теперь он человек, связанный своим постом. Он вообще ни с кем сейчас не беседует на политические темы. Для бесед на политические темы существует совет министров. Он делает особое исключение — только для «Правды».

— Понятно. Спасибо.

Но он просит не злоупотреблять этим исключением.

— Понятно. Что представляет собой ваше правительство?

— Это правительство народного фронта.

— Понятно. Его база?

— Мое правительство представляет всех объединенных в профсоюзы трудящихся испанцев и все силы народа, собранные в единый кулак для защиты страны от противозаконного мятежа. Конечно, у республиканцев, у социалистов, у коммунистов, у анархистов есть свои взгляды на дальнейшее социальное развитие Испании, разные теории, разные практические проекты. Есть они и

у меня. Но я молчу о них. Сейчас все разногласия отложены. Мы составляем единый организм, у нас одна цель — разгромить фашизм. Все объединено в правительстве.

— Понятно. Что делается новым правительством для создания перелома в военных действиях?

— Моя первая задача — обеспечить полное единство командования и власти. Сейчас руководство всеми вооруженными силами республики сосредоточивается в руках военного министра.

— Включая Каталонию?

— Включая Каталонию.

— Понятно.

— У нас создан новый генеральный штаб из толковых, квалифицированных и знающих свое дело офицеров.

— Фамилия начальника штаба?

— Фамилии неинтересны. Авторитет и влияние генерального штаба на ход операций растут с каждым днем. Но полностью эта проблема будет решена только тогда, когда мы установим на каждом фронте и секторе начальников, прямо и непосредственно подчиненных мне и генеральному штабу. Я также запретил военным начальникам разбалтывать служебные тайны. Я приказал цензуре прекратить безграмотную болтовню испанской прессы, которая раскрывает все подробности операций.

— Понятно. Характер армии, ее структура?

— Военное министерство поручило генеральному штабу разработать во всех деталях и провести полный, всеобъемлющий план построения регулярной республиканской армии с установлением точных контингентов и численных норм. Будут проверены отряды милиции, прежде всего под углом зрения вооружения и финансов. Мы получаем огромные заявки на оружие и на выплату жалованья бойцам. Составляются огромные суммы. Казна не бездонная бочка, у нас есть бюджет, план и отчетность.

— Понятно. Как будет разрешаться вопрос о командовании милиционными частями при вхождении их в регулярную армию? Сохранят ли они своих выборных командиров?

— Это будет зависеть от военного

министерства. Еще вопрос, войдут ли милиционные части в состав армии.

— Значит, возможно еще параллельное существование двух систем войск?!

— Это решит военное министерство.

— Предстоит ли политическим делегатам остаться в частях? Возможно ли оформление комиссаров как постоянного института?

— Это решит военное министерство.

— Возможна ли в ближайшее время мобилизация призывных возрастов?

— Сожалею, но по военным вопросам пока больше ничего определенного не могу сказать.

— Меня интересует состояние транспорта.

— Я занимаюсь сейчас только военными делами. Но министр путей сообщения, вероятно, охотно...

— Понятно. Благодарю вас.

Подозвав офицера, он углубился в карту Эстремадуры. Но мне далеко не столь все понятно. Кто это — Клемансо или Горемыкин?

В приемной старичок с повязкой шикает на делегацию со знаменами, пришедшую приветствовать главу правительства.

— Тише, говорю вам! Товарищ Ларго Кавальеро принимает только по записи! Здесь не принимает. Идите во Всеобщий рабочий союз, там есть специальный прием для товарищей, желающих передать приветствие товарищу Ларго Кавальеро. Здесь военное министерство, здесь нельзя шуметь.

Этажом ниже все-таки шумят. Здесь та же толчея, та же суматоха, то же столпотворение, что и раньше.

10 СЕНТЯБРЯ

Опять на шоссе Мадрид — Лиссабон. До Санта Олаальи — никакого движения, почти безлюдно. Санта Олаалья переполнена автомобилями, орудиями, солдатами, санитарями. В штабе обедают, настроение неплохое, потому что противник два дня не тревожит. Полковник, нет, теперь уже генерал, Асенсио свеж, спокоен, улыбается. Он теперь командует всем центральным фронтом, подразумеваемая под этим сектором, прикрывающие Мадрид. Печать пышно

восхваляет его прошлые заслуги, особенно в марокканских войнах, быстроту карьеры (в сорок четыре года). Его считают умным и знающим военным, самым умным из офицеров на стороне республики, при этом человеком неясным, политически и морально сомнительным.

Асенсио снял две тысячи человек из своих частей на Гвадараме, он присоединяет к ним четыре тысячи каталонцев и хочет ударить на Талаверу. Но операция эта откладывается со дня на день. По словам Асенсио, он совершенно лишен средств управления и связи, работа штаба сводится к тому, что три офицера носятся взад и вперед по шоссе, собирают информацию и развозят приказы, которых начальники колонн не признают и не выполняют. Линия сопротивления с противником проходит в десяти километрах от Талаверы. Дальше окопались марокканцы и иностранный легион. А мы — окопались или нет? Асенсио усмехается, он говорит, что для этого у частей нет ни сил, ни инструментов, ни терпения. Он докладывал военному министру о необходимости окопаться кругом Мадрида, но синьор Ларго Кавальеро считает, что окопы чужды складу ума испанского солдата. От огня противника испанец в крайнем случае укроется за деревом. Зарываться в землю ему не по душе. Нужно будет по меньшей мере год, чтобы приучить его к этому, — за это время три раза кончится война.

Оставив Асенсио, выехал вперед. Шоссе загромождено автобусами, это те же, что мчались неделю назад из Талаверы. Машины повернуты передом к Мадриду, это стало уже обычаем. Кругом машин, по обочинам шоссе жмутся дружинники — лежат на траве, курят, закусывают. Еще, еще вперед — части кончаются, но противника в бинокль не видно. Дамасо мчит, как сумасшедший, он лишь чуть-чуть косит глазом на меня, — если я не остановлю, он так и ворвется, на скорости сто тридцать, в город. Мы уже миновали столб с дощечкой «Талавера—4 км», я говорю ему придержать машину. Кругом полная тишина, на горизонте видны дымовые

трубы и шпиль церкви. Слева, в поле, чернеет фигура, но не солдата, а крестьянина, он наклонился, видимо, над трупом.

На обратном пути в Санта Олалью я говорю Асенсио, что на три километра перед Талаверой противника нет. Он оспаривает это. Услышав, что я это видел сам, он несколько смущен. И выходит из положения, сказав:

— Я хотел вас обмануть, чтобы не подвергать опасности. Конечно, штабу известно, что мятежники окопались почти у самой Талаверы.

По-моему, он врет. Но странно—готовясь контрнаступать, почему сей полководец сам отодвинул свое исходное положение на семь километров назад? Для разбега, что ли? И это тоже соответственно складу ума испанского солдата?

Сделав крюк через Торихос, ночью приезжаем в Толедо. В воротах сонно проверяют бумаги — в ночное время бдительность здесь резко падает. Кромешная тьма, и, когда Дамасо тушит фары, средние века тесно сжимают нас в еще накаленных жарой улицах-коридорах. Ясное дело, тут не обойтись без шпаги, куда там с маузером. Шпагой можно проткнуть врага, или хоть его тень, если он неслышно метнется из-за угла. Кровавое Толедо, страшное Толедо, уже ты стало, состарившись, диковиной для праздных заморских зевак, — а вот опять испанцы бьются в тесных твоих стенах, опять громыкает пушка, опять мавры рвутся на выручку осажденному Алькасару. У старых камней Европы человечество в который раз спорит о свободе и рабстве, о независимости и угнетении.

Почти ошупью среди мрачных, окovaných железом дверей и порталов мы находим гостиницу. В столовой, на деревянных диванах, на столах, все спит вповалку.

11 СЕНТЯБРЯ

Все здесь спрашивают друг друга — когда же будет взята крепость, но никто всерьез не чувствует себя заинтересованным в этом. Завязался драматический спектакль, и все играют в нем с

упоением, кроме трупов, которые ужа-сающе смердят на обломках нижних зданий, разрушенных республиканцами.

На-днях в Алькасар ходил для пере-говоров с мятежными кадетами их быв-ший профессор, майор Рохо, сторонник правительства.

Затем появился проект, совершенно всерьез, облить весь Алькасар бензи-ном, поджечь и тогда атаковать... При-ташили из Мадрида пожарные цистер-ны, налитые бензином, начали поливать, подожгли цистерны и самих себя.

Сегодня с утра — новое действие в пьесе, и все опять страстно принимают участие. Мятежники потребовали к себе в Алькасар священника, то ли для пере-говоров о перемирии, о выдаче ими заложников, то ли для отпущения гре-хов перед смертью.

Из Мадрида привезли каноника ка-федрального собора, отца Камараса. Вот он идет, в сопровождении целой орды: подполковника Барсело, капитана Седи-лес, художника Кинтанилья, прочих на-чальников и болельщиков, репортеров, фотографов и просто празднующихся. Поп, пухленький, с пробором, одет в пиджак, обшитый шелковой тесьмой, он в крахмальном воротничке, с большим белым кружевным платком в руках, по-хож на доктора по женским болезням, он бледен и не знает, как держаться. В правой руке у него распятие, левую он, чувствуя за спиной дружинников, сжи-мает в кулак по-ротфронтовски и так проходит по обломкам, в трещину сте-ны. Видно, как его там встречают жан-дармы «гардии сивиль» в черных тре-уголках.

Стрельба приутихла, люди ждут и не расходятся, наступает нечто вроде пере-мирия. Видно, как сверху, из академии спускается группа солдат и, позади них, наблюдая, трое молодых фашистских офицеров. Они выходят через пролом в стене, куда входил священник, и оста-навливаются, в пятнадцати шагах от дру-жинников и горожан. Обе стороны смо-трят друг на друга молча, с огромным интересом, затем один из осажденных неуверенно просит покурить:

— Прямо смерть без табаку!

Тотчас же двое дружинников выта-

скивают бумажные пачки с сигаретами. Другие вслед за ними лихорадочно ша-рят в карманах и ищут табак. Все в крайнем азарте; видно, что каждый из них будет по-детски неутешен, если не сможет потом похвастаться, что дал мя-тежнику покурить. Сержант вмешивает-ся в это дело, он разрешает только двоим и себе самому подойти к фаши-стам с сигаретами.

Они отрывисто переговариваются:

— Сдавайтесь! Вас обманули! Пере-ходите к нам, к правительству!

— Нет. Мы выполняем приказы на-ших командиров.

Офицеры, довольно истощенные на вид, обрывают разговор:

— Вы думаете купить их за пачку сигарет? Это не выйдет.

Молодой парень из осажденных, с об-вязанной грязной тряпкой пораненной головой, бормочет негромко:

— Нам все равно, кто нас расстре-ляет, что это правительство, что то.

Сержант повысил голос:

— Это неправда! Это ложь! Прави-тельство не расстреливает солдат-мя-тежников, которые добровольно склады-вают оружие. Мы наказываем только вожаков, фашистских зачинщиков. Вас обманывают! Солдаты, образумьтесь! Схватите ваших тюремщиков и выйдите из Алькасара! Мы давно разгромили бы вас и уничтожили, если бы не наши жены и дети, которых вы держите за-ложниками. Но поверьте, еще день-два, и терпенье наше кончится. Если мы по-жертвуем жизнью дорогих нам су-ществ, — поймите, как ужасна будет расправа с вами.

Кто-то из мятежников крикнул исте-рически:

— Зачем это все? Зачем разрушать Испанию?

Все дружинники хором, наперебой отозвались:

— Кто же ее разрушает? Это вы, па-скуды, ее разрушаете, негодяи, собаки вы этакие!

Началась перебранка, стороны разо-шлись, не стреляя.

Ровно в полдень каноник вышел через пролом стены, опять с поднятым кула-ком, только вместо распятия он держал

кончиками пальцев конверт. С ним шел фашистский офицер, они встретились с представителями республиканцев, и дальше каноник зашагал уже среди большой толпы дружинников. Он вошел в штаб Барсело, в здание почты, там началось заседание. Через двадцать минут поп вышел и уехал в автомобиле в Мадрид.

Я спросил у гражданского губернатора, потного и важного молодого человека, что дали переговоры.

— Пока ничего особо существенного.

— А письмо? Это были условия мятежников?

— Это было частное письмо, от полковника Москардо своей жене.

— От Москардо, командира мятежников? Его жена здесь?! В Толедо?

— Она в Мадриде.

— В тюрьме?

— На свободе, в санатории. Вас это удивляет?

— Письмо будет передано?

— Конечно.

— Это что, галантность?

Он посмотрел долгим, пронзительным взглядом:

— Это великодушие.

— А они в это время мрут голодом и пытаются жен и детей толедских граждан и прикрываются их телами от снарядов и бомб!

Он продолжал смотреть, пронзительно и с оттенком торжественной невменяемости:

— Да, а они в это время мрут голодом и пытаются жен и детей толедских граждан и прикрываются их телами от снарядов и бомб. И посмотрим, кто победит. Вы в Испании, синьор, вы в стране Дон-Кихота.

Толпа вокруг почты рассеялась, пушка опять начала палить по замку, раз в три минуты, из четырех снарядов один разрывается. Мы завтракали с солдатами в старом монастыре Санта Крус, превращенном в музей, а теперь из музея в казарму и осадный блокгауз. На дубовых подставках стояли могильные плиты с еврейскими письменами. Журналисты-французы судачили о смысле и значении сказанных мне гражданским губернатором слов.

— Для Кольцова он просто изменник. Если что-нибудь не клеится, большевики тотчас же подозревают вредительство и предательство.

— А Дон-Кихот в их представлении это, вероятно, вредный либерал...

— Подлежащий изгнанию из среды сознательных марксистов...

Я огрызнулся:

— Молчите о Дон-Кихоте! Мы с ним больше в ладах, чем вы. За время советской власти «Кихот» издан у нас девять раз; а у вас во Франции?.. Вы умиляетесь Дон-Кихоту и оставляете его без помощи в смертный час борьбы. Мы критикуем его и помогаем.

— Критиковать надо тоже, входя в естество...

— А что вы понимаете в естестве! Сервантес любил своего Кихота — но гражданским губернатором назначил не его, а Санчо Пансу. Добрый Санчо никогда не присваивал себе высоких доблестей своего шефа. А эта сволочь — это не Кихот и не Санчо. Ведь у него в кабинете не снят телефон, прямой провод с Алькасаром!

Журналисты повскакали:

— Телефон? Вы шутите! В кабинете у губернатора?!

— Проверьте у полковника Барсело. Телефон оставлен «на случай пожелания мятежников сообщить о намерении сдать».

Они ушли, взбудораженно переговариваясь.

14 СЕНТЯБРЯ

Поутру, на узенькой улице Сан Херонимо, стоит очередь за молоком.

Очередь как очередь: человек пятьсот домохозяек, в потертых темных затрапезных платьях, с ребятишками вокруг.

Очередь как очередь, только дверь в молочную лавку украшена каменными примитивами пятнадцатого века, а в небе кружится «юнкерс» — и через каждые двадцать-тридцать секунд грохочет густой басовый взрыв.

И ребятишки, черноглазые, черномазые, непрерывно спорят:

— Это бомба!

— Нет, это снаряд из Санта Крус.

Толедские ребятишки научились отличать взрывы снарядов, бомб, динамитных пакетов, пулеметную стрельбу мятежников — от республиканской.

Но они забыли вкус мяса, забывают вкус молока и жадно, настойчиво запрашивают кусочки сахара. Они охотно совершают обмен: два или пять, или даже десять патронных гильз на кусочки сахара; три месяца назад так же бегали за туристами с образками и иллюстрированными открытками. Они предлагают осколки снарядов и даже целые, неразорвавшиеся. У них при этом хитрые физиономии: снарядов, снарядных осколков здесь сколько угодно, а сахар — такая роскошь.

Я завязал разговор с пожилыми доньями в очереди — их смешит ломаная испанская речь. Откуда этот человек?

Узнав, что русский, приходят в неопишное удивление. Очередь нарушается, все тесно обступают кругом, жмут руку, смеются, хлопают по спине. Почтенные дородные кастильянки расцветают приветливыми, веселыми улыбками.

— Мы уже читали и слышали по радио письмо от женщин с Трес Монтаньяс. Это ангелы, а не люди. Если бы мы могли наши печальные сердца вынуть из груди, мы послали бы их нашим сестрам туда.

Какие Трес Монтаньяс, какое письмо? Я сначала не могу понять; показывают газету. Напечатано письмо из Москвы, от работниц фабрики Трес Монтаньяс, Трех Гор, короче говоря, Трехгорки. Вот оно что! Ткачихи Трехгорки, собравшись третьего дня, обратились с письмом ко всем советским женщинам:

«Мы с радостью читаем в газетах, что испанские трудящиеся женщины не только помогают и воодушевляют своих сыновей, мужей и братьев, но и сами непосредственно участвуют в героической борьбе за свободу. Пусть знают трудящиеся женщины Испании, что мы, женщины великой страны социализма, с напряженным вниманием и волнением следим за героической борьбой и горим желанием помочь женщинам и де-

тям свободного испанского народа. Мы обращаемся ко всем женщинам Советской страны — к работницам, к крестьянкам, к женщинам-служащим, к домашним хозяйкам, ко всем матерям с горячим призывом организовать помощь продовольствием трудящимся женщинам Испании, детям и матерям борющегося испанского народа. Мы предлагаем купить и послать продовольственные продукты в Испанию для детей и женщин героического испанского народа. Мы вносим на это 50 рублей и уверены, что женщины Советской страны последуют нашему примеру».

Очередь у молочной лавки становится как будто еще короче; люди потеснились, чтобы быть ближе ко мне. Даже мальчишки немного приутихли. Нет ли еще новостей? Оттуда, из этой далекой страны, немного непонятной, покрытой чуть ли не вечными снегами, но такой теплой, дружеской, заботливой?

Свежих новостей у меня нет, оторвался, — но я рассказываю об отношении советских рабочих и работниц, всего народа, к Испании, к испанской борьбе.

Все слушают жадно. Опять слышен взрыв, это бомба с самолета. Часть женщин шарахается, другие остаются и укоризненно смотрят на бегущих. Я вижу, девушка в моно исподтишка показывает на меня: неудобно перед русским товарищем так бегать от бомб, — что он может подумать.

Самолет ушел, беседа восстанавливается, испанки узнают о советских женщинах, об их любви к детям, об их готовности и желании взять к себе на воспитание сирот бойцов, павших в борьбе против фашизма. Почти у всех слезы на глазах.

Девушка в моно сконфужена этой сценой. Ей кажется, что репутация толеданок страдает. Она объясняет мне:

— Не обращайтесь внимания. Испанки вообще любят поплакать. Сейчас они плачут просто от радости. Они очень стойкие женщины и вовсе не думают жаловаться. Я сама толеданка, я знаю.

Высокая донья со впалыми щеками порывисто вмешивается в разговор:

— Мой муж убит пулей из Алькара. Он был рабочим в гараже при

отеле. У меня осталось двое ребят. Будь я помоложе, а дети постарше, мы сейчас же пошли бы на смену. Извините меня, я простая женщина и как-то не думала о многих вещах. Мне казалось, что все иностранцы — это только богатые туристы, вот такие, как приезжали сюда. Я помогала моему Себастьяну мыть их машины. Теперь немцы и итальянцы посылают на нас самолеты с бомбами. В эти горькие дни ваши женщины, работницы и учительницы, посылают нам помощь, как родные сестры. Я очень хочу капельку своей крови послать работницам в письме, чтобы отблагодарить и стать друзьями навеки.

Какая огромная сила это будет и уже есть, испанская женщина, едва только высвободившаяся из душного загона дома-тюрьмы! Ее клонила к земле, выедала изнутри, как ржавчина, позорная ложь во всем ее существовании. Дома — простоволосая, коротконогая, в шлепанцах, в мыльном пару над корытами с бельем, среди визга ребят и гаремных сплетен соседок, всегда виноватая и безответная перед мужем. На улице, перед людьми — на высоких каблуках, играя шелком ног, шелестя веером, маня открытым ртом, — роскошное и нежное животное, соблазн для прохожих, гордость собственника-мужа. Публично — раболепие перед женщиной, приторная, опошленная пародия на преклонение рыцарей перед прекрасными дамами; в семье — надменность и грубость к женщине, бесстыдная эксплуатация днем ее труда, ночью тела, оскорбления, побои. Я видел случайно, в окно весьма зажиточной квартиры, как синьор колотил ногами синьору. Он лягал ее каблуком, повернувшись задом, как козел. Что-то прокричит, лягнет, отбежит, и опять сначала. Дама, без юбки, в лифчике, на высоких каблуках, с оранжевыми подвязками, тоже кричала, но не сопротивлялась; ребенок плакал на диване. На стене висел портрет генерала Боливара, с эспаньолкой и вверх закрученными усами.

Женщина вступает в свои человеческие права, — не со времени свержения монархии, не с первыми депутатскими мандатами Виктории Кент, Маргариты

Нелькен, Долорес Ибаррури, а сейчас, когда гражданская война оплодотворила страну народной, демократической революцией, раскрыла дома, сорвала занавесы и ширмы, разворошила общественную и частную жизнь.

Я буду помнить женщину с двумя детьми на худом осле, среди серых раскаленных холмов Арагона, вдову, чей муж убит и дом сожжен фашистами. И восемь женщин, что пришли в Лериду из деревень Сиерра и Луна. Вступив в эти деревни, фашисты стали насиловать девушек, а их матерям стричь наголо головы машинкой и гонять затем по улицам. Восемь женщин после этого издевательства бежали из деревень. Волосы — главное украшение испанки: и старой, и молодой, и богатой, и нищей. За волосами испанская женщина бесконечно ухаживает, затейливо их завивает. Но восемь крестьянок выставили свои стриженные головы перед всеми, позор они превратили в отличие. «Мы не хотели, но фашисты сделали нас солдатами. И мы будем воевать, как солдаты, пока волосы наши не отрастут до плеч». И девушку Кончиту на Гвадараме, взявшую себе винтовку убитого жениха. И комсомолок Лину Одену, Аврору Арнаис, в моно, с пистолетами на боку, командующих большими отрядами, организуемых тысячи молодых испанцев для защиты свободы. И Марию Караско, сердитую тетку, механика на аэродроме Четырех Ветров, измазанную машинным маслом, ползающую по моторам, не выпускающую летчика в бой, пока она не проверит все до последнего винта. И пятьсот женщин, что пришли в первый день гражданской войны в мадридские лазареты предлагать свою кровь для переливания: «Наши мужья отдают свою кровь на фронте, мы хотим вернуть ее в тылу!..». И Эстрелью Кастро, знаменитую певицу, чьи высокие трели звенят на позициях, под солидный аккомпанемент тяжелых орудий. И Марию Тересу Леон на талаверской дороге, с серебряным маузером. И Марину Хинеста, молчаливую, вежливую, с мальчишеской стрижкой волос, бойца на баррикадах площади Колумба, аккуратную стенографистку и переводчицу.

Это все и есть настоящая испанская женщина, открывшая, вслед за Долорес Ибаррури, в грозный час народной борьбы, свой подлинный, стойкий и трогательный облик.

Благородные кавалеры, превозносившие «красоту, благородство и святость» испанской женщины, сейчас показали все свои рыцарские манеры.

В деревне Рамбла, в провинции Кордова, они всех жен антифашистов убили камнями на сельской площади. Матери падали с детьми на руках.

В деревне Пуэнте Хелиль, в Андалусии, они изнасиловали тридцать женщин, всем прокололи штыками груди и утопили в реке. Изнасиловать и проколоть грудь — это по рецепту бесчисленных порнографических книг о половых извращениях, любимой литературы фашистских маменькиных сынков. Утопить в реке — это уже в порядке личной инициативы.

И здесь, в Толедо, в высоком замке, перед нашими глазами кавалеры, носители исторических традиций, поместили женщин-заложниц над собой, в верхний этаж, чтобы снаряды падали на них первых, прикрылись их телами.

Женщины из очереди у молочной лавки уговорили меня посетить толедскую колдунью Исабель Дельгадо и проводили к ней. Колдунья оказалась самая настоящая. В мрачной ее конуре у церкви святой Урсулы, среди чучел совы и летучей мыши, она варила в электрической кастрюльке волшебное зелье. Тетки долго галдели, объясняли, что я за хороший человек и из какой страны. Старуха отлила в пузырек чудодейственного бальзама, мазать разбитое плечо, или на случай раны, а если ничего больше не будет болеть, им можно также чистить зубы, они будут белые, как сахар. Но девушка-милиционер открыто при всех высмеяла бальзам и поклялась памятью своей матери, что никогда не пробовала и не станет пробовать знахарских зелий.

16 СЕНТЯБРЯ

Приятно бывать в Пятом полку. Здесь отдыхаешь от неразберихи и бестолковщины и ободряешься очертаниями зав-

трашной народной армии. Люди здесь, хоть на вид и те же, что кругом, — все-таки действуют, думают, разговаривают по-иному — с каким-то твердым стержнем внутри, с каким-то ощущением ответственности.

На улице Листа в маленьком особняке — штаб, политотдел и разные канцелярии. Здесь же небольшая столовая для командиров. В отличие от других учреждений, здесь чисто, толково, тихо. Здесь, это тоже редко в Мадриде, работают по ночам.

В другом месте, в большом монастыре, расположены казармы, склады, учебный центр. По огромному двору маршрут добровольцы. Много разных групп, — переходя от одной к другой, видишь все стадии обучения и перемену облика людей. Вот шуплые, сутулые подростки из Вальекас, мадридской Марьиной Роши, неуклюже поворачиваются налево-направо, кругом марш, толкаются, зубоскалят, вот уже приличная маршировка и приемы с палками вместо ружей. Вот учебная стрельба в тире — каждому бойцу дается возможность выпустить три боевых патрона. Это для нынешних условий — неслыханная роскошь.

Пятый полк — это скорее военный комиссариат, управление по формированию, чем войсковая единица. Батальоны и роты, сформированные и обученные Пятым полком народной милиции, сражаются в разных секторах, на севере, на юге и в центре Испании. Боевые инструкции, политические брошюры, листовки, плакаты политотдела Пятого полка распространяются по всем республиканским войскам.

Пятый полк есть в то же время и полк. У него свой штаб, он распоряжается отдельными операциями, которые ему поручает высшее командование. У него свое основное цельное ядро, несколько тысяч бойцов, под Мадридом. Всего же Пятый полк выставил в строй уже около тридцати тысяч бойцов. Это, конечно, чрезмерно для полка, даже в военное время. Но сейчас в Испании не до формального соблюдения воинских канонов. Имя Пятого полка цементирует части, создает командирам авторитет, а

бойцам народной милиции придает больше достоинства и храбрости. Это имя и требует кое-чего. Надо читать газеты и чистить винтовку. Надо подчиняться приказам и рыть окопы. Надо объяснять толково и, главное, честно, что видел в разведке. Последнее — особо редкое искусство; разведчики и прочие очевидцы пока редко видят здесь противника меньше чем в количестве трех тысяч солдат в сопровождении десяти тысяч арабской кавалерии на резвых конях.

Пятый полк вырос из первых маленьких ударных частей, которые коммунисты создали для фронта Гвадарамы. Это были лучшие, самые отважные, хотя и неопытные в военном отношении, мадридские пролетарии. Они обучались на ходу, в бою. Мужество, сознательность и преданность сделали их первыми и самыми стойкими солдатами антифашистского войска. Простой неписанный закон они установили между собой: если один бежит от врага, другой вправе прикончить его выстрелом из винтовки.

Сейчас первые рабочие «железные роты» очень сильно разбавлены новичками — крестьянами, интеллигенцией, анархистами. В этом их слабость, в этом их сила. Слабость — потому, что в некоторой степени потеряна монолитность, боевая плотность первых ударов роты. Сила — потому, что ударники распространяют свои качества на большее количество бойцов, в строю и в бою создают новые, широкие кадры дисциплинированных и смелых солдат, борются с индивидуализмом и распущенностью.

Доброволец, принимаемый в Пятый полк, должен отвечать прежде всего трем требованиям. Первое — элементарная политическая грамотность или хотя бы сознательность. Второе — крепкое здоровье. Третье — некоторая, хотя бы небольшая, спортивная сноровка. На этой базе полк начинает дальнейшее обучение бойца. Обучение рассчитано максимум на семнадцать дней. Но это удается очень редко. В среднем подготовка бойца длится восемь-десять дней. В начале войны дружинников выпускали и за два дня. Остальному приходилось доучиваться уже в бою.

Штаб постоянно поддерживает связь со всеми сформированными им батальонами и через них — со всеми фронтами. Благодаря этому информационный отдел штаба и политотдел делают оперативные сводки гораздо более подробные и точные, чем генеральный штаб военного министерства.

Сейчас при полку созданы пехотная и кавалерийская школы и курсы для унтер-офицеров. Раз в неделю командование собирает командиров батальонов и разбирает с ними все бои и операции.

Центральный комитет партии много занимается Пятым полком, он старается показать на примере этой военной организации образцы большевистского подхода к организации вооруженных сил народа и, в лице Пятого полка, сделать почин регулярной народной армии. Все члены центрального комитета прямо или косвенно связаны с полком и помогают ему. Энрике Кастро, член ЦК, считается командиром полка, он, впрочем, занят теперь в Институте Аграрной Реформы как его директор. Повседневную работу ведет Карлос, или, как его называют здесь, майор Карлос, комиссар, фактический руководитель и популярнейший человек Пятого полка.

Карлос — итальянец (его имя — Витторио Видали), он говорит на испанском, как на родном языке, говорит также отлично на английском, французском, немецком языках и даже немного по-русски. Это неутомимый революционер-боевик, он пересидел во всех американских, мексиканских, итальянских и испанских тюрьмах, он возглавлял стачки и дрался с полицией в десятке стран, он ухитряется мелькать повсюду, и повсюду рады, когда появляется его медвежатная и в то же время ловкая, подвижная фигура, когда раздается его басовитая речь, перемешанная шутками и руганью. Карлос неутомим, он функционирует круглые сутки, у него самородный талант организовывать и воодушевлять людей на ходу. Дело спорится вокруг него, и вот так Пятый полк оброс оружейными и патронными мастерскими, хлебопекарнями, военными швальнями, плакатными студиями, картографическими печатня-

ми, саперными дружинами. Карлос водит и показывает все это с необычайным жаром, с упоением бодрого, создающего человека. Каждый день он создает что-нибудь новое. Пятый полк организовал интендантскую службу и рассылает интендантских работников в помощь своим подразделениям. Здесь заботятся не только о продовольствии, но и о починке обуви, о парикмахерах, о стирке белья, о многом, о чем лень подумать весьма революционным и весьма легкомысленным командирам. На оружейном складе Карлос показывает картотеку, заведенную на винтовки. В испанской обстановке кажется очень комичным — заводить картотеки на винтовки, когда противник нападает на Мадрид. Но именно порядка, самого прозаического порядка, пока больше всего нехватает республиканским войскам. Оружия очень мало, а полк приучает к ответственности за оружие и его состояние.

Хорошо начата работа политотдела. Здесь занимаются и самим бойцом, и его семьей: специальная комиссия дает родным справки о бойце, посещает их на дому, переправляет письма. Политотдел издает в сорока тысячах экземпляров ежедневную газету «Милисиас популарес», он снабжает материалами посылаемых в части «политических делегатов», или, иными словами, комиссаров. Это очень деликатная работа. Политотделом, как и всем полком, руководит коммунистическая партия, а комиссары являются представителями народного фронта в целом и нередко принадлежат к другим партиям.

Пятый полк воспитывает из коммунистической молодежи новые кадры командного состава. Таковы андалусец Хуан Модесто, галисиец Энрике Листер, каталонец Густаво Дюран, толедцы Сантьяго Альварес, Бартоломео Кордон, Кампесино. Рядом и вместе с ними колоннами Пятого полка командуют бывшие кадровые офицеры королевской армии Бурильо, Маркес и другие. Все вместе вылилось в хорошее боевое содружество, которое должно быть прообразом рождающейся испанской регулярной народной армии.

17 СЕНТЯБРЯ

Иностранцев пока еще немало в Мадриде. Они трех цветов — черные, желтые, красные. Цвета, впрочем, часто обманчивы.

Открытые реакционеры и сторонники Франко лепятся вокруг посольства, частью живут там. При всех дипломатических миссиях теперь устроены пансионаты и общежития. Германское посольство все время интригует в дипломатическом корпусе, предлагает всем представительствам покинуть Мадрид, мотивируя отъезд опасностью пребывания в столице и отсутствием возможностей у правительства обеспечить порядок. Это по указанию немцев был поднят бунт с поджогом матрацев в тюрьме «Карсель Модело» 22 августа.

С посольскими кругами соприкасается иностранная публика, наехавшая в Испанию после мятежа. (Иностранцы, постоянно жившие раньше в Испании, предприниматели, фабриканты, концессионеры, портовые торговцы — почти все уехали за границу, считая себя в опасности.) Эти новые — профессиональные путешественники; встречаясь, они узнают друг друга по предыдущим встречам — в Абиссинии, в Парагвае, в Саарской области, в Манчжоу-Го. Их стаж делится на «конфликты»: саарский конфликт, манчжурский конфликт... Им всем не ниже сорока лет, многие с проседью, но любовницы при них удивительно молодые. Формально они — либо представители оружейных фирм, специальные уполномоченные больших телеграфных агентств и киноантрепренеры. Испанская обстановка разлагает их — для шпиона здесь не работа, а отдых: узнать все, получить все документы можно, не покидая столика кафе, за гроши или совсем даром, пользуясь здешней страстью показывать свою осведомленность и ошарашивать собеседника сенсациями. Оттого и сведения, полученные даром или даже купленные, фантастичны, как бред сумасшедшего. Восьмого сентября все шпионы передали из Мадрида, что республиканское правительство получило от Шкоды двести мощных танков-огнеметов. Девятого об этом передали из Мад-

рида американские корреспонденты, цензура остановила телеграммы, они передали известие контрабандой через Париж. Показывали даже снимок, купленный за большие деньги. Потом выяснилось, что снимок взят из испанского журнала 1918 года, не снимок, а рисунок к утопической статье «Война в 1920 году».

...Расходы у них здесь грошевые, испанский «конфликт» великолепно пополнит их сбережения. Они только мучительно боятся быть убитыми в случайной перестрелке или в драке на улице или при обыске. Поэтому они завели себе повязки на рукаве с официальными цветами своих государств. Повязка означает: «делайте, что хотите, вешайтесь, я тут не при чем». У одного, пожилого, кроме повязки еще, вместо жилета, американский звездный флаг во всю грудь; впрочем, у него свои резоны, он глухонемой, при уличных недоразумениях это крайне неудобно. Он приехал хлопотать о наследстве своего отца, пробкового концессионера. Нашел время.

За столиками кафе, неумоимо, по шесть, по семь, а иногда по девять часов непрерывно они ругают и высмеивают испанцев. Их тупость, их медлительность, их лень. Ранее приехавшие посвящают новичков в три выражения, к которым надо прежде всего привыкнуть в Испании. Если придется за справкой — тебе сначала скажут: «ин сегида» (сию минутку). После получаса ожидания ободряют: «но тардара мучо» (долго не продлится); еще через два часа объявят: «маньяна пор ла маньяна» (завтра утром). Дамы рассказывают: «Эта их глупость просто непостижима. Им заказываешь два яйца всмятку и чай, они спрашивают, сколько минут держать яйца в воде, а потом приносят яичницу из четырех яиц, кружку пива и обижаются, когда их ругают...».

Отель «Флорида» считается ужасно красным и ужасно революционным гнездом. Здесь живут летчики и инженеры интернациональной эскадрильи в шелковых незастегнутых спортивных рубашках, с навахами и парабеллумами в деревянных кобурах у пояса. Они сначала хотели выписать к себе жен, им

отказали, теперь они уже не просят, женщины нашлись в Мадриде. По ночам бывают громкие сцены с выбеганием в коридор, так что журналисты и иностранные социалистические депутаты жалуются директору. Среди летчиков есть храбрые и преданные люди, они группируются вокруг Гидеза, их мало видно в отеле, они часто ночуют на аэродроме. Есть человек десять явных шпионов и дюжина бездельников, они ведут у стойки бара шумные интриги против Андре и Гидеза: им дают барахло вместо машин! Они не станут в угоду чьему-то честолюбию кончать самоубийством в дурацком воздухе этой сумасшедшей страны!

Здесь есть бывшие американские гангстеры, спиртовозы из воздушного отряда Аль-Капоне, искатели приключений из Индокитая и разочарованный итальянский террорист, пишущий поэму. Рыжий канадец, по специальности аэрофотограф, с утра ничего не делает, сидит в кресле в вестибюле у окна и разговаривает с пустым взглядом, устремленным в пространство. Он ждет, пока в четыре с половиной часа пополудни на Гран Виа выйдут первые проститутки. Тогда он выходит и долго выбирает, ему нужны две женщины в вечер. Их обеих он старается иметь до шести часов, пока они еще не побывали с другими клиентами.—так меньше шансов заразиться. Он долго торгуется, а потом платит больше той суммы, которую с него запросили вначале,—если женщина спросила двадцать песет, он доторговывается до двенадцати, а, уходя, платит двадцать пять. Так, объясняет он, весь акт пропускается через комплекс благотворительности. Он считает, что до Луи Фердинанда Селина не было мировой литературы. Но и у Селина есть, по его мнению, громадный прорыв. Селин упустил, что женщину надо смотреть и оценивать обязательно, когда она идет, и к вам спиной. Тогда ясна и фигура, шея, ноги. Вид спереди, глаза, улыбки, грудь — это все обман, это для дураков... Он ловит людей, чтобы поговорить о женщинах. Но все заняты, его слушают охотнее всего женщины же, супруги иностранных парламентариев.

Настоящие красные почти не показываются во «Флориде». Они приезжают потихоньку, заходят в партийные комитеты, спят там же, в маленьких общежитиях, и уходят на фронт, инструкторами при колоннах Пятого полка, санитарями или рядовыми бойцами.

18 СЕНТЯБРЯ

Рано утром, еще до восхода солнца, была взорвана мина, которую республиканцы подвели под правую угловую башню Алькасара, под ту, что выходит на площадь Сокодовер.

Взрыв был неожиданный для осажденных, у них началась паника. Отряды с патронного завода и часть анархистов ринулись со стороны Сокодовера вверх. Они добрались до холма и в проломе стены взорванной башни выставили красный флаг.

Мятежники постепенно пришли в себя, открыли ожесточенный огонь из винтовок, из пулеметов, из минометов. Подкреплений не было, атаковавшая колонна вернулась вниз, хотя ей оставалось каких-нибудь пятьдесят-сто шагов до самой ограды алькасарской академии.

По всему Толедо идет пальба, неизвестно, кто и откуда стреляет, — не могут же пули осажденных залетать во все переулки! Вооруженные и возбужденные люди бродят толпами по улицам. В доме почты, за окошком заказных писем сидит полковник Барсело, красный и злой, с перевязанной ногой, пуля пробила ему икру. Руководства никакого не чувствуется.

Теперь имеет смысл повторить штурм только в лоб, из монастыря Санта Крус. Для этого надо взять здание военно-губернаторского дома, он почти примыкает, через дорогу, к монастырю.

В Санта Крус стоят несколько отрядов, местные анархисты, немножко республиканской гвардии и коммунисты из Пятого полка. В четырехугольной галлее главного двора сидят и лежат, закусывают, смотрят друг у друга оружие. Здесь же и перевязка раненых, даже не отгорожено, напоказ всем. Здесь же лежат на носилках мертвецы, и люди кругом долго, иногда по полчаса и больше, не отрываясь, не мигая, смотрят

на этих мертвецов. Молодые парни просто гипнотизируют себя. Они, видимо, хотят понять, что чувствует мертвец, впитать его, мертвецкие, ощущения в себя. Если будут и дальше так разглядывать покойников — воевать невозможно будет.

С корреспонденциями для «Правды» отсюда, из Толедо, с эстрамадурского фронта у меня большая возня. Я пишу их либо на машинке, либо от руки, на телеграфных бланках, затем составляю французский перевод для цензуры, Дамасо отвозит все в Мадрид на телеграф, и неизвестно, что с этим потом делается. «Правды» я попрежнему не вижу по пять-шесть дней.

Под вечер я бродил, заходя в старинные пасио (дворы) мрачных палаццо. В одном вдруг увидел плакат с русскими буквами. Здоровенный крестьянин с бородой держит за рожки рыжую телку. И текст: «Преступник тот, кто режет молодняка!». Издание Наркомзема РСФСР 1928 года. Как он сюда попал?! С большим трудом выяснил, что здесь помещается толедское Общество друзей Советского Союза. Из правления никого не оказалось, крохотная чернявая девочка сказала, что падре (отец) и все тию (дяди) взяли ружья и ушли в Санта Крус.

20 СЕНТЯБРЯ

Мятежники рвутся к Толедо. В их первых эшелонах идут марокканцы. Они отчаянно дерутся, они идут в атаку с душераздирающими криками, от которых у рядовых дружинников кровь стынет в жилах. Все полны рассказов о коварстве и жестокости мавров.

В толедском военном госпитале, на двух койках в углу, — два темнокожих пленных солдата. Один ранен в глаз, другой в ногу. Хорошие добрые лица, доверчивые улыбки, бесхитростно-откровенные рассказы. Раненые бойцы дружат с ними, шутят, делятся сигаретами. Неужели эти люди могли нагонять такой страх, даже когда были здоровы и вооружены?

Уже двадцать тысяч мавров участвуют в гражданской войне на стороне фашистов.

Это, во-первых, кадровые солдаты испанской колониальной армии. Отпетые головорезы, люди, давно продавшие свой собственный народ и проклятые народом. Они помогали испанским генералам усмирять своих братьев и сестер. Они воевали на стороне Альфонса XIII против Абд-эль-Керима. Что для них теперь итти стрелять в испанских рабочих!

Кадровые солдаты — это четвертая часть мавританских частей в Испании. Остальные три четверти — это мобилизованные феллахи, крестьяне.

В этом году в Марокко был очень плохой урожай. Когда вербовщики стали собирать на базарах феллахов и требовать мужчин для отправки на полуостров, многие пошли даже охотно. Ведь начальство обещало хорошо кормить да еще платить по три песеты в день. Причин мобилизации никто не знал. Кто-то объяснил, что всех повезут на большой парад в Севилью, там будет много испанских начальников и красивый праздник. Этому поверили. Все уезжали в очень хорошем настроении. Только на полуострове, в Севилье, раскрылся обман. Рифов, самых боевых из марокканцев, поставили впереди мятежных войск. В тылу у них поставили иностранный легион и приказали сражаться.

Рифы все — дивные стрелки. Как у всех горных племен, обороняющихся от завоевателей, у них выработалась отличная огневая тактика, сверхметкая экономная стрельба. Про рифов в период марокканских войн рассказывали: он спускается в долину, работает у испанца-хозяина, работает неделю, затем идет на базар и на весь заработок покупает один патрон и этим патроном убивает хозяина. Конечно, в таких случаях надо стрелять уж без промаха.

Они и сейчас хорошо дерутся. Они делают все, что требуется от них. Тысячи людей, те, кого вчера железом и кровью усмирлял маленький и хищный испанский империализм, теперь, обманутые, служат ему с оружием в руках, служат своим злейшим врагам, они стреляют в рабочих Испании, в тех, кто

борется против империализма своей страны.

В Тетуане в 1931 году кабилы показывали мне свои художественные памятники, разъясняли, как старинная кабилская культура сопротивляется грубому нажиму полуграмотных испанских генералов, говорили о национальном подъеме, о возможностях, которые возникнут для Марокко при новом республиканском режиме. Сейчас страна гордых кабиллов стала задним двором буржосской и римской военщины, запасным аэродромом германских бомбовозов. Фашисты замарали эту страну. Всю ответственность за свои зверства и жестокости они сваливают на «моро», на мавров. Корреспондентам иностранных газет, когда речь заходит о погромах, о массовых расстрелах, об изнасилованиях и убийствах детей, фашистские генералы потихоньку объясняют:

— Это все мавры. Дикие люди. Ничего с ними не можем поделаться. Африканские натурь!

Даже вопли, при атаке, старинное военное средство риффанских племен, зачитываются им теперь в доказательство их звериной дикости и кровожадности.

В последнее время они начали кое-что соображать. Выходят вперед, по-одиночке, по-двое, поднимают вверх оружие и кричат:

— Не стреляйте! Вива камарада Асанья!

Из перебежчиков сейчас пробуют создать целую колонну. Это делает молодой араб, антифашист Мустафа ибн Кала. Он призывает риффов захватывать в Марокко усадьбы восставших генералов и земли иностранного легиона.

«Это лучшие, — пишет он, — самые плодородные земли страны. Они отняты у риффанских крестьян. Не безумие ли сражаться и проливать кровь за укрепление власти этих разбойников!».

Старый барселонский рабочий Поли Босе опубликовал письмо к мавританским солдатам. Он призывает их во имя справедливости и во имя их же интересов бросить оружие, возвращаться к себе или переходить фронт и ждать в республиканском лагере конца борьбы. Он с горечью напоминает, как во

время подавления восстания риффов барселонские рабочие устраивали политические стачки под лозунгом: «Да здравствует Абд-эль-Керим!». У перебежчиков и в карманах убитых мавров почти всегда находят письмо Поли Босе и листовку Ибн Кала.

Республиканцы сами тоже виноваты во многом. Бойцам ничего не говорят о настроениях мобилизованных риффов. Дружинники видят в них непримиримых врагов. В мадридских кругах, и даже весьма видных, еще держатся колониальные настроения. Почему правительство народного фронта не провозгласило автономии африканской провинции — хотя бы в той же мере, как другие национальные области Испании?

Мавры с оружием в руках проходят по Испании, вверх, через Андалусию, к Толедо и Мадриду. Но это не обратная реконкиста, не победоносное возвращение культурных, просвещенных кабилов, изгнанных пятьсот лет назад кастильскими рыцарями. Это марш колониальных войск, вооруженных рабов. Мавры спешат освободить древний Аль Касар, но не для себя, а для генерала Франко, военного губернатора Марокко.

21 СЕНТЯБРЯ

На рассвете кто-то прибежал: фашисты взяли Македу. Теперь они в сорока двух километрах отсюда, их тянет, как магнитом, к Алькасару. И осажденные тоже мечтают додержаться до их прихода.

Но ведь это просто немыслимо! Сегодня крепость должна пасть. Нет цены за это, слишком дорогой.

День встает в страшном грохоте. Орудий не так много, но в гулком лабиринте узких улиц и густо наслоненных высоких каменных стен одно эхо настигает другое. И глубокая долина Тахо кругом города отдает все выстрелы.

Батарей с того берега сегодня работает отлично, и снаряды рвутся почти все.

Баррикады на площади Сокодовер гремят винтовками и пулеметами. Но они теперь только резервный заслон. Главная борьба перенесена дальше, плотно к крепостному холму.

Монастырь Санта Крус переполнен. Сегодня здесь около трех тысяч человек. Рабочие патронного завода, две роты Пятого полка и колонны анархистов. Настроение решительное, штурмовое.

Вся южная стена над воротами, как и вчера, под сильным огнем мятежников. Дом военного губернатора уже почти целиком разрушен артиллерией, из-под его развалин ожесточенно стреляют только два или три пулемета. Осажденные, видимо, оставили здесь небольшую прикрывающую группу, а в основном ушли наверх, на холм, в главное здание, в военную академию.

Южные ворота монастыря открыты настезь. Из них должны сейчас ринуться вверх штурмовые колонны. Но арьергардная группа из-под дома военного губернатора непрерывно, сосредоточенно, метко стреляет прямо по воротам, не дает солдатам выйти из монастыря в атаку.

Это начинает становиться слишком долгим. Унтер-офицер, артиллерист из Пятого полка, приходит на выручку.

Прикрываясь щитком, он выкатывает вперед 75-миллиметровую пушку и начинает прямой наводкой, вернее, в упор, стрелять под уцелевшую арку дома, в полутьму, откуда идет фашистский огонь. После каждого выстрела пять, десять человек быстро перебегают мостовую и накапливаются у подножья холма. Это дает возможность миновать заградительный огонь вниз и взбираться непосредственно к зданию военной академии.

В третьем десятке мы перебегаем через мостовую и прижимаемся к стенке домов напротив.

Теперь начинается самый подъем. Его надо делать перебежками вдоль стен, через горячие и дымящиеся развалины; расположенные ступенями.

Мятежники уже оставили эти руины, но еще не догадались, что в них могут быть республиканские солдаты.

За четверть часа в таких перебежках мы поднялись уже шагов на полтора. Из академии стреляют поверх нас, вниз, туда, где идет бой у дома военного губернатора.

Это очень хорошо. Так можно добраться и до самых стен.

Дружинники очень взвинчены, но настроены отлично. Это похоже на игру в прятки. Только нас мало. Пока набралось человек семьдесят. Все молодежь из Пятого полка и частью толедские патронщики. Двоих ранило при перебежке, одного очень странно, подмышку, он скорчился и прижал рану локтем, как будто держит книгу. Их нельзя сейчас снести вниз, можно только перевязать. Они очень стонут.

Снизу перебегают новые ребята.

Неизвестно только, кто командует этим делом. По-моему, командира здесь вообще нет.

В первой группе мы взбираемся дальше. На четвереньках или просто нагнувшись, вбегаем в какую-то еще построечку.

Что за чудное место! Это был домик для сторожей, что ли. Но он сгорел, вернее, еще горит: крыша провалилась, доски, стропила, балки горят и страшно дымят. Никогда не думал, что можно так хорошо себя чувствовать в горящем доме! В этот четырехугольник без крыши уже набилось, очень плотно, с полсотни человек.

Снизу карабкаются еще люди. Один из наших высунулся вверх, сел на стену домика и машет вниз флагом, призывает. Ах, идиот! Ведь этим он обнаруживает нас!

Не знаю, заметили ли флаг внизу, в монастыре. Но сверху заметили. Стреляют в нас, прямо в кучу. Ведь крыши нет!

Крики, стоны, вот уже двое убито.

Это получился просто загон на бойне. Стреляют из винтовок, но через полминуты сюда направят пулемет! Вопли, давка, и мало кто решается выпрыгнуть из мышеловки. Один упал ничком на землю, на горящие, тлеющие доски и выставил вверх зад — пусть уж лучше попадет в зад. Многие подражают ему.

Вдруг — что-то ударило по ушам и по глазам. Я упал навзничь, на людей, — и куда ж больше падать? На меня тоже упали. И что-то невыразимо страшное, отвратительное, мокрое шлеп-

нуло по лицу. Кровь застлала глаза, весь мир, солнце.

Но это чужая кровь на стекле очков. В левом углу каменного загона копитися куча мертвого и живого человеческого мяса. Взрыв был короткий, он продолжается нескончаемо воплями людей. Через полминуты, когда сделалось свободнее, оставшимся стало стыдно перед убитыми и ранеными. Пять убитых и двое раненых — их надо вынести. Это мина из легкого миномета, такие есть в Алькасаре, — как быстро они успели угодить сюда!

Сейчас будет вторая мина, они, наверно, заряжают миномет. Дверную дыру кто-то закупорил собой, но все прыгают через стенку. И через стенку — ну что за чорт! — переваливают раненых.

Все катится вниз. Куда же?! Ведь это была только мина. Она может убить одного, ну, двух человек зараз — это мы сами виноваты, что набились, как икра, как дураки, в одну кучу. Зачем же бежать теперь вниз?

Ведь можно остановиться, лечь здесь, дожидаться подкреплений снизу. Ведь жалко же, так хорошо поднялись. Зачем терять то, что уже добыто кровью?

Немолодой боец со значком Пятого полка, высокий, лысый, иступленно ругается, останавливает солдат, тычет им, как пальцем, дулом пистолета в грудь, уговаривает не спускаться. И Мигэль Мартинес, озверев от обиды, вытащив пистолет из-за пояса, останавливает солдат, просит, умоляет, он тоже тычет, как пальцем, дулом пистолета, в их и собственную свою грудь, он ругается плохими ругательствами своей страны. Но нет, вся группа катится по склону, обратно вниз, и еще вниз, еще обратно. Неужели еще ниже? Да, еще. Но ведь здесь уже можно остановиться! Здесь можно окопаться! Нет, еще вниз. Еще, еще, еще, еще вниз. И через мостовую — пушка молчит, пулеметы из-под дома военного губернатора стреляют. И еще обратно в ворота. В монастырь. Вот теперь все.

Штурм не удался. Люди жадно пьют, полощут горло теплыми струйками воды из поронов, перевязывают шнуры на

сандалиях, заклеивают пластырями ссадины, смазывают обожженные миной места, они рассказывают, перебивая друг друга, что подняться наверх можно, что вот они были там.

Если бы не мина, все бы остались там и поныне. Но мина создала переполох. И тогда все побежали. Все рассказывают, что мина создала переполох. Никто не помнит, что сам участвовал в переполохе. Может быть, никто сам и не побежал бы. Но ведь это мина создала переполох! Побежали, глядя друг на друга. Чтобы этого не случилось, нужен был командир. Командира не было.

Когда лысый солдат и Мигэль Мартинес останавливали бойцов, было поздно. И если бы даже раньше, — все равно, они не были здесь командирами. Они могли уговаривать, но не могли сплотить бойцов для штурма.

Но люди хотят опять итти наверх, к академии. Это сегодня притягивает, тащит к себе. Те самые люди, что скапались с холма, уже теперь, через час, жаждут опять итти на штурм.

Они уговаривают других.

Весь батальон «Виктория», из Пятого полка, берется пойти вперед, на новый штурм. Анархисты тоже хотят итти. Начинаются переговоры. Высших начальников нет. Барсело уехал в Мадрид.

Договорились. Батальон «Виктория» пойдет первым, а в затылок ему пойдут анархисты. Все должно быть закончено в полтора-два часа.

Позвонили в батарею за рекой. Она опять начинает стрельбу. Унтер-офицер артиллерист опять палит под арку губернаторского дома.

Опять перебежки через мостовую, опять накапливаемся, опять по тому же пути поднимаемся вверх.

Теперь противник следит и видит нас, пулеметный огонь очень сильный, кучный. Много раненых.

Но под'ем идет быстрее, чем раньше. Старики подбадривают молодых, новичков.

Это мы—старики. Ведь мы здесь уже были час тому назад! Мы старожилы. Знаем каждый камушек. Да! Этот ка-

мушек я знаю. На нем я сидел пять минут. Желтый пыльный камень, правильной формы, он мог бы послужить прямо основанием для статуи, — конечно, если его подравнять. Пустяковый камень, но факт, я его помню.

Домика без крыши мы достигаем очень быстро. Но обходим его справа. Фашисты держат его под непрерывным огнем. По-моему, там еще осталась один мертвец. Воображаю, что с ним стало.

Теперь бойцы, и новые, и «старики», держатся по-иному. Пропала взвинченность и впечатлительность азарта, сейчас это не игра в неизвестность, а сосредоточенная, сознательная атака. Молодые лица внимательны, взволнованны, но освещены каким-то спокойным внутренним светом. Это те, кто прибыл сегодня в Толедо в ответ на призыв Хосе Диаса: «Для взятия Алькасара нужна еще тысяча человек, из которых по крайней мере двести неминуемо погибнут».

У нас с собой четверо носилок, и постепенно они, нагруженные, возвращаются вниз.

Теперь осталась последняя, у самой макушки, часть склона. Она покрыта довольно свежей травой. Артиллерия правительства почти ничего здесь не разрушила. Странно — ведь она стреляет сюда больше месяца, безостановочно. Не было ли тут какого-нибудь обмана, честно ли стреляла артиллерия?

Мы ползем совсем пластом. Если бы можно втереться в землю, как червякам! Ограда военной академии — в двадцати, в пятнадцати, вот уже в десяти шагах, вот перед нами. Она не выше, чем в полтора человеческих роста. Две лесенки приставлены к ней, это лесенки фашистов, по ним они влезали к себе в академию, возвращаясь снизу, из своих, уже потерянных владений.

Мы хватаем лесенки, сейчас мы переберемся через стену. Начинается даже легкая толкотня, каждому хочется первому взобраться на стену. Тут есть Бартоломео Кордон, комиссар колонны «Виктория», в кожаном пальто, красная звезда на фуражке, смуглое лицо, обросшее юношеским пухом, хмуρο вооду-

шевлено. Люди слушаются его, он их размещает, велит ложиться.

Фашисты сильно стреляют, но мы неплохо защищены их же собственной оградой. Пули ложатся позади нас, по откосу.

Все-таки надо дождаться хотя бы еще одной группы. Нас тут сотня человек с небольшим. Ни одного пулемета с собой, только ручные гранаты. Внутри ограды две тысячи человек, хорошо вооруженных и отчаявшихся. Надо подождать пять или десять минут, пока взберутся анархисты с пулеметами.

Мы ложимся на спину. Зеленый откос, совсем как на Владимирской горке в Киеве. Вот так я лежал школьником, внизу пылали золотые маковки церквей, на Александровской улице торговали готовым платьем и хватали покупателей за фалды, у пристаней бурлила серая толпа босяков и третъеклассных пассажиров, Днепр уходил двойной синей полосой вверх, дряхлый пароходишко «Никодим» полз на Слободку...

Где же вторая группа? Мы смотрим вниз — там заминка. Анархисты не поднимаются. Мятежники перестали экономить патроны, они устроили пулеметную завесу на середине холма. Анархистская часть не решается подняться.

Но мы-то ведь пробрались! Рабочий с бородкой встает, машет платком, зовет тех, что внизу. Мы все встаем, кричим, маним:

— Подымайтесь! Коммунисты здесь! Не робейте! Вы здесь нужны!

Видно, как маленькая группка, пять человек, ринулась вверх. Один упал, остальные четверо взбираются к нам.

Лежим еще десять минут, ярость душист нас. Ну что ж, мы сами переберемся через ограду. Кордон делит нас на три группы. Две получают по лесенке, третья взберется по спинам товарищей.

Первые взобравшиеся, среди них рабочий с бородкой, бросят несколько гранат, за ними, после взрыва, бросимся мы.

И потом? Потом ничего. За нами нет второй волны. Но все равно.

Мы все встали с земли — и вдруг Кордон тяжело падает, желтое пальто

сразу стало багровым. И гранатчик с бородкой ранен в поднятую с гранатой руку. Бомба чудом не разорвалась — поникшая рука мягко уронила ее на землю.

Их берут на руки, несут. Кордон хрипло кричит:

— Анимо, компаньерос! Бодрее, товарищи!

Кровь капает из него частыми каплями.

Маленький гранатчик с бородкой машет окровавленной рукой. Он звонко повторяет:

— Анимо, компаньерос!

Бойцы говорят уходящим:

— Сделайте все, чтобы донести Кордона вниз. Не торопитесь. Перебегайте. А мы останемся здесь. Будьте спокойны, мы останемся здесь, пока снизу не придет подкрепление. Мы—коммунисты. Мы—из Пятого полка.

Так мы лежим, но подкреплений нет. Мы лежим долго, и стрельба постепенно стихает. Наступило время еды. Внизу, под нами, в монастыре Санта Крус, анархисты обедают. Сзади, в Алькасаре, над нами, фашисты обедают. Мы одни, очень голодно, и нечеловечески хочется пить.

Ведь это просто смешно — штурмом, под огнем, впереди всех, взобраться по склонам Алькасара, лежать у его стены, держать в руках штурмовую лесенку — и думать только о холодной котлете, о бутылке лимонада!

Еще полтора часа. Стало совсем тихо. Солнце плавит мозги. И тогда, в озорном отчаянии, взобравшись на лесенки, став друг другу на плечи, мы забрасываем гранатами, всеми, сколько их есть у нас, двор академии.

Страшный грохот, дым, ветви старых деревьев во дворе падают, сломавшись, стекла звенят, адская пулеметная трескотня в ответ. А мы несемся вниз, как мальчишки, что позвонили у парадной двери и удирают по лестнице.

27 СЕНТЯБРЯ

В первый раз за все время ехал поездом. От Мадрида до Аликанте — ночь. Спальные вагоны, чистое белье. На площадках и в тамбурах вооружен-

ная охрана. Поезд почти пустой, в эту сторону сейчас некому ездить.

На вокзале в Аликанте встречаются торжественно какие-то власти. Подают машины, мы спешим в порт, куда вчера прибыл советский теплоход «Нева» с продовольствием от советских женщин испанским женщинам и детям.

Город в голубых и розовых нежных красках, идиллически-тихий, немного курортный, немного ленивый. Дугой изогнулся широкий приморский бульвар — пальмы, кафе, гранатовый сок в высоких бокалах со льдом, спекулянты и валютчики в черных шляпах-котелках.

В порту полным-полно, на воде мягко колышутся иностранные военные корабли, на некоторых из них сейчас обитают дипломатические представители... Это прямо даже поучительно, с точки зрения не только политики и географии, но даже современной архитектуры — образец строительного искусства гитлеровского стиля, военно-дипломатический комбинат с плоскими крышами и живописными видами на сушу, на море и обратно. Создается такой шедевр до крайности просто. Берется обыкновенное германское посольство, ну, скажем, в Мадриде, перевозится в портовый город страны, при правительстве которой это посольство аккредитовано, и помещается на обыкновеннейший линейный корабль последнего выпуска с модернизированной артиллерией. Полномочный посол принимает на себя функции помощника по дипломатической части при командире линкора, а консульство удобно устраивается в любой боевой башне. Весь кабинет уставлен пушками в сторону берега — чтобы местные жители не спугали посольство мировой державы с какой-нибудь другой военноморской единицей.

Но сегодня здесь никто не думает о крупнокалиберной германской миссии. Аликантцы заинтригованы и восхищены другим судном, куда меньшим, куда более скромным, хотя его поставили на самое почетное место у набережной. «Нева» пришла сюда деловито и просто, тихо проскользнула сквозь строй иностранных крейсеров и тотчас же запросила у портовых властей вагоны и рабо-

чую силу для разгрузки. Вот и теперь подъемный кран непрерывно выгружает из трюма аккуратные новые ящики с русскими надписями.

На борту чисто и безлюдно, снизу тянет теплым знакомым запахом, на запах я спускаюсь в кают-компанию, стол накрыт, на белой скатерти стоят тарелки, вроде как с борщом, за столом никого нет, я сажусь, беру ложку, это в самом деле борщ. Входит толстая девушка, ставит еще одну тарелку с борщом, она, не улыбнувшись и не удивившись, говорит:

— Здравствуйте, товарищ Кольцов, мы вас еще вчера ждали, дайте я переменю борщ, он остыл, публика наша бреется.

Постепенно появляются капитан Кореневский, его старпом, парторг, комсорг. Они еще в состоянии недоумения — что за страна, почему все так. Буржуазный строй — а ходят с красными знаменами, всюду серп и молот, коммунисты приходят на теплоход, совершенно открыто, не будет ли у них неприятностей? Получив разъяснения, они все-таки еще настороже. К тому же с разгрузкой все идет очень медленно. С портовыми властями, при всей их любезности, очень трудно столкнуться, на теплоходе никто не говорит на иностранных языках, только старпом произносит несколько английских слов, больше бытового содержания. Полпредство держит себя очень бестолково, никого не прислало из Мадрида, а по телефону ни до чего нельзя было договориться.

Мы ходим по пароходу, — как странно и весело видеть все это, советское, русское, здесь, у пальм Средиземного моря, эти вафельные полотенца, папиросы «Пушка», журнал «Партстроительство» в красном уголке, спортивные тапочки у кочегаров и балалайку на гвозде в столовой. Надписи на ящиках с грузами пока непонятны для испанцев — я прочитываю аппетитные заголовки наиболее популярных произведений Анастаса Микояна и его авторского коллектива. Но через два дня начнется массовый и общедоступный перевод этих произведений на испанский язык:

они попадут в руки и во рты здешних ребят.

Делегации с адресами и подарками все время стремятся на теплоход. Капитан не знает, что с ними делать, как сблизиться. Я предлагаю: сначала побывать в городе, уладить с разгрузкой, а во второй половине дня принимать делегации. Мы едем, сначала к губернатору, затем в портовое управление, затем на почту — говорить с Мадридом. За нами тянется повсюду хвост автомобилей каких-то очень важных, очень восторженных и не очень занятых людей.

У губернатора настигает делегация от аlicantской табачной фабрики с неотвязной просьбой немедленно туда приехать. Капитан колеблется, он смущен, мы все-таки едем.

Фабрика большая, старое каменное здание, прохладные, тенистые аркады, несколько тысяч работниц. Здешние Кармен работают на фабрике по четверти века, работают и живут, проводят здесь весь день, здесь, у сигарного станка, на подостланной газете, с детьми обедают, отчего крутой запах табаку смешан с острым запахом вина и прогорклым — оливкового масла. У них прекрасные материнские головы, и глаза, большие, круглые, сразу полны слез при виде советского капитана, седого, прямого, в форме, с фуражкой в руке. Осмотра фабрики по-настоящему не получается — сначала вводят в какую-то контору и какое-то начальство представляет нас какому-то другому начальству. Но потом, в цехах, все становится стихийным, толпа испанок тащит нас от станка к станку, из мастерской в мастерскую. Сигаретницы суют капитану сигареты, сигарницы требуют остановки каждая у своего стола, чтобы скрутить для советского моряка какую-то особенную сигару. Женщины судачат, смеются, плачут, благословляют нас, наш народ, советских работниц. Толпа растет, она все гуще, все взволнованнее, наконец, стиснутых со всех сторон, нас вдруг выносит опять во двор, на солнце, под голубое небо. Вся галерея и балкон, опоясывающие двор, наполняются женщинами в черном, с цветами в ру-

ках и волосах. Они откалывают розы от своих причесок и протягивают нам, чьи руки уже и без того полны цветов. Восторженные крики: «Вива Русиа!», «Вива Сталин!». Капитана Кореневского подымают на руки, он весь в слезах и сморкается, он потерял всю свою важность:

— Скажите им — я-то здесь не причем! Мы только довели продовольствие в сохранности, а отправили его сюда советские женщины, — пусть их благодарят.

Осыпанные цветами, в кликах и рукоплесканиях с тротуаров, автомобили возвращаются в порт. Тут теперь уже ни пройти, ни проехать. Еще издали видна белая «Нева», облитая чернильным пятном громадной толпы. Кое-как милиция и портовая охрана установили относительный порядок в прохождении. По трапу взбирается на теплоход непрерывная вереница молодых и пожилых мужчин, женщин, матерей с грудными младенцами на руках. Благоговейно, как паломники, проходят они через все корабельное помещение, умиляются всем советским особенностям и деталям, подолгу задерживаются в красном уголке. Очень многие пришли с маленькими трогательными подарками; каюта завалена цветами, фруктами, лентами с надписями, письмами, какими-то коробочками, рисунками, любительскими портретами Сталина. Двух офицанток-комсомолок затискали и зацеловали почтенные аlicantские матери семейств; здоровенные испанцы со слезами на глазах обнимают матросов. Я потихоньку переменял этот порядок, направил кавалеров к комсомолкам, а дам к нашим морякам. От этого энтузиазм возрос еще во много раз.

Аlicantцы приглашают экипаж «Невы» присутствовать на бое быков. Капитан опять смущен и уединяется с парторгом и председателем судкома. Вернувшись, просит меня отклонить, конечно, в самой любезной форме, это приглашение. Как я ни убеждаю, они тверды. Насчет боя быков у них указаний никаких не было.

Солнце нехотя сползает к горизонту. Голубые и розовые краски Аликанте

постепенно переливаются в желтые и фиолетовые. На бульваре, среди электрических фонарей, просвечивают, как транспаранты, остролистые пальмы. Полны таверны, рестораны, настезь открыты двери парикмахерских, и мастера, обливаясь потом, втирают горячую пену в черные подбородки. Все говорят о России, о пароходе, о судаках в томате, о баклажанной икре, о двух русских комсомолках.

В кофейнях на приморском бульваре, там, где весь день сидят темные личности в котелках, там сейчас строчат за столиками телеграммы. Их несут не на почту, не в цензуру. Есть другие возможности! На германском линкоре и кругом, на аргентинском, на итальянском, на португальском крейсерах, громоздятся голенастые антенны радиопередатчиков. Вернувшись на «Неву», поднимаюсь наверх, в радиорубку. Радист даёт мне наушники:

— Слышите, какая трескотня? Со всех кораблей жарят.

Трескотня, в самом деле, выдающаяся. Передают шифром и без всякого шифра, чего там стесняться. Завтра в германской печати будет сообщение: в Аликанте прибыл сверхдредноут «Нева», имея на палубах кавалерийский корпус, в трюме — мотомеханизированную бригаду, а в холодильниках — эскадрилью тяжелых бомбовозов и складной артиллерийский полигон.

В кают-компани, устроив через иллюминаторы легкий сквозняк, едят крошку и пьют ленинградское пиво.

— Почему вы не пройдёте по бульвару, чудак! Такой вечер! Такое небо! Такие пальмы!

Нет, они очень устали. Устали и счастливы. Капитан Корневский все еще не пришел в себя.

Только один человек на судне расстроен, сердит и ругается: начальник рефрижераторного отделения. Со своими помощниками он по-стахановски трудился день и ночь у холодильных механизмов и привез масло при температуре трюма минус семь градусов. Теперь он в отчаянии от аликантской жары и хочет всех кругом привлечь к суду.

— Где вагоны-холодильники? А потом кто-нибудь скажет, что мы несвежее масло привезли! Не допущу я этого! Пускай мне здешний самый главный заведующий подпишет, что принял масло при минус семь!..

Нет желания уезжать из тихого города, от легкого приморского гомона его улиц, от пальм и голубого моря, от сладкого и терпкого прославленного вина, от левантийских роз в черных блестящих прическах, от холодного ленинградского пива. Проснулось и позвало надломленное плечо, в первый раз за полтора месяца кольнула внутри усталость. Но надо сегодня же обратно, в пыльный, в сухой, в тревожный, в безумный Мадрид. Ведь фашисты уже подошли к Толедо.

28 СЕНТЯБРЯ

На вокзале ждал Дамасо, не заезжая домой, мы помчались сразу на толедскую дорогу. В первый раз я торопил разбойника-шофера, он ехал, как пьяные озорники в комических фильмах, толпа сыпалась горохом по обе стороны. Неужели я не увижу больше этот город, окаменелое исступление улиц-щелей, суровое щегольство темных порталов и тесных площадей, скульптурные мечты из темного песчаника, монастырь-казарму с еврейскими плитами, синагогу с крестом на медном шарике, с мавританским алтарем, поросшим травой? И колдунью Исабель Дельгадо, и пленных мавров, и рабочих оружейного завода, с кем ползли мы по крутым обрывам замка? А дом Греко, неужели я так и не постою, хоть одну минуту, у деревянных его колонн, не подымусь по холодным изразцовым ступеням, не потрогаю ветви железной решетки у каминна?!

На полпути в Ильескас все имело спокойный вид. Дальше, вниз, еще двадцать километров шоссе почти пусто, только отдельные группы солдат и крестьян, очень маленькие. Глупо спрашивать у них, взято ли Толедо, да оно, видимо, и не взято, — куда девались бы войска, штабы, беженцы, раненые? Ветер свистит в ушах, Дамасо застыл смуглой мрачной статуей за рулем, он

готов завести меня хоть в пекло, я знаю, — лишь бы лететь без оглядки, в жажде движения, в бесконечном линейном стремлении вперед. Он не завел сегодня радио, он даже не насвистывает, как всегда, в пути.

Толедо показалось на горе, ну вот, хорошо. Я налью золотого аликанте в большую чашку тяжело раненого Бартоломео Кордона и согрею его простреленную грудь. За жизнь, за победу мы выпьем с ним, за счастливую кастильскую землю. Я буду, сегодня непременно, в доме Греко! Еще два поворота, шесть километров, мы в'едем на мост через Тахо, пред'явим пропуск...

Впереди на шоссе какая-то свалка. Дамасо круто затормозил, мы оставили машину в двадцати шагах, подошли. В центре группы командир в автомобильном шлеме ругается и уже почти дерется с солдатами. Он уговаривает их пройти вперед, выслать заставу, они не хотят. Он хватается за пистолет, они — с винтовками на него. Это Фернандо, художник, он раньше работал в эскадрилье Андре. Волнуясь, он рассказывает — командир колонны сбежал, а его, помощника командира, солдаты не слушаются и хотят укокошить. Четверть часа назад из Толедо пришел броневик, пострелял и ушел. Потом самолеты взрывали шоссе с воздуха, неизвестно, чьи самолеты.

Фашисты вошли в Толедо сегодня рано утром. Вчера в полдень полковник Москардо, из осажденного Алькасара, пред'явил командующему толедским правительственным гарнизоном ультиматум до шести часов вечера уйти из города. Мятежники в это время продвигались с запада, от Македы и Торихос. Подполковник Бурильо, назначенный вместо Барсело, не ответил на ультиматум, но Алькасар фактически уже был свободен — деморализованные дружинники-анархисты покинули посты и баррикады. Перед самым закатом солнца фашистские пушки сделали первые выстрелы по городу. Группа анархистов вошла в штаб, в кабинет Бурильо. Их вожак спросил Бурильо, что все это значит.

— Что вы имеете в виду?

— Разве вы не слышите? Фашистская артиллерия стреляет по нас.

— Конечно. Ну, и что же? Мы будем обороняться.

— О, не рассчитывайте на это. Мы не намерены стать пушечным мясом. Повидимому, правительство не хочет нам помогать. Если вы не можете прекратить стрельбу фашистов в течение пятнадцати минут, мы покидаем город. Ищите себе других дураков.

Он так и сказал: «Если вы не прекратите стрельбу фашистов».

В сумерках часть осажденных просочилась в город и, соединившись с подпольем, начала стрелять из пулеметов с крыш. Анархисты ушли около восьми часов. Бурильо решил продержаться еще ночь, поутру он, потеряв возможности управления, ушел через восточные ворота с последними дисциплинированными колоннами. Вся эвакуация — в направлении на Аранхуэс. На рассвете марокканцы и иностранный легион появились на улицах. Отряд мятежников вошел в военный госпиталь и перебил всех раненых, кроме двадцати шести человек, вывезенных три дня тому назад. В маленьких палатах раненых прикалывали штыками, в больших — кидали в кровати ручные бомбы. Гражданский губернатор остался в городе и официально примкнул к мятежникам. Телефон с Алькасаром из его кабинета работал во-всю!

Кто-то кричит: «Смотрите на дорогу!».

Все кидается врассыпную по обочинам и затихает. Потом вдруг всем неловко. Из-за поворота силуэтами возникает караван беженцев: взрослые, дети, согбенные старухи, нагруженные скарбом ослы.

Откуда? Из Баргаса. (Это селение справа, в пяти километрах на восток от Толедо.) Их забросали бомбами с самолетов. Самолеты черные, с большими крестами на хвостах, летали очень низко. Много домов разнесло в куски. Много убитых. Прятались в погребах. Когда самолеты с крестами улетели, они, крестьяне, собрали вещи и ушли. Они были уже в пути, когда на дерев-

ню стали ложиться артиллерийские снаряды.

Значит, мятежники могут сейчас наступать скорее всего на Баргас. Мы едем туда по боковой дороге, сопровождаемые советами не попасть в плен.

Едем медленно, останавливаясь часто и заглушая мотор, чтобы прислушаться. На третьем километре в тишине — окрик. Это двое дружинников, они отстали. Фашисты уже в Баргасе. Просят взять в машину третьего, раненого товарища. Он рядом, в крестьянском домике.

Тускло горит керосиновая лампа. Дети ужинают с матерью за круглым столом. Они едят гарбансас — большие бобы с оливковым маслом, хлеб, пьют воду, подкрашенную вином. Раненый лежит на кровати. Хозяин чинит втулку колеса.

— Это для телеги? Для пути?

О, нет. Хозяин не собирается пока никуда уезжать. Он должен молотить зерно. Эта втулка от молотильного колеса. Раненый не пугает его. Мало ли что бывает в жизни. Надо молотить. И раненый тоже очень спокоен. Оставшийся кусок хлеба лежит рядом с ним на кровати.

Фронт и тыл перемешались. Там вооруженные люди в панике бегут. Здесь, на самой линии огня, чинят молотилку, пасется скот, играют дети.

Кругом, через Торехон де ла Кальсада, через Конехос, по проселочной дороге мы едем в Аранхуэс. Туда, полями, пашнями, пешеходными тропами, повалили части, покинувшие Толедо

29 СЕНТЯБРЯ

Прославленная резиденция испанских королей переполнена солдатами. Знаменитые дворцы и парки довольно скромны — это скорее Гатчина и Павловск, чем Петергоф и Детское Село. Изумительна только огромная платановая аллея, сейчас вдоль нее кучками сидят солдаты, некоторые согревают на маленьких кострах консервные банки. Вид у них довольно бодрый, совсем не как у разбитой армии. На городской площади происходит тягостная процедура. По приказанию подполковника Бурильо

командиры колонн и батальонов, те, кто не исчез, собирают своих бойцов. Они встали каждый на тумбе или в подезде дома и хмуρο выкрикивают:

- Батальон Канариас!
- Колонна Агилас! (Орлы.)
- Батальон Пи и Маргаль!
- Школа стрелков!
- Сеговийская милиция!
- Батальон лос Фигарос! (Парикмахеры.)
- Группа спортсменов!
- Батальон Маргариты Нелькен!
- Батальон Кропоткин!

Орлы нехотя собираются у подезда булочной. Кропоткин насчитывает только семнадцать человек, группа спортсменов совсем исчезла, батальон Маргариты Нелькен собрался в полном составе, но хочет уезжать в Мадрид, батальон парикмахеров пошел промышлять себе обед, остальные тридцать или сорок колонн и групп совсем обезличились, превратились в бесформенную кучу вооруженных или побросавших оружие бродяг.

В низеньком зале опустошенной таверны, за столиком, у телефона, сидит усатый подполковник Бурильо и терпеливо, со стоическим спокойствием пробует привести части в порядок, разыскать командный состав, учесть оружие. Молодой белокурый Дюран, мадридский композитор, ныне офицер для поручений, помогает ему. Он проделал с Бурильо этот безумный путь от Толедо до Аранхуэса, задерживая и уговаривая бегущие части.

Группа очень шумных и очень вооруженных мужчин входит в таверну. Это делегация от батальона Маргариты Нелькен. Они требуют от подполковника Бурильо поезда в Мадрид. Свои автобусы они растеряли под Толедо.

— Я вам не дам никакого поезда. Зачем вам Мадрид?

— Сегодня вечером в Мадриде предстоит чествование нашего батальона и концерт. Мы должны быть все к шести часам.

— Вы никуда не поедете. За что вас чествовать—за сдачу Толедо? Соберите всех солдат, мы вернемся на позиции.

чтобы противник не пришел за нами сюда, в Аранхуэс.

Делегаты смущены твердым тоном Бурильо, они направляются к двери. Но, пошептавшись, возвращаются назад, опять с нахальным видом:

— Кому вы подчиняетесь, подполковник?

— Здесь я не подчиняюсь никому, а вообще — военному министру.

— Ну, вот и отлично. Дайте, мы позвоним в Мадрид Маргарите Нелькен, она позвонит министру, министр — вам, и все будет улажено.

— Я вам не дам телефона. Еще одно слово, и вы будете расстреляны за организацию коллективного дезертирства. Маргарите Нелькен я сам расскажу, как авантюристы и мерзавцы спекулируют ее именем.

Они сразу уходят, очень испугавшись, хотя Бурильо не может их сейчас арестовать. Единственная дисциплинированная часть осталась на толедской дороге, она дожидается продвижения мятежников, чтобы сдержать их.

Мы едем туда; по дороге, с вокзала слышна перестрелка. Завернули туда — ожесточенное сражение с перебежками по рельсам, с киданием гранат, с ранеными и убитыми, дым коромыслом. Это батальон Маргариты Нелькен решил штурмом захватить мадридский состав. Но другие охотники эвакуироваться проявили бдительность и отразили атаку. Если бы так дрались под Толедо!

По дороге на запад — двенадцать километров — ни души, зной, пшеница, сады, крестьяне. Неужели весь этот путь пробежали обезумевшие колонны? Вот, наконец, виден высокий до небес столб дыма и пламени. Это горит Толедо. Фашисты пока не движутся из города, мы всего в трех километрах от них. Небольшая колонна народной милиции пробует укрепиться здесь, на холмах Альгодора. Мобилизовали крестьян с хуторов, и те охотно помогают пробивать бойницы в толстых стенах пустых конюшен, прорывать кое-какие канавки, устраивать насыпи и укрытия.

Маленький смуглый парень, с красной звездой на черной фуражке, под-

ходит ко мне. От шофера он узнал, что я русский. Он смотрит на меня в упор, и его волнение передается мне.

— Скажите, вам в России, во время гражданской войны, приходилось отступать?

— Приходилось, конечно. Или вы думаете, что гражданская война была сплошным парадным победоносным маршем Красной Армии? Бывали у нас и отступления, бывали поражения, бывали тяжелые месяцы, бывали тяжелые полугодия и очень трудный целый год. Белая гвардия иногда забирала у нас города, иногда осаждала их, и осада бывала неудачной.

— Я знаю. В Толедо мы изучали историю осады Сталинграда.

— Не Сталинграда, а Царицына. Сталинград никогда не осаждался белыми, никогда не будет осаждаться. Сталин руководил обороной Царицына, он не отдал его белым, и в память этого рабочие Царицына просили назвать их город Сталинградом.

— Сталинград — это ваше Толедо?

— Трудно сравнивать. Во всяком случае, Царицын было несравненно труднее защищать...

Ему чудится в этом упрек. Он долго и хмуро молчит.

— У нас здесь очень сложные взаимоотношения. Вот, смотрите, что пишет «Кларидад».

Он вынимает из кармана газету. Одно место резко отчеркнуто карандашом: «Со всей серьезностью мы должны обратить внимание товарищей анархистов на некоторые факты, имевшие место не далее как вчера, когда на одном фронте, близком к столице, часть бойцов сначала сражалась очень хорошо, а потом вдруг отступила в тот момент, который она нашла для себя нужным, и заявила, что подчиняется только своему (анархистскому) комитету. Подобное положение надо немедленно исправить».

— Вы в своей гражданской войне, я знаю, немедленно расформировывали подобные части, а ответственных за дезертирство сурово наказывали. А у нас об этом спокойно полемизируют в газетах!

Он очень печален. Все идет не так. Все идет не так, как в России. Это толедский рабочий металлист, он так хочет, чтобы все шло, как в России! Я не знаю, как утешить его.

— Мы в Москве и в Ленинграде очень подробно изучали французскую и свою собственную революцию 1905 года, но не копировали их в ноябре семнадцатого года. Это только мещане выдумали, будто «ничто не ново под лунной». Испанские рабочие сейчас борются вместе со всем народом за демократическую республику против фашизма — в этой борьбе вы создадите много новых форм организации.

— А комиссары?

Он спрашивает, потому что он комиссар.

Для перелома в войсках, для поднятия дисциплины коммунистическая партия послала на-днях несколько десятков человек, политически передовых, побывавших в боях. Они уже работают в частях, там, где больше беспартийных крестьян, членов социалистических профсоюзов и коммунистов. Они жадно хватают, где можно, начатки военной тактики, лезут в старые энциклопедические словари и школьные учебники, по несколько раз смотрят в кино «Чапаева», учатся и учат одновременно.

Партийные комиссары пробуют цементировать разнохарактерный состав частей. Они пытаются контролировать приказы офицеров и одновременно воздействовать на солдат при выполнении этих приказов. Они хотят вышибать сомнительных людей и создавать авторитет, доверие преданным республике командирам, которых при неудачах солдаты обвиняют в предательстве.

Комиссаров пока никто формально не утверждал, они работают, как выборные лица, с полномочиями от общего собрания бойцов. Роль их очень трудна. Надо примирять и объединять в одной роле пять разных партий.

Мы подходим к краю холма. Неподалеку от него высятся второй. Группа крестьян в черных сатиновых блузах с огромным рвением насыпает нечто вроде земляного вала, какие воздвигались во времена Чингисхана. Комиссар осма-

тривает эту фортификацию с некоторым сомнением. Ни правительство, ни военное министерство, ни генеральный штаб, никто не пришел ему на помощь; он сам, толедский слесарь, должен в критический момент создавать по своему разумению заслон против армии Франко — Муссолини — Гитлера, наступающей на республику. Он углубляется в пожелтевшую книжку с чертежами. Это руководство по постройке сельских плотин. Он размышляет. Подзывает крестьян. Вместе с ними долго совещается. Совсем забыл обо мне. И, только случайно обернувшись, храбро улыбается:

— Мы научимся, уверяю тебя, товарищ. И очень скоро.

К вечеру вернулись в Мадрид. Половина фонарей в столице замазана синей краской — противовоздушная оборона; другая половина ослепительно сияет — надоело мазать, не домазали. Если оставить вечером свет в незавешенном окне — ночные караулы войдут в дом, а если он заперт — могут выстрелить в окно. Но тут же вдоль улицы горит вереница мощных уличных фонарей.

30 СЕНТЯБРЯ

С мадридских улиц быстро исчезает моно. Молодые люди опять вынимают из шкафов шевиятовые панталоны и пиджаки с цветными платками в верхнем кармашке. Ну, что ж, так лучше. Легче различить, кто куда.

Началась резкая утечка людей из столицы. Особенно это заметно на иностранных. Во «Флориде» сразу стало свободнее. Уезжают большей частью бесшумно. Каждый день встречаешь человека в вестибюле или у стойки бара — он рассуждает о военном положении, разбирает обстановку, критикует правительство за нечеткость и нерешительность, издевается над дружинниками милиции, которые, как скот, разбегаются перед «юнкерсами», ругает хаос и бестолковщину, а потом его вдруг нет. Не стало человека.

— Вы не видели ли такого-то?

— Так ведь он уже три дня как уехал.

— Куда?

— Куда люди едут. Валенсия, Барселона, Тулуза, Париж, Лондон, Тимбухту, Стокгольм, Салоники, Тяньцзин... Туда, куда можно.

И в самом деле, чего же им оставаться в Мадриде, если Толедо взято. Война в их представлении проиграна и, очевидно, будет закончена в несколько недель. Думать иначе можно, только надеясь на чудо, а чудо совершается только для тех, кто верит, кто молится, у кого нет других, не чудесных путей. Толедо, город-крепость, город-гора, покинут в смятении, без обороны, после одного толчка. Как же можно с такими войсками, с таким командованием, и даже с любыми войсками, с любым командованием оборонять Мадрид, открытый, неукрепленный город, миллион сто тысяч жителей, без фортификаций, с открытыми входами и выходами, голодный, неорганизованный?

Слагаемых, предreshающих падение Мадрида, — более чем достаточно. Любой наблюдатель, политический турист, даже сочувствующий, даже болеющий душой, может себе сказать: теперь конец. Он может себе сказать: надеяться больше не на что. Конечно, ему пора ехать. Им всем пора ехать, им надо спешить к себе домой, возвещая о конце, — и те, кто живет подальше, в Нью-Йорке или даже в Гельсингфорсе, — они могут приехать в один день с телеграммой о сдаче Мадрида, о конце гражданской войны, о разгроме народного фронта.

А слагаемые для чуда — сколько их? Я пробую считать, что нужно. Запишем:

- 1) Немного авиации.
- 2) Пять, нет, восемь тысяч стрелков, не обязательно всех героев, но все-таки стойких людей, дисциплинированных, могущих упорно сидеть в окопах, не бежать от авиации. Пятнадцать батальонов таких людей на первое время. С хорошим пулеметным взводом, даже не на роту, а на батальон по такому взводу.
- 3) Самые окопы.
- 4) Танки. Хоть двадцать танков. Я не говорю пятьдесят. Со ста танками можно было бы сейчас дойти до Севильи, до португальской границы. Но я не говорю сто. Я говорю двадцать.

5) Почистить город. Выгнать хоть тридцать тысяч фашистов. Расстрелять хоть тысячу бандитов. Эвакуировать арестантов. Закрыть кабаки и притоны.

6) Один генерал, которого слушались бы, и не прохвост.

7) Одна резкая англо-французская нота Германии и Италии против их участия в интервенции.

8) Чтобы Ларго Кавальеро наконец понял, что положение критическое.

9) Чтобы Ларго Кавальеро понял, что положение, хотя и критическое, но совсем не безнадежное.

10) Немедленно, сегодня же, начать формировать резервы для контрнаступления.

Кроме всего этого, нужна воля мадридского народа к обороне и победе. Но это есть, все ждет, все готово притти в движение, — я вижу это. А вот тех десяти слагаемых, их нет. Каждое из них, если оно сегодня явилось бы, было бы чудом. Все десять вместе — это было бы чудо из чудес. Но пока их нет ни одного.

В центральном комитете у Диаса, у Долорес, у Эрнандеса — горькое настроение. Все ожесточены против Ларго Кавальеро. Старик целиком утонул в бюрократической канцелярщине, в бумажках, не дает никому проявлять никакой инициативы, не разрешает назначать без него ни одного фельдфебеля, ни выдавать ни одной тысячи песет, ни одной винтовки. Конечно, он не в силах сам все решить, бесконечно советуется со своими помощниками, деньги все равно расходуются и без него, оружие растаскивается без его спросу — но правительство не формирует войск, не создает регулярных частей, не делает пока ничего разумного, хладнокровного, решительного. Коммунисты проводят огромную и все растущую работу, но все это обработка сырья, приготовление полуфабриката, которым никто ни в правительстве, ни в генеральном штабе не пользуется. Партия собирает десятки тысяч добровольцев — их никто не зачисляет, не вооружает. Партия организует громадные воскресники для рытья окопов, — когда люди с песнями, с энтузиазмом приходят на место ра-

бот, им не указывают, где и что копать, держат целый день в ожидании, без лопат, без объяснений, разочаровывают и озлобляют. Партия организовала мобилизацию для военного производства на множество заводов, рабочие согласны бесплатно работать по ночам, они сами находят металл и прочее сырье, — им не дают образцов снарядов, их выпроваживают, когда они вместе с инженерами приходят за заказом в военное министерство. Паника, саботаж, вредительство стихийно растут в столице, и правительство растерянно пасует перед ними. Чиновники, особенно высшие, самовольно уезжают в Барселону и даже за границу. Вместо одного верного правительству генерала, которого все слушались бы, есть несколько таких, которых слушается Ларго Кавальеро и больше никто. Старик окружил себя самыми худшими из старых военных — бывшими колониальными администраторами, крупными помещиками, ничтожествами в военном отношении и реакционерами в политическом. Отношения у него со всеми министрами — натянутые и злые. Многих, особенно своих единомышленников по партии, он третирует, как слуг. Они потихоньку жалуются на это. И все-таки и социалисты, и коммунисты стараются всеми силами поддержать, поднять авторитет старика. На собраниях, на митингах кричат «вива» в его честь, посылают ему приветствия, стараются объединить вокруг его имени рабочие массы, борющиеся с фашизмом. Все это он принимает как абсолютно должное и неоспоримое и, наоборот, не стесняется открыто, в письменной форме, упрекать в нелояльности любой областной или отраслевой комитет профсоюза или редакцию газеты, если они в воззвании или в другом документе пропустили его имя. На это у него уходит больше времени, чем на военные дела.

Кругом зреют заговоры и провокации, готовятся террористические и диверсионные акты, бродят чудовищные панические слухи. Фашисты водят за нос правительственных чиновников, пролезают во все учреждения, даже не стараясь прикритыся. В Лериде жена рас-

стрелянного фашистского генерала заявила, что хочет искупить грехи своего мужа и просит послать ее на фронт. Местные мудрецы надумали (или послушались хитрого совета), что будет осторожнее использовать ее не на фронте, а в канцелярии народной милиции. Через три дня раскаявшаяся вдова исчезла со всеми списками милиционеров.

Завтра после большого перерыва состоится заседание кортесов. Парламент заслушает доклад Ларго Кавальеро о деятельности правительства.

1 ОКТЯБРЯ

Кортесы открылись сегодня ровно в десять утра, с подчеркнутой точностью. Вышный, раззолоченный парламентский зал полон только наполовину. Немало депутатов сражаются на фронтах, немало расстреляно и замучено фашистами. Небольшой сектор справа совершенно пуст. Его бывшие обитатели предпочитают собираться в Бургосе.

Публика на хорах — необычная для этого зала. На галерее, между фресками средневековых рыцарей с аркебузами, сидят дружинники народной милиции, держа автоматические пистолеты на коленях. Много рабочих, девушек в моно, много офицеров, которые раньше почти никогда не посещали парламент.

Внизу, в амфитеатре и на трибунах — по мере сил — охраняется старый парламентский ритуал. Каждому оратору, хотя бы он сказал, даже не поднимаясь на трибуну, с места, хоть пять слов, служитель, в старинной униформе, с золотыми лампасами на панталонах, почтительно подает бокал оранжаду.

С края синей, министерской скамьи подымается Ларго Кавальеро. Говорит очень мало. Он напоминает, что новое, его правительство, которое мятежники хотят свергнуть вооруженной силой, оно столь же законно, как и предыдущее. Оно возникло по инициативе главы предыдущего правительства, который потребовал, чтобы у власти находились представители всех кругов испанской демократии. Вместе с тем правительство не забывает о необходимости коренных социальных изменений в стране после победы над фашизмом. Испан-

ские пролетарии, которые отдают свою кровь этой борьбе, ждут того, что станет реальностью первый пункт конституции: «Испания есть республика трудящихся всех классов».

Ему устраивают овацию. Затем выступают с краткими речами Энрике де Франсиско от социалистов, Пестанья от синдикалистов, Агирре от националистов-басков, Сантало от каталонской левой, Хосе Диас от коммунистов, Кироса и Альборнос от левых республиканцев. Все они требуют объединения всех демократических сил против фашизма и неограниченной поддержки правительства.

Хосе Диас, среди прочего, говорит: — Мы, коммунистическая партия, считаем, что нам предстоит пройти длинный путь вместе со всеми честными отрядами рабочего класса, со всей испанской демократией. Некоторые пробуют изобразить это правительство как правительство коммунистическое или социалистическое, или, вообще, имеющее какие-то особые социальные взгляды. В ответ мы можем заявить со всей решительностью, что это правительство есть продолжение предыдущего. Что оно — республиканско-демократическое правительство, во главе с которым мы будем бороться и победим всех врагов республики и Испании.

Без прений, единогласно, кортесы принимают резолюцию доверия правительству. Вслед за этим при всеобщем подъеме оглашается проект автономного статута Страны Басков. За этот статут баски боролись сотни лет при королевской власти и годы при республике Самора — Леруса. Сейчас его принимают буквально в пять минут. Долорес Ибарури восклицает:

— Да здравствует автономия басков!

Парламент устраивает овацию депутату басков Агирре. Высокий, молодой, щеголеватый, он, улыбаясь, раскланивается во все стороны.

Президент кортесов Мартинес Баррио закрывает заседание, предлагая собрать кортесы в следующий раз первого декабря. Палата расходится, депутаты, многие в военной форме, сразу едут

на фронты, теперь столь близкие к столице.

Опять после перерыва начались воздушные налеты на Мадрид.

Этот перерыв многими, особенно в дипломатических кругах, был воспринят как отказ мятежников от воздушной бомбардировки столицы.

По мнению одних, генерал Франко обещал Гитлеру больше не убивать мирного населения, а самому Гитлеру это понадобилось для успокоения британского общественного мнения.

Другие знатоки военно-политических и международных проблем уверяли, что бомбардировку запретил вовсе не Гитлер, а римский папа, ибо воздушные налеты на миллионный католический город отягощают совесть святейшего отца.

Третьи доказывали, что вовсе не Гитлер и не папа, а южноамериканские страны потребовали прекращения налетов, угрожая в противном случае приостановить помощь бразильских и аргентинских фашистов.

Причина перерыва оказалась гораздо проще. В темные ночи трудно было бомбить. Как только вернулась луна, вернулись и «юнкерсы».

Мы, несколько человек, теперь переехали из «Флориды» напротив, через площадь, в отель «Капитоль». Во «Флориде» стало невозможно от нервозности иностранцев, от слухов, от паники, от склок.

В «Капитоле» администрация предложила нам устраиваться, где и как хотим, платить, сколько хотим, лишь бы жили, иначе отель, совершенно пустой, будет занят под склад. Это американского типа небоскреб, механизированный, со стальной мебелью и всякими штучками, вроде кроватей, выскакивающих из стены при нажмении кнопки. Можно, лежа в постели, кнопкой открыть дверь официанту, принесшему кофе. Но официанты ничего не приносят, кофе нет, ничего нет, по утрам мы бегаем пить кофе во «Флориду».

Я занял себе полукруглый стеклянный салон на вершине башни, с длинным балконом. Не вставая с дивана,

можно видеть всю Гран Виа, полгорода и даже пепельные складки гор вокруг. Днем внизу кипит, переливается красками столичная река автомобилей, магазинных витрин, публики, газетчиков, женских нарядов. Но, когда небо темнеет и серебряная кастильская луна струится над крышами, когда пронзительно вопит сирена и щупают небо прожектора, и глухие взрывы прерывают нервную, притаившуюся тишину, — тогда Мадрид, со своим миллионом жителей, с правительством, с небоскребами, становится одинок, как на льдине.

2 ОКТЯБРЯ

...И тогда его улицы пусты, звонко отдаются шаги патрулей, оружейные и револьверные выстрелы. Вчера ночью в комнату вбежал с перекошенным лицом юный Жорж Сориа, корреспондент «Юманите». Он неплотно задернул шторы, патруль выстрелил на луч света, и пуля пролетела в двух сантиметрах от жоржиной головы. Вслед за тем в лифте поднялся наверх к нам стрелявший патруль, начался долгий ругательный разговор с взаимной проверкой документов — патруль у нас, мы у патруля, не договорились ни до чего, но помирились и долго хлопали друг друга по плечу.

Во время бомбардировки самое удобное — это, задернув все шторы и потушив свет в салоне, выскользнуть и лечь на балкон, только не шевелиться, иначе патрули застрелят, скажут, что подавал сигналы, зеркальцем или еще чем-нибудь. Сегодня с правого края балкона видны вспышки и пламя с юго-запада, там аэродром Хетафе и рабочий квартал Карабанчель.

Под нами внизу — кинематограф «Капитоль», принадлежавший Парамунту, самый большой в Мадриде. В его фойе устроено убежище. Стулья повалены, инструменты джаза разбросаны, около пятисот человек сидят и полулежат в сонном, угрюмом молчании. Все больше старики и женщины с полуодетыми детьми вокруг себя. Серые, затекшие, уставшие лица, как у пассажиров, что заждались поезда на узловой станции.

Медленно светает, тревога кончилась. Едем в Карабанчель — старый квартал мадридской бедноты. Узкие улочки, одноэтажные дома, убогие лавчонки. Здесь живут строительные рабочие — каменщики, бетонщики, штукатуры, маляры. Это их руками выстроены дворцы банков и отелей.

Сейчас взрослых рабочих осталось мало — ушли на фронт. Женщины и дети остались в Карабанчеле. Они стоят, в черных потертых платьях, и разглядывают огромную, еще дымящуюся воронку. В такой воронке могут свободно лечь три коня со всадниками. Это воронка от стакиограммовой зажигательной бомбы. Сильные эти бомбы. Никогда таких не изготовляли в Испании. И не скоро научатся изготовлять. Бомбы германского производства, заводов «Рейнметалл» и Круппа. Они за один раз и взрывают, и зажигают то, что взорвали. Вот только этой бедной бомбе не повезло. Она упала на пустырь, ничего не разрушила, никого не убила. И пролетарские мамы радостно шумят: какое счастье!

Мамаши узнали, что здесь расхаживает русский. Сейчас же обступили, сейчас же сообщили, что Люсия Ортега, вдова, уже получила продовольствие от советских женщин.

Хозяйки признали очень правильным, что именно Люсия первой получила провизию. Во-первых, она вдова, во-вторых, многовато для вдовы детей — семеро, и, в-третьих, многовато среди детей девочек — шестеро.

Мы пошли к Люсии, и она сама выбежала нам навстречу. Совсем еще молодая женщина, очень бодрая. Между прочим, еще неизвестно: вдова ли. Муж ее, Педро Ортега, шесть недель назад пропал без вести у Мерида.

Люсия представила мне своих дегей и была явно польщена, что я записал их имена в книжку. Девочек зовут: Клари́та, Кончи́та, Пепи́та, Инкарна, Роси́та и Кармали́та. Мальчика зовут Хуа́нито, полностью — Хуан Буэнавентура Адольфо Ортега Гарсиа, а по-нашему — просто Ваня. Он еще очень мал и не знает, как обращаться с таким нехитрым инструментом, как нос. Шесть старших

сестер помогают ему пальцами и подолами юбочнок.

Из ветхого шкафа Люсия торжественно вынимает целый ассортимент. Сливочное масло в пергаментной бумаге, кулек сахару, две плитки шоколаду, банки со сгущенным молоком, мясными и рыбными консервами и баклажанной икрой, пакеты печенья «Пушкин». Все это совершенно не тронут и уже третий день служит экспонатом для соседок. Сейчас хозяйка гостеприимным образом открывает баклажанную икру завода имени Ворошилова, надламывает шоколад. Масло она не решается трогать, масла в Испании вообще почти не едят, разве что иностранные туристы или очень богатые люди.

— Вот, — говорит Люсия, без всякого желания обобщать или пропагандировать, — из вашей страны нам шлют шоколад и масло, а из Германии и Италии нам шлют бомбы.

Пепита и Росита, наученные мною, тычут печенье в сливочное масло и шумно его слизывают, а Хуанито воткнулся носом в баклажанную икру.

Мигэль Мартинес говорил в кортесах с Прието. После этого в «Эль социалиста», органе Прието, одна заметка, без подписи, была выделена жирным шрифтом на первой странице:

«Пять тысяч людей, полных решимости разбить врага! Пять тысяч! Имеет ли Мадрид эти пять тысяч? Все наши рабочие читатели воскликнут: конечно, да! Но мы все-таки повторяем: нам нужны пять тысяч, конечно, лучше восемь, но хотя бы пять тысяч, только пять тысяч молодых. Пять тысяч — но дисциплинированных и выдержанных до конца. Пять тысяч таких солдат сейчас важнее, чем двадцать пять тысяч неорганизованных, хотя и преданных, товарищей. Мы ждем превращения милиционеров в подлинных солдат народной армии. Это сократит борьбу и приведет нас к быстрой победе».

5 ОКТЯБРЯ

В интернациональной эскадрилье осталось очень мало машин. На них, сменяясь, работают пятнадцать человек.

Гидезу приходится летать больше всех, то в бомбовозе, то на истребителе. Я приехал на аэродром в Бараксас в неприятный момент. Бомбовоз с тремя истребителями ушел вот уже два часа, и никто пока не вернулся. По времени у машин должен уже кончиться бензин.

Наконец, долгожданная точка. Растет, приближается, превращается в маленький самолет, вот он круто идет на посадку, вот уже катится по сухой, колючей траве. Ему бегут навстречу, и, еще не выключив мотор, он кричит с пилотского сиденья:

— Они выполнили задание, нашли колонну броневиков, сбросили бомбы, они уже возвращались домой, когда их нагнала целая стая, девять истребителей, и начала клевать. В общем, два маленьких невинных, бомбардировщик идет, как пьяный, я боюсь, что Гюстав ранен.

О третьем истребителе его не спрашивают. Пока он отстегивает ремни, товарищи считают пулевые пробиты на крыльях и на хвосте. Их пять... Кто же в погибшем истребителе? Но нет, Гидез жив. Конечно, это он мастерски, почти отвесно опускается на поле. Его чернобровая мордочка выражает волнение и тоску. Он кричит, чтобы скорее приготовили санитарную карету. Кареты нет. Тогда носилки. А вот и большая машина. Пошатываясь в воздухе, припадая на один бок, она неуклюже, козлом, садится.

Все бегут к самолету. Никто не открывает изнутри. Начальник аэродрома сам отковыривает дверку. Вся кабина в крови. Пилот в изнеможении сидит, вернее, висит на ремнях, склонившись на штурвал. Вокруг него на полу большая красная лужа. У него прострелены не только плечи, ноги и руки, но и кисти рук. Спинка пилотского кресла разодрана в клочья над самой его головой. Сколько выдержки и мужества надо было, чтобы вот так, распятым пулями, вырваться из кольца воздушных хищников, долететь к себе, спасти самолет, товарищей.

Бомбометатель и пулеметчик тоже ранены, но менее тяжело, чем пилот:

фашистские истребители атаковали снизу и спереди.

Самолет весь издырявлен, стекла разбиты, механизмы памяти. Инженер-испанец лазит по нему, пробует тросы и одобрительно качает головой:

— Пойдет?

— Пойдет.

— Когда?

— Через полчаса. Его только запросят бензином, прочистят пулеметы.

— Вы хоть кровь смойте. А пилот? А бомбардиры?

Гидез объясняет:

— Люди есть. В том и беда, что у нас больше стрелков, чем пулеметов, и больше пилотов, чем машин.

Он грустен:

— Мы даем, что можем. Франция не поддержала нас. Испанцы — brave парни, но с ними пока еще должен кто-нибудь быть вместе, чтобы растормозить их. В августе они не бомбили ниже, чем с трех тысяч, теперь они ходят с нами на пятьсот метров. Вчера разбился еще один из них, он умер в больнице, сегодня мы хороним его.

Нас зовут в хирургический покой, там шум и споры. Раненому пилоту вынули осколки и затампонировали дырки ран. Но он требует завтрака по всей форме — закуска, жаркое и вино. Он орет благим матом, пока Гидез не заказывает при нем сардины, томаты, филе и бутылку вальдепеньяс. Затихнув и закрыв глаза, он вдруг предупреждает, чтобы филе готовили на коровьем, а не на этом страшном оливковом масле, иначе он будет блевать и у него будет кровоизлияние в мозг, — он себя знает. Гидез стыдит его:

— Имей стыд, товарищ, ведь эта страна находится в состоянии войны, пойми это, ведь ты товарищ!

Слово «товарищ» у Гидеза получается празднично. Знакомя со своими пилотами или механиками, он о некоторых говорит: «Это товарищ», что звучит, как титул. О себе он тоже не принадлежа к партии, говорит: «Я — товарищ», или: «Мне, поскольку я товарищ, напоминать об этом излишне...».

Мы едем хоронить испанского летчика. Он умер от ран в военном госпита-

ле номер один, в Карабанчеле. Из его ворот часто выходят небольшие траурные процессии. Вместо музыки гремит военный барабан. Простые гробы покрыты республиканскими знаменами. За гробами молча идут люди в военном и штатском.

Наша процессия — такая же. Человек тридцать. Итти недалеко. Вот уже ограда муниципального кладбища.

Гроб пронесят по дорожкам. Могила приготовлена, узкая, твердая, бетонированная щель. Наши могилы в России — шире, мягче, прохладнее. Гроб опускают — из бетонной дыры вырывается облако сухой, удушливой, известковой пыли. Минуты тишины, все стоят с поднятыми кулаками — это последний привет и память о погибшем, и залог будущей борьбы.

Провожаящие расходятся и на прощание жмут руки родным. Родные выстроились в ряд, двенадцать человек, спокойные, без слезинки в глазах. Старик в строгом сюртуке, с белой бородой, подчеркнуто и гордо поднял красивую голову. Он схоронил сегодня старшего сына, капитана воздушных войск. Но еще два сына в синих моно стоят рядом с ним. У ворот кладбища они прощаются с отцом. Их увозит большая машина с надписью «Авиасьон».

На аэродроме я окончательно добился того, о чем хлопотал эти дни. После завтра можно будет перелететь на северный фронт. На «дугласе» туда везут оружие, секретную почту от правительства и несколько ответственных представителей от центрального правительства и генерального штаба. С огромным трудом удалось выпросить два места — для меня и для оператора Кармена. Когда я с аэродрома по телефону благодарил Прето, он, верный своему стилю, сказал: «Будете благодарить после посадки, да и то в зависимости от того, где она совершится».

7 ОКТЯБРЯ

На аэродроме ждал сюрприз, не знаю уж, приятный или неприятный. Мы приехали с Карменом и его переводчицей аргентинкой Линой к семи утра, как

было нам указано. Конечно, долго ожидали, пока приедут пилот и механик, испанцы. Хорошо еще, открылся бар эскадрильи, мы у французов заправились горячим кофе, сэндвичами и ромом. А потом, часам к десяти, когда уже выкатили из ангара великолепную большую машину, внесли в нее груз и начали запускать моторы, оказалось, что из пятнадцати пассажиров налицо только мы с Карменом. Комендант аэродрома стал трезвонить по министерствам, разыскивая знатных делегатов.— одних не нашел, о других ему сказали, что они в пути, третьи срочно заболели, четвертых новые неотложные дела заставили отказаться от полета. Ждали до полудня, за это время явился только один моряк, командированный в Бильбао. Комендант был так разъярен, что, не спрашивая ни у кого, разрешил нам взять в самолет провожающую нас Лину. Одиннадцать кресел из кабины выбросили, вместо них нагрузили ящики с ручными пулеметами и патроны.

Гидез, как всегда, хлопотал на аэродроме, он же был и последним, чью улыбку и белый шлем мы видели на земле. Машина мощно набирала высоту и с трех тысяч метров рванулась на север. Уже через четверть часа мы были над территорией мятежников. Пилот, роскошный чернобровый красавец в не менее роскошной, расшитой золотом форме и фуражке курил у штурвала огромную сигару. Он вел «дуглас» зигзагами, стараясь лететь над горами, над безлюдьем, подальше от населенных мест. Мы прошли сначала влево, до реки Дуэро, еще левее остался город Вальядолид. Затем, не долетая до Кинтана дель Пуэнте, повернули западнее. На это ушло около часа.

Вблизи Бургоса пилот набрал еще высоты, до четырех с половиной тысяч. Где-то здесь предполагались германские аэродромы, те, что прикрывают фашистскую столицу. Механик пошел в хвост, и мы тоже, усевшись на ящиках, стали высматривать, не покажутся ли истребители. Как-раз в это время скис левый мотор. Кармен, крайне почтительно к моим авиационным знаниям, стал спрашивать разъяснений. Я ему

сказал только: «Здесь это не смешно». Он махнул рукой и начал пробовать снимать Бургос — довольно четкую полосу белых зданий с правой стороны. Но пилот и механик сигарами невыносимо задымили кабину. Моряк спал, как бревно. Механик — чисто испанская страсть к сенсации — растолкал моряка и, показав в окно, крикнул: «Бургос!». Моряк, не проснувшись, кивнул головой и вытащил пистолет.

Так, с неработающим левым мотором, понемногу снижаясь, мы через двадцать пять минут вышли на Рейносу. Это уже территория республиканского Севера, хотя и здесь вынужденная посадка в горах, с бомбами никак не устраивала.

Еще через десять минут — издали, но стремительно приближаясь, открылось море. Изрезанные бухтами берега, зелень, парки, лужайки и причудливая длинная коса Сантандера, с королевским дворцом на мысу. Выключив моторы, на нескончаемо долгом вираже, мы подошли к летному полю и мягко покатились по мокрой траве, подымая фонтаны брызг. Открыли окна, двери — кругом моросил осенний мелкий дождичек, первый дождь после отлета из Великих Лук. Мокрые овцы, мокрые крыши, красные кирпичные дома издалека, морской влажный воздух — все почему-то напоминало Англию.

Сантандер — на полпути между Бильбао и Хихоном. К кому ехать раньше — к астурийцам или к баскам? Хочется раньше в Астурию, ведь там осада Овиде уже подходит к концу, горняки уже заняли часть городских кварталов. А баски — те шесть дней назад стали автономным краем и сейчас во-всю разворачивают бурную правительственную деятельность. Между прочим, из Бильбао есть прямой телеграфный кабель на Лондон — можно отлично связаться с Москвой. Но нет, сначала в Астурию.

Комендант аэродрома дал машину, мы поехали в город, в комитет народного фронта.

Прием здесь недружелюбный, сухой. Председатель народного фронта, он же военный комиссар Сантандера, не хочет пропустить нас ни в Астурию, ни к баскам. Он холоден ко всем моим манда-

там, удостоверениям военного министерства и даже к тому факту, что мы перелетели сюда прямо из Мадрида, через фашистскую территорию, привезли сюда оружие, бомбы, информацию. Он заявляет, что запросит по радио Мадрид и тогда только установить размеры своего содействия нам.

Мадрид может ответить через две недели, если вообще ответит. Все это скучно. Мы спрашиваем адрес коммунистической партии. Адрес нам дают, но аэродромный шофер уже уехал, в комитет партии надо тащиться пешком, под дождем, с карменовской киношарманкой, с чемоданом запасных кассет.

У города типичный вид курорта на зимней консервации; на лето сюда раньше перебирался королевский двор и вся мадридская знать. Сейчас — ни короля, ни знати. Но на тротуаре попадает уйма буржуазной публики, очень хмурого вида, многие с собаками на поводке. И сколько зонтиков! Все здесь с зонтиками. Никогда не думал, что во всей Испании может быть столько зонтиков, сколько здесь, на одной набережной Сантандера.

Мы убого шагаем без зонтиков, но беда не в этом, а в Лине. Пройдя десять шагов, я ясно вижу, что с Линой мы здесь не жильцы. Перед отлетом Кармен, и я на всякий случай сбросили мою, переоделись в штатское. А бедная девушка села в самолет в своих драных бумажных солдатских штанах, в огромных ободранных башмаках, в которых она топала на Гвадараме и варила бойцам суп под Толедо. Курчавая блестящая грива, большие губы на креольском лице, все вместе — это в лучшем случае для детского фильма «Хижина дяди Тома», но не для этих недоострелянных буржуев.

Мы погнались ее покупать юбку, но магазины все закрыты на обед. Пошли в ресторан на набережной — в нижнем этаже, в кафе и в баре, много народу спекулянтского вида, появление нас и Лины в штанах встречено враждебным гулом. Поднялись вверх — официант во фраке, тоже очень злой, в полном молчании подал прекрасный обед — рыбу, утку, артишоки, сыр — то, от

чего в Мадриде уже почти отвыкли. Только хлеба — по маленькому ломтику: здесь, на севере, нет хлеба.

В партийном комитете рассказали, что в Сантандере еще полно фашистов, республиканская власть слаба и засорена, с положением справляется плохо. Связи с центральным правительством почти никакой, гражданский губернатор и комитет народного фронта управляют, как бог на душу положит. Недавно был придуман (или подсказан) трюк: власти составили список всех наиболее подозреваемых в симпатиях к мятежникам, в том числе военно-обязанной молодежи, их вызвали и предложили либо уезжать за границу, либо оставаться с перспективой попасть в тюрьму. Большинство, конечно, предпочло заграничные паспорта, они уехали на пароходе во Францию, и некоторые, даже не останавливаясь, отправились прямо в Бургос и Саламанку, в штаб мятежников. Сантандер часто посещают иностранные пароходы, никто не разбирается толком в их происхождении и назначении; недавне английский пароход, постояв десять дней в сантандерском порту, набрав груза и каких-то людей, ушел из Сантандера якобы в Лондон, а на самом деле — прямо в фашистский порт Виго.

Сам партийный комитет тоже здесь слабенький, видимо, влиянием большим не пользуется и идет на поводу у других партий.

Поговорили по телефону с Хихоном. Астурийцы очень рады приезду нашему, первых русских, они просят немедленно же приезжать без всяких специальных пропусков. Навстречу, в Льянес, выедет секретарь астурийского комитета партии.

Вечером Сантандер мокрый, темный, неприятный. Четыре пустых, плохо освещенных бара. Мы ночуем в отеле «Мексико». За ужином — несколько помятых буржуазных семейств озлобленного вида; в нашем присутствии они все молчат, хотя на Лине уже фланелевая юбка за тридцать две песеты. Портье несколько раз напоминает, что, если мы хотим, мы можем расплатиться долларами.

8 ОКТЯБРЯ

Величественный и красивый горный и приморский край. Глубокие ущелья, острые нагромождения и складки изрезали и вздыбили эту землю. Дороги бегут, возносятся и падают смелыми спиралями. Быстрые реки свергают ледяные воды с высот и, прорвав себе выходы через горные цепи, низвергаются прямо в Атлантический океан. Снежные вершины Морсин и Арамо строго повелевают над горизонтом. В горах и ущельях запрятаны маленькие города и поселки. Это Швейцария плюс Донбасс и немного дальневосточного Приморья. Для Кавказа это слишком мокро и туманно. Совсем недавно эти красоты были приманкой для самых изысканных и избалованных путешественников. Сейчас здесь сезон никак не для туристов. Все течет, все сочится, да и хлеба нет, да и общая обстановка совсем не уютна. В ущельях гремят выстрелы, льется кровь.

Мы сильно задержались в дороге — почти на каждом повороте Кармен выходил снимать поразительные виды; я сердился и ругал его, и тотчас же сам уговаривал снять еще один пейзаж, еще одну лошину, еще одну упряжку могучих быков с шерстяными подушками на головах. Не много из этих сѐмок получится — туман не развеивался ни разу.

В Льянес на постоялом дворе нас встретил Анхелин, секретарь астурийского областного комитета коммунистов, и повез дальше до Хихона в своей просторной карете «испано-суиса». В город приехали поздно вечером, отелей здесь никаких нет, все занято дружинниками и беженцами из Овьедо. Комитет не имеет отдельного здания, он занимает одну большую квартиру в жилом доме, тут же и обедают, и спят. Встретили очень радушно, как-то просто и побратски. Жена Анхелина готовит на всех, жены других членов комитета стирают общее белье, следят за чистотой в комнатах.

За столом засиделись допоздна, рассказывали друг другу — они о здешних делах, мы о Москве, которую здесь любят, как вторую родину. Много асту-

рийцев были и работали в СССР после восстания тридцать четвертого года.

9 ОКТЯБРЯ

Этот край отделен сейчас от мира не только природой. С запада и юга его прижимают фашистские войска из Галисии, Леона, Бургоса. С моря обстреливают мятежные крейсера. Тонкая полоска вдоль берега соединяет ее с Сантандером и Страной Басков, а дальше, в Сан-Себастьяне, в Ируне, — опять фашисты. Главный город Астурии, Овьедо, почти целиком занят большим, отлично вооруженным гарнизоном мятежников.

Все-таки астурийские пролетарии пока самые передовые бойцы испанского народа. Здесь уже есть организация, боевой опыт, твердый, упорный стиль борьбы в труднейших условиях. Анхелин — молодой, но серьезный, вдумчивый человек, рабочий, он трезво видит всю сложность положения. Коммунисты в боевой обстановке выдвинулись на передний план, но комитет старается это не подчеркивать, он не хочет отодвигать от руководства краем социалистов, у которых здесь старые связи и опорные пункты в рабочем движении, в профсоюзах. Анархистов здесь мало, левые республиканцы — мелкобуржуазная партия, хотя и участвует в управлении, в политической жизни совсем почти незаметна; ликвидировав заводчиков и горнопромышленников, местная власть увлеклась и заодно социализировала мелкую, кустарную промышленность, мелкую торговлю — все, чуть ли не до чистильщиков сапог. Анхелин почесывает затылок, он признается, что в Астурии народный фронт не совсем в полном комплекте...

Он торопит нас нанести визит гражданскому губернатору. Маленькое областное правительство Астурии приютилось временно здесь, в Хихоне, в тридцати километрах от Овьедо. Председатель его, он же губернатор, Белармино Томас — социалист, рабочий горняк. Скромная обстановка райисполкома.

В очень теплых словах Томас просит передать советскому народу огромную благодарность за убежище и помощь

астурийским революционным борцам 1934 года.

— Эту братскую помощь никогда не забудут у нас. Память о ней нам дорога вдвойне сейчас, когда ваши народы оказывают помощь продовольствием и одеждой уже всему испанскому народу в целом, нашим женам, нашим детям.

Он рассказывает о работе своего правительства. Она трудна, прежде всего, потому, что Астурия фактически блокирована, лишена снабжения извне, и военного, и продовольственного, и товарного. Связь с центральным правительством, с Мадридом, поддерживается частью по радио, частью — изредка и с большим риском — самолетами.

Боеприпасов у астурийцев достаточно — они могли бы поделиться даже с другими фронтами. Мясо тоже есть на месте, но очень плохо с хлебом. Зерновые районы Испании — Кастилия, Арагон, Валенсия — сейчас не могут снабжать Астурию ни морским путем, ни по суше. Закупать хлеб во Франции — нет валюты. Недавно, чтобы накормить бойцов на фронте, в Хихоне прекратили совсем продажу хлеба на восемнадцать дней.

Другая забота астурийских руководителей — это обувь и одежда для бойцов. Тыловое население готово бы отдать на фронт свою одежду и обувь, но тогда само останется голым и босым: гардеробами астурийская беднота не богата. Без пальто или плащей, без сапог или хотя бы резиновых бот даже отличные солдаты могут здесь очень потерять в боеспособности... Нет в Астурии и табаку, спичек.

В областное правительство входят два социалиста, два коммуниста и четыре республиканца. Хуан Амбоу, молодой рабочий, коммунист, руководит военным отделом астурийского правительства. Непосредственно операциями по осаде Овьедо ведают комиссары Гонсалес Пенья, социалист, и Хуан-Хосе Мансо, коммунист, оба — депутаты парламента от Астурии.

Боевые подступы к Овьедо расположены замкнутым кругом с диаметром всего в шесть километров. Но, чтобы обехать все позиции, нужны дни и

дни: окружной дороги нет, с каждой стороны надо добираться изломанными горами, обрывами, перевалами, туннелями и виадуками.

С севера подехать к Овьедо проще всего. За сорок минут мы добрались из Хихона до передовых линий. Из овьедского предместья Лугонес вид вниз на весь город, на собор, на правительственные здания. С этой стороны наступление дальше не ведется. Двойная линия окопов и укреплений ожидает противника, которого республиканцы понуждают выйти в этом направлении из города.

Окна и фортификации сделаны глубокие, удобные, сработаны умело, погорняцки. Но в них натекла вода, и люди, одетые по-летнему, мокнут, слабеют, кашляют. Все полотенца пошли в ход, как шарфы, из простыней понаделаны портянки; одеяла, прорезав дыры для головы, солдаты носят, как плащи.

Здесь почти нет экзотики и торжественной красоты, которыми налиты там, в Кастилии, каждый полевой bivуак, каждое батальонное знамя, каждый ночной патруль на дороге. Здесь люди подходят к войне не как к спектаклю или стихийному бедствию, а как к делу. Ведут войну по-шахтерски — серьезно, упорно.

С запада (сюда можно попасть только, вернувшись в Хихон) — самый трудный для республиканцев участок. Здесь их тревожит фашистская группа войск в несколько тысяч человек. Этой колонне мятежников из Луарки удалось прорваться сквозь линии народной милиции. Но затем горняки окружили, сковали колонну и держат ее на одном месте. Чтобы полностью ликвидировать этот клин, нужны добавочные силы. Горняки же предпочитают сначала покончить с Овьедо. Вот городок Трувия. Его знаменитый оружейный завод. Сюда пробуют ворваться мятежники. Трувия будет обороняться, но горняки на всякий случай эвакуируют все важнейшее оборудование завода, главные станки, а от того, что осталось, забрали части, нужные для пуска в ход.

За последние дни, из-за сплошных дождей и туманов, бои притихли. В

Овиедо можно проникнуть только с юга или юго-запада. К вечеру мы еще раз в Хихоне. Наши хозяева смущены, им нечего показать — ливень, сырость, слякоть не дают и носа высунуть на улицу. А ведь летом здесь так красиво! Им обидно, что мы не увидим красивого Хихона, что ничего не увидим. Они не понимают, что сами они — захватывающее зрелище, эта горсть молодых коммунистов, возглавивших здесь, на заброшенной окраине Европы, у Атлантического берега, борьбу рабочего класса против фашизма, против реакции и угнетения человека человеком. Маленький, скромный и простоватый на вид Пин прочитал от корки до корки Карлоса Маркса, Федерико Энгельса, Владимира Ленина, Хосе Сталина, Масимо Горького, Хорхе Димитрова, все, что переведено из них на испанский язык. Теперь он жаждет марксистской литературы по сельскому хозяйству — ведь он заведует земледелием в астурийском правительстве! Он хочет в Москву, в Аграрный институт, — конечно, не сейчас, потом, после победы. Хрупкая, тоненькая Агриппина с волосами, подвязанными ленточкой, в холщевых брюках (здесь не Сантандер, моно здесь опять в ходу) — организатор женского движения, шутка сказать, женорганизатор всей Астурии! Ей двадцать один год, и полтора года низ них она отсидела в тюрьме за восстание. («Агриппина, чем ты хочешь стать?»). Зачем ей задавать излишние вопросы! Не чем, а кем, ясно кем — второй Долорес!) Хуан Амбоу и его жена год работали в Советском Союзе — они полны воспоминаний, впечатлений, песен, мелодий из советских фильмов и каждую мелочь из того, что восприняли там, хотят использовать, применить здесь. Лафуэнте, пожилой человек, уже прошедший тюрьмы и пытки, теперь увлечен военным снабжением, производством снарядов, патронов; нельзя ли какие-нибудь материалы, брошюры по этому вопросу? Нет ли каких-нибудь на эту тему инструкций или приказов камарада Ворочилова, где они были опубликованы, как их раздобыть? Анхелин забрасывает меня вопросами о методах работы в ячейках,

с шахтных комитетах, о взаимоотношениях в треугольнике, о постановке партийных газет, о рабкорах; он приносит обе астурийских партийных газеты и советуется насчет верстки... А как здоровье Пепа Диаса? Как Педро Чэка? Наш приезд воодушевил их, приблизил Астурию к Мадриду и к Москве, создал впечатление, что все это не так далеко и не так отрезано, что связь наладится и будет очень тесной, что скоро сюда потекут люди, письма, книги, материалы. Все будет замечательно!

Под конец разговоров им вдруг опять стало совестно, что мы не развлекаемся, они поволокли, сквозь проливной дождь, в кино, на русский фильм, это должно быть нам интересно... Старенький театр был переполнен подростками, русский фильм оказался американской инсценировкой «Воскресения» с испанским текстом. Князь Нехлюдов ехал в резных оперных санях по грудам ваты; на станции вата клочьями величиной с кулак осыпала замерзающую Анну Стэн перед окном вагона, где князь играл в бридж с другими джетльменами, староста в длинных светлых панталонах подносил Нехлюдову хлеб-соль, и Нехлюдов отвечал: «Мучас грасиас!».

При выходе Пин виновато сказал: «Тебе, кажется, не понравилось». Я погладил его руку.

10 ОКТЯБРЯ

Вот шахтные районы Лангрео, Миэрес Кастандиело, металлургический завод ла Фельгуэра и еще много, отделенных друг от друга горными цепями, соединенных перевалами, спиральными дорогами, туннелями. Большинство шахт законсервировано, горняки ушли воевать, работа сохранилась только в нескольких местах.

В Сама мы поднимаемся в шахту, поднимаемся, потому что, как часто здесь, вход в шахту помещается у подножия горы, а ствол идет вверх, внутрь горы.

В штреках тускло тлеют масляные лампочки углекопов. Бледные юные и желтые поблекшие старческие лица; работает только молодежь до восемнадца-

ти лет и старики. Работают жертвенно и бескорыстно — хозяйева бежали с каской, у шахтного комитета уже два месяца нет денег на заработную плату. Хлеба выдают сто десять граммов в день.

В поселках всегдашняя нищета горняков вдвое обострена лишениями войны. И все-таки — какая бодрость, какая спокойная пролетарская выдержка у всех, у мужчин и у женщин! Какая готовность бороться дальше, какая уверенность в победе и ее плодах! Какая гордость первыми завоеваниями рабочих — нам показывают дома культуры, детские очаги, школы для взрослых, все, что можно было успеть создать за два месяца, в условиях войны.

В этом испанском горном захолустьи часто слышишь русские фразы, произносимые со старательным усилием. Говорят: «товарич», «саседание», «саюс горняки», «Ворочилоград»... Астурийские шахтеры, те, что работали в Донбассе, трогательно сохраняют памятки о нашей стране. С гордостью показывают они русские сапоги, чайные стаканы и блюда, тщательно сохраняемые нераскуренные папиросы. И без конца передают приветы и подарки разным молодым советским гражданам, имена которых они, отведя в сторонку, просят записать в книжку. Постепенно у меня скопились две штуки дамских никелевых часов, веер, бусы, вязаная кофточка, пять фотоснимков, зажигалка, собачка, выточенная из каменного угля, и письмо.

У астурийцев имена забавно напоминают наши старые крестьянские, какие давал сельский батюшка из святцев. За два дня мы познакомились с Агафоном, Ферапонтом, Карпом, Агриппиной, Павлином, Тимофеем, Акулиной (женщина) и Акулином (мужчина, секретарь комитета партии в Лангрео). Шофера нашего зовут Никанор.

Наконец, вот Наранко и Сан-Клаудио, южные предместья Овиедо. Отсюда народная милиция штурмом ворвалась в город.

Мы устроились ночевать в доме какого-то маркиза, в парковой, уже отвоеванной части Овиедо. С'ехали все во-

енные руководители — Гонсалес Пенья, Мансо, капитан Дамиано (по-нашему — Демьян). Сначала слушали новости, что мы привезли из Мадрида, затем начали спорить о расстановке частей и о том, нужно ли оставлять мятежникам дыру, чтобы они скорее ушли из города. Здесь держится наивное тактическое поверье, что, если такую дыру противнику оставить, он сунется в нее, покинет свои позиции и избавит нападающих от излишнего кровопролития. Это остаток военной премудрости осады городов в средние века.

11 ОКТЯБРЯ

Командиры решили использовать для атаки утренний туман, единственную защиту от германской авиации. Защиту очень относительную, потому что немцы, хоть наугад, хоть сквозь «молоко», но уже бомбят.

Препоганое, обреченное чувство — стоять здесь вот так, в слепоте и неизвестности, под низким белым потолком тумана. Мощные моторы ревут прямо над головой. Поминутно кругом удары грома, — не видя целей, бомбардировщики берут количеством. Им недалеко ходить за новыми бомбами — каждые полчаса они уходят к себе на базу и очень скоро возвращаются с новым запасом... Было очень грустно на обратном пути натолкнуться на отвратительную кучу обгорелых черепков вместо мирного домишка, где мы стояли. Женщину и двух детей, с которыми мы шутили, разорвало в клочья. Соседи рассказали, что бомба ударила через пятнадцать минут после нашего отъезда.

Предместья кончились, вот уже станция, паровозное депо, затем бульвар и городские улицы. Опрокинутый трамвайный вагон лежит на рельсах.

Навстречу, буквально под пулями, бегут бедно одетые люди с узлами, с детьми на руках. Это жители кварталов, уже занятых республиканцами. Они бегут из города в горняцкие поселки, в Хихон в страхе опять очутиться в фашистском плену.

Они узнают Хуана Амбоу, на ходу кидаются ему на шею, плачут, бессвязно восклицают:

— Хуан, ах ты, наш храбрец, ты пришел освободить нас!

Я пробую расспросить, но они почти в невменяемом состоянии. Два месяца фашистского режима, обысков, арестов, и вдруг свобода, вдруг свои, и тут же стрельба на улицах и воздушная бомбардировка.

Дальше бой ведется пулеметами, винтовками, ручными гранатами, а где нужно — штыковой атакой: астурийцы получили штыки и научились ими пользоваться, это тоже ново для Испании.

Противник отвечает теми же видами оружия и легкими пушками. Народная милиция пробивает отверстия в боковых стенах смежных домов и таким манером получает сплошной внутренний защищенный ход сквозь целую улицу. Через эти ходы эвакуировали население уже занятых двенадцати улиц, выносят раненых и убитых доставляют патроны и гранаты.

Над южной частью города, уже занятой республиканцами, еще командует колокольня церкви Сан-Педро. Этот божий храм беспрерывно поливает улицы девятью, веером расположенными, пулеметными струями.

Все-таки Хуан не может противостоять искушению — попасть в свою овиедовскую квартиру.

Перебежками мы пробираемся к высокому дому на улице Арганьоса. Лестница безлюдна, в шестом этаже на квартирной двери сургучная печать и наклейка фашистской охранки: «Квартира — в распоряжении полиции. Ход воспрещается».

Хуан весело срывает печать и наклейку. В квартире все переверочено вверх дном. Вывезена вся библиотека до последнего листочка. В шкафу уцелели теплые вещи, кожаное пальто, шерстяное белье. Хуан не берет их — он не хочет преимуществ перед бойцами народной милиции.

Пули с колокольни Сан-Педро назойливо барабанят в карниз дома. Сыплется штукатурка.

Хуан улыбается по-озорному, берет со стола стеганую куклу, московскую матрешку из кустарного магазина.

— Докажу жене, что был дома!

Республиканский сектор вгрызается с каждым часом все глубже в город. Полковник Аранда, командир мятежников, отступает к казармам Пелайо. Если горняки выдержат характер и не ослабят нажим, он должен будет или сдаться, или уйти на север к Лугонес, где ему оставлена вышеупомянутая выходная дыра.

Но пока борьба в полном разгаре. У обеих сторон много огневых средств, и они их не жалеют. Бой идет очень ожесточенно, дружинники храбро рвутся вперед, автобусы едва успевают отвозить раненых.

При всей напряженности, при всем ожесточении уличных боев, при всем их драматизме надо, трезво говоря, на опыте Испании, сдержанно оценить их эффективность, особенно для наступающих. Если уличные бои ведутся два-три дня, они носят решающий характер. Если наступает затяжка, войска оседают в домах, привыкают к каменным стенам, их многое здесь отвлекает, наступательный дух и темп понижаются. Части, что прекрасно дрались в поле, сильно теряют в своих качествах, просидев две-три недели у городских баррикад.

Мы выезжаем из города и вновь возвращаемся со стороны предместья Сан-Клаудио. Туман вдруг рассеялся, выглянуло солнце. И авиация может показать себя во всем блеске. Три трехмоторных «юнкерса» спокойно, на высоте не более трехсот метров, разгуливают над ложбиной Овиедо. Кармен может свободно запечатлеть их аппаратом.

За эти месяцы я видел уже немало воздушных налетов, но этот превосходит все. «Юнкерсам» никто не мешает, нет ни истребителей, ни зенитной артиллерии. Во всей Астурии у республиканцев есть одна одноместная спортивная авиэтка.

Сейчас немцы заняты отлогим зеленым склоном горы Наранко. Они предполагают здесь республиканские батареи, которые и в самом деле еще вчера обстреляли отсюда казармы.

Методически, аккуратно, как на маневрах, они покрывают весь склон, три на три километра, сплошной площадью взрывов. Земля дрожит от гро-

ма. За шестнадцать минут сброшено около восьмидесяти бомб.

Пылают два больших санатория. Вся гора дымится черным дымом.

«Юнкерсы» уходят, через полчаса возвращаются и начинают сначала. Они решили не оставить невзорванным ни одного вершка на горе Наранко. Так авиация Гитлера вступает в новую мировую войну.

От самолетов отделяются два парашюта. Их относит в нашу сторону. Вот они медленно приземлились. К ним бегут. Приносят — два больших цинковых ящика и в них несколько тысяч двухминутных фитилей для ручных гранат. Они предназначались полковнику Аранда, но по адресу не дошли.

Со стороны квартала Буэна Виста республиканцы заняли две большие улицы и амфитеатр боя быков. Сейчас начнется новая атака — здешняя часть хочет переулками прорваться на улицу Арганьоса и соединиться с первой группой на площади Америка.

В ожидании сигнала Хуан Амбоу мечтает:

— Скоро кончим с Овиедо, — тогда пустим наше горняцкое войско на Галисию, на Лион, на Бургос. Будем прорываться в Кастилию...

Ему можно поверить. В Астурии умеют бороться. Вот только одеты совсем неважно. Хуан дрожит в своем парусиновом моно. Нечем согреть его, я позволил себе еще третьего дня отдать свое парижское пальто молодому парню, мокнувшему в грязном рву у Лугонес.

... После боя вернулись, очень взвинченные, во вчерашний маркизов дом. Опять с'ехали все, обедали и за обедом учили нас пить прославленный изумительный астурийский сидр. Здешние люди умеют как-то особенно лихо, длинной струей наливать его — опускают стакан вниз, а бутылку задирают высоко над головой. От этого больше пьется.

Я учился очень усердно и погом никак не мог найти свою комнату.

Кармен клятвенно уверял, будто я обошел три раза весь дом, оба этажа, в каждой комнате раскрывал все шкафы, выдвигал все ящики и при этом ру-

гательски ругал маркиза. Лично я этого не запомнил. В это время пришел бомбардировщик и долго искал, повидимому, наш же дом, он проходил много раз низко над нами, но бомб не бросал, наверно, боялся угодить в центр города, в своих же, в мятежников. Может быть, он им сбрасывал продовольствие. По этому поводу я будто бы тоже страшно ругался, астурийцы же смеялись и говорили, что с таким сидром никакая бомбардировка не страшна.

А Кармен еще ухитрился поймать здесь, в Овиедо, на маркизов приемник станцию ВЦСПС, и я слушал сладкие трели: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...».

12 ОКТЯБРЯ

Шофер Никанор хорошо расквитался с нами. Все эти дни просто для того, чтобы не терять друг друга из виду, мы оставляли его не при машине, а брали с собой. Не сразу мы заметили — он побаивается, нервничает. А вчера, при перебежках, под пулеметами с Сан-Педро, при катавасии с «юнкерсами», при виде разодранного дома и убитой семьи, при погрузке раненых и трупов в автобус и прочих неприятностях, он совсем потерял достойный облик, еле передвигался за нами, — бебое лицо, руки — плети, спина горбом. Кто-то вслух подшутил над ним, это совсем подкосило парня.

Сегодня, усадив нас в машину, он сразу так дернул, что мы многозначительно переглянулись. Затем началась фантастическая гонка по горным спиральям с дикими заносами на поворотах, с лихим шварканьем задними колесами над обрывами и пропастями, отчего жёлудок перемещался куда-то вверх, а подмышками становилось прохладно. У Кармена лицо было куда белее вчерашнего никанорова, а мое, очевидно, такого же цвета. И, конечно, мы сейчас были в тысячу раз ближе к смерти, чем вчера, перед новейшими средствами военной техники. До самого в'езда в Хихон Никанор не произнес ни одного слова. Он бесстрастно курил какую-то вонючую дрянь. Лишь у под'езда партийного комитета, освобождая

машину от совсем очумелых пассажиров, он чуть-чуть улыбнулся.

Было так жалко расставаться с этими людьми, сразу родными, как если бы мы жили и работали вместе много лет. Так сразу сближаются только люди, которых давно уже, за-глаза связали одинаковые мысли и восприятие жизни, одинаковое, пусть на разных языках, в разных странах, воспитание, общность ненависти к одним и тем же врагам, общность любви к рабочему классу, преданность коммунизму, любовь и вера в партию, в Коминтерн, в Сталина... Прощаясь, может быть, на месяц, может быть, на год, может быть, навсегда, нас обнимали и с грубоватой лаской хлопали по плечу Анхелин, Хуан Амбоу, Агриппина, Хуан-Хосе Мансо, Пии (на прощанье он сказал: «Это мое прозвище — Пин, а зовут-то меня Хуан Гарсиа»), Лафуэнте, Дамиан. Хотели провожать нас до Льянес, но Анхелин не разрешил.

Вечером были уже в Сантандере и, сделав короткую передышку, сменив машину, поехали дальше, к баскам, в Бильбао.

13 ОКТЯБРЯ

Станный, не похожий ни на что город. Менее всего похож на испанские города. Здесь нет ни кричащего шегольства американизированных небоскребов Мадрида и Валенсии, ни кричащей бедноты их рабочих кварталов. Все краски притушены, контрасты сглажены, все выравнено в черном и темно-сером цветах, дома, магазины, мосты через реку Нервион (по-баски—Ибайсабал!) — солидных, но не слишком крупных размеров, все — крепкое, солидное, добротное, грузное. Богатство не выставлено напоказ, как в Мадриде и Барселоне, а ведь именно здесь главные богатства Испании: горнопромышленная, металлургическая, торговая, финансовая буржуазия, и здесь она менее всего тронута гражданской войной, сохранила свои основные позиции.

Это похоже скорее на старый английский портовый город, с большими грузовыми оборотами, с копотью антрацитовых каминов и почтенной грязнова-

тостью улиц. Только одна мрачная экзотика придана городской толпе — поголовно все, министры и газетчики, солдаты и профессора, все, все, носят черные береты, как носят феску или чалму. Ни одной шляпы и почти ни одной непокрытой головы. Женщины, как и мужчины, — в черном, в черных косынках. Они стройнее и красивее, у мужчин же низкорослый, коренастый, пикнический тип.

С довольно постными минами сидят бильбайцы среди слякоти и сырости на застекленных террасах кафе. Не их идеал чашка кофе, но сейчас бездействуют знаменитые баскские трактиры, жарко натопленные святилища жирных колбас, пирогов и паштетов, вареных бараньих яиц, тяжелого темного пива и хмельного сидра.

Часто встречаются священники, тоже низенькие и мордастые, с тяжелым, сонным взглядом низко опущенных век. В Кастилии я не видел ни одного, кроме бледного каноника Камараса в Толедо, в светском пиджачке.

Устроились в отеле «Инглатерра», ободранном и грязном, вместе с беженцами из Ируна и Сан-Себастьяна. Сейчас же помчался на телеграф, разыскал английскую компанию «Директ-Спэниш». Оказывается, кабель с Лондоном работает исправно. Сел и до четырех часов ночи выводил химическим карандашом через копирку, печатными латинскими буквами корреспонденцию об Астурии; Лина относит частями на телеграф. Я совсем приуныл от подобной тюремной техники, но еще до конца работы принесли молнию из Москвы о том, что первая часть уже получена, и без пропусков. Значит, послезавтра утром в «Правде» уже будет подвал об Астурии!

14 ОКТЯБРЯ

Хуан Астигаррания — генеральный секретарь коммунистической партии басков. Он же — министр транспорта в новом областном правительстве. Замкнут, молчалив, нервен и для баска очень худ. Повез к Агирре.

Резиденция главы правительства — в бывшем здании банка. Президентская гвардия, тоже в беретах, только в красных и с золотыми кокардами, делает

«на-караул». Комендант торжественно ведет по мраморным лестницам.

Но эта мраморная лестница обложена в два слоя тяжелыми, грубыми мешками с землей. Мешки лежат вдоль сводчатого коридора, мешками заложены огромные окна. И зеркальные стекла накрест оклеены лентами газетной бумаги — от взрывов.

Прошло тринадцать дней с момента, когда испанский парламент единогласно принял статут басков, за который этот народ боролся три четверти столетия. Область наслаждается первым месяцем своей автономии. Но наслаждаться некогда.

Получив в Мадриде грамоту на независимость, баски должны тотчас же с оружием в руках оборонять ее. Фашисты ответили на утверждение статута сокрушительной бомбардировкой Бильбао. По своим результатам это самая эффективная воздушная бомбардировка тылового города из всех доселе известных. В один налет было убито двести двадцать человек мужчин, женщин и детей. Одна из трехсоткилограммовых бомб разрушила пять верхних этажей большого здания. В других домах были разрушены по два, по три верхних этажа. Германские летчики и «юнкеры» к бомбардировке на этот раз не имели отношения; налет делали итальянцы, на бомбовозах «капрони». И с этого дня население Бильбао не знает покоя, оно днем и ночью за мешками с землей, за оклеенными бумагой окнами, ждет сигнала, чтобы спуститься в подвал и переждать очередную воздушную атаку.

Президент Агирре молод, элегантен, любезен. По виду он смахивает на артиста, но специальность его — шоколадное производство. Кажется, так. В своей партии — буржуазной партии националистов басков — он считается крайне левым. На столе у него маленькое распятие из слоновой кости, он убежденный католик, как вся его партия. И с таким же убеждением, с ожесточением говорит он о разрушительной, мертвящей роли фашизма, противоречащей христианскому гуманизму его и его друзей.

Агирре описывает зверства мятежни-

ков в Сан-Себастьяне; рассказывает об иностранной помощи, особенно о помощи Ватикана реакционерам; он восторгается советской нотой Лондонскому комитету по невмешательству:

— В этой ноте нас восхищает больше всего твердость тона и полнота голоса советской демократии. Только так и надо говорить с фашистскими нарушителями мира. Очень жаль, что робость тона других демократических государств начала приучать фашистские правительства к чувству безответственности и полной безнаказанности любых их поступков.

Астигарравия присутствует при нашей беседе, он кивает головой. Непривычно видеть рядом, за одним столом верующего католика, националиста и безбожника, марксиста, рабочего. Страшна должна быть угроза фашистской чумы, чтобы заставить их объединиться.

Коалиция все-таки состоялась, несмотря на громадную разницу во взглядах политических партий; она существует и носит не оборонительный, а наступательный характер против фашизма. Но далось это не легко. Националисты баски — самый правый фланг антифашистского фронта. Они связаны многими нитями с местным крупным промышленным и финансовым капиталом. Религиозные взгляды и связь с духовенством сближают их и с клерикальными реакционерами соседней, мятежной Наварры, испанской Вандеи.

Они колебались, но все-таки выбрали народный фронт. Конечно, здесь много враждебных им сил — коммунисты, социалисты. Но вопрос решила сама жизнь; экономика и политическое настроение масс продиктовали решение. Аграрии Наварры и Андалусии добились внешней экспансии для вывоза сельскохозяйственных продуктов. Католический фашизм Хила Роблеса добивался экономической централизации Испании по образцу гитлеровской «Третьей империи». Это срывало планы хозяйственного самоуправления Бискайи; ее мощная тяжелая промышленность рассчитана почти целиком на внутренний испанский рынок. Вокруг Бильбао — большие железные рудники, металлур-

гические и химические, резиновые, машиностроительные заводы. Среди рабочих — много католиков, они входят в партию националистов. Классовое чувство безошибочно направило их против фашизма. Если бы руководство национальной партии не присоединилось к антифашистскому лагерю, рабочая часть партии взорвала бы ее, она осталась бы без массовой базы. И, наконец, разве не из рук антифашистских кортесов, не от парламента народного фронта получили баски свою автономию? Франко отрицал ее, он требовал испанской «единой и неделимой». Выбор был сделан — вопреки ожиданиям реакции, вопреки уговорам и интригам Ватикана.

15 ОКТЯБРЯ

Конечно, сложный политический переплет очень затрудняет оборонную работу здешнего правительства. Партии настороженно следят друг за другом, приказы и распоряжения, изданные членом одной партии, потихоньку торжуются, пока в них не разберется другая партия; в военной обстановке сие иногда смерти подобно.

Из-за этого здесь большая разруха. Остро нехватает хлеба, сахара, угля для заводов, спичек. Пошли в ход самодельные бензиновые и кремневые зажигалки. Кремль и огниво, то, что у нас пошло в ход после полутора лет гражданской войны, — кремль и огниво здесь, в Бильбао, в нескольких часах езды от Франции, на четвертый месяц борьбы! Правда, у бискайского правительства нет валюты, а воюющим странам теперь предпочитают давать товары только за наличный расчет; даже за пять тысяч пальто, которые великодушно доставила баскам Всеобщая конфедерация труда, пришлось заплатить из тощего бискайского кошелька. Но ведь в правительственной коалиции участвуют крупнейшие, опытнейшие купцы и промышленники. Это не доктор-химик Хираль и не каменщик Урибе! У бискайских властей — огромные коммерческие связи за границей, валютные запасы, большой внешнеторговый «Банко де Бильбао» с большими отделениями во Франции, в Англии, в Америке. Каждые три-четы-

ре дня из Бильбао отходят пароходы с рудой в Англию, по старым договорам. Почему приходят они пустые, без зерна и муки, без сахара, без теплых вещей? До сих пор не налажен привоз угля из Астурии по железной дороге.

Мы едем в порт — огромная гавань, доки, верфи, десятки пароходов и сотни мелких рыбацких судов на причале; ими загроможден весь Нервион до впадения в море — все стоит без движения, боится фашистских крейсеров, будто бы гуляющих вдоль побережья.

Мимо Португалеты, старого рыбацкого городка, проехал до Лас Аренас, пригородного морского курорта. Внезапно посреди улицы огромный белый флаг, надпись: «Интернациональная зона».

За флагом — пляж и большой квартал роскошных вилл с гаражами и всякими службами. Широкий выбор разноцветных флагов, вплоть до самых экзотических стран. И в каждой вилле у пляжа, несмотря на совсем не купальный сезон, — большое оживление, множество народу, целые стада автомобилей на зеленой травке.

Стены домов и палисадники еще изукрашены хулиганскими фашистскими плакатами. А наивные парни с винтовками — охрана интернациональной зоны — не решаются сорвать эту пакость. Начальство приказало им строго оберегать неприкосновенность нейтрального квартала. Начальство ничего не сказало насчет выезда и въезда в этот квартал автомобилей легковых и грузовых, относительно их содержимого, относительно людей и предметов.

16 ОКТЯБРЯ

В старинном капуцинском монастыре устроена казарма коммунистической милиции. Капуцины не возражают, они объявили, что соглашаются, считаясь с нуждами войны. Дружинники, со своей стороны, устроив спальню на пятьсот человек в главной церкви монастыря, оставили в полной неприкосновенности, на своих местах все статуи, лампы, цветы и свечи. Только к розовым мраморным ногам мадонны какой-то деятельный солдатик пристроил плакат: «Смерть фашистам!».

Коммунистические батальоны народной милиции играют здесь примерно такую же роль, как Пятый полк на центральном фронте. Они признаны передовыми по дисциплине, по военной квалификации и обстрелянности. Здесь есть несколько частей, эвакуированных из-под Ируна, они там дрались упорно, героически. «Капуцины» — их так, шутя, называют по имени главной квартиры — пользуются хорошей репутацией, и в этом отчасти беда: новообученных бойцов сейчас же растаскивают на сектора отдельными ротами и даже взводами. Это укрепляет сектора, но не дает сформироваться одному целому полку высокого однородного качества. Опять-таки — повторение того, что происходило с мадридским Пятым полком.

Но, надо сказать правду, бойцы баски вообще намного организованнее, упорнее других. Как и астурийцы, они гораздо менее впечатлительны, чем кастильцы и андалусцы, не так быстро предаются унынию и беззаботному восторгу, не так чувствительны к непогоде, более спокойны и выносливы. Что за народ, своеобразный, особенный! Он прожил особняком и сохранил свою древнюю культуру, начиная с оригинального языка, родственного во всем мире только абхазцам и армянам-пайам. Рабочие баски очень дорожат своей национальностью, и это сделало многих из них религиозными — потому что баскская церковь тесно связана в их представлении с национальной культурой, с этническими особенностями, с нравами и обычаями старины. Католические рабочие переходят сейчас в компартию, потому что она, исправив свои прежние ошибки, поддерживает национальное чувство басков против великодержавного, высокомерного, дворянского эспаньолизма...

Фронт ближайшего участка — не более как в восьмидесяти километрах отсюда. Но там тихо, ничего не происходит, — дождь, туманы. Лучше скорее в Мадрид, новости оттуда не больно хороши. Кармен, бедняга, разболелся и раскис, лежит с температурой, ничего в этой слякоти не может снимать.

Опять до позднего вечера выводил

детские печатные телеграфные каракули. Потом, используя ночь, поехали на Сантандер, — может быть, случится самолет.

17 ОКТЯБРЯ

Повезло совершенно невероятно. Именно сегодня, именно через два часа после приезда в Сантандер, отлетал «дуглас» в Мадрид. Он так и торчал здесь из-за непогоды с самого седьмого октября. Почта, которую мы здесь оставили, проезжая из Хихона, дождалась нас.

Опять в самолете оказался только один пассажир — бывший гражданский губернатор Бильбао, упраздненный с образованием автономного правительства.

Мы летели на этот раз левее, дугой на восток, мимо Витории, Сории, через Гвадалахару. Только в одном месте, не долетая Сигуэнсы, издалека показался истребитель. Но мы уже подлетали домой.

В ЦК, при появлении, начали меня буквально душить в объятиях. Педро Чэка, самый сдержанный из всех, воскликнул: «Такой радости мы просто не ожидали!». Это было уже чересчур... Но, когда Хосе Диас, прямо-таки светясь глазами, добавил: «Нам ничего на свете не страшно», я понял, что радость совсем не по поводу меня.

Оказывается, вчера получена телеграмма от Сталина, на имя Диаса, в ответ на приветствие центрального комитета испанской коммунистической партии.

Вот телеграмма:

**МАДРИД
ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ.**

Товарищу ХОСЕ ДИАС

Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая сильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Братский привет!

И. СТАЛИН

Она уже опубликована вчера вечером в «Мундо обреро» и сегодня утром во всех мадридских газетах. Произвела огромное впечатление. Руководство партии принимает поздравления.

Члены ЦК отвечают всем, что телеграмма эта, и по содержанию, и по смыслу своему, направлена всему испанскому народу, всем борцам против фашизма.

Трудно придумать другой момент, когда бы народ, правительство, войска так нуждались в этом слове ободрения. Атмосфера сгустилась не столько из-за военных неудач, сколько потому, что вести из-за границы говорили о почти полной изоляции республиканской Испании.

Народ почувствовал себя в глубоком одиночестве, это омрачило его, наполнило горечью.

И в такой момент — твердые, полные ободрения и дружбы, слова, крепкое мужественное пожатие руки, той руки, что держит штурвал могучего советского корабля!

Весь остаток дня проездил по городу, побывал на заводах, в Пятом полку, в «Альянсе» писателей, у анархистов, в социалистических профсоюзах. Телеграмма Сталина — общая тема разговоров, всюду составляются ответные телеграммы, письма, резолюции, приветствия, благодарности.

Рабочие метро и трамваев вывесили на остановках и на вагонах сталинские портреты.

И я сам, ходя по тревожным улицам Мадрида, почувствовал себя еще больше связанным с борьбой этого народа, ощутил себя каплей той волны сочувствия, солидарности, поддержки, что донеслась сюда издали, от моего родного народа, от моего родного Сталина.

... Решением правительства и приказом военного министра образован институт комиссаров армии, во главе с генеральным военным комиссариатом. Генеральный комиссар — Хулио Альварес дель Вайо. Его заместители — Кресенсиано Бильбао (социалист), Антонио Михе (коммунист), Анхел Пестанья (синдикалист), Рольдан (анархист), Претель

(социалист, второй секретарь Всеобщего рабочего союза).

Цель комиссариата: «проводить контроль социально-политического характера над солдатами, дружинниками милиции и другими вооруженными силами на службе республики и добиваться координации между военным командованием и борющимися массами, направленной к лучшему использованию возможностей упомянутых сил» (первый пункт приказа Кавальеро).

«Военный министр сможет дать в любой момент инструкции по своему усмотрению генеральному комиссариату и всем комиссарам» (пункт шестой).

Назначено около двухсот комиссаров батальонов и бригад.

Мигэль Мартинес получил письмо от военного министра о назначении его бригадным комиссаром. В первый, организационный период он должен работать инспектором при генеральном комиссаре дель Вайо. Мигэль приступил к работе.

18 ОКТЯБРЯ

Вот как выглядит премьера нового фильма в октябре 1936 года в Мадриде.

На фронтоне «Капитоля» световая надпись: «Министерство просвещения, отдел культурной пропаганды». У входа — ни пройти, ни проехать. В густой толпе беспомощно застряли десятки автомобилей. На фонарных столбах кончают укреплять яркие плакаты. Время от времени музыка играет встречу, приветственные крики и аплодисменты перекатываются по площади Кальяо. Толпа расступается, дает дорогу членам правительства, лидерам республиканских партий, популярным депутатам.

— Вива Асанья!.. Вива Прието!.. Вива Долорес!.. Вива Русиа!..

Молодой министр Хесус Эрнандес, теперь уже в пиджаке и в сорочке с галстуком, встречает в роли хозяина гостей в вестибюле. Министерство просвещения взяло на себя теперь функции также и политико-просветительной работы на фронте и в тылу.

В маленьком фойе позади директорской ложи Мануэль Асанья коротко переговаривается с Хиралем и министром-баском Ирухо. Потом умолкает, углубляется в свои думы.

Эти месяцы заметно состарили его. Резче, острее стали черты его округлого, мягкого, немного дамского лица... Анти-милитарист, он, став первым военным министром республики, сократил армию и своим знаменитым декретом уволил в отставку восемь тысяч офицеров. Извне, рассуждал Асанья, Испании ничего не угрожает. Внутри же страны огромная офицерская саранча пожирает государственный бюджет и при этом постоянно остается базой для монархической реставрации. Он был прав, но не доделал дела до конца. Реакция очень быстро воспрянула в апрельской республике... Асанья и его друзья, отброшенные от власти, перестроили свою партию, сблизилась с городской мелкой буржуазией, со средним крестьянством. Но теперь по-иному вернулись вопросы войны и мира для Испании.

Президент и министры входят в ложу. Громадный амфитеатр устраивает им овацию.

Медленно меркнет свет, симфонический оркестр играет задумчивую прелюдию. Затем занавес раздвигается, и медленно плывут первые сцены фильма. Министерство просвещения посвятило эту киноленту памяти испанских моряков, погибших за родину и республику. В фильме показаны моряки. Но море и пейзаж — не испанские. Моторная лодка мчит седого человека от столичной набережной на суровый простор Балтийского моря. Как встретят его там, на острове-крепости, в революционной, но еще не организованной матросской вольнице?

Злые осенние ветры шумят над Балтикой. Стаи хищников слетаются клевать большой и, как им кажется, умирающий город. Надо собрать все силы на его защиту. Повести в битву всех бойцов, до последнего. А повести не так легко. Они забыли дисциплину, ропщут на трудности, шумят, развлекаются.

Хулиганистые братишки пристают к молодой печальной женщине, нахально окликают ее:

— Синьорита!..

Красноармейцы спасают женщину от приставаний. Это рождает у распущенного анархического матроса озлобление против скромной, дисциплинированной пехоты.

Комиссар смело вторгается в матросскую гущу. Из бесформенной, буйной, но революционной и классово чуткой массы он создает боевой отряд, который храбро сражается с белыми. Вчерашний хулиган и дезорганизатор участвует в этой борьбе, он перерождается в ней... Вот русские фашисты окружают моряков с двух сторон. Вот потрясающая сцена казни... Здесь смотрят фильм Вишневого впервые. И как смотрят!

Слышно, как зал следит за кронштадтской драмой. Видно в полутьме, как он ее переживает. Рядом — расширенные глаза военной молодежи; над перилами ложи — внимательный профиль президента. А где военный министр, где остальные? Хесус выскальзывает в салон, он возвращается взволнованный.

— Плохие вести. Взята Ильеска! Войска откатываются дальше. Кажется, взята Сесеня.

Сосед зритель, не отрываясь от экрана, спрашивает: «Скажите, во сколько километрах они?».

Кто — они? Юденич или Франко?

Во сколько километрах от чего — от Мадрида или от Петрограда?

Фронт был уже здесь, в самом Мадриде, затем его отбросили на пятьдесят километров и крепко сдерживали там три месяца, сдерживают и теперь. А в то же время — фашистская армия за месяц прошла с юго-запада триста километров. Она стучится в ворота столицы.

Авиация интервентов засыпает бомбами республиканские части, обливает пулеметным дождем, жжет, громит тяжелой артиллерией. Нужна огромнейшая сплоченность, дисциплина; храбрость, отчаянная храбрость, вот такая, как у этих кронштадтских матросов и

петроградских пролетариев. Хватит ли всего этого у мадридского народа?

Лицо народной милиции меняется каждый день. Еще немного, и это будут прекрасные, стойкие части. Но не поздно ли? Не будет ли уже потеряна столица?

Люди ищут ответа на экране. Овацией встречают они каждый успех красных, тоскливым молчанием каждый натиск белогвардейцев. Я слышу в зале плач и слышу вслед за тем торжествующую победную радость.

Мы еще не знаем судьбы Мадрида. Но знаем конец замечательного фильма о кронштадтских моряках. Никто не помог советскому народу в его борьбе не на жизнь, а на смерть с российской и мировой буржуазией. Он помог сам себе, красные моряки — красной пехоте, коммунисты — беспартийным, город — деревне, север—югу, Донбасс—Царицыну, Царицын—Москве. И здесь, сейчас, когда во враждебном и холодном нейтральном окружении испанский народ обороняет свою жизнь и свободу, когда лишь один народ-брат издалика поддерживает его моральные и физические силы, — только одно может спасти и спасет его: сплоченность, самоорганизация, а главное, самое главное — вера в свои силы. Это случится раньше или позже, какова бы ни была судьба Мадрида...

Яркий свет заливают театр, крики «Вива Русиа!» пронизывают торжественную мелодию «Интернационала» и республиканского гимна Испании.

20 ОКТАБРЯ

Линия огня сейчас формально находится в тридцати трех километрах от столицы. Но, спускаясь по лестнице военного министерства, Мигэля слышит торопливую дробь пулеметов и особый звук зенитных орудий—будто рвут, раздирают огромные куски полотна. Самолеты противника пришли с ранним визитом. Они бросают бомбы и летучки к населению:

«Мадрид окружен, сопротивление бесполезно, содействуйте сдаче города! Иначе национальная авиация сотрет вас с лица земли».

В кармане у Мигэля последние радио-перехваты:

«Саламанка из Леона. 19 (X) 24 начальник аэродрома генералу командующему воздухом. Получены ..... 4, Юнкерсов 6, Фоккеров 2, Драгон 1, Хейнкель 6, также Хейнкель 30. Боеприпасов 16955, бомб А 379, Б 230. По 100 было 15. По 10 с одним 61, по 10 с пятью 6, по 5 с пятью 55. По четыре — 186. Горючее А 36939 В 4532 М(300) Е(ФТ800) Г(28317) И (243) Х(1903) Атлантик (115)».

Другой перехват:

«Саламанка из Севильи 19 (X 18) 20 генералу, командующему воздухом от начальника второй эскадры. Получены Юнкерс транспортных 3, Савойя два, вылетели один и три разведчика Хейнкель, авиетка для связи, одна эстафетная».

Вот третий перехват:

«Получены и имеются три по шесть. Осветительных 50. Зажигательных 295. Итальянских фугасных 12397. По 50 кило 34. По ... кило фугасных 853. По 2 кило фугасных 5951. По 20 кило зажигательных 302. Германских по 10 кило 172, по 50 кило 107. По 250 кило — 139. По 500 кило — 9. Зажигательных 17».

Это «национальная авиация» Франко... Горсточка правительственных самолетов, простреленных, поцарапанных, четырехжды отремонтированных, носятся с сектора на сектор, но, конечно, повсюду поспеть не может. Когда появляется республиканский самолет, его облепляют сразу пять, шесть, восемь германских истребителей и жалят огнем пулеметов сверху, снизу, с боков, под всеми углами атаки.

Мигэль едет на толедскую дорогу. Заканчиваются несколько линий окопов и траншей. В долинах медлительно пасутся стада овец.

В двадцати километрах от города — редкие раскаты правительственных батарей. Они обстреливают занятую фашистами Ильескас.

Огонь сегодня более централизован, но редок, вял. Противник сдержанно отвечает.

Еще несколько километров, тут жарче, шоссе обстреливается шрапнелью. Пришлось оставить машину в кустах у откоса дороги.

Бойцы уже научились понемногу окапываться, они устраивают себе маленькие ямки. Они, бойцы, вообще стали меняться. Исчезло легкомысленное браво и бравада, перестали украшать шелковыми бантиками, зато начали их чистить. Яркие красно-черные автомобили, побывав под самолетами, скромно перекрасились в цвет хаки. По мере обострения борьбы все меньше видать крикливых финтифлюшек, умилявших невзыскательных беллетристов и обращающих войну в драматический спектакль. Еще немного времени — и на полях встанет другая, нового качества, перевоспитанная, пронизанная мужеством вооруженная сила.

Пока солдаты лежат все-таки слишком скученно. Им хочется держаться поближе друг к другу. Нет еще самостоятельности, уверенности в себе отдельно бойца, отдельного от товарищей тридцатью, сорока метрами. Скученность резко увеличивает потери от огня.

Огонь! Простое, древнее слово. В мирном быту оно говорит о тепле, о горячей пище, о высушенной обуви путника. Почти столько же, сколько существует человечество, огонь служил ему для защиты от холода, для сытости, для радости, для сохранения и поднятия жизненных сил. Недаром люди поклонялись огню. Из всех видов язычества огнепоклонничество было высшим выражением органических инстинктов человека.

На войне огнем для приличия называют смерть. Три фашистских государства сыплют через посредство кадровой армии боевым огнем, десятками миллионов смертоносных единиц на молодые, вчера возникшие полки народной милиции. Бойцы лежат в ямках перед Ильескас, они лежат вот уже двое суток без движения под огнем противника, под огнем то средним по силе, то большим, то ураганным, то сдержанным, как сегодня. Они уже обтерпелись, они выкают к огню.

Огонь! Кадровый офицер германской армии, высокий, худой, угловатый, в очках, сидит рядом с Мигэлем на траве, отмечает в книжечке взрывы гранат, подсчитывает возможную мощь огня. Несколько шрапнелей визжат очень низко над головой, бойцы невольно втягивают головы в плечи. Он ободряюще пошевеливается:

— В мировую войну было покрепче!

Этот офицер сейчас не числится в списках рейхсвера, он числится в других списках. За боевые заслуги перед родиной Германская империя наградила его тремя годами мучений и пыток в концентрационном лагере. Как могло быть иначе — ведь офицера зовут Людвиг Ренн.

Едва оправившись от трех лет фашистского застенка, немецкий писатель спешит на изрытые снарядами поля Кастилии, под огонь германских бомбовозов и истребителей. Он пишет и здесь — не новеллы, а руководство для солдат, полевую тактическую азбуку. Как могло быть иначе, — ведь писатель этот — коммунист, его зовут Людвиг Ренн.

Огонь, огонь! Жгучий ливень смерти льют фашистские убийцы трех стран над мирной испанской землей. Они рвутся к столице. Народ все крепче сжимает в руках свое убогое оружие, все смелее кидается в битву. Но кольцо огня сжимается ту же. Чем же станет Мадрид? Испанским Верденом? Или разделит трагическую и славную судьбу Парижской Коммуны?

21 ОКТЯБРЯ

Ранним утром у большого здания министерства земледелия выстраивается очередь. Она выходит из громадных ворот, тянется по тротуару, загибает за угол и там кончается почти лагерь. В очереди набивают папиросы, закусывают, укачивают детей, читают газеты, чинят одежду и просто спят на тротуаре у стены. Здесь даже пробовали разводить на асфальте костры.

В этой очереди можно изучить этнографию Испании. Жесткие черты кастильцев и арагонцев чередуются со смуглой женственной круглотой анда-

лусцев. Плотные, коренастые баски сменяют костистых, стройных, светлых галисийцев. Худая, угрюмая, нищая Эстремадура преобладает в этой длинной пестрой крестьянской веренице. необычной и тревожной на столичном проспекте.

Внутри министерства очередь струится по двору, затем по лестнице и вливается в большой переполненный конференц-зал. Здесь крестьянами заполнен весь амфитеатр, а чиновники министерства образуют нечто вроде президиума или экзаменационной комиссии.

Каждого проходящего регистрируют и спрашивают: откуда прибыл, какое имел хозяйство, какая семья, какую отрасль сельского хозяйства хорошо знает, в каком ремесле имеет навыки.

Чиновники торопятся. Они пресекают многословные рассказы беглецов, не смотря в их расширенные глаза, не вслушиваются в горькие крестьянские судьбы. Поток человеческих бедствий сбивает их с ног. Они должны управиться со всей очередью, а очередь не кончается. Она все растет, и конца ей не видно. Целый крестьянский народ сорван с места, сорван пушечными снарядами, авиационными бомбами, ураганным пулеметным огнем. Крестьяне повинимали свои старые двустволки. Они хорошо целились в трехмоторных хищников с черными крестами на хвостах. Но охотничья дробь не страшна бомбардировщикам системы «Юнкерс».

Они приходят в Мадрид спасаться и жаловаться. Карательные отряды испанских помещиков, массовые расстрелы, полная, безвозмездная конфискация всего крестьянского урожая фашистами — вот что называется сейчас «аграрной проблемой».

Об Испании пишут за границей, что здесь вспыхнул стихийный крестьянский и батрацкий бунт, направленный против всех и всего на свете. На самом деле — помещичий бунт против умернейшей республиканской аграрной реформы...

Всех зарегистрированных крестьянбеженцев министерство разбивает на группы. Наиболее политически сознательным и боеспособным дается право

вступать в народную милицию. Правительством принимается на себя полное обеспечение их семей. Других формируют в эшелоны и направляют с семьями в провинции тыла. Здесь они помогают местному крестьянству в поле. Третью приспособляют как рабочих при расширении оборонных производств. Четвертая группа — это те, кого оставляют в самой столице для фортификационных работ. Их немного — в Мадриде достаточно своих строительных рабочих и очень туго с продовольствием.

Люди в очереди проходят перед комиссией, быстро получают путевки и талоны на питание — свое и своих семей. Многие, собственно, не прочь поспорить насчет своих назначений. Но тут на стороне комиссии весь полный амфитеатр ожидающих. Спорщика прерывают окриками: «Все ждут, спорить некогда!». Он тоже, смущенно кивая головой, подтверждает, что спорить некогда. Но, отойдя в сторонку, все-таки находит кого-нибудь из чиновников в коридоре и тихонько уговаривает, нельзя ли отправить его поближе к своим местам. Он будет очень полезен на фронте, особенно в разведке, а главное — он первый войдет в свою деревню... Он не знает, что от его деревни теперь остались головешки и бесформенные кучи камней...

Я участил телеграммы в Москву, даю их по нескольку раз в течение дня и ночи, обстановка стала требовать этого. Передавать по проводу через Марсель или Лондон стало трудно и долго. Гораздо лучше работает радиотелеграф, станция «Трансрадио Эспаньола». Она связывается на прямую с Москвой.

Произошел, однако, нехороший случай, который я решил не оставлять без последствий. Одна телеграмма, срочная, важная, пролежала без движения шесть часов и опоздала в газету. Узнав об этом, потребовав разъяснений и не удовлетворившись ими, послал телеграмму «Правде»: «Мой номер двести пятнадцать опоздал из-за саботажа в аппаратной Трансрадио». Приложил, как всегда, испанский перевод. Цензура телеграмму пропустила, но начальник,

которому из аппаратной принесли копию, рассвирепел и пожаловался министру связи. Министр запретил передачу этой новой телеграммы, но поздно, она уже была в Москве. Состоялось общее собрание работников Трансрадио. Они разобрали случай с моей первой телеграммой и установили, что задержана она была беспричинно, злостно. Двух человек, виновных в этом, решили удалить с работы.

Председатель рабочего комитета встретился со мной и обещал от имени всех служащих полное содействие и помощь в информации советских читателей о борьбе испанского народа.

Давно уже готовится установление радиотелефонной связи Мадрида с Москвой, но неизвестно, когда эта связь начнет работать.

С Андре Виоллис мы осматривали дворец герцога Альба. При распределении зданий он достался коммунистической партии; центральный комитет отказался от использования его под учреждение, он создал добровольную рабочую милицию для охраны дома и его художественных богатств. Во дворце — драгоценные полотна Веласкеса, Гойя, Тициана, Мурильо. Потрясающая библиотека со старинными рукописями, инкунабулами. Герцоги Альба, старейшая испанская династия средневековых завоевателей, колониальных разбойников, титулованных грабителей, всегда соперничали с королевской фамилией; здесь, в этих залах, отсылались добыча их многовековых колониальных грабежей — золото, редкие камни, экзотические деревья, мозаика, китайский фарфор, слоновая кость... Огромные гобелены тянутся на десятки метров. Сохранились носилки старых Альба, их кареты, их оружие и седла... А дальше — вырождение, измельчание, лихие корсары превращаются в подагрических собственников скаковых конюшен и банковских счетов. «Первые гранды Испании» породнились сорок лет назад с семьей английских лордов Варвик, дальше гербы Варвиков и Альба сплетаются. Идут жилые комнаты последнего поколения — кушеточки, пуфики, фотографии в рамочках, фаянсовые мопсы,

граммофоны, бульварные романчики. Пошлейшая ванная комната в виде черного с золотом мраморного храма. Гардеробная герцога — сапожки для верховой езды, сапожки для балов, сапожки для церкви, высокие сапожки для охоты, мягкие сапожки для библиотеки, запасы зубного крема, пудры, талька, мази для сапожек. Герцог жил здесь до самого дня восстания, сейчас он в Лондоне, представляет генерала Франко, плачется на разграбление его дворца. А дворец целехонек, рабочие сохранили все до последней кочерги, до куска мыла в ванной, они говорят: «Это музей истории капитализма». Сюда уже теперь ходят экскурсии, и в самом деле — что может быть более поучительного для испанского народа... Только в погребах, тоже сохраняемых в полной целости, рабочий комитет постановил выдать «благородной представительнице французского народа и благородному представителю нашего друга, русского народа» по бутылке бургундского 1821 года. Как мы ни отказывались, они уперлись на своем. Я взял эту драгоценную бутылку, обещал расписать ее за здоровье испанских рабочих при первой победе.

23 ОКТЯБРЯ

Контрнаступление республиканцев на Ильескас не удалось. Его задумали и начали проводить довольно грамотно, тремя колоннами — на центр и с флангов. Колоннами руководили хорошие командиры — Модесто, Мена и Рохо, бойцы дрались храбро, они сцепились даже с маврами и перебили многих из них, Ильескас была уже почти в руках частей майора Рохо. У бойцов и командиров нехватило выдержки, да и огонь фашистов был сокрушителен, артиллерийский, пулеметный и авиационный огонь... Все-таки эта операция успешна, она показывает признаки какого-то перелома в войсках.

Но вчера, продвигаясь по эстремадурской дороге, мятежники взяли Навалькарnero — важный узел дорог, Кихорну и Брунете. Они торопятся. Ах, если бы все не запоздало на месяц! С частями, какие дрались у Ильескас,

можно было бы, с грехом пополам, удерживать фашистов перед Толедо.

Мигэль работает в генеральном комиссариате, весь день он объезжает боевые участки, организует политрабату, знакомится с комиссарами, с политдепутатами, беседует с бойцами. Он и Людвиг Ренн пишут по ночам популярные брошюры по политрабате, по тактике, по противовоздушной обороне.

В восемнадцать часов ежедневно за круглым мраморным столом собираются дель Вайо, его пять заместителей, Мигэль и еще два комиссара. Заслушиваются сообщения и материалы за день, принимаются решения на завтра. Через площадку — апартаменты Кавальеро, туда Вайо ходит согласовывать.

Система эта мало подходящая; отделы, которыми ведают заместители, работают почти весь день вхолостую; директивы, данные им накануне с вечера, быстро устаревают из-за стремительной и катастрофической перемены обстановки, а новые директивы можно получать только в восемнадцать часов. Сам дель Вайо занят днем у себя в министерстве иностранных дел, да и у заместителей куча всяких других партийных поручений.

Аппарат работает ошупью, без навыков, ухватывается пока за все идеи, предложения и проекты, которые ему подсказывают, но не в силах их переварить.

Сами комиссары пока еще не знают, за что раньше взяты; одни контролируют только командира, не интересуясь частью, другие, наоборот, все время с бойцами, но почти не знакомы с командиром и взаимно избегают встреч. Одни ударились в просветительную работу, в газеты, листовки, книжки, не занимаясь боевой жизнью части, другие сосредоточились только на снабжении, на интендантских заботах, третьи — просто шагают с винтовкой наравне с прочими бойцами, считая, что их личного примерного солдатского поведения вполне достаточно для исполнения комиссарских обязанностей. Все это в отдельности неплохо, но сочетать все комиссарские функции вместе пока удастся только очень немногим.

У комиссаров частей центрального фронта нехорошая привычка — каждый день ездить в город с докладами комиссариату; они толкутся здесь по два-три часа. Сегодня им это запрещено — сбор докладов, личных и письменных, делают инспектора, объезжая участки; комиссары не в праве отлучаться от частей без вызова.

После долгого сопротивления, волокиты и колебаний военное министерство приняло основы организации регулярных войск, предложенные Пятым полком. Военной единицей утверждена сводная бригада из трех-четырёх батальонов, с разведывательным отрядом, саперной ротой, взводом связи, транспортным отрядом и тремя артиллерийскими батареями. В батальоне — пулеметная и три стрелковых роты. Бригада должна насчитывать 3000 человек, 12 орудий, 2500 винтовок, 60 пулеметов.

Конечно, такой состав бригады имеют пока только на бумаге. Но формирование началось, разношерстные, сшитые из лоскутков колонны переверстываются на бригады. Лучше всего дело идет у Листера, его бригада скоро будет готова. Всего в первую очередь на фронт выйдут шесть бригад. Но у них еще нет ни оружия, ни транспорта. Ларго Кавальеро и его окружение проявляют чудовищную и непонятную медлительность в создании резервов.

Очень скверные разговоры идут вокруг генерала Асенсио, командующего центральным фронтом. К чему ни прикасается этот человек — все рушится, валится, сыплется. Его начали потихоньку называть «организатором поражений». Может быть, это просто судьба человека, ставшего козлом отпущения за всеобщие неудачи? Может быть, это безобидная бездарность? Нет, Асенсио очень умен, сообразителен, культурен. По своему кругозору, по умению быстро схватывать положение и разбираться в нем, Асенсио — прямо светило среди испанских военных. Ларго Кавальеро без ума от него, он безоговорочно защищает этого очень сомнительного человека от нападок и критики.

24 ОКТЯБРЯ

Сравнительно тихий день. Контрнаступление Модеста и Рохо на Ильескас все-таки задержало мятежников. Если бы можно так держать их хоть недели две, пока сформируется армия и подоспеют резервы. Если бы! И ведь в Альбасете формируется кое-что; Марти собирает там, пока дюжинами, добровольцев-интернационалистов; это будут ударные части, с опытом мировой войны, ими можно было бы возглавить хорошее контрнаступление, отбросить фашистскую орду от Мадрида. Да и танки, самолеты, их все-таки удалось правительству купить немного за границей, — они уже начали прибывать, их монтируют, обучают боевой и технической состав, — ну если бы эти две недельки!

Из города исчезают все, кто могут. Но могут далеко не многие. Отправляются из Мадрида, правдами и неправдами, состоятельные люди, крупные чиновники. Бедноте ехать некуда и не на что. А ведь ежели что-нибудь случится, именно бедным людям не сносить головы.

Иностранцы, буржуазные, либо разехались, либо перешли из отелей в общежития при посольствах. Корреспондентов осталось четыре-пять человек.

Вечером на улицах уже совсем темно, повсюду спрашивают пропусков, без оружия ездить опасно.

Вдруг появился из Парижа Арагон. Он бросил все дела, тряся вместе с Густавом Реглером и Эльзой Триолэ через всю Испанию в агитгрузовике, который Международная ассоциация писателей купила и оборудовала для испанской «Альянсы». Мы ужинали в последнем оставшемся баскском трактирчике, потом долго сидели у меня. Арагон в ярости от позиции Франции, от предательства людей, именующих себя демократами, патриотами, врагами фашизма. Сейчас, когда Мадрид в опасности, они заявляют, что, пожалуй, раньше, в самом деле, надо было помочь испанцам, но теперь уже поздно, теперь уже все равно дело проиграно.

25 ОКТЯБРЯ

Фашисты подтянули силы и сегодня спясть перешли в решительное наступление по всему фронту вокруг Мадрида. Дружинники обороняются не без упорства, но противник сокрушает централизованным огнем артиллерии, танковыми атаками.

Танки внушали сначала животный страх. Теперь дружинники начали понемногу пробираться и забрасывать их пучками ручных гранат. Большую роль в этом сыграл фильм «Мы из Кронштадта», — посмотрев его, испанские комсомольцы мечтают и пробуют повторить подвиг красноармейцев под Петроградом.

Коммунисты и часть социалистов требуют снятия Асенсио с командования центральным фронтом. Ему приписывается авторство теории, которая в последние дни стала гулять в военном министерстве и генеральном штабе: Мадрид оборонять стратегически нет смысла, здесь может увязнуть вся армия, — гораздо лучше оставить столицу, армии уйти на восток, там переформироваться, пополниться, привести себя в порядок и тогда уже окружить Мадрид и разбить Франко.

Обсуждается секретно вопрос об эвакуации правительства и важнейших государственных учреждений. Сторонники эвакуации доказывают, что лучше сделать это сейчас, заблаговременно, чем в последний момент, в порядке бегства. Министр внутренних дел Галарса, не спросив никого, опубликовал в газетах свое заявление, что, вопреки злостным слухам, правительство никуда и никогда из Мадрида уезжать не собирается.

Все труднее с продовольствием. Приостановлена раздача присланных из Советского Союза продуктов. Они забронированы как неприкосновенный запас на случай перерыва снабжения города.

Очень угрожающе положение с водой. Водохранилище Мадрида — далеко в горах, в районе Лосойя-Буйтраго. Прорыв фашистов или даже артиллерийский обстрел Лосойи почти совершенно лишит столицу воды.

Вечером поехал провожать.

В густой темноте прифронтовой мадридской ночи с большим трудом нашел дом и пустой автобус у под'езда. Надо стучать, ручной фонарик и внимательный глаз проверяют через окошечко калитки. Тихий сад аристократического особняка и внутри, за закрытыми дверями, за плотно задернутыми занавесями, — яркий свет и оживление, предот'ездная суета.

Сорок человек уезжают из Мадрида поздней ночью. Не на фронт. Не в Валенсию. Не в Барселону.

Это делегация в Москву, к седьмому ноября, на праздник.

В прошлые года испанские народные делегации тоже присутствовали на октябрьских празднествах. Уехать им удавалось или ценой долгих хлопот и хождений по полицейским канцеляриям, или ценой большого риска, нелегального перехода границы, с чужими паспортами, с конспиративно измененным маршрутом. Сейчас — рабочим и крестьянам, уезжающим в Советский Союз, правительство республики выдало дипломатические паспорта. Послы, поистине полномочные! Народ выбирал их на работе, в бою, в цехах и в окопах.

Антонио Иерро Муриель, родом из провинции Саламанка, — боец из колонны Франсиско Галана, из Пятого полка. Ранен, и ранеными в госпитале выбран в делегацию. А делегация избрала его своим председателем.

Пабло Фернандес Амиго, рабочий литейщик с мадридского военного завода, не хуже Иерро Муриеля приспособлен для укрепления дружбы между двумя народами. Еще в детстве мальчишки дразнили его: «Скажи, чей ты амиго (друг)?». Пабло терялся в ответе и сердился. Но уже с пятнадцати лет стал твердо отвечать: «Я амиго Советского Союза. Других амиго у нашего народа пока нет».

Три испанских крестьянина, республиканец, социалист и коммунист, делают в Советском Союзе не менее блестящую дипломатическую карьеру. Их избирали во фронтовых деревнях, в четырех-пяти километрах от линии огня. Избирали долго, с большими спорами, со строгим разбором, пока не избрали

лучших. С одним из них, с Альфредом Лопес Санчесом, из провинции Толедо, в России надо быть осторожным. Если не досмотреть и оставить его на минутку в советской деревне, — потом не сыщешь, не отличишь: до того похож на нашего русского колхозника — светленький, рыженький, курносенький, в кепочке... Сорок пять ему лет, и везет он знамя от деревни Масарамброс лучшему колхозу из тех, какие доведется посетить. Называет еще часто людей «синьор», но поправляется на «кама-радо».

Но, конечно, наибольший успех будут иметь женщины. Энкарнасьон Сьерру будут разглядывать и как работницу-табачницу, и как мать пятерых испанских детей, и как бойца колонны Бурильо, и как комиссара в этой же колонне.

Мария Мингес Перес поехала в Москву в свой солдатский отпуск. В первый отпуск! С первого дня гражданской войны Мария Мингес на передовых линиях огня. Все кандидатуры на отpravку в Москву отпали на боевом участке Буитраго перед ее кандидатурой. Бойцы устроили Марии Мингес горячие проводы. То же и комсомолке Кармен Сальваро, избранной в колонне «Виктория».

Эмилия Прехарам Гальбарриату никаких чинов, званий и почетных профессий не имеет. Одно только звание есть у нее. Она мать двух испанцев, сражающихся на фронте против фашизма. Вполне достаточно...

Пора отезжать, они проверяют свои чемоданчики — в них скромные и трогательные подарки в Москву.

Не зажигая фонарей, усаживаются в автобус. Им дают указания насчет пути — теперь без этого не обойдешься. Кое-кто уже подбирается к аликантской дороге. Если подберется и если встретит автобус, то дипломатические эти паспорта произведут, выражаясь мягко, не то впечатление.

Охрана? Они протестуют.

— Мы сами себя охраним не хуже других!

Последние приветствия, сдержанные возгласы. И автобус сразу исчез, провалился во тьму вместе с людьми.

Пройдет немного дней — они появят-ся на свету, перед огромными радостны-ми толпами, среди праздничных флагов и огней. Они увидят грандиозные ко-лонны свободного, весельного народа и его непобедимую армию. Ворошилов промчится на коне перед красными ди-визиями, и Сталин улыбнется им, этим испанским делегатам, с гранитной три-буны.

Я буду далеко. Но издалека, в этот раз испанскими глазами, буду всматри-ваться в великую страну социализма, в праздник ее побед, в рабочих гостей всего мира в гостях у советской демо-кратии и в сорок послов героического окровавленного испанского народа на Красной площади Москвы.

26 ОКТЯБРЯ

Первая линия обороны Мадрида про-рвана. Фашисты с'едают ее по кускам. Они перерезали у Сьемпосуэлос же-лезную дорогу. Если бы задержать их еще на несколько дней и за-крепить вторую линию обороны! Здесь только-только начались фортификаци-онные работы. Город начинает окапы-ваться, десятки и тысячи мадридцев на-чали рыть траншеи и укрепления.

Каменщики и профессора, школьники и пенсионеры из богаделен, домашние хозяйки и министры провели воскрес-ный день на окраинах столицы, с лопат-гой в руках.

Здесь можно было встретить Хосе Диаса и Долорес Ибаррури, директоров музея Прадо и владельцев парфюмер-ных магазинов.

Никто не хочет видеть морды ино-странных легионеров, дуэльные шрамы германских наци на мадридской улице. Никто, кроме подпольных фашистов, не хочет видеть генерала Франко в На-циональном дворце.

Эвакуировать Мадрид по-настояще-му уже нельзя. Плановая эвакуация учреждений должна занять хоть не-сколько недель. А население! Ведь почти девяносто процентов его в чем-нибудь да провинились перед мятежни-ками.

Чтобы избежать чудовищного, крова-вого кошмара, можно только оборонять

Мадрид, оборонять, как свое собствен-ное тело. Инстинкт самосохранения при-бавит сил и смелости мадридскому на-роду.

Генерал Асенсио, наконец, удален от командования центральным фронтом. Но не смещен, а даже повышен в долж-ности. Кавальеро назначил его своим заместителем.

Командовать центральным фронтом, включая оборону Мадрида, назначен генерал Посас. Пожилой человек; го-ворят, очень преданный республике и народному фронту.

Асенсио повсюду открыто называют изменником. И тут же, совершенно всерьез, приводят другую версию его неудач и провалов: нет, он не измен-ник, это другое. Это романтические осложнения. В самый-де разгар опера-ций он чересчур переусердствовал по женской части. Мол, вообще говоря, ему это бывало полезно, давало зарядку, но тут — факт, перехватил лишнего. Так говорят не официанты из кафе, гово-рят ответственные люди, министры!

Все эти дни — по два-три раза воз-душные бомбардировки. Мадридцы пе-рестали бравировать и критиковать ве-личину бомб, но в то же время как-то обтерпелись. Прежде чем бежать в про-тивовоздушное убежище, они, несмотря на вой сирены, сначала внимательно разглядывали черные крестики «юнкер-сов» в небе — куда они идут, какое имеют направление?

Проезжал в своем «автоплане» по улице Алкала, вдруг Дамасо круто за-тормозил. Он помахал рукой неболь-шому миловидному господину.

— Кто это?

— А это Анхелильо. Певец. Хозяин вашего «автоплана».

Немного смущенный, я все-таки за-хотел познакомиться с ним. Знамени-тый тенор оказался любезным и кор-ректным человеком, тем более, что поблизости его дождался двенадцати-цилиндровый «паккард». Вместе с обои-ми шоферами мы присели выпить ча-шечку кофе, уже суррогатного. Толпа девиц и подростков сразу облепила Анхелильо, и он привычно, не глядя, стал давать автографы, на открытках,

на бумажных салфетках, на шелковых платках. Толпа щебетала и смеялась, дружинники хлопали Анхелильо по плечу, трясли его: «Спой!». Продавцы апельсиновой воды орали на тротуаре, их напиток пили, как всегда, без стакана, — проталкивали стеклянный шарик-пробку внутрь и осушали из горлышка всю бутылочку... Неужели этот город в смертельной опасности?

27 ОКТЯБРЯ

Что-то важное, сложное, какой-то глубочайший процесс происходит сейчас в недрах огромного города. Мне стыдно себе признаться, но я не могу понять, что именно. Я не испанец. Но не знаю, понял ли бы, охватил бы, будучи испанцем. Не знаю, понимает ли правительство и политические руководители.

Что-то рождается и что-то умирает. Умирает, как будто, сознание беспомощности и обреченности.

Рождается, по крайней мере в передовых слоях массы, идея и воля сопротивления, защиты Мадрида, его сохранности, его неприкосновенности.

Разве она только сегодня рождается? Разве она не была всегда, эта идея обороны Мадрида от фашизма? Разве не повторена миллион раз в газетах, на митингах, в эфире, на огромных полотнах, протянутых над улицами: «Не пройдут!», «Удержать Мадрид или умереть!».

Но в этой формуле больше ощущалась вторая, чем первая, часть.

Чувство трагического неимоверно у испанца; оно национально. Мальчишки от шести лет каждое воскресенье видят смерть шестерых, полных сил и ярости быков, а иногда и самих торреро. Похоронные магазины — одни из самых роскошных и разукрашенных на улицах. Мысли о смерти, пусть о достойной, о героической, но о смерти, слишком часто посещают испанского бойца, даже числящегося в материалистах; слишком занимают его, толкают на поступки иногда отчаянные, иногда наивные.

От этой психологии может излечить только длительное пребывание в боях,

под огнем, Попросту говоря, привычка к войне.

Какие-то молекулярные перемены здесь происходят. По-моему, как будто большие. Чувствуют ли это руководители, генералы, командиры? Не обманываются ли они в настроении народа, в его боеспособности? Или это я обманываюсь? Что будет, если народ, созревший к борьбе, окажется без вождей, уже перезревших и сгнивших!

Сопровождаемые мощным артиллерийским огнем, авиацией, фашисты весь день продвигаются по толедской дороге на Хетафе, по эстремадурской дороге на Леганес. Они захватили вчера Сесенью и Торрехон де ла Кальсада. На Гвадараме спокойно. И всюду, на арагонском, на южном, на северном фронтах, — тихо, спокойно, все притаилось, ожидая судьбы Мадрида.

После полуночи Мигэль Мартинес поехал сначала по валенсийской дороге, потом свернул направо, по узкому шоссе, на Чинчон. Деревья врывались из темноты, как дьяволы, в яркий круг автомобильных фар. Было страшно, что моторист-проводник впереди врежется в эти деревья и не успеет крикнуть, как его сзади прикончит машина. Замедлить нельзя было: моторист и шофер в сочетании — пара одержимых.

За Чинчоном, на равнине, посмотрев на часы, он остановил и автомобиль, и мотоцикл. Земля кругом, в лунном свете, была гипсовая, волнистая, в вулканических круглых кратерах и пиках; жесткий мелкий кустарник и сухие выгоревшие травы скупо росли на ней.

Через четверть часа сквозь звонкий писк цикад стал нарастать издали ровный, спокойный гул. Шофер и моторист встрепнулись, Мигэль улыбался. Цепь маленьких огоньков появилась на шоссе. Все ближе. Гул перешел в грохот, и наконец с пригорка покатались танки. Одна рота. Только одна рота.

Автомобиль включил фары — танкисты тотчас же остановились. Они считали это шоссе совсем безлюдным, не ожидали встречи. Несколько человек вышли вперед, они поговорили с Мигэлем Мартинесом и лишь затем обняли его.

Рота танков обошла кругом спящий Чинчон. Но в другой маленькой деревне люди проснулись, все выбежали на улицу и в восторге кричали: «Вива!».

28 ОКТЯБРЯ

Мятежники сегодня опять наступают, но генерал Пасас принял решение контратаковать их в направлениях: Гриньон, Сесенья, Торрехон де ла Кальсада.

В ударную группу, нацеленную на Сесенью, входят: новая, только-что сформированная бригада Листера, бывшие толедские части, которые Бурильо собрал и привел в порядок в Аранхуэсе, и колонна Уррибари. Эту ударную группу будут поддерживать также рота танков, пять батарей и авиация. Колонны Модесто и Мена действуют на флангах.

Бригада Листера еще совсем сырая, около двух батальонов в ней из хороших бойцов Пятого полка, остальные прошли двенадцатидневное обучение и только сегодня к вечеру получили в руки винтовки. Бурильо настроен крепко, он надеется, если танки прорвутся вперед, обойти Ильескас и, чего доброго, ворваться в Толедо. Если не ворваться, то потревожить.

Всех воодушевляет участие танков и авиации. Может быть, в самом деле это будет толчок к перелому, к поднятию духа войск.

Мигэль об'ехал все батальоны, переговорил с командирами, с комиссарами, настроение хорошее, особенно после раздачи винтовок. Всем растолковывают, как пехота должна сопровождать танки, на расстоянии от пятидесяти и до двухсот метров, не более. Как должна захватывать окопы и позиции противника после того, как танки подавят огневые точки противника и первую линию его обороны.

Сами танкисты — рвутся в бой. Это молодые ребята, лишь несколькими из них больше тридцати лет, остальные — парни по двадцати одному, двадцать два года. Они только переспрашивают: «Пойдет за нами пехота?» — больше их ничем не тревожит первый бой.

Единственно, что внушает большие опасения, — это артиллерия. Здесь она препаршивая. У артиллерии, вообще, если за этим не следить, есть свойство быстро оказываться, обюрочкачиваться, увязать в собственном сложнейшем своем уставе и регламенте. В отсталых армиях артиллерийская премудрость предписывает строжайшую централизацию, невероятную писанину, лишает боевых начальников фактически действующей артиллерии всяких прав. В испанской армии это особенно уродливо. Объекты обстрела устанавливаются чуть ли не за сутки раньше, на основании вчерашних или позавчерашних данных. Эти объекты — не конкретные цели, батареи противника, скопления войск, здания, железные дороги, а чаще всего квадраты на карте. Начальство указывает, в какой квадрат сделать за день сколько выстрелов, и все. Чтобы переменить цели или хотя бы квадраты, нужно письменно сноситься с начальником артиллерии всего сектора... Вольтер, француз-артиллерист, в отчаянии от здешних порядков. Он рассказывает, как на-днях командир батареи, видя большую массу наступающей пехоты противника, не стрелял по ней, а продолжал палить в другое место. Там, согласно приказу, данному накануне, предполагалась неприятельская батарея. Этой батарее уже не было, но, как ни уговаривал Вольтер, стрельба шла в бессмысленном направлении, — артиллерийский офицер боялся пойти под суд за нарушение приказа.

Мигэлю был поручен текст приказа военного министра о завтрашней операции. Вот некоторые места из заключительной части:

«...В своем стремлении захватить Мадрид враг истощил и растянул свои силы и подставил себя под наши удары. Пока силы врага растягивались и истощались — наши силы, силы народной армии, росли и организовывались. У нас появилась хорошая военная техника. У нас есть танки, вооруженные пушками и пулеметами, у нас есть отличная, храбрая авиация. Настало время нанести кровавому фашизму со-

крушительный удар и разбить его у ворот Мадрида. У нас есть для этого все возможности и есть главное — любовь и преданность сынов свободной Испании к своему отечеству, к своей независимости».

«...Танки и авионы суть мощное оружие для удара по врагу. Но судьбу сражения, его успех решает пехота. Слушайте, товарищи! 29 октября на рассвете наша артиллерия и наши бронепоезда откроют мощный огонь по врагу. Затем появится наша славная авиация и обрушит на подлые головы врага много бомб, она будет расстреливать его из пулеметов. Затем выйдете вы, наши смелые танкисты, и в наиболее чувствительном для противника месте прорвете его линии. А уж затем, не теряя ни минуты, броситесь вы, наша дорогая пехота, вы броситесь вперед, как настоящие испанские патриоты, вы атакуете части противника, уже деморализованные и пострадавшие от артиллерии, авиации и танков, вы будете бить их и преследовать до полного уничтожения».

«...У нас есть техника, есть оружие, есть выгодное тактическое положение. Чего же больше? Испанцы! Бросимся на подлых завоевателей и уничтожим их. От нас зависит это».

Приказ должен быть прочитан частям завтра, в шесть часов десять минут утра, при выходе войск на исходное положение. Но в полночь, слушая по радио сводку военного министерства, Мигэль вдруг похолодел. Вслед за сводкой диктор министерства огласил весь приказ, кроме первых абзацев, где указывались части и географические названия.

Затем последовал, как всегда, республиканский гимн.

Мигэль тотчас же позвонил в оперативный отдел штаба, там, усмехаясь, ответили, что министру понравился текст приказа, ну, вот он и приказал его опубликовать. Текст дан также в завтрашние утренние газеты... Скандал?.. Собеседник из штаба опять усмехнулся. У штаба были возражения, но министр сказал... В конце-концов, министр виднее.

29 ОКТЯБРЯ

Пять часов утра. Штабы и командиры работают. Нервность, напряжение, суэта. Листер сидит в единственной комнате домика в Вальдеморю, один, за крохотным столиком, на котором едва поместилась карта. Комната набита людьми, все галдят, какие-то споры с артиллерией, все обращаются к Листеру, он слушает каждого и медленно, после паузы, с усилием отвечает. Он задержан и переутомлен.

Встали ли все части в исходное положение? Этого никто толком не может установить.

Шесть часов. Начали стрелять батареи.

Шесть часов тридцать минут. Появилась танковая колонна. Ребята тоже не спали, держатся тоже немного взвинченно, но бодро, с улыбкой. Пехота приветствует танкистов бурными возгласами. Командиры башен шутовым жестом руки приглашают пехотинцев следовать за ними.

Авиация почему-то запаздывает. Только в шесть сорок слышны кое-какие взрывы в направлении Торрехона, Сесеньи, Ильескаса. Танки бросаются вперед.

Они мчатся по полю и подкатывают к деревне. Несколько растерянный огонь мятежников утихает. Не встречая сопротивления, колонна переходит окопы и движется по главной улице Сесеньи. Непонятно, почему ей не препятствуют. Ведь здесь стоят части фашистской колонны полковника Монастерио.

Маленькая площадь, обставленная старыми каменными домами. Стоят солдаты, марокканцы, просто жители, стоят довольно спокойно.

Фашистский офицер поднятием руки останавливает передний танк. Командир молча стоит, по пояс возвышаясь над башней. Обе стороны разглядывают друг друга.

Фашист любезно спрашивает:

— Итальяно?

Командир еще несколько секунд задерживает ответ, затем исчезает в башне, захлопнув за собой крышку, и дает огонь.

В эту минуту деревня превращается в пекло.

Танки катятся на толпу, рвут ее в клочья орудийным и пулеметным огнем, топчут и давят гусеницами. Слышны дикие вопли марокканцев, их пули звонко стучатся в броню танка.

Колонна катится вперед, через площадь, по продолжению улицы. Здесь застрял и не может развернуться марокканский эскадрон кавалерии.

Кони становятся на дыбы, сбрасывая умирающих всадников и падая сами друг на друга. В несколько десятков секунд образуется сплошная груда лошадиных и человеческих тел, красных фесок, белых кисейных арабских шарфов. Танки не могут стрелять друг другу в затылок, командирская машина выпускает в это месиво несколько снарядов и пулеметных очередей, затем вскарабкивается на живую кучу и идет, давя, колыхаясь на ухабах, за ней остальные машины.

Три орудия стоят брошенными в панике, на улице. Танки идут по ним, с треском и лязгом крушат, ломают их.

Что дальше?! Дальше кончается улица. Кончилась деревня. Танки проскочили ее в какие-нибудь двадцать пять минут.

Но живая сила здесь еще явно уцелела и боеспособна. Чтобы покончить с деревней, надо повторить все сначала. Сделав круг, колонна снова, прежним путем, входит в Сесенью. Своей пехоты еще не видать, может быть, она подоспеет сейчас.

Теперь ясна вся трудность и рискованность боя в этих узеньких улочках.

Здесь не Восточная Европа, где танк может легко развернуться, повалив забор огорода, помяв огурцы на грядках или даже пройдя насквозь через деревянный дом. Испанский городок, вот такой, как эта Сесенья, — это тесный лабиринт узких, горбатых переулков и тупиков; каждый дом — старая каменная крепость со стенами в полметра, метр толщиной.

Во второй раз схватка идет медленнее, сложнее, жарче. Трескотня и грохот невероятный. Очень опасно застрять в этой каменной мышеловке.

А вот еще фашисты сообразили втащить оставшиеся пушки на крыши домов, оттуда они бьют по башням танков. Это чуть не погубило первые машины. Они проскочили только из-за плохой пристрелки, из-за волнения фашистов.

Следующие танки стреляют нанскось, под карниз домов. Крыши проваливаются, и пушки с ними.

Новая беда — мавры раздобыли где-то бутылки с бензином и, поджигая, бросают их, обмотанными ватой, на машины. Это может воспламенить резиновые подкладки, это угрожает охватить пожаром весь танк.

Бой разбивается теперь на отдельные очаги. В разных местах отдельные танки крушат кругом себя, расстреливают огневые точки, тушат у себя пожары, выходя из машин под огонь.

А вот эти ребята — взбираются на столбы, перерезают провода телефонов! Одного пуля настигла на столбе, он медленно, мягко сполз вниз, тяжело переваливаясь, придерживая рану на груди, полумертвым свалился обратно в башню.

Колонна опять выбралась на шоссе, за деревню. Люди немного устали, частью обгорели. Есть раненые. Но возбуждение, задор еще увеличились. Где пехота, что с ней случилось? Не подошла до сих пор! Ну и черт с ней. У всех настроение — раз уже забрались в тыл к фашистам, погромить все, что можно.

Отдохнув немного, танки идут на Эскивиас. Солнце палит совсем полетнему. Сидеть внутри машин стало душно.

Уже десятый час. Издалека появляется облако пыли, в бинокль видны грузовики. Это моторизованная пехота Монастерио мчится на выручку в Сесенью. Ах, дьяволы! Танки подбираются к закруглению дороги и оттуда дают огонь веером. Грузовики остановились, часть солдат изготовилась к защите, остальные разбегаются.

Танки безостановочно подходят к пехоте, здесь ее около полутора батальонов. Жестокий огнем почти все скошено. В упоении танкисты давят грузовики, с

хрустом растаптывают полевую пушку, вторую.

— Вот обида — почему мы не можем брать пленных!

— А кто тебе мешает? Привяжи его на веревочке к буксирному крюку, он будет за тобой топтать.

— Или поставить их в середине, окружить танками и погнать под гусеничным конвоем!

Колонна ворвалась в Эскивиас, здесь ее встречает наскоро выкопанный противотанковый ров. Одна машина не успела замедлить, сначала завалилась, потом было выкарабкалась, но соскочила гусеница.

Капитан оставил два танка в поможье застрявшему, а с остальными пошел прочищать деревню. Здесь оказалось около двух рот «регулярес», они тоже разбежались.

Несколько мертвых тел валялось по дороге; танкам было очень трудно об'езжать их, но они все-таки сделали зигзаг по узкой улице. Легко и приятно раздавить целый эскадрон живых врагов, омерзительно переехать мертвое, бесчужденное тело. Водитель сказал: «Я вдруг почувствовал себя шофером-душегубом».

Это уже десять или двенадцать километров в тылу у фашистов! Думали сделать небольшую атаку в сопровождении пехоты, а получился прорыв дальнего действия. Солнце стоит в зените, бойцы, отойдя от Эскивиас, вышли из машин и закусили всухомятку колбасой, сыром, вином.

Издали застрявших. Дождались, поехали дальше, на Борокс.

Проскочили деревню, не встретив сопротивления, в пятнадцать минут. Стали загигать круг обратно к толедской дороге. В это время из-за гребня длинного холма выползло восемь фашистских танков.

Это были легкие итальянские машины типа «ансальдо». Республиканские машины остановились и начали стрелять, часто, резко, прямой наводкой.

Три «ансальдо» сразу подпрыгнули, как пустые угольные вагонетки на заводском дворе. Они перестали шевелиться. Остальные, пятясь назад, бы-

стро ушли за холм. Очень хотелось погнаться за этими зелеными черепашками. Но капитан посигналил возвращаться на сборный пункт.

Назад возвращались долго, по новой дороге. Люди сидели потухшие, истомленные, детская сонливость сгибала онемевший позвоночник. Ни одного своего пехотинца не встретилось и на обратном пути.

В чем же дело? У дверей домика в Вальдеморо стоял, дожидаясь танков, Листер. Он рассказал Мигэлю, мрачно кривя углом рта: части сначала пошли, и хорошо, но, пройдя полтора километра, пристали, присели, начали пачками и кучками застревать среди холмов, в складках местности.

Когда танки совсем потерялись из виду, пехота в главном направлении остановилась, затем опять пошла вперед, вплотную подошла к Сесенье, была там встречена довольно слабым огнем и вернулась назад.

В это же время колонна Мена разбила мятежников у Торрехона и заняла деревню.

Танкистов поздравляли, перевязывали и кормили, они тихонько спрашивали, почему же отстала пехота. Мигэль угрюмо отвечал: «Еще не научилась взаимодействовать». Хосе Диас, Долорес, Михе, Педро Чэка под'ехали и обступили Листера. Они провели весь день на фронте.

30 ОКТЯБРЯ

Фашисты сегодня не наступают, они смущены вчерашним рейдом танков, им представляется это началом крупного контрнаступления мощных республиканских резервов и моторизованных сил. На самом деле это была скромная вспышка, и, боюсь, пока последняя.

Газеты раструбили победу. Они пишут о блестящем контрнаступлении, чуть ли не о разгроме и конце фашистского похода на Мадрид.

Рота танков запрятана в оливковой роще у подножья горы Ангелов. Бойцы чинятся, чистятся, заправляются, отдыхают. Они очень воодушевлены качеством своих машин. Броня оказалась нечувствительной ни к ручным гранатам,

ни к снарядам легкой артиллерии. Бронбойные пули оставляют даже не шрамы, а только пятна на окраске. Скорострельная пушка очень подвижна в своей башне. Отлично устроены пулеметы. Без отказа работали все моторы.

Есть двое раненых тяжело. Один уже умер. Легко раненые остались в строю. Вот Симон — у него содран громадный лоскут кожи с головы, он с перевязкой лазит под танком.

Они ворчат на пехоту, но готовы хоть сегодня опять идти в бой. Обещают не делать больше безумных вещей, не выскакивать из танка под пулеметным огнем только для того, чтобы сорвать с дома монархический флаг.

Вечером в театре «Кальдерон» был митинг в честь Советского Союза, с передачей по радио в Москву. Я рекомендовал у микрофона испанских ораторов и сокращенно излагал их речи. Неужели меня слышат там, на родине, в квартирах, клубах, на вокзалах?! Я мысленно представлял себе друзей, знакомых и незнакомых советских людей у приемников. В директорскую ложу вошел Ларго Кавальеро с двумя щеголеватыми адъютантами, я его тоже представил радиослушателям... Только кончился митинг — налетела авиация, две бомбы упали у самого входа в театр, убили несколько человек. Еще — у кино «Капитол». Еще — на очереди у молочного магазина: разорвала несколько женщин, ранила несколько десятков человек.

Мы шли домой, пожарные засыпали песком кровавые лужи на асфальте. Потом полил теплый дождь.

31 ОКТЯБРЯ

Главный натиск мятежников на Мадрид сегодня — по эстремадурской дороге, от Навалькарнеро. Здесь продвигается конница, пехота и оставшиеся легкие танки.

Оставшиеся — потому что вчера у Гриньона республиканская артиллерия, стреляя прямой наводкой, уничтожила совсем четыре танка и вывела из строя пятый.

Это сделал молодой артиллерист, майор Энрике Больянос, командир батареи. Он ранен, Мигэль приехал к нему в

госпиталь в Карабанчель, благодарить от имени генерального комиссара. Больянос, маленький, хрупкий, бледный, лежал на койке, морщась и улыбаясь. Он рискует потерять ногу.

Он совершил дерзкий поступок, нарушил все тяжеловесные и громоздкие уставы испанской артиллерии, он без письменного приказа, без устного, совсем без приказа, без согласования по телефону, по голой личной своей инициативе, исходя из новых обстоятельств боя, обратил огонь на итальянское механизированное подразделение, побил и отбросил его.

— Как так вы проявили подобное самоуправство?! — шутливо спросил Мигэль у майора.

— Признаюсь вам, главным образом потому, что мне было жалко терять свои пушки. Итальянцы подбирались к деревне, где стояло имущество моей батареи. Мне стало обидно, вот я и разошелся...

Вальдеморю оставлено, Листер с боем отступает к Хетафе, последнему южному предместью Мадрида. Части у него тают, расползаются.

Здесь взят в плен итальянец. Когда Мигэль, желая расспросить, тронул его за плечо, он вздрогнул всем телом; каждую минуту ждет он расправы. Наконец, видя, что с ним обращаются по-человечески, немножко оживает и дает показания. У него документы Луиджи Корси, капрала первой бандеры (полка) иностранного легиона. Крестьянин, рожден в провинции Бриндизи, служил в третьей роте десятого артиллерийского полка. Стоянка полка — Рим.

В конце сентября, показывает он, командир полка генерал Перико лично отобрал его, в числе пятидесяти человек, для секретного задания. Их отправили с пятнадцатью орудиями из Генуи на небольшом корабле в порт Виго. Оттуда на грузовиках на талаверский фронт, в Касерес. Только здесь им обменяли итальянское обмундирование на испанское. В Касересе стоит итальянская танковая часть. В Талавере — германский пулеметный учебный центр.

Под Сесеней Корси командовал батареей из пушек, с ним же прибывших из Италии. Эти самые пушки были раз-

давлены республиканскими танками. Луиджи Корси всхлипывает и просит верить каждому его слову — потому что он член организации итальянской фашистской молодежи и не станет врать.

Можно поверить перепуганному Луиджи. Он неповинен ни в чем более, чем он сам рассказал. За остальное отвечает его высокое римское начальство.

Из города уезжают все, кто и как может. Развелись дикие шоферы на краденых машинах, они вывозят состоятельных людей за бешеные деньги в Кузнку или дальше, по валенсийской дороге. Имущих, но не очень богатых. Очень богатые предпочитают оставаться в Мадриде, ждать Франко.

Шоферы вообще стали во всех смыслах ведущей профессией. Среди начальников и крупных чиновников идут разговоры — у кого какой шофер, насколько он предан, останется ли он при шефе или бросит его и предпочтет эвакуировать собственную свою семью.

У моего Дамасо что-то испортилось в моторе, машина стоит на ремонте, я еду на престарелом комиссариатском «мерседесе» со случайными дежурными шоферами.

Отель «Капитоль» совсем опустел, весь персонал ушел на фронт и разбрелся, мы, последние могикиане, перекочевали в «Палас», огромный, кажется, самый большой в Европе, и тоже совершенно пустой отель. Здесь еще немного кормят.

1 НОЯБРЯ

Генерал Варела об'явил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами: по эстремадурской дороге, по толедской, через Авилу (Гвадарама) и через Сигуэнсу (Гвадалахара); пятая колонна — это фашистское подполье самой столицы. Он приглашает иностранных корреспондентов принять участие в торжественном в'езде в покоренный Мадрид.

Сегодня бои идут гораздо упорнее. Чем ближе к стенам города, тем больше подымается дух сопротивления и протеста у дружинников народной милиции. У многих среди этих стен живут матери, жены, дети.

Но офицеры бегут. Они внезапно исчезают. Дошло до того, что в некоторых колоннах дружинники приставили к ним конвой. В других местах произошли недоразумения; застрелили несколько человек.

Без командиров, без связи, без твердых и ясных приказов — началась неразбериха, путаница, стрельба по своим. Один провокатор-офицер приказал артиллерии открыть огонь по Торрехону, об'явив, что деревня вновь занята мятежниками. На самом деле там еще были республиканцы. Под огнем своей артиллерии они покинули Торрехон!

Рота танков разбилась на взводы и даже на одиночные машины. Весь день до изнеможения они бродят с участка на участок, сдерживают атаки, исполняют роль артиллерии, создают впечатлительные обороны. Такая тактика, вообще говоря, дика, нелепа, — но что поделаешь в подобной обстановке.

Двое раненых танкистов умирают в больнице. Симон, с ободранной головой, уже опять сидит в машине и дерется.

Правительство ничего не предпринимает для эвакуации хотя бы главнейших государственных учреждений, генерального штаба. Не тронуты с места склады оружия, патронов, снарядов, медикаментов, перевязочного материала.

В мадридских тюрьмах заключено восемь тысяч фашистов, из них три тысячи кадровых и запасных офицеров. При вступлении противника или мятеже в городе это готовая квалифицированная офицерская колонна. Надо немедленно вывести эти кадры из города, хотя бы пешком, этапным порядком. Но никому до этого нет дела.

Мигэль Мартинес очень резко говорил об этом на заседании комиссариата. Он сказал, что все партии, представленные в комиссариате и в правительстве, понесут ответственность перед народом за оставление в Мадриде, в опаснейший момент, восьмитысячной фашистской колонны, которую, по существу, республиканские же власти собрали и организовали, пусть в тюрьме.

Комиссары реперолошились, дель Вайо прервал заседание и пошел через площадку к министру. Он вернулся че-

рез двадцать минут с успокоенным видом; Кавальеро признает важность проблемы и поручил эвакуацию арестованных министру внутренних дел Галарса.

... В гостиницу вдруг свалились два москвича, корреспонденты «Комсомольской правды» Миша Розенфельд и Юрий Корольков. Они рассказали довольно сумбурную историю: прибыли в Аликанте с советским продовольственным пароходом, хотели посмотреть какие-то колхозы в окрестностях города, но шофер, из-за незнания ими испанского языка, перепутал адрес и привез их в Мадрид. Хотя ошибка была на четыреста километров и на полторы суток, я не стал спорить. Ясно, что ребятам до смерти хотелось попасть в Мадрид, а разрешения не было и не могло быть, въезд сюда запрещен уже полторы недели. Вопрос был в том, как и на чем их отправить обратно.

К счастью, все устроилось. Аликантский шофер, навестив в Мадриде своих родственников, сразу заскучал обратно. Мы хорошо пообедали с комсомольскими журналистами, они рассказали кучу новостей. Затем повидали город и главную достопримечательность испанской столицы — ее воздушные бомбардировки. Налеты теперь происходят по три, четыре раза в день, жертвами переполнены все морги. Я перестал в телеграммах описывать и даже упоминать все бомбардировки; слишком много, слишком страшно, и все одно и то же.

В машине комсомольцев удалось эвакуировать еще двух мадридских женщин.

Каждое место в автомобиле из Мадрида — это теперь человеческая судьба, это поворот жизненной стрелки.

2 НОЯБРЯ

Растет триумфальное неистовство мятежников, все выше волны ликования среди их друзей. По радио мы слышим свистопляску в Германии, в Италии, в Португалии, отчасти в Англии. Там считают Мадрид уже в агонии. Газеты и радиопередатчики перечисляют предстоящие декреты и реформы генерала Франко по вступлении в столицу. У него уже сформирована полиция, го-

товы карательные трибуналы, разработаны все списки «красных», назначены высшие должностные лица.

Из Франции доносятся какие-то беспомощные пiski. Блюм что-то кому-то сказал, но затем опроверг. Дельбос заявил, но опроверг. Пьера Кот в палате атакует за помощь республиканцам, за передачу им нескольких бомбовозов «потез» и истребителей «девуатин» — он опровергает.

В Англии ничего не опровергают. Лондонские газеты соревнуются в предсказании точного дня вступления фашистов в Мадрид. Одни считают, что это будет послезавтра, другие называют среду пятого ноября. Из германских источников указывают пятницу, седьмого ноября, «день, который по совету некоторых друзей генерал Франко избрал специально для того, чтобы омрачить ежегодный праздник марксистов, годовщину большевистской революции».

Само правительство республики молчит. Ларго Кавальеро ни за что не хочет публиковать никакого документа, ни декларации международного характера, ни обращения к своему народу. Несколько раз министры-коммунисты требовали такого публичного официального обращения — он упрямо отказывается, говорит, что не надо сеять паники. Ему говорят, что, наоборот, паника обострена молчанием правительства, незнанием его намерений, неуверенностью в том, насколько решительно правительство намерено дальше обороняться и, в частности, оборонять Мадрид.

Надо сказать народу правду, которую он целиком еще не знает. В массах дремлют еще огромные силы и возможности борьбы, надо вызвать их наружу прямым, ясным, мужественным призывом. Это уже сделали все партии народного фронта в отдельности — а правительство в целом молчит.

К чему болтовня, сравнение с оборонной Петрограда, — ведь тогда советское правительство открыто сказало об опасности, нависшей над Петроградом и над Москвой, еще когда враг был перед Тулой! Здесь же — у главы правительства нехватает решимости и чест-

ности сказать народу о катастрофическом военном положении.

Он видит в этом свою личную дискредитацию, боится упреков в том, что плохо руководил войной эти два месяца. Но разве дело в упреках! Народ простит, он подыметесь, он еще может спасти положение, я верю в это твердо, в это верит вся коммунистическая партия. А Ларго Кавальеро боится всеобщей стихийной народной мобилизации, он не может допустить, что появятся какие-то сержанты и капитаны, не им лично назначенные, что расхватают какие-то винтовки или одеяла без его визы.

У дверей его кабинета адъютанты сдерживают толпу командиров, комиссаров, интендантов, государственных чиновников. Он сидит, запершись со своим любимцем, генералом Асенсио.

Коммунистическая партия работает на свой страх и риск, собирает силы и средства для обороны Мадрида. Ее барабаны гремят на улицах. Двести тысяч мадридских женщин, работниц, служащих, домохозяйек, участвуют, во главе с Долорес, в коммунистической демонстрации под лозунгами пролетарской обороны Мадрида.

Под куполом кино «Монументаль», перед шестью тысячами рабочих, Хосе Диас требует удержания столицы во что бы то ни стало. В зале душно, напряженно, огромный амфитеатр прикован всеми шестью тысячами пар расширенных глаз к маленькой фигурке Хосе.

Все знают, что он недавно потерял свою любимую дочь-комсомолку, что сам только сегодня встал с постели, еле оправившись от новых тяжелых припадков.

Но сейчас Хосе улыбается. Выражение и разъяснение мысли у него всегда отсвечивает улыбкой на лице.

Плавно и круто подымается напряжение его речи, страстной, сосредоточенной. Зал переживает каждое место. То замирает бездонной тишиной, то взрывается восторгом. Все шесть тысяч сразу встают и торжественно, как клятву, поют «Интернационал», когда Хосе приводит слова сталинского приветствия испанскому народу.

В рабочих кварталах, в районных обществах друзей Советского Союза идет подготовка к Октябрьской годовщине. Меня находят и засыпают вопросами, справками, спрашивают совета, как сделать плакаты, стенные газеты, похожи ли Сталин и Ворошилов на любительских портретах, точно ли срисован советский герб. У меня было несколько номеров «СССР на стройке» — их изрезали на кусочки, со спорами поделили фотографии, все до одной.

Со своей стороны, я попросил Долорес дать хотя бы маленькую статью для праздничного номера «Правды». Она не сразу ответила; смотрела, грустно молчала. И сразу, вскинув брови:

— Ну, да! Конечно, я напишу! И теперь же; не уходи, пожалуйста.

Она притворила за собой дверь и через час вышла с несколькими листками, исписанными аккуратным, красивым почерком.

«Из глубины моего сердца, сердца испанской женщины и матери, которая, как всякая мать, больше всего на свете любит своих детей, — я шлю к вам, русские женщины и женщины всего мира, свой крик боли и протеста. Подобно тому, как чувствую я, чувствуют сейчас все женщины и матери испанского народа, те, кто отправил своих мужей в кровавую битву, и те, кто сам сражается за свободу, за счастье испанского народа, за мир всего мира, против фашистских провокаторов войны».

«Женщины и матери Советского Союза и всего мира! Испанские женщины несут вам свое горе, свой гнев, свою скорбь о безвинно пролитой крови. В счастливые дни праздника страны социализма не забудьте о нас, женщинах Кастилии, Астурии, Бискайи, Каталонии, как вы не забывали и помогли нам все эти тяжелые месяцы борьбы. Помните о нашем народе, израненном, окровавленном, о нас, ваших сестрах, изнемогающих в неравной борьбе за свою жизнь и честь.

Еще громче подымите ваш сильный голос протеста против фашистской интервенции в Испании. Еще сильнее заклейте подлых убийц, вы сильнее, счастливее, спокойнее — помогите нам

победить, помогите опрокинуть и разгромить врага, который врывается в наши дома, разрушает наши очаги. Вот о чем мне хотелось, не омрачая вашего праздника, сказать вам, дорогие сестры, советские женщины».

Маша получила место в машине и уехала сегодня. В последний момент она внесла на руках в комнату маленького человека с овальным задумчивым и мечтательным лицом, с доброй улыбкой, с длинными прядями мягких светлых волос, двух лет от роду. Это сын. Это испанский сын.

Они, может быть, еще поспеют к празднику в Москву.

3 НОЯБРЯ

Весь день — упорный бой остатков народной милиции с большими силами мятежников, с их мощной артиллерией и авиацией.

На толедской дороге республиканцы, собрав пять батальонов, вместе с шестеркой танков бросились вперед и прорвали линии фашистов. Части Бурильо ворвались в Вальдеморю. Они хотели выдвинуться еще вперед, но мятежники очень быстро собрали подкрепления и обрушились на республиканцев и выбили их из деревни.

Танки в это время были вызваны на соседний участок, они помогли колонне Уррибарри ворваться, в третий раз, в Торрехон. Жаркий бой длился здесь около пяти часов.

Бойцы держались хорошо, они уже научились беречь патроны и перебегать, и цепляться за складки местности, и спокойно лежать под авиацией. Нельзя сказать — спокойно, лучше сказать — стойко. Три раза на развалины Торрехона налетали «юнкерсы», три раза они покрывали весь участок грохотом, огнем и дымом, и бойцы удержались.

Но когда танки ушли — пехота через полчаса оставила Торрехон.

Танки ушли к Леганес. Там дела были гораздо хуже. От Навалькарнеро фашисты катились грозной лавиной, они дошли до Мостолес и заняли его. Надо было прикрывать Леганес, совершенно обнаженный.

Листер и Буэно сделали контратаку на Пинто, но взять его не удалось.

День не принес успехов, все измотались, но настроение стало как-то лучше. Появилось боевое ожесточение, чего нехватало все эти последние недели.

Пехотные командиры рады даже своим потерям, число убитых и раненых очень возросло за эти два дня. Военный госпиталь в Карабанчеле и лазарет Пятого полка переполнены. «Значит, все-таки есть борьба! Значит, деремса, а не убегаем! Эх, если бы на десять дней раньше! Если бы сейчас немного резервов».

Но резервов еще нет, то, что начали формировать, брошено в сыром виде сюда, в мясорубку, в отступление под Мадридом. Где-то в пути каталонцы, с Дурутти во главе. Анархисты решили послать колонну на помощь Мадриду. Четыре анархиста вошли в правительство, Гарсиа Оливер — министр юстиции...

Мигэль Мартинес провел весь день со взводом танков. Взвод перебрасывали с места на место девять раз, посылали каждый раз туда, где трещали и рвались республиканские линии.

Встреча всюду была трогательно-радостная, пехотинцы бросали вверх шапки, аплодировали, обнимались, даже садились на танки, когда они шли вперед, в атаку. Но, едва прибывал связной моторист, вызывая на другой участок, настроение сменялось на гробовое и отчаянное. С опущенными головами, влоча винтовки по земле, дружинники брели назад, в тыл, к Мадриду.

Танкисты с утра были оживлены, потом устали, обзидались, стали молчаливы. Который день без отдыха, по четыре часа сна! Они все-таки выходили еще и еще, десятки раз на холмы, стреляли безостановочно, разгоняли скопления пехоты противника. Накапились стволы пушек, механизмы пулеметов. Не было воды для питья. Огонь противника их огорчал мало. Пули барабанили, как крупный дождь по железной крыше. Опасно было только прямое попадание крупнокалиберных снарядов. И все-таки танки шли, прорываясь вперед

сквозь артиллерийскую завесу, они шли на орудия и заставляли их умолкнуть.

Они только спрашивали: — кроме нас, дерется ли кто-нибудь еще?

Мигэль уверял:

— Конечно! Постепенно! Все в свое время! Еще не наладилось взаимодействие. Приучаются.

Танкисты улыбались. Они ничего не говорили на это. Им очень хотелось спать. Они похудели и как-то перепачкались, как трубочисты. Все время им хотелось холодной воды и немного поспать. Они очень изменились за эти шесть дней.

Симон все время жалуется на боль в голове:

— Меня ведь не только рвануло, но также и стукнуло. Ужасный шум в мозгах — как будто раковина гудит. Я не знаю, что делать. Невероятный шум. Как будто снял телефонную трубку, приложил к уху, и гудит. Пусть меня считают чем угодно — я через час, когда стемнеет, сдам взвод и полежу несколько часов. Тогда пройдет. Оно там гудит, как телеграфный столб в поле. Капитан мне уже три раза говорил пойти лечь, вот я возьму и лягу.. Ну-ка, ребята, еще раз пощелкаем, смотрите, эти воры уже опять надымили!

Разрывы снарядов приближались, одно облако черного дыма поднялось совсем близко, метров за сорок. Симон на своей машине выехал вперед, он стал на пригорке, танкам нельзя стоять вот так на пригорке. Танкам вообще нельзя стоять в бою.

Мигэль не видел, он только слышал два следующих разрыва. Они были очень громкие. Ему показалось, что это перелет. «Перелет!» — глупо закричал он.

Это не был перелет. Это было прямое попадание в головной танк Симона. Другой снаряд взорвался перед самым танком Педро.

Мигэль выскочил из машины и побежал к танку Симона. Это тоже было глупо. Другие тоже сделали это, всем хотелось к Симону.

— Назад! — крикнул водитель головного танка. Мотор у него работал. Он резко рванул вперед, развернул

кругом и отошел в сторону. Конечно, он был прав. Через несколько секунд на том самом месте, где перед этим стоял танк, разорвался второй снаряд.

Четыре танка пошли вперед, на батарею, отомстить за Симона. Он свесился, как надрезанная кукла, над бортом башни. Остальные двое были невредимы, но оба совершенно багровые от его крови.

Симона начали вытаскивать, и вдруг все отшатнулись. Его ноги остались в башне. Одна нога по колено, одна по бедро.

Это было страшно своей непонятностью. Видимо, разрыв пришелся не над башней, а в башню. По самому танку трудно было судить, металл у борта искривился немного.

Встрепенувшись, опять начали снимать Симона. Его положили на одеяло. Повязка сбилась с головы, ее поправили, хотя это было неважно. Он совершенно не дышал, но вдруг повернулся своим широким телом на бок. Опять все содрогнулись, но кое-кто заулыбался; выходит, Симон жив.

Его обратно повернули на спину и стали туго обматывать культяпки ног. Невозможно было остановить такое большое количество крови. Одеяло сразу почернело, оно пропиталось. Все-таки Симон жил. Про таких говорят: «могучий организм».

Моторист поехал в Леганес за санитарной каретой. Он вернулся очень быстро. Карет в Леганес нет. Карета есть, но она не хочет сюда ехать. Шофер кареты говорит, что сюда уже невозможно пробраться. Санитары готовы были ехать, но шофер не захотел.

Все посмотрели на моториста. Его худые плечи и большие уши были всем ненавистны.

— Почему же ты не застрелил шофера и сам не привел санитарную карету?

Моторист ответил, и это погубило его еще больше. Он сказал:

— Уже и так много жертв.

Водитель Тимотео, весь испачканный кровью, подошел и замахнулся на него. Всем было ясно, что он его не ударит, но моторист все-таки отбежал. Это уж совсем погубило его.

— Ты знаешь, что такое командир? — горько сказал Тимофео: — откуда тебе знать, что значит, если командир убит в бою!

Он покосился на тело Симона и добавил:

— Тяжело ранен.

Моториста прогнав, он стоял издали, до самых сумерок, и смотрел, уже как чужой, уже как зевака, со стороны. На мотоцикле двое танкистов поехали в Леганес. Они быстро вернулись с каретой. Шофер клялся, что он и не думал отказываться ехать. Но всем было видно, что он врет.

4 НОЯБРЯ

По радио, из Лиссабона, из Рима, уже сообщают, что войска генерала Варела вошли в столицу и заняли центральные здания. Я телеграфировал «Правде»:

«Сегодня Мадрид целиком в руках трудящихся. Правительственные и рабочие организации работают, на улицах порядок, окраины заставлены баррикадами, и эти баррикады еще никем не атакованы, и мадридское радио, как видите, работает».

Ночью мятежники ворвались в Хетафе. В квартале у аэродрома их полтора часа задерживал один окоп дружинников. Марроканцы и «регулярес» устроили резню.

Девочка-телефонистка районной подстанции Хетафе отказалась эвакуироваться, она сказала, что успеет. Она держала связь до последнего момента. В последние полчаса она уже сама давала сообщения о том, что видно из окна.

Ее последние слова были:

— Я слышу вопли мавров.

Через десять минут на вызов ответил мужской голос.

Подкреплений и резервов нет, наличные части за эту ночь еще больше развалились, они неорганизованной толпой даже не бегут, а безразлично шагают в город. Там, где бойцы еще сохраняют какое-то подобие колонн, они часами ждут, не поступит ли какой-нибудь приказ, не отыщется ли пропавший офицер. Приказы не поступают, офицеры не появляются. И колонна потихоньку оста-

вляет фронт, тянется вялыми группами куда-нибудь, где можно найти еду, или вообще куда-нибудь.

Лучше всего положение на Гвадараме. Почти все части остались на месте. Да и натиск там невелик, фашистам нег теперь никакого расчета вести бой в горах, когда можно вкатиться в город через долины.

Еще — сравнительно тихо в юго-восточном направлении. Одна дивизия фашистов может броском перерезать дороги на Валенсию и Аликанте, на Альбасете. Может быть, это случится завтра. Хотя, по радиоперехватам, командование противника решило оставить эти дороги «для бегства кроликов». Это тот же метод «дыры», как в Овьедо, только на этот раз применяемый фашистами. Они рассчитывают, что, имея лазейку для отступления, мадридцы бросятся туда и не станут оборонять город.

По радио объявлен порядок торжественного вступления фашистов в столицу. Генерал Мола, заместитель Франко, в едет в город на белом коне, дарованном для этой цели наваррской областной организацией «рекете», он остановится на центральной площади Пуэрта дель Соль, ему подадут микрофон, и он скажет только: «Я здесь». Затем он угостит иностранных журналистов кофе в старой кофейне на этой же площади.

Кроме всего прочего, это практично. Пуэрта дель Соль, хотя и в центре, но очень близка к окраине. Мадрид имеет с юго-запада большую глубокую впадину. Стоит перейти через Сеговийский мост или миновать Северный вокзал, и до Пуэрта дель Соль остается несколько кварталов, меньше километра.

Началась, во французской, в английской, в советской печати, кампания за спасение незащищенного населения Мадрида от фашистских зверств. Всюду вспоминают кровавые погромы в Бадархосе, в Толедо. Чтобы умыть руки перед новой резней, Франко издал приказ об умеренности:

«Войдя в Мадрид, все офицеры колонн и служб должны принять серьезные меры к сохранению дисциплины и запретить всякие поступки, которые, являясь личными поступками, могут

опорочить нашу репутацию. Если же они примут широкий характер — они могут создать опасность разложения войск и потерю боеспособности. Предлагается держать части в руках и избегать проникновения отдельных солдат в магазины и другие здания без разрешения командиров».

А правительствов? Что делает оно? Об этом все спрашивают, никто не знает. Кавальеро попрежнему уклоняется от какого бы то ни было решения. Он не согласен опубликовать воззвание к народу. Он ничего не разрешает эвакуировать из Мадрида. И он же, по словам многих, окружающих его, склоняется к теории Асенсио, что дело не в Мадриде, что Мадрид нет смысла оборонять, что надо уйти с армией и дать сражение, оставив столицу.

Восемь тысяч фашистов попрежнему пребывают в мадридских тюрьмах. Они открыто говорят о своем скором освобождении. Тюремный персонал уже лебезит перед ними. Они могли бы уже сейчас без труда рассосаться из тюрем, но считают это невыгодным — на улицах для них опасно.

Десять танков бродят весь день кругом Мадрида и почти непрерывной стрельбой, короткими контратаками тормозят наступление противника. Фашисты, без сомнения, считают, что здесь действует целая танковая бригада.

Около полудня Мигэль Мартинес застал их на эстремадурской дороге. Машины стояли за обочиной шоссе, бойцы сидели на земле у танков и курили.

— Мы свистим, — сказал капитан. — Снарядов нет, мы уже израсходовали сегодня два боевых комплекта. Теперь никак не можем связаться с базой. Мы свистим.

Мигэль взялся добыть снаряды — это оказалось очень хлопотливым предприятием.

База была все еще в оливковой роще у горы Ангелов, около Вальекас. Надо было проехать параллельно всей линии боя, петляя маленькими дорожками между большими магистралями. Шофер был бестолков и глуп, он знал местность хуже Мигэля. Пришлось в'ехать

назад в город и по валенсийскому радиусу пробраться к горе Ангелов.

В роще уже стоял грузовик, полный снарядов, но не того сорта, какие были нужны танкистам. Пришлось разгрузить и заново все нагружать. На это ушло еще пятнадцать минут.

Мигэль заупрямился, он решил выиграть время и все-таки поехать напрямки, не через город. Он потом пожалел об этом. Езда превратилась в пытку.

Никто не знал, куда и как ехать. На каждом перекрестке дорог прохожие говорили по-разному: либо, что дальше уже фашисты, либо, что дорога совершенно свободна. Нельзя было верить ни тому ни другому; здесь могли быть и ошибки, и провокации. Мигэль решил ехать, прислушиваясь и приглядываясь к направлению артиллерийского огня мятежников, они вели его по всему фронту. Но и в этом не так легко было разобраться.

Шофер с грузовика и шофер легкового автомобиля спорили между собой. Они теряли друг друга из виду. Похоже было на то, что шофер со снарядами стремится удрать в город. Мигэль решил пересесть на грузовик.

Но именно на самом открытом, на самом обстреливаемом куске шоссе он застрял. Что-то у него случилось в моторе. Чорт его знает, что за человек. Вот, нашел место, где застревать. Разрывы стали ложиться близко от машины. Надо же ухитриться здесь застрять. Одно попадание, и весь грузовик со снарядами взлетит к чортовой матери на воздух. Надо же быть таким идиотом! Пусть бы застрял в другом месте, где-нибудь ближе или дальше. Что за идиот! Мигэль и другой шофер стояли у грузовика и орали. Уж лучше бы поехали через город. Мигэль думал о том, что танкисты уже два часа без снарядов. Связался с дураком шофером. Хоть бы он застрял где-нибудь за домом, тогда его не видно было бы.

Он уже хотел ехать за другим грузовиком, но машина вдруг пошла.

Они добрались до танкостов только через два с половиной часа. «Долгонько! — сказал капитан. — А мы здесь

свистим». Он потушил сигарету и приказал разобрать боевые комплекты.

Они стояли примерно на том же месте, но рассредоточились. Артиллерия мятежников нашла их и обстреливала.

— Пошелкаем, — сказал капитан. И танки опять пошли.

В пять часов пополудни, как всегда, заседал генеральный комиссариат. Миггаль докладывал о борьбе с дезертирством. Предлагал проект создания центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Провинциальных комиссий. Бригадных комиссий. Меры взыскания — от расстрела до общественного порицания, смотря по злостности отлучки. Оповещение альгвазилами на сельских площадях об односельчанах-дезертирах, предавших родину. Расклейка черных списков дезертиров. Нужны также листовки.

Его никто не слушал. Дель Вайо лежал на диване, тяжело больной. Бильбао перелистывал бумажки. Рольдан что-то писал. Анхел Пестанья смотрел на стену, глаза его были полны слез. Михе не было.

— Листовки! — сказал дель Вайо.

Морщась, преодолевая боль, он тяжело перебрался к столу. Он взял толстый синий карандаш.

— Товарищ генеральный комиссар, — сказал Миггаль: — вы знаете, со вчерашнего дня у нас уже есть немного истребительной авиации. Завтра она появится над столицей. Командир эскадрильи просил изготовить ему листовки для сбрасывания, успокоительные обращения к населению Мадрида.

— Замечательно! — сказал дель Вайо. — Я тотчас же напишу. Это просто замечательная идея со стороны командира эскадрильи. Очень правильно, что мы это сделаем. Я прошу вас не расходитья, я тотчас же напишу. Просто превосходная идея. Не уходите, пожалуйста.

Никто не собирался уходить. Итти было некуда. Все позавидовали Вайо, что он будет писать листовку. Его толстый синий карандаш быстро мелькал по бумаге. Он откладывал в сторону исписанные восьмушки. Он писал очень

крупно, на каждый листок приходилось не более десяти слов.

— Как будет с арестованными? — спросил Миггаль: — Галарса ничего не сделал. Восемь тысяч человек. Большая фашистская колонна.

— Все в свое время, — мягко сказал Вайо: — я сейчас кончаю листовку. Пожалуйста, не расходитесь. Я думаю, длинная листовка в данном случае неуместна.

— Длинная будет даже вредна, — сказал Пестанья: — к тому же наборщики... Я постараюсь выпустить ее сразу в нескольких типографиях. Сколько экземпляров нужно?

Он не замечал, что глаза его были в слезах.

— Миллион, — сказал наобум Миггаль: — от миллиона до миллиона двухсот тысяч. Это не так много. Из одного газетного листа выйдет тридцать двести штук.

— Такие маленькие? — Вайо был огорчен: — я не уложусь.

— Все зависит от шрифта, — сказал Бильбао. — Можно набрать мелким шрифтом.

Всем хотелось подольше говорить о листовке.

Мятежники миновали Хетафе и ворвались в Верхний Карабанчель, рабочий квартал, первый городской квартал. Начался погром. Телефонное сообщение не прервано, люди в Карабанчеле, в Хетафе просто набирают номер, звонят и передают ужасные вещи. Они уже по ту сторону баррикад, у фашистов, — а разговаривают с нами по городскому телефону! Мятежники звонят своим родным и любовницам, приветствуют их: «Пепита, я уже здесь, в Мадриде. Но сегодня не удастся пробраться к тебе по улицам. Обнимаю, до завтра!».

Коммунистическая партия и Пятый полк организуют районные и уличные дружины для баррикадных боев. Лозунг партии — драться за каждую улицу, за каждый дом.

Вернувшись поздно вечером, я не узнал отеля. Сюда спешно эвакуировался из Карабанчеля военный госпиталь № 1. Коридоры полны коек, хи-

ругических шкафов, перевязочного материала, ночных горшков, ящиков с картотеками. Запах креозота сразу охватил все этажи. Сдирают с дверей драпировки, с пола ковры и дорожки. Портье сказал, что отель ликвидируется, почти все гости уже выехали; сегодня синьор может еще ночевать — не все номера заполнены ранеными. На завтра он приготовит синьору счет.

Танкиста Симона перевезли с госпиталем в отель «Палас». У него начинается заражение крови, перевозка ухудшила его состояние. Мигэль Мартинес нашел его, он в сознании, он просил Мигэля застрелить его, но не оставлять белым.

Улицы зловеще опустели. Люди смотрят исподлобья. Начали постреливать с верхних этажей, из-за углов.

Сегодня днем было еще четыре воздушных бомбардировки. Убито много детей. Только что принесли и положили на стол двадцать снимков. Большие красивые снимки детей, похожих на куклы.

Это разбитые куклы. У них большие черные дыры на лбу, на шее, у ушей. Не будь этих мертвых черных дыр, дети казались бы совсем живыми. У некоторых даже раскрыты глаза — словно в изумлении. Разметаны косички, уста улыбаются, и сквозь них видны маленькие белые зубы.

Дети гибнут, потому что они проводят весь день на улицах. Повсюду они возятся, копошатся. В рабочих кварталах, у Толедского моста, в Аточе они помогают взрослым строить баррикады. Крохотные карапузы долго выковыривают большой камень из мостовой, кладут его в плетеную корзинку и, держа с двух сторон за ручки, чинно тащат его к баррикаде. Старик каменщик кивает им, кладет камень в верхний ряд и посыпает песком. Ребятишки с достоинством отправляются за новым камнем.

5 НОЯБРЯ

С утра повсюду не попад расклеены плакаты в честь Ларго Кавальеро.

Между двумя пушечными стволами, поставленными вертикально, изображена огромная его голова; художник стилизовал его немного под Муссолини,

только постарше на десять лет. Подпись: «Говиерно де ла викториа». Правительство победы.

С утра опять появилась авиация и начала было бомбить, но вдруг встретилась с группой маленьких, очень проворных истребителей. Над западной частью города завязалась бой. Фашистские бомбовозы обратились в бегство. Энтузиазм публики был неимоверный. Мадридцы аплодировали, поднимая руки к небу, кидали вверх шапки, женщины — шали.

Из Мадрида уехали все иностранцы, прямо или косвенно поддерживавшие республиканское правительство. Часть переселилась в посольства. Дипломатические миссии, кроме того, объявили неприкосновенной территорией много домов, принадлежавших частным людям, иностранным подданным, вывесили на них флаги и гербы. В этих домах устроены общежития для фашистов, дожидаящихся Франко. Они боятся, что в последние часы перед падением Мадрида «городская чернь», особенно анархисты, устроят расправу с ними.

Сегодня зазвонил телефон, и барышня со станции сказала, что будут говорить из Москвы.

Я ждал с волнением. Мадрид, Барселона, Париж перекрикивались и спорили между собой — вдруг голос издалека, но четкий, веселый, назвал по имени и отчеству. Говорил Всесоюзный радиокomitee, поздравлял с установлением прямой радиотелефонной связи, с наступающим праздником, проверял слышимость, просил сказать несколько слов для праздничной передачи с Красной площади седьмого ноября.

— А седьмого, под вечер, мы позволим вам снова, попросим ваши впечатления о том, как Мадрид провел этот день.

Я замолчал.

— Алло, алло! — неслось из трубки, из Москвы.

— Хорошо! — крикнул я: — позвоните! Хорошо!

Никогда не был так красив Мадрид, как сейчас, в эти последние дни и ночи, когда черным смертоносным кольцом сжимал его враг.

Я раньше не любил этот город, а теперь невыносимо жалко его покидать. Сухая, чистая осень, мягкие закаты, глубочайшая прозрачность неба над старыми черепичными крышами. Кажется, что видишь стратосферу сквозь такую прозрачность.

Мы никогда не знали этого народа, он был далекий и чужой, мы с ним никогда не торговали, не воевали, не учились у него и не учили его.

В Испанию и раньше ездили из России одиночки, чудаки, любители острой, горьковатой экзотики.

Даже в голове развитого русского человека испанская палочка была почти пуста, запылена. На ней можно было найти Дон-Кихота с Дон-Жуаном (которого произносили по-французски Дон-Жуан), Севилью с серенадой, Кармен с тореадором, «шумит, бежит Гвадалквивир», да еще «тайны мадридского двора».

Культура древнего Рима, итальянско-го Возрождения — прекрасная культура. Она оплодотворила искусство всего мира и нашей страны. Но, неизвестно почему, она попутно заслонила от нас Испанию, ее литературу, живопись, музыку, ее бурную историю, ее выдающихся людей. А главное — ее народ, яркий, полнокровный, самобытный, непосредственный и, что удивительнее всего, многими чертами поразительно напоминающий некоторые советские народы.

И вдруг этот, долго прозябавший в нижнем левом углу материка, никому по-настоящему не известный народ сухих кастильских плоскогорий, астурийских влажных гор, арагонских жестких холмов — вдруг встал во весь рост перед миром.

Это он первым в тридцатых годах нашего века полностью принял вызов фашизма, это он отказался стать на колени перед Гитлером и Муссолини, он, первый по счету, вступил с ними в отчаянную вооруженную схватку.

Перед огромным амфитеатром зрителей, внешне бесчувственно-нейтральных, внутренне перепуганных, фашистские убийцы хотят, как опытные торреро деревенского быка, заколоть, прикончить

этот народ, убить все достойное, гордое, честное в нем, оставить в живых только тех, кто обратит в рабство, кто покорно поцелует руки господам.

Народ не животное для убоя, палачи ошибутся. Израненный, окровавленный, он раньше или позже овладеет искусством битвы и раздавит, растопчет безумных палачей.

Поздно ночью в отель-госпиталь пришел танковый капитан с тремя бойцами. Они разыскали Симона, беседовали с хирургом, спрашивали, нельзя ли вывезти раненого. Хирург, высокий эlegantный старик аристократического вида, сказал, что при малейшем толчке Симон умрет. Есть ли надежда — спросили танкисты. Хирург сказал, что надежды никакой; началось заражение. Нельзя ли отравить — спросили танкисты. Хирург сказал, что нельзя, он не имеет права, это преступление. Все долго молча смотрели друг на друга. Мигаль попросил, нельзя ли уничтожить больничную карточку Симона. У хирурга смягчились и потеплели глаза, он сказал, что уничтожить карточку можно, что вообще надо унести и сжечь карточки раненых. Его прорвало, он добавил еще, что у него среди раненых есть сто десять таких же безнадежных, как Симон, не может же он превратиться в массового отравителя.

Танкисты отошли от него, они долго смотрели на Симона, тот спал, лицо укрыто марлей. Рана на голове была открыта, она заживала; остальное было под одеялом.

6 НОЯБРЯ

Через город движется довольно много беженцев. Но это не мадридцы, это жители окружных деревень и предместий, они втягиваются в столицу и переполняют ее. Мимо «Паласа», мимо здания парламента на площадь Кастеляр прошло большое стадо овец. Их грифельный цвет вполне гармонировал с асфальтом. Никто не удивлялся овцам на проспектах и площадях Мадрида, город уже деформировался по сравнению со своим прежним узаконенным обликом.

Основная масса мадридских жителей, рабочих, служащих, их семей, — никуда пока не уходит. Все ждут, что скажет правительство, как и когда оно объявит о своем решении — эвакуироваться или «оставаться до конца», как сказал Ларго Кавальеро. Решения пока нет, — повидимому, ожидаются резервы или есть какая-нибудь другая возможность.

До пяти часов я был в Каса дель Кампо, большом пригородном парке. Здесь рыли окопы, рабочие попеременно с вооруженными дружинниками. Настроение неплохое. Из домов поблизости хозяйки выносили в кувшинах воду и вино. Хлеб у бойцов был.

За Толедским мостом, на втором или третьем перекрестке Карабанчеля, за маленькой, низенькой, открытой посередине баррикадой, вдоль улицы шел бой. Пули щелкали по стенам домов, мы перебежали из подворотни в подворотню, как во время дождя. Вдоль улицы прогуливался взад и вперед, проходя через баррикадку и стреляя, пушечный броневик. В боковом переулке на тротуаре, на носилках, лежали раненые, молодые рабочие парни. Старичок-санитар и женщины хлопотали около них.

Мост был минирован, черные хвосты динамитных зарядов торчали из астила. Река Мансанарес — пустыковая речка, она почти всегда пересыхает, по ней нетрудно перейти вброд.

Я вернулся в отель, пообедал один в пустом ресторане. Камереро, подавая обед, сказал, что на этом ресторан закрывается.

Портье дал счет, я расплатился по шестое ноября, также за завтрак и за обед, за кофе к обеду. Также отдельный счет за доставку газет. Я ему дал пропину, то-есть на чай. Он спросил, не нужно ли послать коридорного за вещами... Нет, пока нет. Я спросил — куда же можно переехать. Он задумался. Пожалуй, во «Флориду». Хотя неизвестно, функционирует ли она. За последние дни закрылось много отелей. Ладно, я его попросил пока не звонить во «Флориду». Пусть вещи пока постоят. Их немного. — чемодан, большая складная карта, пишущая машинка и радио.

Пусть они пока постоят. Портье корректно согласился, — конечно, они могут постоять. Их, наконец, можно поставить в кладовую.

Поехал в военное министерство, в коммисариат. Там почти никого не было, только две машинистки. Они сказали, что дель Вайо на заседании совета министров.

Направился к комнатам Ларго Кавальеро. В приемной дожидались какие-то мелкие посетители. Они терпеливо и спокойно ждали. Никто их не выпроваживал. Заседания здесь явно не было.

Поехал в президентскую комнату министров. Дом заперт, кругом него пусто. В дни заседаний здесь обычно стоит много машин, толпятся журналисты и фоторепортеры.

Начало темнеть. Поехал в министерство иностранных дел. Пусто, бродят сторожа. В отделе иностранной цензуры метался в истерике знакомый чиновник-референт. Он сказал, плача и содрогаясь, что правительство два часа тому назад признало положение Мадрида безнадежным, постановило эвакуироваться и эвакуировалось. Сообщение об эвакуации Ларго Кавальеро давать запретил, «чтобы не вызывать паники». В виду спешки эвакуацию решено производить децентрализованно, то-есть каждое ведомство заботится само о себе и уезжает, как и на чем может. Некоторые министры, как он слышал, протестовали, но решение осталось в силе. Вся головка уже уехала. Это сделано было перед концом занятий в учреждениях, — служащие разошлись, ничего не зная, завтра они придут на работу, а правительства уже нет.

Он плакал и ломал руки, он хотел звонить по телефону своим товарищам, всем сообща найти грузовик и добиться пропуска на выезд из Мадрида. Говорят, нужны какие-то пропуска, надо представлять в командансию списки...

— Плюньте на пропуск, — посоветовал я. — Если вы достанете грузовик, это и будет пропуск.

Я поехал в министерство внутренних дел, там было то же самое. Здание было

почти пусто, остался только низший персонал. Снаружи все выглядело, как обычно. Площадь Пуэрта дель Соль звенела трамвайными звонками и гудками перед фасадом министерства внутренних дел.

Поехал в центральный комитет компартии. Там шло заседание политбюро, в полном составе, кроме Михе, который был в Пятом полку.

Здесь рассказали: Ларго Кавальеро, действительно, сегодня внезапно решил эвакуироваться и провел это решение большинством совета министров. Он уже уехал, уехали почти все. Министры-коммунисты хотели остаться, им было объявлено, что подобный акт будет дискредитацией правительства, они обязаны уехать, как и все. Руководство всех партий народного фронта тоже обязано сегодня уехать.

Все это можно и должно было сделать заранее, заблаговременно, не в такой форме, но старик своим эгоистичным упрямством и самодурством, своей демагогией привел к подобному положению.

Даже виднейшие руководители организаций, ведомств и учреждений до сих пор не уведомлены об отъезде правительства. Начальнику генерального штаба министр сказал в последнюю минуту, что правительство уезжает, но не сказал, куда и когда. Начальник генштаба с несколькими офицерами выехал из города искать себе пристанище. Министр внутренних дел Галарса и его помощник, генеральный директор государственной безопасности Муньос, выехали из столицы раньше всех. Из восьми тысяч арестованных фашистов не эвакуирован ни один. Город не обороняется ни снаружи, ни изнутри. Штаб командующего центрального фронта, генерала Посаса, разбежался. Кавальеро подписал бумажку, по которой оборона Мадрида перепоручается особой хунте (комитету) во главе с бригадным генералом Хосе Миаха, стариком, которого мало кто знает. Его ищут повсюду, чтобы вручить приказ, неизвестно, где он. Центральный комитет постановил: оборонять каждую улицу Мадрида, каждый дом силами рабочих и всех чест-

ных граждан. Сдавать фашистам только развалины, драться до последнего патрона, до последнего человека. Уполномоченным центрального комитета по мадридской организации назначается секретарь ЦК Педро Чэка — с переходом в подполье в момент необходимости. Кроме того, Антонио Михе входит в состав мадридской хунты обороны и принимает на себя военный отдел.

Во дворе укладывали архивы. К Педро Чэка очередь подходили секретари районных комитетов, заводских ячеек, он спокойно, как всегда, уславливался с ними, сообщал адреса нелегальных квартир и явок. Он улыбнулся и подмигнул мне: «пора выкатываться...».

Десять часов двадцать минут. Значит, в Москве уже один час двадцать минут ночи. Там, на улицах, лихорадочно прибавляют последние праздничные украшения, плакаты, портреты. Дворники подчищают мостовые. Может быть, еще не кончился концерт в Большом театре, они обычно затягиваются поздно. Интересно, какая погода, много ли уже снега, будет ли с утра туман.

Я еще раз поехал в военное министерство. Садовые ворота были закрыты. Никто не отозвался ни на гудки, ни на мигание фар. Пришлось самому подойти к воротам, открыть их. У подъезда нет караула, — а окна все освещены и гардины не задернуты от авиации.

Поднялся по ступеням вестибюля — ни души. На площадке, там, где в обе стороны входы к министру и генеральному комиссару, сидят на двух стульях, как восковые фигуры, два старичка-служителя, в ливреях, чисто выбритые. Такими я их никогда не видел. Они сидят, положив руки на колени, и ждут, пока их звонком не позовет начальство — старое или новое, все равно, какое.

Амфилада комнат; широко раскрыты все двери, сияют люстры, на столах брошены карты, документы, сводки, лежат карандаши, исписанные блокноты. Вот кабинет военного министра, его стол. Тикают часы на камине. Десять часов сорок минут. Ни души.

Дальше — генеральный штаб, его отделы, штаб центрального фронта, его

отделы, главное интендантство, его отделы, управление личного состава, его отделы, — амфилада комнат; раскрыты все двери, сияют люстры, на столах брошены карты, документы, сводки, лежат карандаши, исписанные блокноты. Ни души.

Вышел обратно на крыльцо. Впереди, за садом, на улице Алкала кромешная тьма. Слышны выстрелы, чей-то страш-

ный вопль и потом смех. Шофер встревожился, это дежурный шофер, он не сменялся сегодня, он не ел, он просит, нельзя ли его отпустить, он хотел бы поискать еды. Стрелки на ручных часах светятся, они показывают десять часов сорок пять минут. Через час с четвертью будет седьмое ноября. Нет, в эту ночь нельзя покинуть тебя, милый Мадрид.

Конец первой книги

Расскажите Сталину про меня

Белорусская народная весня

★

Ой, старà я, деточки,
Ой, старà!
Видно, в гроб готовится
Мне пора.

И когда окончится
Жизнь моя, —
Расскажите Сталину
Про меня:

Как жила я семьдесят
Зим и лет,
Как, бывало, думала —
Правды нет;

Как была когда-то я
Молодà,
Да не знала радости
В те года.

Злое горе выело
Мне глаза
И посекло русые
Волоса...

А теперь — хорошую
Слышу весть.
А теперь узнала я —
Правда есть!

Как же, как же, деточки,
Я помру,
Если ходит счастье
По двору?

Убирайся ж, смерть моя,
Уходи,
Здесь тебе пристанища
Не найти.

Ты б в избе уселася
На виду,
Да тебя я веником
Замету.

Ты бы в клетки спряталася,
Как змея,
Да зерном засыпана
Клеть моя.

Ты б на луг пробралася
На покос,
Да тебя растопчем мы
В сенокос.

На меже ты села бы
За селом,
Да тебя мы трактором
Разнесем!

Убирайся ж, лютая,
Уходи,
У меня пристанища
Не найти.

Напишите Сталину
Вы в Москву,
Что еще я семьдесят
Проживу.

Перевел с белорусского и обработал
М. ИСАКОВСКИЙ.

★

О т е ц

РАССКАЗ

Д. СТОНОВ

★

1

С емь лет тянулась вражда между Александром Агеевым и Николаем. Разрыв назревал долго, и когда, наконец, вспыхнул, — кроткая, добрая Мария, которую все звали тетей Машей, ничего не могла поделать. Подобно наседке, она металась меж ними, всплескивала руками... Неуступчивые, упрямые, оба, забывшись, наговорили друг другу много обидных и несправедливых слов. Сын кричал, что Александр Агеев спятил: он, старый подлипала, собирает все село пустить по миру, уморить голодом.

— Плати мне жалованье, бригадир, я и буду работать, — по-волчьи ощерившись, кричал Николай. — А тебе шаром-даром... так на тебе даром, на, на! — И он, кривляясь, сложил в кукиш три пальца.

— Отцу?! — ужаснулась тетя Маша и поспешила закрыть окно. — Постыдился бы людей! Александр, не отвечай ему... молчи!

Но муж не собирался молчать. Багровый, весь в поту, он сидел на лавке, каменные кулаки — на коленях. Его так и подмывало ударить разбушевавшегося дурака, схватить его за шиворот, бросить на пол.

— И проваливай, — заревел он. — Вон из моего дома!

Николай давно решил уйти, еще накануне он сложил свой сундучок. Услышав последние слова, он, точно желая

испытать долготерпение родителя, медленно опустился на табурет, медленно, усмехаясь, стал переобуваться. Потом свистнул, повернулся спиной к отцу, обнял мать и так хлопнул дверью, что в избе зазвенели все стекла.

— К чертям, к чертям! — вслед ему крикнул Агеев.

Отец и сын были уверены, что расстались на всю жизнь. Александр Агеев еще больше потемнел лицом, осунулся, усердной взялся за работу. Казалось, уход сына распалил его желания, вызвал к жизни неутомимую силу. Был ли он самолюбив? — Теперь тетя Маша не сомневалась в этом. Она была уверена, что должность бригадира не удовлетворяет его. Значит, он хочет стать членом правления, председателем колхоза? Но вот его выбрали в правление, выбрали председателем, а он по-прежнему все хлопотал, носился с планами, ни на минуту не успокаивался, его цыганские глаза горели беспокойством. Недалеко от Снегирей находилось Костино болото — гиблое место, где некогда пропал дурачок Костя и ежегодно тонули телята. Как только управились с уборкой, Александр Агеев уговорил крестьян осушить кочкарник, и первый взялся за лопату. На старом выгоне он разбил сад, самолично поехал к Мичурину за саженцами — и все это без лишних слов, стиснув зубы, хмураясь. Давно уже Снегири вышли на первое место, МТС'овская многотиражка щедро расхваливала Агеева.

Случалось, односельчане при нем раскрывали газетку, заскорюзлыми пальцами водили по строкам, поглядывая на председателя. Но председатель только поглаживал усы, опускал ниже козырек фуражки, неопределенно мычал в ответ на их дружеские подмигивания. Вечно пьяный Кудимов, счетовод, распустил слух, что не зря старается Александр Агеев, не зря воюет с районными властями; нет сомнения — он сам метит в район. Когда слух дошел до председателя, он вызвал к себе счетовода и долго, презрительно распекал его.

— Дурная голова, — ворчал он. — Ты что думал — я Снегири променяю на район? Чего мне здесь нехватает? Говори!

— Простите, Александр Агеевич, — начал было счетовод. — Я полагал...

— Иди, протрезвись, — отрезал председатель.

Домой он приходил поздним вечером, усталый, но спал тревожно, ворочался вздыхал во сне. Однажды ночью, разметавшись, как в горячке, он несколько раз упомянул имя Николая. Значит, он помнил о сыне, думал о нем! Тетя Маша всю ночь втихомолку проплакала, а наутро не без робости заговорила о Коле. Раз в месяц она в чужой адрес получала от него весточку. Он жил далеко, на новостройке, стал первоклассным шофером, как будто преуспевал. Одним залпом она постаралась выложить все, что знала о сыне, правду мешала с выдумкой. Александр Агеев наспулся, потер лицо, смял бороду.

— Вот что, мать, — сурово сказал он. — Некогда мне с тобой балахтаться, в сказках твоих я не нуждаюсь... Поняла?

Спустя год он подобрел и уж не косился на жену, порой выслушивал ее рассказы о Николае.

— Выходит, он того... большой человек? — притворно невнимательно говорил Агеев. — Ну, ну, помогай господь, я тут не при чем.

Или шутил:

— Ай, Моська! Знать, она сильна...

Думать о вражде между отцом и сыном тете Маше всегда было горестно. По ее мнению, оба они — строптивые—

были виноваты. Кто же первый из них образумится? В пространных письмах Николая (они прибывали из разных городов, — сын переезжал с места на место) она угадывала жажду примирения, нотки усталости, корыстное любопытство, — он все чаще спрашивал о колхозе. Верный себе, он, конечно, никогда не заговаривал о своем возвращении в Снегири. Нужен был резкий перелом, необычайные события, которые сломали бы и того, и другого, и тетя Маша все надеялась, выжидала.

2

Александр Агеев и раньше не отличался особой болтливостью, а поссорившись с сыном, вовсе замкнулся. Вот почему о его поездке в Москву тетя Маша узнала за час до отхода поезда. Два дня в Снегирях шли собрания, с утра до вечера крестьяне толковали о посылке делегата на съезд передовых колхозников. Всем хотелось выступить, напомнить Агееву (его кандидатуру, не споря, наметили в первую же минуту) весь пройденный путь, наделить его обильным материалом, чтобы — при случае — он мог подробно рассказать в Кремле, как в Снегирях дрались за новую жизнь и как жизнь эта ошастливила колхозников.

— Пиши, председатель, — говорили они. — Все записывай. Гляди — забудешь!

И Агеев, довольный, записывал, начал головой. Сейчас, когда колхозники твердили о своей зажиточности, о трудностях, о сотнях пудов хлеба, которые лежали у каждого из них; когда женщины наперебой перечисляли свои обновы и Кудимов докладывал о новых домах, построенных в колхозе, — сейчас, казалось, председатель сам удивлялся избыткам, заработанным за такой короткий срок. Не даром, оказывается, Снегирям выпала честь послать в Москву своего делегата!

Была ранняя зима, после морозов наступила оттепель, снег лежал пятнами. Насквозь мокрый, до колен обляпанный грязью, Агеев пришел домой, на-ходу переоделся, сложил котомку,

быстро, не дожидаясь, пока жена разогреет, поужинал холодной кашей. За окном пара колхозных жеребцов нетерпеливо позвякивала бубенцами, и дед Прохор изменившимся голосом торжественно их успокаивал.

— Куда это ты? — спросила тетя Маша.

— А в Москву, — таким тоном, точно об этом давно уже было говорено и поездка в Москву являлась для него привычным делом, ответил Александр Агеев. — Вызывают вот...

И постучал в окно:

— Сейчас, дедушка, сейчас!

Было туманно, только по цыгарке Прохора и звону бубенцов можно было угадать, где повозка. Храпя, жеребцы сразу взяли с места. Под копытами захлопала грязь. Пригорюнившись, тетя Маша стояла у дверей, ждала... чего? Неожиданный отъезд Агеева привел ее в смятенье. Он никому не давал спуска, перед старшими не заискивал, — больно горд, — беспощадно корил лодырей и лентяев. Уж не перестарался ли он? Не закопали ли его злые люди?

Несколько дней она томилась неведением. Избегала соседей, не заходила в правление. Муж не писал. Но вот сразу и со всех сторон посыпались вести об Александре Агееве.

Первым о председателе узнал учитель-инвалид. По целым дням он, надев наушники, слушал радио. Как-то, среди треска, шипения и свиста, он внезапно услышал знакомый голос: на весь земной шар Агеев говорил о снегорских делах! Учителю не сразу поверили. Однако в тот же день кольцевик привез газеты, и в них сообщалось об Агееве. В одной, московской, был изображен снегорский председатель: он произносил речь. Рот его был полуоткрыт, борода распушена... Тетя Маша долго рассматривала снимок, потом сморщила лицо, подбородок ее дрогнул.

— Пуговка на вороте отскочила, — сквозь слезы произнесла она, тыча пальцем в бумажную грудь мужа.

Все с нетерпением ждали приезда Александра Агеева. Почести, которыми он пользовался в Москве, возвеличили его в глазах односельчан; решили устро-

ить председателю почетную встречу. Соорудили арку, установили при въезде в колхоз, на алом полотнище белела надпись: «Да здравствует герой колхозных полей — товарищ Агеев!». Дед Прохор дневал и ночевал на станции, председатель все не возвращался. Из области и района прибыли поздравительные телеграммы. Почта привезла тете Маше письмо. В дом набились любопытные, все хотели узнать, что пишет Агеев. Но, прочитав письмо, по-девичьи вспыхнув, тетя Маша только махнула рукой: оно было от сына...

Наконец, Агеев приехал, и — то ли потому, что соскучился по любимому делу, то ли потому, что приобрел в Москве новые качества, — сразу с вокзала отправился по колхозным учреждениям. Тетя Маша, узнав об этом, набросила на голову платок и, беспомощно скользя по грязи, как слепая, размахивая руками, побежала по селу. Из правления, задыхаясь, она неслась в совет, из совета в кооператив... Отчаявшись, она напоследок заглянула в ясли. Большой, широкоплечий, Александр Агеев подбрасывал на руках курносого младенца. Ребенок замирал на груди незнакомого человека, судорожно хватался за его бороду, Агеев аукал, прищелкивал языком, смеялся. На белой скамье чернела фуражка председателя, волосы ниспадали на лицо, красная шея была иссечена глубокими морщинами. И тут только тетя Маша увидела, как за последние годы постарел ее муж, вспомнила, как по-особенному, скрытно он был нежен к ней и к сыну... Давно ли он так подбрасывал Колю? Она ударила себя в грудь и громко, в голос, заплакала, запричитала.

— Чего ты? — хрипло, отворачиваясь, спросил Агеев. — Ну, чего ты?

И женщина заговорила... Она догадалась, что этим моментом необходимо воспользоваться, чтобы оборвать, наконец, мучения. Она вдруг разозлилась и, топнув ногой, стала ругать мужа.

— Эх, ты, старик! — гневно крикнула она. — Бессердечный, бессовестный! Чужих внуков пестуешь, тешишь, а своего, родного, не признаешь... Эх,

ты! — И дрожащими руками, спеша, она достала последнее письмо Николая. Сейчас ей почему-то было обидно, что первый шаг к примирению сделал сын: после семилетней разлуки самолично обратился к отцу.

И хотя в письме сын не унижался, тете Маше казалось, что в чем-то, очень важном, Николай уступил Агееву, поступил своей гордостью. Почтительно и на «вы» сын поздравлял отца с высокой наградой, с достигнутыми успехами на колхозном фронте, — так именно он выражался, — с культурной и зажиточной жизнью... Тотчас же после этих слов, как бы боясь, что отец в самом деле может почувствовать себя на недосягаемой вершине, он сообщил о себе. «Способный человек да еще с квалификацией всегда найдет работу» — писал он и подробно рассказывал о своих скитаниях, перечислял города, в которых побывал. Три года он прослужил за Полярным кругом. На Севере пришлось туговато, но Николай и об этом не жалел, так как — «никогда не известно, где найдешь, где потеряешь» — познакомился там с Катей... Тут, сообразив, что это имя отец слышит впервые, он прибавил, что женился на Катерине Денисовой, вместе с нею переехал в Калугу, работает в районной транспортной конторе — шофером высшего разряда. «Жаловаться не могу, обращение хорошее, в новом доме мне дали отдельную комнату, и это как-раз кстати, — год тому назад Катя родила мальчика». Наконец, следовал низкий поклон — «от вашего сына, от невестки и внука Пети» — и подпись. И уже за подписью — приписка (не в ней ли заключался весь смысл письма?): «В газете писали, что Снегири премированы трехтонкой, без хорошего шофера вам, значит, не обойтись...».

— Та-ак, — прочтя письмо, сказал Агеев, и по его голосу нельзя было узнать, доволен ли он тем, что сын, наконец, ему написал.

— «Так, так», — передразнила его жена. — Хорошо... ах, хорошо! Тьфу, глядеть противно!

Он смотрел на нее с удивлением — такой он никогда ее не знал. Чем боль-

ше она злилась, тем все больше у него опускались плечи. Он виновато разводил руками.

— Хватит тебе, отстань, — морщась, попросил он и, неожиданно для себя, стал жаловаться. — Ты думаешь, мне легко? Много ли их у меня — сыновей-то?.. Скажи на милость... Петя!

Но уж тетя Маша не отставала, заставила его в тот же день ответить, пригласить Николая в Снегири — шофером. Она стояла за его стулом, заглядывала через плечо, муж писал с трудом, отфыркиваясь и качая головой. — Пиши, пиши, — подгоняла она его. — Ишь, отваливается, стыда-совести нет! Семь лет молчал, сейчас можешь долго не думать... отец!

3

Николай ушел из дому девятнадцатилетним парнем. Широкий, доброй стати, он и тогда уже был похож на взрослого человека. Однако, думая о сыне, Агеев представлял себе его хрупким, беспомощным, слабым — почти ребенком. Когда-то, в раннем детстве, у Коли болели глаза. Тщедушный, дрожа от страха, сын в назначенные часы подходил к отцу, в неумелых руках Александра Агеева дрожала пипетка, и, случалось, он колол его мальчика, причинял ему боль... Именно таким — худым, жалким, с вытянутым лицом — Агеев и видел его в течение этих семи лет. Бессонной ли ночью, на работе, в часы досуга — у отца часто замирало сердце, перед его глазами возникал отверженный юнец.

Но вот, после семилетнего перерыва, порог агеевского дома переступил здоровенный человек, в просторной шубе, делавшей его еще более могучим, — и у Александра Агеева отлегло от души. Николай раздался в плечах, окреп, мужественным шагом он подошел к отцу, без лишних слов заключил его в объятья и лишь после этого расстегнул шубу, снял папаху. Волосы сына как бы выцвели, поредели, — намечалась лысинка, — морщины шли вдоль щек к упрямому подбородку, губы были жестки и чуть горьковаты — он много ку-

рил. Вряд ли он злился, помнил обиду.

Взволнованная тетя Маша суетилась по комнате; глядя на нее, томясь, Агеев притронулся к графину.

— С дороги не мешает выпить стаканчик, закусить... как ты полагаешь? — Заправить машину... — ответил Николай и рассмеялся.

Они сидели за столом, мирно, точно и не было долголетней разлуки, беседовали. Водка развязала Николаю язык, он достал свое шоферское свидетельство, показал книжечку — удостоверение. Александр Агеев, расчесывая бороду дрожащими пальцами, с удовольствием оглядывал увеличившуюся семью. В ситцевом платве, румяная, у стены сидела Катя, грудью кормила ребенка. Нежная, красивая, молодая, она смотрела на всех с любопытством, робко косилась на мужа, и такое очарование было в ее фигуре и чуть удивленном, серьезном лице, что Агеевы полюбили ее с первого взгляда. Младенца она называла по-взрослому — Петром (в этом тоже было что-то хорошее), и когда он кусал ей грудь, — глубоко, с перерывами, вздыхала, ее карие глаза останавливались. Она сразу определила свое место в доме Агеевых и уже через час подавала к столу, ухватом, согнувшись, лезла в печь; внимательно прислушиваясь к тому, что говорил Николай, подметала комнату. Закончив работу, она подседа к столу. Александр Агеев взял на руки внука, начал его подбрасывать; молодая мать смотрела на старика с укоризненной улыбкой, не решаясь остановить. Перевязанные веревками вещи Николая все еще лежали в стороне. Уж не думал ли он здесь, в Снегирях, жить отдельно от родителей? Чтобы сразу покончить с этим, а заодно и со всем прошлым, Агеев сказал:

— Ты вот что, Колюшка... Развяжи барахлишко, располагайся, о работе завтра поговорим!

— Ладно, — просто ответил сын.

Потом пили чай с топленым молоком и медом. Петр замолк на коленях деда. Всех клонило ко сну, пора было встать из-за стола. Но Александру Агееву не

хотелось уходить: он все говорил, все слушал...

Следующие дни были еще более счастливыми: рядом с Агеевым выступал рослый человек, до того, очевидно, похожий на отца, что все сразу его узнавали. Николай был остер на язык, разговорчив, с утра до вечера он толкался в правлении, беседовал с людьми. Сидя за перегородкой, Александр Агеев слышал его чуть простуженный голос, смех колхозников, и часто, заложив карандаш за ухо, председатель выходил в общую комнату, охотно присоединялся к беседе. Как никогда, он был весел, оживлен, не скрывал этого, и когда дед Прохор, любуясь Николаем, воскликнул:

— Счастливый ты отец, Александр Агеев! —

удовлетворенно промышчал:

— Да...

Он показывал сыну свою гордость — добрых лошадей, водил его на молочную ферму, где вода подавалась к стойлу каждой коровы. Николай искренно удивлялся, горячо хвалил. Да и в самом деле, было чему удивляться, за что хвалить: Снегири окончательно изменились! Бродя по селу, отец и сын заходили к колхозникам. Избы как бы посветлели, увеличились, вкусно пахло едой, теплом, достатком.

Все хозяйство Агеевых Катерина взвалила на свои плечи. Умиротворенная, тетя Маша сидела с внуком на руках. И, когда, стоя к ней спиной, Агеев слышал ее голос и незамысловатые песни, ему начинало казаться, что она баюкает сына, что вернулась молодость...

Наконец, прибыла трехтонка, отец и сын поехали за нею на станцию. На обратном пути Николай сидел за рулем. Машина неслась по заснеженной дороге, ветер бил в стекло, поднятые автомобилем, подскакивали ледяные комья. И такое ощущение счастья охватило вдруг Александра Агеева, так глубоко студеной воздух проник в легкие, что, точно пьяный, он отвалился в сторону и громко, во весь голос, запел. Потом схватил сына за плечи и, приблизившись к его уху, крикнул:

— Правь, Коля! Правь, как следует, Николай Александрович!..

4

Давно уже Александр Агеев чувствовал себя хозяином бескрайних полей, множества хлеба, ферм, угодий. Он ворочал многозначными цифрами, держал в уме тонны пшеницы, мяса, масла и все комбинировал, прикидывал, считал. «Без автомобиля, как без рук,— говорил он на собраниях колхозникам.— Зарез, чистый убыток». И действительно, в те дни, когда из Снегирей на станцию перебрасывали грузы, село загоняло лошадей, выбивалось из сил, доходило до отчаяния. Все колхозники стали мечтать о машине, автомобиль застал все другие интересы...

В том году зима долго не устанавливалась, дразнила людей. В декабре вдруг растаял снег, полил дождь, нависли молочные туманы. Потом ударили морозы, дорога обледенела. Ждали снегопада, но и он не помог: густой покров не слезался, лошади по брюху барахтались в сугробах, скользили.

В амбарах Снегирей скопились большие запасы хлеба. И как только Москва прислала машину, все свободно вздохнули. Село ожило. Насыпать мешки вызвался, среди других, и сам Агеев. В болотных сапогах, в пропотевшей кофеворотке, он с утра до вечера лазил по сыпучим холмам, лицо его посерело от пыли. В полутемном амбаре сытно пахло пшеницей, под лопатами шуршало верно, густым потоком струилось в мешки. Иногда проносилась мышь — живой комочек, — и девки с хохотом, взвизгивая, кидались на нее... Издали, нарастая, раздавались гудки. Николай от кривал дверь и, ослепленный темнотой, несколько мгновений стоял неподвижно. Легко, почти не сгибая спины, он подхватывал мешок и уверенным шагом направлялся к машине. Помешкав, Александр Агеев также нагружался пятипудовой тяжестью, и, крихтя и покрикивая, чтоб уступили дорогу, выходил из амбара. Розовое солнце било в глаза; искрился снег. Далеко на реке бабы в такт стучали вальками: быстро, потом медленно, потом опять пулеметной дробью...

В эти дни Агееву не сиделось без дела; он вставал за светло, бродил по селу и, оседлав жеребца, скакал по полю. Бодрый от холода, стуча валенками, он входил в избу. В печи, разгораясь, стреляли дрова, вкусно пахло квашеным тестом. В комнате хлопотала Катерина. Сон все еще лежал вокруг ее карих глаз, и Александр Агеев говорил:

— Спала б еще, право, а?

Она почему-то краснела, оправдывалась, тотчас же начинала накрывать на стол.

С давних пор тете Маше чего-то недоставало, она жаловалась на недомогания — настоящие и вымышленные. И только теперь обнаружилось, чего именно ей не хватало: внука! Какие только песни она не распевала, какие истории не рассказывала!

Подпоясавшись полотенцем и усердно работая локтями, под рукойником мылся Николай. На столе, в горячем сале, шипели оладьи.

Дорога все еще была плоха, все чаще автомобиль застревал в пути. Однажды он задержался на несколько часов... То-и-дело открывая дверь, Александр Агеев смотрел вдаль. Едва заметно играла поземка. Не случилось ли чего с Николаем? Не вытерпев, Агеев заложил саночки и поехал ему навстречу.

Фыркая, пригнувшись к снегу, лошадь плелась мелкой рысцой. Следы автомобильных колес широкими лентами чертили дорогу, вели к станции. Уже оборвался сквозной, по-зимнему тоскливый, лесок, вдали показалась яркая, как пламень, водокачка, а Николая все еще не было видно. Потный от волнения, изо всех сил стегая лошадь, Агеев подехал к вокзалу. У пакгауза, вместе с незнакомыми людьми, Николай выгружал из машины какие-то ящики.

— Жив, здоров — и слава богу! — вылезая из саней, воскликнул Агеев.

Он вздохнул с облегчением, ни о чем не думая. И только заметив, как смутился сын, как пятнами покраснели его щеки, понял все... С невиданной быстротой Николай выбрасывал ящики из автомобиля. Покончив с работой, он прыгнул, достал из-за пояса свои

длинные перчатки и стал их медленно натягивать. Так, натягивая перчатки и глядя себе под ноги, он приблизился к отцу.

— Задержался я малость...

— Да,— ответил Александр Агеев.

Немного погодя, он добавил:

— Поехали. За лошадьё я пришлю.

Меняя скорость, пыхтя и подсакивая, автомобиль несся по белому полю. Агеевы сидели молча. Вдруг Николай потянул носом, вытер лицо и рассмеялся.

— Привычка работать налево, — слишком громко сказал он. — Ты извини... председатель! Хотел я малость подработать, вроде как вас — колхоз — надуть.

Отец молчал.

— Если что, — продолжал сын, — за горячее я могу уплатить...

Александр Агеев задохнулся от возмущения.

— Ты думаешь, мне горячего жалко? — резко спросил он. — Мне веры своей жалко!

Николай хотел ответить, Агеев крикнул:

— Молчи!

И повторил несколько раз:

— Молчи, молчи, молчи!

Начиная с этого дня, рядом с Николаем, нахлобучив на глаза шапку и закутавшись в кожу, сидел дед Прохор. Председатель дал ему свои часы, тетрадь и карандаш, велел записывать рейсы. Прохору эта работа была по душе. Неподвижный, он сидел в кабине и гордо смотрел по сторонам. Во время погрузки он выходил из машины, подбоченившись, ругал девок. Потом дул на ливовые, в уздах, руки, дул на тетрадь и, покашливая, важно выводил карандашом палочку.

А Александр Агеев? — Он реже стал шутить с товарищами, чаще хмурил брови, тербил сивый ус. С Николаем он почти не говорил. Зато еще крепче привязался он к Петру; сам купал его в корыте и, шлепая внука по розовым ягодицам, строго приговаривал:

— Расти, брат... расти скорей! Экий ты маленький!

5

Одиннадцатого марта Агеева вызвали в район. Снег таял на-лету, по улицам колхоза неслись звонкие ручьи, и жеребята, за зиму обросшие клочковатой шерстью, игриво пробовали воду резиновыми губами. Уже прилетели грачи, степенно, задумчиво они шагали по облысевшим полянам и беспрепятственно кланялись — вправо, влево. День был мутный, серый. По случаю поездки Прохор густо смазал сапоги, вместо кожаных и шапки надел бобриковое пальто, картуз с блестящим козырьком. Он загодя пришел к Агеевым, охотно подсел к столу, обжигаясь, в прикуску, пил чай.

К районному городу вели две дороги: дальняя — через лес и соседние деревни, и более близкая — через реку. Николай подехал к берегу, остановил машину и, спустившись на позеленевший, с серебряными разводами лед, стал топтаться, пробовать его крепость.

— Выдержит? — важно спросил дед Прохор и сам ответил: — Обязательно должен выдержать!

— Поехали б лесом, — предложил Агеев.

Не отвечая, Николай завел грузовик. Лед потрескивал, слышно было, как под зеленым покровом хлопала вода, выходила из прорубей. Александр Агеев сидел на платформе. Резкий ветер бил в лицо, слепил глаза. Внезапно его швырнуло в сторону. Задними колесами машина погружалась в воду... Открылась дверца кабины, оттуда выскочил Николай.

— Стой, — крикнул Агеев. — Назад!

Но Николай, отбежав небольшое расстояние, остановился и, повернув к отцу искаженное от страха лицо, заорал:

— Спасайся... тонем!

Вряд ли Агеев слышал его. Он спрыгнул с платформы и по пояс рухнул в колючую воду. Тяжелая шуба тянула вниз. Болтая ногами, Агеев сбросил ее и, захлебываясь, рукой ухватился за борт машины. Вода свистела, бурлила, пенилась. Ошалевший от ужаса, в кабине все еще сидел дед Прохор.

— Хватайся за руль, верти,— крикнул ему Агеев.

Грузовик фыркал, стрелял, все больше погружаясь в воду, кренясь на сторону. Онемевшими пальцами Агеев держался за борт автомобиля, кричал — он сам не знал что. Прохор резко повернул руль, передние колеса ожили, и вот, дрожа, как зверь, который выбрался из смертельной опасности, машина быстро покатила вперед. Руками закрыв лицо, на берегу сидел Николай. Услышав шум грузовика, он встал и, шатаясь, вошел в кабину.

— Куда? — спросил он глухо.

— Домой,— ответил Агеев.

... Агеев болел тяжело, долгое время был между жизнью и смертью. Из района приезжали врачи. Тетя Маша сбилась с ног и, в конце-концов, сама слегла. За больным ходила Катерина. Он лежал неподвижно, и порой Кате мерещилось, что свекор скончался. Она прислушивалась к его дыханию. Кровь шумела в ее ушах, она ничего не могла расслышать и, оцепенев от испуга, хватала его за руку. Рука была теплая...

И только когда совсем разыгралась весна и в вишеннике запели соловьи, Агеев стал поправляться. Высокий, сухой, хватаясь за стены и едва волоча ноги, он ходил по дому, сидел в саду. Далеко, в поле, шумели трактора. Улицы опустели, одни лишь дети взапуски гнались по пыльной уже дороге. Кивая пальцем, Агеев звал их к себе, гладил по стриженным головкам, тихим голосом расспрашивал о новостях. Но, должно быть, он говорил не совсем внятно: дети смотрели на него с удивлением, не отвечали. В траве играл Петр, он тоже таранил на деда глаза, надувал щеки и отворачивался.

Однажды Агеев присел к столу, попросил чернил и бумаги.

— Куда вам? — удивляясь, спросила Катя.— Гуляйте на здоровье, поправляйтесь!

Но Агеев мотал головой, настаивал — до тех пор, пока сам не убедился, что совладать с пером он не в состоянии. Горькие слезы бессилия выкатились из его глаз.

— Экий вы, Александр Агеевич... неугомонный,— сказала невестка.— Ничего, бог даст, поправитесь. Давайте я напишу что надо... Я — грамотная, не беспокойтесь!

Он долго не соглашался, кряхтел. Он был слаб, раздражителен, у него кружилась голова. С пером в руке, нагнувшись, за столом сидела Катя.

— Ну-ка,— торопила она его.

И медленно, с трудом, Александр Агеев стал диктовать.

Первые же слова поразили Катю, рука ее задрожала, не слушалась. Потом она отложила перо, руками обхватила голову.

— Александр Агеевич, — изменившимся голосом крикнула она.— Не надо писать прокурору... Вы же отец, простите ему!

Старик не ответил. Вскочив с места, Катерина продолжала:

— Я не говорила вам... в Новосибирске Николай за аварию был осужден на три года... Подумайте, что с ним теперь сделают, отец!

Агеев молчал. Ему трудно было говорить, но, пересилив себя, он произнес:

— Я отец всему колхозу... Не убивайся, Катя, ты с внуком будешь жить у нас.

На родине

Л. ДЛИГАЧ

★

Вокруг лежат бесстрастные снега,
И воздух полон предрассветной дрёмы.
Мне все места окрестные знакомы,
Я узнаю родные берега.
Светлеет небо, и с улыбкой кроткой
Уже встает неяркая заря,
Суров и ясен воздух января,
Высокий дым клубится над слободкой.
На крепких сваях, обращен к реке,
Стоит рыбацкий дом невдалеке,
И облака плывут светло и просто
За кружевами северного моста.
Январский снег сияет на свету.
И окна льдом украшены богато...
Любуюсь домом, стоя на мосту,
Я сам его сколачивал когда-то.
Он вырос вместо хаты рыбака
На сваях—чтоб вода не донимала.
Тут сердца было вложено немало,
Здесь дружкой дышит каждая доска.
Мне помнится снарядов хищный свист,
И каждый в лед врезавшийся осколок.
Горпенко, наш лихой артиллерист —
Рыбак, веселый балагур Мыкола —
Все лето партизанил и зимой
Военную почувствовал сноровку,
За недвижимой и немой рекой
Поставили его шестидюймовку.
Горпенко бил из пушки по врагу,
Засевшему в его рыбацкой хате,
И взвился дым при громовом раскате,
И рухнул дом на левом берегу.

★

Но пуля грудь пробила в ту же ночь
Стрелявшему из пушки человеку,

1938 г.

И труп его несли мы через реку.
Из всей семьи спаслись жена и дочь,
И все село решило им помочь.
Мы, коченея, волочили бревна
Под лютым ветром, дувшим в январе,
Мы дерево остругивали ровно,
Работу начиная на заре.
И я бревно подталкивал плечом
На мертвого поглядывая сбоку,
А он лежал, покрытый кумачом,
В примерзшей лодке, головой к востоку.

★

. . . . .
Уже румяным отблеском зари
Горит окно бревенчатого дома.
Мне все вокруг привычно и знакомо,
Но сколько лет я не был там внутри.
Калитку деревянную откроем,
Окинем взором берега реки,
От огородов повернем налево.
Рассеянные облака легки,
И сладок запах молока и хлеба.
А дочь Мыколы смотрит из окна
На дальние днепровские откосы,
Она назад откидывает косы,
И песня украинская слышна.
Под окнами бревенчатая стенка
Украшена отчетливой стрелой —
«Шлях до колгоспу имени Горпенка».
В саду рычит взлохмаченный и злой
Дворовый сторож волчьего оттенка.
Вода спокойно дышит подо льдом,
Поскрипывает флюгер непрестанно,
Надев пилотку, запирает дом
И в сад выходит дочка партизана.

★

К л а д

ПОЭМА

И. ФЕФЕР

★

Жил высокий, тоньше свечки,
На Подолии еврей.
Тихой поступью в местечке
Шли шаги печальных дней,
Но судьба еврея — мчалась:
Вот и старость постучалась,
А глядишь — и смерть за ней!

Он лежит на смертном ложе.
Кожа высохла на нем,
И стоят, со стражей схожи,
Сын и дочери кругом,
Смерть к нему не подпуская.
День и ночь толпа густая
Суетится за окном.

Он в последние мгновенья
Сына кличет своего.
«Сын, смешны мне сожаленья,
Смерть прекраснее всего,
Боль терпел я год за годом,
А теперь конец невздам:
Прах — и больше ничего!

Сладко думать о кончине,
Не знаять вперед обид...
Сын мой, ты послушай ныне,
Что старик твой говорит.
Я тебе, печаль изведав,
Клад — наследье наших дедов —
Оставляю. Клад зарыт...».

Слабый голос оборвался.
Разом бросившись к отцу,
Сын, как мальчик, разрыдался...
Что же, все идет к концу,
Нищий — жил и умер — нищий...

По заслугам на кладбище
Дали место мертвецу.

Мертвым надобны могилы,
А насущный хлеб — живым.
Сын — бедняк худой и хилый —
Лишь одним теперь томим:
Клад найти, давно зарытый,
Клад найти, отцом сокрытый,
Погребенный вместе с ним.

Он искал его в конюшнях,
В родниках, в траве густой,
В погребах, в колодцах душных,
Под землей и под водой,
Ямы рыл, срубал колоды...
А меж тем проходят годы.
Остается клад — мечтой.

Он кружил, плутал, метался:
Тайну разгадать невмочь.
Если к рекам приближался,
Убегали реки прочь,
Оставляя гниль и тину.
И на сторбленную спину
Влажная ложилась ночь.

Если к лесу приближался,
Превращался лес в золу.
Только дым тяжелый стлался,
Уходя в сырую мглу...
И в обманчивой надежде
Он пускался в путь, как прежде —
Сквозь проклятье и хулу.

Как ни бился, ни старался
Он от ночи до утра,

Если на гору взбирался —
 Превращалась в пыль гора!
 Он в тоске сгибался вечной,
 И казалась бесконечной
 Эта страшная пора.

В старом лодзинском предместьи
 Кто-то в бок его пырнул.
 Он запомнил в Бухаресте
 Бойни бесшабашный гул,
 И Чикаго в день субботний,
 И берлинской черной сотни
 Разрушительный разгул.

Он от края шел до края,
 По земным путям большим,
 Грузы тяжкие вздымая,
 Как мешки с добром чужим, —
 Маклер иль носильщик нищий,
 И почти всегда без пищи,
 Вечно крыши нет над ним.

За любое брался 'дело:
 Здесь — был прахом, там — огнем.
 Семь небес над ним висело
 Вечно запертым окном.
 Волком был он меж волками
 Голубком — меж голубками...
 Так блуждал он день за днем.

Позабыв про клад чудесный,
 Не искал он ничего.
 Корка хлеба с влагой пресной —
 Вот и весь удел его.
 Лишь 'от солнца, от скитанья
 Темных пятен очертанья
 Есть на шее у него.

Он узнал сто океанов,
 Сто земель и сто ветров,
 Сто морей и сто туманов.
 Посетить он был готов,
 Кто б его ни дожидался.
 Но никто в нем не нуждался...
 Вдруг он слышит странный зов:

— Счастье ты искал и волю?
 Их найти не тяжело!
 Знай: твое местечко долю
 На Подолии нашло!
 Нищета навек сбежала,
 И местечко засияло
 И привольно, и светло.

Далеко — но путь не страшен —
 Есть большой таежный край,
 Край лесов и гор, и пашен.
 Наклонись и выбирай —
 Много кладов там зарыто!
 Что ж ты медлишь? Даль открыта:
 Палку в руки — и шагай!

Эй, тайга, встречай приезжих!
 Вот он на горе крутой
 Строит дом из бревен свежих,
 По соседству с высотой.
 В новой вспомнится ль отчизне
 Ад кромешный долгой жизни
 С нищетою и нуждой?

Раз он землю рыл киркою.
 Вдруг — пред ним отец. И взгляд:
 Бросил он, куда рукою
 Указал старик: там — клад!
 Бриллианты дорогие,
 Жемчуг, слитки золотые
 Переливчато блещат.

Он — с отцом умершим рядом?
 Испугался наш еврей.
 А старик стоит над кладом
 И твердит: «Ты спросишь — чей?»
 Спрашивать тебе не надо,
 Ты — теперь владелец клада,
 Так бери его скорей!».

Сын глядел, глядел в просторы...
 Обернулся: где же клад?
 Высоко синеют горы,
 И земля кругом, как сад,
 На леса ложится дрема,
 Недостроенного дома
 Бревна свежие блещат.

Эти запахи лесные
 Широко вдыхает грудь...
 Он сокровища такие
 Видел ли когда-нибудь?
 Он нашел их на Востоке,
 Где, гремя, бегут потоки,
 Где — Амура древний путь

И богатства полумира:
 От Хингана до Десны,
 От Урала до Памира,
 От Азова до Двины,
 И кавказские вершины,

И равнины Украины —
Издали ему видны!

Да, нашел он клад заветный,
Что семье великой дан.
Им владеют Крым приветный,
Грозный Тихий океан,
Приднепровье, поймы Волги,
Край Хибин, где ночи долги,
И родной Биробиджан!

В этом кладе все прекрасно:
Буйной зелени разбег,

Город, строящийся властно,
Серебро немолчных рек,
Слитки золота, что солнца,
Хлеба спелого червонцы
И свободный человек.

Он не спрашивает: чей ты?
Этим кладом — он богат!
И шаги его, как флейты,
На большой земле звенят!
И моя спокойна совесть:
Я на этом кончу повесть,
Повесть про чудесный клад!

*Перевел с еврейского
С. ЛИПКИН.*

★

ПОГОНЯ

РАССКАЗ

И. ГЕХТМАН

★

Они жили на заимке Трехстенной, за Полярным кругом, вдвоем, — человек и собака. И на многие сотни километров вокруг расстилалось безлюдное, пустынное снежное пространство.

Постоянный житель Трехстенной, охотник Бульдига ушел с женой на Медвежьих острова — промысливать белого медведя. Рядом с его жильем, в избушке, над которой всегда вился столбик голубого дыма, обитали молодой пограничник Берестов и овчарка Джурма.

Весной, в начале марта, чукча Ретегрец привез Берестову вместе с провизией, книгами и боевыми припасами приказ начальника поста — оставаться на заимке до лета.

Пограничный пост находился южнее, недалеко от Нижнеколымска. На запад и восток от заимки лежала тундра, населенная кочевыми чукчами-оленьводами, поблизости — на севере — начинался Ледовитый океан.

Холодные дыханье океана, разгулявшись в просторах Восточной тундры, приходило на заимку бешеной пургой, завывавшей по целым суткам.

Вот и сейчас за окном бесилась пурга. Оксиде жалобно позвякивало. Пламя маленькой керосиновой лампочки дрожало, и в углах, на толстом слое белоснежного инея, возникали уродливые тени.

Нужны крепкие нервы, чтобы в такую ночь сопротивляться тоске одиночества.

— Воет, Джурма! — задумчиво сказал молодой пограничник, почесывая собаке загривок.

Джурма посмотрела на хозяина большими умными глазами и преданно лизнула ему руку.

Готовясь ко сну, Берестов наложил доверху времянку сухим плавником, придвинул к топчану, покрытому оленьей шкурой, табуретку, поставил на нее лампочку, положил томик Пушкина. Сняв меховой жидет и оставшись в одних ватных штанах, он начал делать гимнастику, но, не закончив приема, вдруг остановился и удивленно прислушался.

Сквозь знакомую музыку пурги слышалось хриплое ворчанье и фырканье собак.

— Кто же это может быть? — удивился пограничник. — Кто может забрести сюда, да еще в пургу?

Он оделся, осмотрел наган.

Снаружи все явственней слышались ворчанье собак и скрип полозьев нарт, но никто не стучал в дверь или окно избушки.

Берестов вышел наружу.

Возле избы, действительно, стояли нарты с упряжкой из восьми больших амурских собак. Языки у них свисали набок, ребра торчали обручами. Собаки были измучены и, видимо, давно не кормлены. При виде пограничника они начали рваться из постромок, требуя ююлы.

Но самое странное — нарты были пусты.

Берестов внимательно осмотрел нарты. Он заметил на скрепе кусок вырванной валяной шерсти. Седок был в валенках — значит европеец. Чукчи или якуты ходят в торбазах из оленьей или нерпичьей шкуры. Седока, должно быть, выкинуло из нарт.

— Надо искать! — решил пограничник.

Он бросил собакам охапку сушеной рыбы, которую они с жадностью порвали в клочья и проглотили в несколько минут.

Пурга затихла так же неожиданно, как и началась. Под бледным светом луны снежное море переливалось горящими алмазиками.

Берестов вернулся в избу, положил в дорожный мешок сахар, муку, чайник, взял компас, винтовку, широкие охотничьи лыжи, подбитые оленьей шкурой, и положил все это на нарты, вместе с медвежьим тулупом.

Мороз был умеренный — градусов тридцать по Цельсию. Дорога — плотная, убитая пургой. Вокруг луны сияло большое туманное кольцо.

Следы от полозьев давно занесло метелью. Берестов дал собакам свободу, решив положиться на их чутье. Но они не хотели двигаться с места. Пограничник огрел их тяжелым остолом, и они неохотно двинулись на север, по реке.

Потяг шел часа два. У скалистого берега реки собаки сразу остановились и начали кружить вокруг высокого снежного кургана. Берестов всадил остол в снег, затормозил нарты и начал осматриваться. Ничего, кроме занесенного снегом бугра, не было видно, но собаки упорно кружили на месте.

Тогда пограничник начал разгребать снег лыжей и вскоре нашел в снегу человека. Он был в валенках, тулупе, шапке-ушанке, обмотанной пуховым шарфом. Человек не двигался, но был жив. Снежный курган спас его от мертвящего холода.

Пограничник взвалил человека на нарты, гикнул на собак и побежал рядом. На-ходу вскакивал на край нарт, делал

передышку, потом снова бежал за собаками.

В избушке Берестов начал приводить спасенного в чувство. Это был высокий, широкоплечий мужчина средних лет, с крупным носом и квадратным подбородком. Когда Берестов растер его и напоил кипятком, он слабо застонал, пытаясь что-то сказать. Но в груди у него хрипело, kloкотало; он невнятно что-то бормотал.

— Молчите! — приказал Берестов. — Отойдете — расскажете.

Всю ночь он возился с больным, поил его чаем с сухой дикой малиной, растирал руки и ноги, давал лекарства из своей походной аптечки.

Большого трепала лихорадка; потом его прошиб обильный пот, и ему стало значительно лучше.

Придя в себя, больной первым делом хрипло сказал:

— В нартах — спирт.

Берестов принес спирт и налил больному почти полстакана. Мужчина проглотил спирт залпом, запив его водой, крикнул, приподнялся с топчана и начал одеваться.

— Ну, спасибо! — сказал он, благодарно пожимая руку пограничника. — Если бы не вы — пропал бы. Моя фамилия Державин.

Он покосился на военную форму пограничника и спросил:

— Пост или случайно на займку попали?

Путь он держал из Среднеколымска в далекую факторию у Походска, куда ехал по делам Якутторга. В дороге простудился и, ослабев от лихорадки, выпал из нарт на-ходу.

— Погошу у вас денек-два, товарищ, — сказал Державин, — отдохну и пушусь дальше. С факторией неблагополучно. Заведующий, по нашим сведениям, стakнулcя с кулачьем и не дает охотникам-чукчам продовольствия и огнeприпасов. А сейчас самый сезон заготовки пeсца. Надо торопиться...

Берестов был очень рад гостю. Много недель он прожил совершенно один. Изредка приезжавшие на займку чукчи ничего не могли рассказать о далеком родном мире, где цвела радостная и

бурная жизнь. Как часто думал Берестов о родине, одиноко прислушиваясь к вою пурги в тундре!..

Много часов Берестов и гость сидели у жарко натопленной печки и неутоlimо «кепсевали». Хотелось говорить и слушать без конца. Правда, гость никаких особенных новостей не знал. Он сам много месяцев прожил в глухом поселке возле Среднеколымска, но все же от проезжавших по тракту редких путников из Якутска он слышал о том, что творится на Большой земле.

За стаканом чая и куском жареной оленины у печи было уютно, хотелось наговориться на много месяцев вперед, в запас... Гость был человек бывалый: он много видел и знал, партизанил в этих местах, сражаясь против банд Пепеляева и Бочкарева.

— Да, товарищ, — улыбаясь, рассказывал гость: — горячие денечки бывали здесь, в ваших районах. Я вот бывший токарь Владивостокского морского завода, никогда я не думал, что придется мне с винтовкой и на лыжах ходить у самого Ледовитого океана. А смотрите, каким командиром стал! Как раз вот в этих местах гонялся я, помню, со своим отрядом за капитаном Беренсом. Зверь был человек, и отряд его вооружен до зубов. И все-таки мы с одними берданками загнали его с офицерем в виски¹ и перестреляли, как гуся. Два пулемета захватили у них и винтовок на целый отряд...

Берестов с удовольствием слушал рассказы Державина. Все это было интересно, о многом пограничник слышал от своих сослуживцев — старожиллов этого края.

И все же молодого пограничника не оставляло какое-то странное ощущение неуютности. Он внимательно присматривался к гостю и замечал все его повадки. Что-то не нравилось в нем пограничнику.

У Державина были холодные, стальные глаза, в которых то-и-дело пробежал огонек насмешки и отчужденности; под глазами нависали небольшие отечные мешочки; руки были большие, пол-

ные, с веснушками на тыльной стороне. У оснований пальцев на ладонях — пухлые бугорки.

«Нерабочие руки, — подозрительно думал Берестов, наблюдая, как ловко гость работает ножом и вилкой, как он берет самокрутку двумя пальцами, отставляя в сторону мизинец. — Не похоже, чтобы он ими держал токарный инструмент».

Но, когда он навел разговор на знакомую и ему токарную специальность, Державин с большим знанием дела рассуждал о режиме резанья для разных сортов металла, о резцах из победита и американских сверхтвердых сплавах.

«Знает... — подумал Берестов: — Больше знает, чем требуется простому токарю...».

И снова возвращалось к нему подозрение. Но он, не показывая виду, продолжал дружескую беседу.

Вскоре гость совершенно оправился, собаки также отдохнули и откормились, и Державин сказал Берестову:

— Ну, спасибо, товарищ, за ласку. Не забуду вашего гостеприимства. Будем друзьями. Колыма — велика, а человек на человека все ж таки натывается. Встретимся — отплачу. Одолжите мне немного юколы. Остальное у меня имеется.

Он начал собираться в дорогу.

Берестов посмотрел на гостя и, точно вспомнив что-то, сказал:

— Кстати, уважаемый друг, покажите-ка мне ваши документы. Я ведь обязан проверить.

Державин явно смутился. В глазах его пробежал знакомый уже Берестову холодок. Он машинально пошарил по карманам и смущенно сказал:

— Вот ведь история какая! Сумку с документами у меня сорвало, должно быть, при падении. И карта там была ужасно неприятно, но что поделаешь... Искать их не поедешь. Давным-давно снегом, поди, все занесло.

Берестов нахмурился.

— Как же вы без командировочного на факторию-то явитесь? Ведь вас к работе не допустят. Мало ли кто вы такой?

¹ Протоки между болотами.

— Ну, это — пустяки... — небрежно обронил Державин. — Заведующий меня лично знает. Он бывал у нас в конторе.

— Так, так... — задумчиво сказал Берестов, холодно поглядывая на Державина. — А знаете что, товарищ, я ведь вас отпустить не могу. Придется вам пожить со мной здесь еще.

— То-есть как это — пожить? — обеспокоенно спросил Державин. — Что значит пожить? Что ж я у вас до вскрытия Колымы жить буду, что ли?

— Зачем до вскрытия? Поживете недельку, другую, придет чухча с почтой, запрошу сведения на посту о вас, тогда и поедете.

— Да вы что?.. — возвысил голос Державин. — Вы понимаете, что вы предлагаете? Ведь мне дорог каждый день. Мое присутствие на фактории необходимо сейчас.

— Что делать... — спокойно ответил Берестов. — Отпустить вас все-таки не могу.

— Голубчик! — начал уговаривать пограничника встревоженный Державин. — Да вы поймите. Вы спасли мне, конечно, жизнь. Я вам обязан. Но, право же, вы поступаете нехорошо. Не советски. Это же чистейший бюрократизм. Вы подумайте: мы с вами в пустыне, сюда семь лет скачи — не доскачешь. Ну, что во мне может быть подозрительного? Я — старый работник Севера. Меня все здесь знают. Отпустите меня на факторию, потом проверите. Куда я денусь?

Берестов отрицательно покачал головой.

— Да вы же ответите за это! — закричал Державин. — Вы срываете государственный план заготовок пушнины!

— Ну, и отвечу... — упрямо сказал Берестов. — А отпустить не могу.

Гость растерянно сел на скамью. По упрямому лицу пограничника он понял, что просить его дальше бесполезно.

Шли часы. Гость сидел, отвернувшись к окну, и молчал. Берестов тоже молчал. Перспектива провести несколько дней с обиженным и сердитым человеком в тесной избенке мало радовала.

Но отпустить Державина Берестов не решался. Кто знает, что это за человек? Хотя они были почти на самом краю Ледовитого океана, но и сюда мог пробраться враг...

Он посмотрел на Державина, мрачно сидящего на скамье. Этот могучий человек исподлобья осматривал стенки избы, точно искал на них оружия. Огромные кисти рук его были сжаты в кулак.

«Если он враг, — подумал пограничник, — то враг опасный. За ним надо следить в оба».

Неожиданная мысль промелькнула у него. Выйдя из избушки, он разрядил браунинг и вставил в него пустую обойму. Вернувшись обратно с охапкой дров, он бросил ее у печи, потом примирительно сказал Державину, кладя на лавку медвежий тулуп:

— Вы не волнуйтесь, товарищ Державин, располагайтесь спать. Сами понимаете, по правилам я иначе поступить не могу. На пункте быстро установят вашу личность, и вы поедете на факторию. Отсюда недалеко.

Он снял пояс с браунингом и повесил его на гвоздь недалеко от лавки, на которой спал Державин.

Отойдя в свой угол, пограничник наклонился к топчану, спиной к Державину, поглядывая, однако, зорко в маленькое зеркальце на стене, что он будет делать.

Расчет Берестова оказался правильным. У него дрогнуло сердце, когда он увидел, что Державин быстро протянул руку и сорвал с ремня браунинг.

Берестов молниеносно обернулся.

— Стой, красноармейская сволочь! — хрипло крикнул Державин, нажав курок.

Но вместо выстрела раздался сухой треск спуска. Раз за разом нажимал Державин курок, но повторялось то же самое. Поняв, что пограничник обманул его, Державин бросился на Берестова, замахиваясь рукояткой револьвера.

Но он остановился, увидев перед собой дуло нагана.

— Осторожно! — спокойно сказал Берестов. — Мой-то наган заряжен. Сядьте на место и поднимите руки.

Державин выронил бесполезное оружие и опустился на скамью. По лицу его пробежала судорога, на лбу выступили капли пота.

— Так... — продолжал Берестов, не опуская нагана. — Теперь все ясно и без документов. Надевайте шубу и идите вперед.

Державин, как автомат, покорно надел тулуп и вышел наружу.

Берестов шел за ним с наведенным оружием.

— Шлепнешь? — мрачно спросил Державин.

— Пограничники действуют по закону, — ответил Берестов. — Держите в избушку.

Впустив арестованного в избенку охотника Бульдиги, он навесил на дверь замок, потом вернулся, принес несколько охапок дров, спичек, рыбы, воды, хлеба и, заколотив окно досками, подзвал собаку:

— Сторожи, Джурма! — приказал Берестов. — Бежать не пытайтесь, — добавил он. — Джурма перегрызет глотку в два счета.

По утрам Берестов приносил арестованному пищу и дрова. Державин обычно встречал пограничника издевательствами и насмешками:

— Опять хлеб и воду тащишь? Малоизысканное меню для смертника. Спирта давай, молокосос!

Иногда он начинал кричать:

— Радуйтесь, каналы! Торжествуйте! Последнего из могикан поймали! И на чем! На детском трюке! Пустое оружие подсунул. Это — мне, который таких щенков голыми руками давил!

Он с любопытством присматривался к открытому молодому лицу пограничника.

— А знаешь, ведь это ты меня не умом обманул. Детской своей рожей взял. На глупость твою понадеялся...

— Зря кричишь, — спокойно отвечал пограничник, зорко поглядывая, чтобы враг держался на расстоянии. — Я на своей земле — хозяин, а ты — волк на чужой земле. Не я, так другой бы

тебя захватил, все равно. Никуда от нас не денешься. Нас много.

Арестованный становился все тише. Он молча сидел в углу на скамье, большой, угрюмый, с безжизненно висящими длинными руками.

Однажды он сказал Берестову слабым, усталым голосом:

— Послушайте, командир. Присядьте. Я хочу поговорить с вами. Моя песня спета. Вы разоблачили меня. Запираться бесполезно. Я расскажу вам все. Прежде всего я не тот, за кого себя выдал. Я партизанил, но в отрядах... Пепеляева. Короче говоря, я сам и есть капитан Беренс, о котором я вам рассказывал. По образованию я инженер. Мне долго удавалось скрывать свое прошлое, но потом меня раскрыли; я был в ссылке у вас на Севере, на золотых приисках, но бежал оттуда, к несчастью, без оружия. На Анюе я открыл богатое золото в неизвестном районе. Это — не пустые разговоры: у меня есть доказательство. Километрах в пятидесяти отсюда, на Малом Анюе, у меня зарыто пуда полтора золота. Поедете со мной, я укажу вам золото и район. Поверьте мне. Я ни на что не надеюсь и ничего не прошу. Я понял свои ошибки слишком поздно и разоружаюсь до конца. А там делайте со мной, что хотите.

Берестов внимательно слушал.

То, что говорил Беренс, было очень похоже на правду. Пятьдесят километров по хорошей зимней дороге в тихую погоду пройти пустыки. С винтовкой и собакой, на двух нартах, конвоировать безоружного легко. Если там действительно золото, то сейчас же надо будет отвезти арестованного на пост. Кто знает, когда приедут на займку чукчи!

Берестов был молод, отважен, не лишен здорового честолюбия. Какая честь для молодого пограничника — задержать важного преступника, принести золото и сведения о новом золотом районе! Нет, этого нельзя откладывать!

— Я подумаю об этом, — сказал он и добавил, глядя на арестованного, который сидел, обхватив голову руками. — Если вы честно расклинаетесь, то надежда не потеряна для вас.

... В ясный, солнечный день с заимки Трехстенная выехали двое нарт. На передних сидел арестованный, на задних — пограничник. Провизию пограничник предусмотрительно сложил к себе.

За передними нартами бежала Джурма. По первому знаку своего хозяина Джурма готова была вцепиться в седока.

Пограничник, впрочем, не спускал глаз с арестованного. Собаки выехали вскоре на замерзшее русло Малого Анюя и понеслись на восток. Крюк в сторону от заимки был, по словам арестованного, невелик. Время приближалось к полярному дню, солнце стояло высоко над землей и ходило по большому кругу. Оно горело на льду реки фиолетовым пламенем.

В широкой долине, между невысоких скалистых взгорий, арестованный задержал собак и сделал знак остановиться. Собак взяли на прикол. Беренс отсчитал несколько десятков шагов от берега реки и остановился возле небольшого деревца, изогнутого, как вопросительный знак.

— Здесь, — сказал он, беря лопату.

Неглубоко от снежной поверхности, в каменистой мерзлой почве, лопата наткнулась на что-то твердое. Беренс вытащил из земли небольшую консервную банку, с сожалением подержал ее в руках, вздохнул и, молча поставив на снег, отошел на несколько шагов в сторону.

— Вот, — сказал он Берестову, — берите золото!

Уже по весу пограничник почувствовал, что в банке — золото. Открыв проржавевшую крышку, он увидел внутри банки груды самородков и крупных зерен.

— Видите, какие крупные самородки? — сказал Беренс. — Это доказывает, что тут — богатая россыпь. Я думаю, здесь целый золотиносный район.

Сделали привал, пообедали сами и слегка покормили собак — с таким расчетом, чтобы они были голодны и торопились к дому. Назад к заимке двигались таким же порядком. Впереди на пустых нартах ехал Беренс, а за ним —

Берестов. Золото и провизия были уложены на нартах пограничника.

Солнце было еще довольно высоко над горизонтом, когда потяги свернули с русла реки в тундру и взяли направление на заимку.

Тундра тянулась во все стороны унылой белой равниной. Она была почти безлесна. Только кое-где печально возвышались маленькие, изогнутые ветром деревца очень странной формы. Некоторые из них напоминали цаплю, стоящую на одной ноге, другие сгибались почти в кольцо, касаясь облезлой метелкой верхушки снега. Ветер с юга, холодный и резкий, мел лоземку и проникал сквозь одежду. Время от времени Берестов и Беренс соскакивали с нарт и, держась за дужку, бежали, чтобы согреться.

Внезапно собаки остановились и, сбившись в кучу, начали проявлять признаки крайнего возбуждения. Уши у них поднялись, шерсть встала дыбом; собаки второй нарты спутались с собаками первой и жались друг к другу так, что их нельзя было разогнать.

Собаки чуяли что-то необычное, чего-то боялись.

Берестов в недоумении начал всматриваться в даль. Он увидел, что прямо на них мчится стайка песцов. Забыв обычную осторожность, песцы бежали не обычной, зигзагообразной, осторожной походкой. Они шарами катились по тундре, распустив хвосты. Вслед за ними, почти настигая их, неслась стая волков. Волки бежали, высунув языки. Ребристые бока их дымились. Они бежали, ни на что не обращая внимания, по прямой линии, как бы спасаясь от смертельной опасности.

За волками бежали два огромных лося-сохатых. Лоси не спасались от своих смертельных врагов — волков, а будто преследовали их. Обогнав волков, они понеслись дальше.

Все живое население тундры бежало в южном направлении, спасаясь от какой-то грозы.

— Готовьтесь! — крикнул Берестов Беренсу, догадавшись, в чем дело. — Нам тоже надо спастись. Это переселяются олени...

В это время собаки сразу вырвали остолы, тормозившие нарты, и рванули вперед.

Беренс бросился на ближайшие нарты, оказавшиеся нартами пограничника. Берестову не оставалось времени думать. Он едва успел вскочить на другие.

Собаки неслись напрямки, со скоростью товарного поезда. Седоки лежали на нартах плашмя, ничком, уцепившись руками за борта и просунув ноги под обочины, всеми силами стараясь регулировать телом наклон нарт, чтобы не вывалиться из них.

Берестов знал, что такое массовое переселение оленей. Чукча Ретегрец рассказывал ему, как гигантские стада диких оленей, в несколько десятков тысяч голов, спасаясь от голода или болезней, стихийно устремляются на новые пастбища. Повинуясь инстинкту и сигналам вожаков, они слепо мчатся вперед живой лавиной, не останавливаясь до тех пор, пока не примчатся на новые пастбища, расположенные иногда за сотни километров от старых. Горю живому существу, которое попадет на пути этой лавины.

Берестов приподнял голову и всмотрелся с тревогой в горизонт. Вдали, перпендикулярно к линии движения нарт, виднелась туманная полоска. Олени приближались. Уже можно было различить лес ветвистых рогов.

«Проскочим или нет?» — тревожно думал Берестов, всматриваясь в приближающуюся опасность. До края стада оставалось немного. Главная масса оленей двигалась северней. Удастся ли собакам пробежать несколько сот метров, прежде чем олени настигнут их? Нарты Беренса ушли далеко вперед, и им угрожала меньшая опасность.

Лавина оленей приближалась.

Берестов крепче уцепился руками и ногами за обочины нарт. Собаки мчались, напрягая последние силы. Слышался уже храп и фыркание стада. Берестов опустил голову и зажмурился...

Вдруг он почувствовал сильный толчок. Его окутала снежная пелена, и сквозь визг собак и храп оленей он почувствовал, что нарты взлетают вверх

и его бросает на гребень снежной волны.

Берестов очнулся в снежном сугробе. Сколько времени он пролежал, он не знал, но первым его ощущением было прикосновение к лицу чего-то теплого и мягкого. Стоявшая над ним Джурма облизывала его. Ощупав руки и ноги, Берестов убедился, что он остался невредим, и сделал попытку подняться. Невдалеке от него лежали сильно помятые нарты. Одна из собак была мертва.

Весь снежный покров тундры, насколько хватал глаз, был изрыт копытами, кустарник был поломан и раздавлен. Лавина оленей промчалась вперед.

«Где же Беренс? — с тревогой подумал Берестов, осматриваясь по сторонам. — Ведь он наверняка проскочил раньше стада».

Он смотрел во все стороны, но не было видно ни нарт, ни следов их.

«Бежал с золотом и провизией!».

Ужас охватил пограничника.

«Упустил бандита с золотом! Сам помог ему!».

Он сидел на снегу, и ему было до того досадно, что хотелось плакать. Подошла Джурма, взглянула на хозяина и, словно поняв его состояние, подала легкий голос.

Пограничник быстро встал.

Он поправил слегка помятые нарты, впряг собак и задумался.

Куда мог двинуться Беренс?

Если бы он хотел вернуться на заимку, то, конечно, разыскал бы Берестова. К югу лежала бесконечная тундра, где на сотни километров не было кочевий и поселений. Значит, он мог пойти только на восток, по единственному пути — руслу Малого Анюя в сторону Чаунской губы. Там он мог рассчитывать с помощью кулаков-чукчей пробраться по побережью к Уэллену, а оттуда — к Берингову проливу. Путь трудный, рискованный, но случаи такие бывали.

Берестов медленно ехал по краю взрытого снежного поля, тщательно осматривая местность и разыскивая следы. Джурма шла впереди, опустив голову и приплюсываясь к снегу. Но вол-

на запахов прошедших зверей сбивала собаку с толку. Она бросалась в стороны, вертелась на месте и с недоумением смотрела на пограничника, как бы приглашая помочь ей.

В нескольких сотнях метров от места падения Берестов увидел на снегу помятого стадом олененка, пуда в два весом. Он был еще жив, но не мог двигаться. Обрадованный пограничник пристрелил его и освежевал тушку. Пищей он был теперь обеспечен.

Он решил немедленно начинать погоню.

— Хак! — крикнул пограничник, и собаки рванулись на север по старому пути, к руслу Анюя.

Мало-мальски проезжие дороги в низовьях Колымы идут почти исключительно по руслам рек. И никто не сможет идти в дальний путь, минуя человеческие поселения.

Берестов двинулся Восточной тундрой, к чукотским кочевьям. Когда миновали обдую ветром полосу, в ложбинке Берестов заметил следы полозьев. Присмотревшись, он сразу узнал свои нарты, одна из полозьев которых была обтерта. Узнал он и следы собак Беренса по количеству. След был довольно свеж. Нарты прошли немного часов тому назад.

Берестов повеселел. След найден — преступник не уйдет. Правда, догнать его не так просто. Собак у Беренса больше, и они лучше, чем в потяге Берестова. Но, в конце-концов, это вопрос времени. Так или иначе, Берестов найдет его.

Поздно ночью, при свете луны, одинокие нарты все еще шли по устью Анюя. Собаки притомились. Они с трудом тащили сани, хотя Берестов часто соскакивал и шел рядом.

Время от времени пограничник находил следы Беренса. На льду виднелись кровавые следы. Берестов догадался, что собаки Беренса сбили лапы. Рядом с лапами пошли крупные следы валенок. Беглец тоже давал передышку собакам. Но он должен был где-то вблизи устроиться на отдых.

И, действительно, вскоре у крутого берега пограничник нашел привал Бе-

ренса. Беглец был опытным таежником. Пограничник определил это по умению, с которым он сложил костер.

Берестов раздул тлеющий огонь, дал собакам оленины и начал жарить на углях оленину для себя. Соли не было, котелок также остался на уведенных нартах, и Берестов снова, в десятый раз обругал себя дураком и растяпой за то, что допустил оплошность, дал уйти преступнику с припасами и золотом.

Он завернулся в тулуп и прилег возле огня. Несколько часов сна освежили его, собаки также отдохнули. С первыми лучами солнца Берестов двинулся дальше.

К вечеру местность изменилась. Тундра по берегам реки начала принимать гористый характер. Появились невысокие сопки — отроги какого-то горного хребта. Сверившись по карте, Берестов понял, что он едет уже по Чукотскому национальному округу. Вскоре должны были появиться редкие кочевья оленьих чукчей.

Оленьих чукчей называют «чаучу», что значит «богатые оленями».

Джурма, довольно уверенно шедшая все время по следу, снова начала сбиваться и закружила. Берестов понял, что они приближаются к кочевью. Следы оленей пугали собаку.

Местность стала еще более гористой. Приходилось пробираться по расщелинам и небольшим вискам. Берестов знал, что здесь идут притоки Анюя — Россомашья, Погындын, Лярке, но не мог определить точно, где они находятся.

Впрочем, он полагался больше на чутье ездовых собак, чем на карту. Собаки почувствовали близость жилья, отдыха и юколы. Они прибавили ходу, насадея на вожака и злобно хватая за ляжки отстающих соседей по упряжке.

За небольшой сопкой, в ложбинке пограничник увидел кочевье. Там стояли четыре большие яранги, покрытые дублеными оленьими шкурами.

Над входом самой большой яранги висела костяная лопатка, выделанная из кости кита, и что-то вроде небольшого вымпела из клочков оленьей шерсти. Это был знак принадлежности владель-

ца яранги к знатному роду, — может быть, к шаманскому.

На собачьей фыркanye и лай Джурмы из яранги вышла высокая, стройная женщина в меховых штанах, в корсаже из замши, с широкими, развевающимися по ветру, рукавами.

Она помогла Берестову распречь собак, принесла им юкoлы и проводила пограничника в ярангу.

Посредине довольно большой, холодной яранги был развернут полог, затянутый сверху донизу, со всех четырех сторон, добротными оленьими шкурами.

В центре этого полога, образующего как бы теплую комнату внутри яранги, стоял большой черный камень, возле него горела выдолбленная в плоском камне свeтильня, налитая нерпичьим жиром. Фитилем служил пучок высушенного мха.

В пологе было жарко и душно; он был битком набит людьми, полуодетыми мужчинами и женщинами. На камне важно восседал пожилой чукча с орлиным носом и мрачными глазами. Он держал в руке бубен и сурово посмотрел на вошедшего пограничника.

Рядом с ним на шкуре сидел немолодой чукча с обрюзгшим лицом. Он привлек к себе внимание Берестова своим важным видом и необычным костюмом. Прямо на голое тело чукчи был натянут красный фрак, на черных взлохмаченных волосах красовался красный цилиндр. На голом животе висел большой американский морской бинокль.

— Привет тебе, мель гетанг¹, — сказал пограничнику человек во фраке. — Садись к нашему огню, будешь гостем. Ты пришел в добрый час.

По тому, с каким почтением относились к владельцу красного фрака люди в яранге, Берестов понял, что это — хозяин, почтенное лицо, может быть, «нут-эрем» — «хозяин этой земли», то есть неофициальный старшина рода, предкам которого принадлежала безраздельная власть над оленьими чуками.

Хозяйка принесла гостю лепешку из белой муки, полученной, очевидно, в

фактории, и нечто вроде плова из оленьей крови, мяса и оленьего желудка. Сверху лежал особенно лакомый кусочек — олений глаз.

Берестов с тревогой смотрел на блюдо. Хотя он привык к чукотским кушаньям, но никак не мог побороть в себе отвращение к таким деликатесам, как глаз. Однако ему не хотелось показывать себя невоспитанным человеком, отказавшись от угощения.

Закусив, Берестов достал табак и предложил всем. Все закурили, не исключая и женщин.

Чукчи докурили трубки и, видя, что гость не расположен говорить, заговорили все сразу.

Человек в красном фраке крикнул:

— Кляуль (человек) будет бить бубен!

Наступила тишина. Пожилой чукча, с орлиным носом и мрачными глазами, поднял руку с бубном и несколько раз прокричал:

— Eoel Eoel Eoel!

И все находящиеся в яранге повторили это слово. Так называется по-чукотски ветер.

Шаман бросил в свeтильню горсть пахучей травы, от которой в пологе поплыл легкий дурманящий запах, и начал камлание.

Послышалось приятное бормотание бубна. Этот несложный инструмент в руках опытного шамана проделывал чудеса. Он то тихо мурлыкал, как сытый кот, то вздыхал, как усталая женщина, то ворчал, как горный ручей, и, усиливая звук, рокотал, как волны в прибой.

Сидящие в пологе при этом грозном рокотании вздрагивали и в страхе прижимались друг к другу.

Шаман уже не сидел на камне. Он, лежа на шкуре, извивался всем телом. Потом он приподнялся и хриплым гортанным голосом начал что-то кричать.

Берестов прислушался.

В числе понятных ему слов он все чаще слышал слова «красная армия», «мель гетанг», культбаза, фактория, кооператив. Шаман агитировал чукчей, убеждая их не иметь дела с факторией и не отдавать детей в школу.

¹ Мель гетанг — человек огня, русский.

Все затихли. Человек во фраке под-дакивал шаману и одобрительно кивал головой. Шаман, с которого градом капился пот, неожиданно умолк и вдруг ударил какую-то веселую песенку.

Гости развеселились, заулыбались и начали подсовывать шаману кисеты, кучки табака, спичек, кореньев. Все это шаман аккуратно клал под шкуру, на которой сидел.

Камлание кончилось.

Берестов понял, что старики-гости играли в одну руку с хозяином и шаманом. Молодежь молчала.

— Я ваш друг, — сказал, вставая, пограничник. — Советское правительство послало нас сюда, чтобы защищать ваш мирный труд, чтобы охранять вас от злых людей, которые раньше забирали ваши богатства. Смотрите, у вас — белый хлеб, сахар, чай, патроны с фактории, на побережья выстроены школы, где живут ваши дети, к вам приезжают врачи, на Чукотку приходит все больше пароходов и везут все больше товаров и продуктов, чтобы чаучу жили богаче и веселей. Все это сделала советская власть, которая заботится о всех своих детях. Я преследую врага советской власти, злого человека, который хочет зла государству и, значит, вам. Он большой, сильный человек, он должен был сегодня утром проехать здесь. Видели вы такого человека?

Гости молчали, поглядывая на хозяина.

Человек во фраке сказал:

— Мы не знаем, кто добрый, кто злой. Все люди добрые, если они не обижают нас. К нам очень редко приходят белые люди. Раньше к нам приезжали американцы. Они тоже были хорошие люди. Они давали нам огненную воду. Видишь? — Хозяин показал на свой фрак. — Эту одежду мне тоже дали американцы.

Он выпрямился и стал над огнем светильни, торжественный в своем цилиндре, с биноклем на голом животе.

— Сколько же взяли американцы с тебя за это? — не удержавшись от улыбки, спросил Берестов.

— Я дал им две шкуры белого медведя, двадцать псов и десять оленей.

Но зато во всей стране чаучу нет ни у кого больше такой одежды, как у Мимая.

Мимай пристально осмотрел всех присутствовавших в яранге и, обращаясь к пограничнику, добавил:

— Я видел человека, о котором ты спрашиваешь. Он тоже хороший человек, потому что он подарил нам спирт и табак. Он был нашим гостем, а гости — наши друзья. Я дал этому человеку оленей и помог ему ехать туда, куда он должен ехать.

Берестов вскочил:

— Куда он поехал?

Все молчали. Мимай быстро ответил пограничнику:

— Он поехал туда, где рождается солнце, на восток, к реке Чауну. А куда он держит свой путь, я не знаю. Наш обычай не позволяет спрашивать гостей, куда они едут.

Берестов посмотрел на сидящих в пологе. Старики качали головой и говорили: «Кайво»¹.

Молодые молчали.

Это было подозрительно, но Берестов подумал, что обычай не позволяет молодежи вмешиваться в разговоры старших. Да к тому же такой маршрут беглеца казался правдоподобным. Он мог попытаться двигаться по реке Чауну к Ангулеме и оттуда к Берингову проливу и Аляске. Правда, путь этот нелегкий и на него мог решиться только человек большой выносливости, с большим таежным опытом. Но Беренс был именно таким человеком, да и выхода другого у него не было.

— Хорошо, — сказал Берестов, — дайте мне упряжку оленей и каюра. Я должен догнать этого человека. Государство заплатит вам за все. Я дам вам квитанцию, и фактория выдаст вам табак, чаю, муки, патронов и всего, что вам надо.

Мимай отрицательно покачал головой.

— Я дам тебе оленей и провизии, — сказал он, — но каюра нет у нас. Мужчины ушли на охоту, другие должны идти пасти оленей.

¹ Правда.

— Хорошо, — сказал Берестов. — Я поеду сам. Утром рано я уеду.

Гости начали расходиться, но в пологе оставалось еще много мужчин и женщин, — легли почти вповалку. Берестов пристроился к самому краю полога и приподнял слегка снизу оленью шкуру, чтобы впустить в палатку струю свежего воздуха. Он тотчас же заснул глубоким сном, но, спустя несколько часов, на рассвете внезапно проснулся. Ему показалось, что кто-то тянет его за руку.

Затем приподнялась снизу шкура полога и кто-то зашептал ему в ухо:

— Тише, я — Кеселен, твой друг. Слушай.

Берестов просунул голову под полог и увидел лежащего в холодной яранге молодого чукчу, присутствовавшего вчера на камлании.

— Слушай, красная армия, — сказал Кеселен. — Чукча любит мель-гетанг... Мы знаем, вы хотите хорошего чукчам. Нут-эрем — лживая собака. Он сказал тебе неправду. Высокий человек уехал не на восток. Он поехал на север, по реке, — туда, где большой остров. Там живет старый шаман, брат Мимая.

— Спасибо, Кеселен! — прошептал пограничник. — Ты настоящий друг, товарищ. Иди со мной каюром.

— Нельзя, — тихо ответил чукча. — Старики не дадут мне оленей и сделают мне плохо. Но ты поезжай. Когда я пойду к оленям, я приеду к тебе, — туда, где река приходит в море.

Кеселен уполз. Светало. Берестов больше не мог спать. Ему стал понятен план Беренса. Беглец хотел скрыться, пустив преследование по ложному следу. Дойдя до пустынного острова Айона, он рассчитывал отсидеться там до лета, а потом, с помощью шамана или кулаков-чукчей, уйти на байдарках к Берингову проливу или, может быть, попасть на случайно забредшую в советские воды шхуну хищников.

Пограничник развернул карту.

На остров Айон беглец мог попасть по единственной дороге — руслу реки Большой Вароники, впадающей в Ледовитый океан. Рано утром Мимай, сняв с себя фрак, служивший ему, видимо,

только для праздничных выходов, привел пограничнику двух оленей и нарты, нагруженные провизией. Он сам проводил Берестова и указал ему направление, по которому якобы уехал Беренс.

Проехав по этому направлению несколько километров, пограничник повернул на север, к реке Большой Вароники.

Река служила хорошим проводником. Идя вдоль русла реки, Берестов должен был выйти к побережью океана неподалеку от острова. Это был единственный верный путь. Вокруг тянулись горные хребты, расщелины, глубокие снежные завалы, и вряд ли беглец осмелится двинуться другим путем.

Целый день олени шли по руслу. Чтобы собака не сбила ног, Берестов надел ей маленькие чулочки из меха оленьего выпорotka, и Джурма мягко ступала по снегу, неумоимо следуя за быстро несущимися оленями.

Резкий южный ветер выдул следы на дороге, Джурма не могла найти их. Прошедшая ночью легкая метель покрыла дорогу белой пеленой. Надо было идти вслепую до самого океана, доверившись счастью.

«А что, если и Кеселен соврал? — тревожно подумал пограничник. — Что, если он указал мне неверное направление, подчиняясь приказу Мимая?».

Но, вспомнив открытое, честное лицо молодого чукчи, Берестов решил, что от него нельзя ожидать такого коварства.

Ночевал пограничник в снегу у костра, возле опрокинутых нарт, тесно прижавшись к Джурме. Оленей он пустил копытить ягель, а рано утром долго искал их, пока нашел на склонах небольшой сопки.

Ночью доехали до устья реки. Русло здесь расширялось и сливалось с прибрежной тундрой. Подул сильный ветер с моря. Открылся океан, скованный льдом и снегом. Отливы торосили льды и выбивали их наверх широкими голубоватыми валами.

Итти по такому льду на оленях невозможно. Олени не пройдут и нескольких километров.

Переночевав возле устья, Берестов на рассвете двинулся по побережью на во-

сток, разыскивая самое узкое место проливчика.

Он ни на минуту не оставлял мысли о преследовании преступника и готов был на лыжах, в сопровождении собаки, пуститься в опасный и тяжелый путь по льду океана.

В каком месте беглец начал переправу? Можно было затеряться в бесконечном лабиринте льдов и уйти по ложному направлению.

— Ищи, Джурма, ищи! — взмолился пограничник.

И, точно почувствовав его тревогу, Джурма подала голос и начала рваться куда-то вперед.

Берестов взял ее на ремень и пошел за ней.

Вскоре он увидел, что по берегу движется пара оленей и нарты со стариком-чукчей.

Пограничник сразу догадался, что это каюр Беренса, данный ему Мимаем.

— Доровал! — сказал чукча и приостановил оленей, с любопытством смотря на Берестова.

— Где большой белый человек? — сразу спросил Берестов.

Чукча смутился.

— Говори! — строго приказал пограничник. — Это — плохой человек. Я должен найти его.

— Человек пошел туда, — тихо сказал чукча, указывая дорогу.

— Когда ушел человек?

Из объяснений старика пограничник догадался, что Беренс ушел по льду примерно три часа тому назад.

— Встретишь Кеселена, — сказал Берестов, — скажи ему, что мои олени будут там, возле скалы. Видишь?

Чукча кивнул головой, пустил оленей и вскоре скрылся из виду. Берестова охватила лихорадка нетерпения. Враг был близко, и надо было во что бы то ни стало догнать его до наступления темноты. Он привалил нарты и часть продовольствия к скале, распряг оленей и пустил их пастись. Сам же, сложив часть продовольствия, спички, немного плавника для костра в мешок, приладил его за спину, проверил винтовку, стал на лыжи и смело пустился в путь через пролив.

Предприятие было не безопасное. Один в просторах Ледовитого океана, руководствуясь только компасом и чутьем собаки, Берестов должен настигнуть сильного, отчаянного, готового на все врага. Но Берестов не колебался ни минуты.

Путь по льду был тяжел и опасен. Под обманчивым спокойствием снега таилось много неожиданностей: то скрытая трещина — разводье между мелким льдом, то пробитая нерпой лунка во льду, на которой можно сломать лыжу. Часто на пути пограничника возникала гряда ледяных скал, — через них надо было карабкаться ползком, сняв лыжи.

Джурма шла впереди, мягко ступая по льду меховыми чулочками. Она чувствовала опасные места и не раз останавливала пограничника тихим предостерегающим ворчаньем у края небольшого разводья, где только-что исчез подо льдом тюлень.

Погода благоприятствовала погоне. День был холодный, но ясный и солнечный. Видимость была прекрасная; далеко, в голубоватой дымке, можно было различить чуть приподнятый над ровной снежной пеленой пролива берег острова Айон.

Но следов беглеца обнаружить не удавалось.

Измученный тяжелой дорогой, пограничник сделал привал. Растянувшись под ветром на снегу, он прижал к себе собаку.

Вдруг собака насторожилась и рванулась вперед. Держа ее за поводок, Берестов взобрался на вершину ледяного вала, прилег за небольшим выступом и посмотрел в бинокль.

В резко очерченном овале, розовеющем под лучами клонящегося к закату солнца, ясно виднелась человеческая фигура. Человек, сгорбившись под тяжестью дорожного мешка, шел на лыжах к северу, к берегам острова.

Человек был утомлен. У него сгибались колени, носки лыж зарывались в снег. Но упорно, не останавливаясь, он шел вперед и вперед.

Усталый пограничник при виде врага почувствовал новый прилив энергии.

Держа за поводок собаку, он пошел за беглецом, прибавляя ходу. Так они прошли больше часа. Пограничник не упустил из виду преступника, наблюдая за ним в бинокль. Но расстояние между ними почти не сокращалось, хотя пограничник нажимал изо всех сил. Беренс прекрасно ходил на лыжах.

Солнце двигалось все дальше к горизонту. Скоро стемнеет, и в сумраке будет трудней догнать преступника.

Джурма рвалась вперед, пытаясь тащить за собой сдерживающего ее Берестова.

Вдруг пограничник заметил в бинокль, что беглец остановился. Он напряг зрение и вскоре догадался, в чем дело. Беглец сломал лыжу. Было видно, как он снял вторую лыжу и, повесив ее и обломок за спину, побрел дальше к узенькой полоске берега.

«Упорный!..» — подумал пограничник.

Теперь он не сомневался, что скоро настигнет его.

Он прибавил шагу. Расстояние начало заметно сокращаться. Вскоре беглеца можно было рассмотреть простым глазом. Собака рвалась к нему, но пограничник держал ее, не желая подвергать опасности.

В это время беглец обернулся и заметил погоню. Он посмотрел на солнце и с досадой махнул рукой.

Он, видимо, рассчитывал скрыться от преследования в темноте. Но солнце стояло высоко.

Беренс остановился и смотрел, как сокращается расстояние между ним и пограничником.

Вдруг он быстро свернул в сторону и скрылся за длинным ледяным валом.

«Нет ли у него оружия? — подумал пограничник. — Мимай мог дать ему и ружье».

Из осторожности он пошел стороной, прячась за торосами и снежными сугробами.

Пограничник не ошибся. Когда он подошел на близкое расстояние к ледяному прикрытию Беренса, раздался выстрел, и пуля ударила в лед, недалеко от Берестова.

— Берданка, — определил пограничник и снял винтовку. Он также спрятался за ледяной бруствер и, осторожно выглядывая оттуда, искал место, где прятался враг.

Время от времени Беренс стрелял.

Пограничник, лежа на льду, обвязав вокруг пояса ремень, на котором была привязана Джурма, отвечал ему выстрелами из винтовки.

Подкравшись поближе к прикрытию врага, Берестов крикнул:

— Сдавайтесь! Сопrotивление бесполезно!

— Убирайся к дьяволу! — послышалось из-за тороса. — Живым ты меня все равно не возьмешь. Кто-нибудь из нас тут останется.

И снова слышались выстрелы. Беренс стрелял зарядами на медведей — жаканами. Пули ударились в лед и сильно рикошетили. Берестов отвечал выстрелами из винтовки.

Эта перестрелка грозила затянуться до темноты. Беренс устроился по всем правилам военной тактики, залег в настоящие ледяные окопы, и выбить его оттуда было не так просто.

Тогда Берестов прокрался до самого края льдины, за которой скрывался враг, и тихо приказал собаке:

— Бери его сзади, Джурмочка! Только тихо!

Собака поняла пограничника. Осторожно припадая к снегу, она начала красться в обход врага. Берестов прикрывал нападение усиленным обстрелом из винтовки, прислушиваясь к тому, что творится у противника.

Ждать пришлось недолго. Он вскоре услышал хриплый лай Джурмы и проклятия захваченного врасплох Беренса.

Тогда Берестов кинулся вперед.

Перескочив через ледяную грядку, он увидел, что в нескольких десятках саженей от него Беренс борется с собакой. Собака свалила его с ног мощным прыжком и рвала ему правую руку, из которой выпала винтовка.

Беренс пытался левой рукой достать из-за пояса нож. Пограничник бросился к врагу, опасаясь за жизнь собаки. Беренсу удалось сильным ударом отбросить от себя собаку. Он схватил левой

рукой мешок, где лежала банка с золотом, и отбивался им от собаки. В то же время он двигался к небольшой проруби, находившейся в нескольких шагах от него.

При виде приближавшегося пограничника Беренс хрипло крикнул:

— Будьте вы прокляты! Все равно живьем вы меня не возьмете. И золота вам не видать.

Он бросился к проруби. Собака повисла на нем. Беренс катился к проруби вместе с собакой, не выпуская из рук мешка с золотом и стараясь ударить собаку ножом.

Тогда Берестов подскочил к нему и выстрелил в него из нагана. Беренс вскрикнул. Раненный, он все еще не выпускал золота и продолжал ползти с ним к полынье.

Но, не доползя нескольких шагов до края, он раскинул руки и затих.

Берестов оторвал от лежащего собаку и осмотрел его. Беренс был мертв.

Измученный, тяжело дыша, пограничник сел на снег, у ног убитого врага, и

долго смотрел на большое тело, беспомощно раскинувшееся у воды. Потом снял шапку, вытер пот со лба и оттащил тело в ледяной окоп, отметив место.

Всю ночь шел он при свете луны по проливу. Развести костер было нечем, и он боялся замерзнуть на снегу. Тяжелый груз золота придавливал путника к земле, иногда казалось — не дойти. Но, отдохнув, пограничник снова взваливал мешок на спину и упорно двигался к берегу.

Полумертвый от усталости, волочась на ремне за собакой, добрался Берестов утром к привалу.

На привале горел костер, и на рогулке висел большой закопченный чайник. Возле него стояла оленья упряжка и сидел, широко улыбаясь, Кеселен.

— Дорова! — сказал Кеселен. — Я пришел.

— Спасибо, товарищ! — благодарно пожал ему руку пограничник, — отдохнем — и обратно.

Конопля

Глава из поэмы «ЩОРС»

О. КОЛЫЧЕВ

★

Конопля, ты, конопля,
Украинская земля!

От зари и до зари
Пусть спивают кобзари,
Как на этой на земле,
В этой самой конопле,
Колошматили на славу.
Иностранную державу.

Тополевый лист пожелк,
Рой летел за роем.
Сто седьмой ландверный полк
Шел сомкнутым строем.

Приютился на краю
Черной балки хутор.
Расстреляли мать мою,
По-немецки — «мутер».

Нагрузили сто подвод
Крестьянского лиха.
Отделился конный взвод
И поехал тихо.

А селяне мигом — в лес,
Чтобы кликнуть Щорса...
— «Мол, обрезов-то в обрез
И патронов горстка»...

Зашумел зеленый гай:
«Друг, Микола, выручай...».
Едут немцы...
А поля
Славят лето бабье,

И играет конопля
Золотою рябью...

Конопля, ты, конопля,
Украинская земля!

И густа, и высока,
Человеку —
до виска...

Вдруг...
из этой конопли
Раздалась команда: «Пли!».
И по немцам — невидимка —
Застрочил родной «Максимка».

Завязалась перестрелка...
Прямо в лоб,
в глаза,
в висок
Пули брызнули, как сок
Красной вишни — скороспелки...

Щорс командует:
«Вперед!».
А за ним, куда ни ринься,
Прет с оружием народ,
Прут лихие украинцы.

У любого —
сердцу люб —
Конопляный ус и чуб
И саженого размаха
Конопляная рубаха.

Конопля, ты, конопля,
Украинская земля!

Немцы спешили с коней,
В коноплю забрались,

И сидят тихонько в ней:
— «Дойтшланд юбер аллес!».

Только касок острия
В конопле маячат.
Пулеметная струя
С перестуком скачет.

В кайзеровы шишаки —
Красный пулеметчик,
Как пожарный из кишки,
Кроет что есть мочи...

— «Эй, пожарники¹, вперед».
Щорс команду подает.

Слева — полевой бинокль,
Справа — сумка полевая.
Он на «Люис» приналег,
Кипяточком поливает...

Конопля, ты, конопля,
Украинская земля!

Шли Украину покорить,
Да расстроились все планы.

---

¹ «Пожарники» — пулеметчики. Любимое выражение Н. Щорса.

Укротили немцев прыть
В Украине конопляной.

От зари и до зари,
На майдане, на базаре,
Пусть спивают кобзари
Думки ясные, кобзарьи, —

Как саксонцев в конопле
Парубки ловили,
Как баварцев брали в плен
Средь дорожной пыли..

В украинское село
Не захочется еще раз!
По тридцатое число
Всыпал им Микола Щорс.

Конопля, ты, конопля,
Неприступная земля!

Стой, красуйся и цвети
Пышным желтым цветом.
Немцам встала на пути,
Встань пред целым светом!

Ты чужого никого
В край наш не пропустишь,
Но укроешь своего
С материнским чувством!

ДНИ ЮНОСТИ

РАССКАЗ

Н. МОСКВИН

★

1

Восемнадцать юношей, посланные на юденический фронт с военно-инженерных курсов, прибыли на боевой участок ночью. Низкорослый, с потушенными огнями паровоз, сдерживая дыхание, сунул вагон куда-то в сырую темноту петроградских лесов и неслышно ушел обратно.

Разбудили выстрелы.

С озорными криками: «Стреляют! Во, бахают!», в которых слышалась важность нового, неизведанного дня, курсанты — кто в чем был — полезли на крышу своей теплушки.

В морозном бледноглубом небе возникали розовые букетики дымков. Юденическая шрапнель рвалась так высоко над железнодорожным полустанком, что все это казалось увеселительным зрелищем.

— Во, дают! Во, здорово! — приговаривал Леша Лапин, впиваясь в бинокль.

— Красиво! — поддакнул Витя Сегалов.

— А вот эта-то... Брызнула как!

У Лапина стали отнимать бинокль, — что за свинья! — всем хотелось видеть ближе, яснее.

... Они были еще мальчики, эти восемнадцать курсантов — дети московских рабочих и интеллигентов. Еще и года не прошло, как они слезли со школьных скамей. Многие пошли добровольно на командные курсы, вместе

с теми, кто шел по призыву. Но и те, и другие видели фронт в первый раз. Еще оставалось четыре месяца до окончания военно-инженерных курсов, когда пришел приказ отправиться на фронт. Из всех других курсантов — саперно-строителей, электротехников — ехали только они: минно-подрывники.

Они ходили в тот день — в день получения приказа — подтянутые, особенно ловкие, важно-молчаливые. Каптенармус, отвешивая пайковый черный хлеб, давал им горбушки — без спора, охотно. Парикмахер стриг их вне очереди. Повар опускал черпак на дно котла, чтобы зацепить побольше разваренной воблы. Их освободили от нарядов, дали увольнение в город.

И вот он — фронт!.. Он рисовался в вагонных ночах, как страна подвигов и мужества. Виделись мосты в тылу белых, которые они, минно-подрывники, взорвут: черно-оранжевый взлет дыма, грохот на весь мир, — и враг отрезан, прижат к реке... А фугасы! Вот гладкое, безобидное поле — заяц пробежал, ворона пролетела... Примкнув штыки, идет подлое юденическое воинство... Впереди, на белой лошади, — ах, может случиться такая удача! — он, с м!.. Отбегает прочь зверь, отлетает птица... И вдруг — молча разверзается земля родины. Тяжелые, огромные глыбы стремительно, в страшной тишине, поднимаются высоко-высоко... Какую-то долю секунды стоят в воздухе. И, сразу обрываясь, — вниз, неудержимо — вниз,

давя генеральское полчище... И только тут доходит гул земли, потревоженной фугасами...

2

Дни пошли простые, будничные. Где-то за полустанком лежал фронт — доносилась глухая мелкая перестрелка.

Иногда стреляла курсантская гаубичная батарея, но и то где-то за лесом, невидная... К вечеру курсанты-артиллеристы возвращались на полустанок, к своим теплушкам, возвращались, словно с поденной работы.

Минно-подрывников не трогали — не находилось им дела. День шел за днем. По утрам из котелков пили чай. Макали черный хлеб в сахарный песок — с удовольствием, не спеша, жевали... Говорили о Москве. Бродили потом вокруг теплушки — чем бы заняться?.. Затем обед из конины, ранние декабрьские сумерки, печка среди теплушки — горячие колени и холодная спина...

И если бы не бронепоезд...

В полдень и к вечеру он задним ходом приходил с боевой линии на полустанок. Три прямоугольных стальных ящика — высокие, серые — загораживали окна приземистого станционного здания. Становилось темнее в штабных комнатах, но и как-то увереннее, спокойнее.

Из нутра бронепоезда вылезал старик с задымленной русой бородой — начальник этой крепости на колесах.

— Ну-те-с! — говорил он, жмурясь от света и оглядывая людей, столпившихся на перроне. — «Купайте, кормите отборным зерном, водой ключевую поите!».

Пушкин переводился так: «Грузите снаряды для моих трехдвоймоек и дайте воды паровозу».

За стариком из бронепоезда вылезали люди, — в черно-кожаной броне: фуражка, куртка, штаны, сапоги — все из черной кожи. Это, конечно, тоже были герои: артиллеристы, машинисты, пулеметчики, — они тоже ходили в самое пекло артиллерийских битв... Но для минно-подрывников, для мальчиков, был вот только он, этот бородач, — Василий Дмитрич...

Он садился на десятичные весы, оставшиеся от прежней жизни полустанка, и, покачиваясь на их зыбкой зеленой платформе, принимался за молоко. Какая-то душевная местная баба, худощавая и подслеповатая, ежедневно в полдень поджидала Василия Дмитрича с кринкой молока, обвязанной тряпчочкой. Она становилась около него и, закрыв пол-лица толстым платком, смотрела, как он пьет молоко, закусывая колючим пайковым хлебом. Казалось, для нее это главное: видеть, как вкусно, добросовестно, со знанием дела, старик опустошает ее кувшин, — без этого ей, пожалуй, не захотелось бы приходиться на этот задичавший, суматошный полустанок.

— Еще хорошо, — бубнил с набитым ртом старик, выщипывая из хлеба колкие овсинки, — хорошо еще, говорю, молоко употреблять с горячими банками...

— Да уж, известно, хорошо уж! — баба прыскала в платок. — Скажешь уж!

— Их в иных местностях бубликами звали, но это неправильно. Помнишь — круглые, с дыркой?..

— Да помню уж, чего не помнить! Василий Дмитрич, запрокидывая опорожненный кувшин, отвечал гулко — в пустую посудину:

— И увидишь.

— Да где уж! Не молодая.

— Если одних баранок ждать — то не резон. Умирай!

Бронепоезд меж тем брал воду и снаряды. Увесистые ящики таскал весь свободный люд на полустанке: обозники, санитары, вестовые. Они оттирали от тяжелой работы команду бронепоезда — этих задымленных артиллеристов-чернокожников. Бронепоезд был поилец-кормилец, — на нем держался весь этот небольшой участок фронта, — пусть ребята отдохнут хоть за короткие минуты погрузки.

Наконец, все было готово. Василий Дмитрич, стоя спиной к бронепоезду, снимал меховую шапку и, улыбаясь, низко раскланивался — всем и всему: доброхотным помощникам, грузившим снаряды; бабе, принесшей молоко;

штабным людям, полустанку, давшему отдых; солнцу; сирому петроградскому лесу...

Он раскланивался, как ласковые старики на крестьянском сходе: светясь улыбкой, наклоня лысину во все стороны.

Надевал плотно шапку и, сразу по-серьезнев, поправляя на-ходу желтую португею на полшубке, громко, отрывисто давал команду. И тотчас резво взбирался по металлической лесенке внутрь своей самодвижущейся крепости. В этом последнем видении — властная команда, цепкие молодые пальцы на поручнях, гром захлопнутой стальной двери — открывалась настоящая сущность Василия Дмитрича, начальника бронепоезда «Совет».

— Да-а... старик!..

Курсанты-подрывники, оглядываясь на полустанок, шли к своей теплушке, к пролежанным местам на нарах, к вагонной печке — шли ни к чему.

3

После обеда развеселились.

Витька Сегалов, — черный, с близорукими круглыми глазами, — потеряв еще в Москве футляр от пенсне, подыскивал теперь для своих стекол всякие безопасные места: клал в книгу, в шапку, вешал на гвоздик... И забывал.

— Где же, чорт, они? — Сегалов, щурясь, обшаривал глазами стены теплушки, рылся в карманах шинели, брюк...

Припадая на правую ногу, ходил по вагону Леша Лапин. Он морщился и крутил головой.

— Нет, ребята, тут что-то не спраста! — Леша пробовал крепче, плотнее ступить на ногу. — И к полустанку когда шли, я все время чувствовал — что-то колет, теснит... А сейчас, — Лапин страдальчески морщился, — прямо ступить не могу!..

Сегалов, не отзываясь, продолжал поиски пенсне: лазил под нары, копался в пепле печурки.

Хромота Лапина все увеличивалась. Он сел на лавку и вытянул хворую ногу.

— Что бы это такое могло попасть в сапог? — раздумчиво спрашивал он.

Сегалов продолжал поиски, — уже бессмысленные: встряхивал и даже листал книги.

Лапин снова попробовал ходить, но тотчас, застонав, свалился на лавку.

— Я так, ребята, и до пункта не дойду!.. Ох!..

Сегалов, не выдержав, наконец, подскочил к нему.

— А ну, снимай! Ну, снимай сапог! — сказал он, стараясь улыбнуться.

И, не дожидаясь ответа, присев на корточки, обхватил лешин сапог.

— Ой-ой-ой, Витенька!.. — простонал Лапин, хватаясь руками за лавку, чтобы не соскользнуть с нее. — Ой, легче!.. За каблук тяни... Да не дергай! Ах, господи, вот напасть! — Лапин по-старушечьи запричитал: — Ох, трое-ручица-заступница!.. Ты теперь за носок, за носок!.. Да нежнее, ох, нежнее!..

Голенщик соскользнуло с ноги. Лапин с просветлевшим лицом привалился к стене теплушки.

— Уф-ф! Полегчало!

Сегалов, щурясь, заглянул в сапог, потряхнул его голенищем вниз, — пенсне не было.

Сердито отмахнувшись от дружного смеха товарищей, Сегалов снял котелок, висевший на гвозде у его изголовья, и молча принялся за щи, оставшиеся от обеда.

Теперь семнадцать человек, перестав смеяться, взялись за розыски. Четверо были отряжены искать вокруг теплушки, остальные подробно, вершок за вершком, стали выслеживать пенсне в вагоне.

Виктор меж тем хлебал холодные щи. Он мерно, не оглядываясь, подносил ко рту деревянную ложку, как бы не замечая стараний товарищей. Потом он все же стал отвечать на вопросы: «Когда ты видел в последний раз пенсне?», «Где ты в это время находился?».

Радостный вскрик Сегалова остановил всех. Все обернулись и увидели: на его деревянной ложке, в только-что зачерпнутой из котелка капусте — пенсне...

Сегалов подбежал к двери теплушки и, чтобы не поперхнуться от смеха, выплюнул все, что было во рту.

— Я-то... Я-то... — он старался отдышаться. — Я-то думал, что котелок висит пустой... и положил...

Смеялись и те четверо, что были посланы на розыски вокруг теплушки. Больше всех хохотал какой-то пятый, какой-то приبلудившийся красноармеец — розовый, с ямками на щеках... Он просил рассказать сначала: как все это было?.. Но так как каждый не отсмеялся еще о последнем, то все начинали с котелка со щами...

— Обождите, товарищи курсанты! — вдруг спохватился розовый, с ямками. — Обождите! Срочно вашего старшину к начальнику боевого участка. «Совет» застрял! Рельсы снарядом разворотило...

4

Они гуськом бежали по пешеходной тропинке внизу насыпи.

Как? Василий Дмитрич в опасности? Эти задымленные герои отстреливаются последними снарядами? Наконец-то дело! Наконец-то им дали работу! Они сейчас спасут их! А ну-ка, наддай, наддай быстрее!..

И было как-то совестно, что, вот, несколько минут назад... этот котелок с пенсне...

Далекий, невидимый выстрел, и в небе завывало, приближаясь... Впереди, перед головным Батуриным, взлетел серо-зеленый столб болотной жижи.

Вот она, настоящая война! Отпрянули, присели... А ну, быстрее, быстрее, не останавливаться!..

Второй снаряд пошел перелетом.

— В «вилку» берут! — на-бегу прошептал кто-то.

И Витя Сегалов мгновенно вспомнил учебник артиллерии... Вспомнил рисунок в углу страницы — три пунктирных траектории, как вилка с тремя остриями: одна — «недолет», вторая — «перелет», третья... Да, третья — «цель».

Третий снаряд, настигая, с нарастающим ревом падал откуда-то из голубого морозного неба.

Легли, прижались к земле — восемнадцать вытянутых в цепь темных комочков — в двух-трех саженях друг от друга.

Сегалов видел: засохшие желтые травинки упираются ему в стекла пенсне. Сложный, мелкий мир вдруг открылся ему: меж стебельками травинок — овальный кусочек льда, обломок веточки, тонко разрисованной инеем, шалашик, сложенный из отдельных снежинок, и что-то очень мелкое — мельче крупы — поползло в шалашик...

С воем, за спиной упало...

Сегалов обернулся. Увидел побледневшее лицо Леши Лапина — он тоже поднимал голову от земли. Между ними лежал, зарывшись носом, трехдюймовый снаряд. Пузырьки болотной жижи вскипали у его горячих боков... Завороженно, не понимая, — на пузырьки... Что же это? Что же это?..

И опять на ноги — вперед, быстрее. Лапин на-бегу — в спину Сегалова:

— Надо благодарность объявить Юденичу!.. По приказу объявить... Стреляет, старый дурак, бракованными снарядами!.. По-дешевке за границей купил. На толкучке купил!.. Теща манной крупой их начинала...

Сегалов понимает, что Лапину совсем не весело и что выкрикивает он этот вздор со злобой, — в расплату за минувшие страшные секунды, за пальцы, вцепившиеся в землю...

Вот и бронепоезд! Родной!..

Стайкой, по осыпающемуся под сапогами мерзлому песку, взлетели на насыпь и прижались к задней стене последнего вагона.

Тотчас (видимо, за этими глухими стальными стенами все же наблюдали за перебежкой курсантов) открылась задняя дверца, и полетели вниз лапчатые лопаты, костыли, куски рельса. Вслед за тем вышел Василий Дмитрич. Он ловко спрыгнул на землю и, натужившись, прикрыл за собою дверь.

— Начинай! — сказал он, щурясь после темноты на свет, и показал рукой.

Только тут курсанты увидели в трех шагах от себя вырытую воронку на полотне дороги: искрошена шпала, слева и справа разворочены рельсы.

— Шпалу не менять! — командовал старик. — Положить эти куски рельс на вырванные места, левую рельсу отвести внутрь. Забить костыли. Под стыками подрить и пропустить дерево... У нас осталось три снаряда, по пять минут на снаряд. Через пятнадцать минут вы должны кончить.

Это был не тот ласковый старик, с домовитой лысиной, с крынкой топленого молока в руках, а другой — от последнего видения на полустанке: цепкие пальцы на поручнях, властная команда... Приятно было повиноваться ему, отставить его арифметику: 3 на 5 равно 15 минутам.

Заскрипели старые костыли, поддеваемые лапчатыми ломами. Зашуршал под лопатами крупный оранжевый песок.

Василий Дмитрич, прислонясь спиной к задраенному вагону, вертел самокрутку.

— Не пугайтесь, ребятки, — неторопливо сказал он, — сейчас будет выстрел.

Бронепоезд содрогнулся от грома, загнула стальные листы обшивки. Это был не из тех, далеких, гулких, точно в вате, выстрелов, что доносились до теплушки, — нет, курсанты сейчас были у самой мастерской, где делали этот гром.

Маленький белобрый Аркович, забивая костыль, наклонялся влево и вправо к соседям:

— Спиной услышал! — восторженно шептал он, кивая на старика. — Спиной почувствовал, что сейчас выстрел будет... Вот, чорт!

Василий Дмитрич мешковато ходил, присаживался, ощупывал стыки рельс — его интересовали больше всего стыки.

— Дело, дело, хлопцы, — приговаривал он, — пригоже! Вы, спросить хочу, какой же специальности?

— Минно-подрывники, Василий Дмитрич.

— Скажи, пожалуйста, как неудобно получилось! Учили вас разрушать, а приходится строить.

— Нас и этому, Василий Дмитрич, учили! — поторопился вставить Лапин. — Конечно не так, чтобы очень...

— Пригоже! Пригоже!.. Вот тут лопатку песку подбавь!.. — старик обра-

живал стык. — Великая это специальность: строить! Меня уж в живых не будет, а вам все строить и строить, до самого коммунизма... Костыль досыта, досыта вгоняй!..

Бронепоезд громыхнул еще выстрелом. — Пять минут осталось. Торопись! — крикнул Василий Дмитрич.

Тотчас справа и слева насыпи стали ложиться снаряды с приумолкшего было юденического бронепоезда. Столбы разрывов втыкались в лес, в болото, рядом. Стояло в ушах: «Пять минут осталось — торопись!».

— Чует, собака, — старик сам принялся орудовать молотком, — чует, собака, что у нас сейчас не артиллерия, а чай в прикуску. Один снаряд!

... Лапин вскрикнул и, загребая скрюченными пальцами песок, сполз с насыпи.

— Ребята! Лешка!

Сегалов, взмахнув руками, бросился вниз, на помощь.

— Назад! К работе!

Василий Дмитрич легко прыгнул следом и, грубо дернув Сегалова за рукав шинели, вернул его обратно. Сам же, не рассматривая, где, как ранен, взвалил Лапина на плечи и, балансируя свободной рукой, взобрался на насыпь. Грохнул кулаком в стену бронепоезда. Дверь открылась. Передал туда ношу. Блеснули металлические подковки на лапинских сапогах.

— Володька! Прими! Посмотри! — крикнул в темноту вагона Василий Дмитрич и захлопнул дверцу.

Перед ним на-вытяжку, держа руку под козырек, стоял курсант Батулин — старшина.

— Товарищ начальник бронепоезда! Задание выполнено. Путь...

— Ах, скажи, герой! — поморщился Василий Дмитрич. — Под огнем во фронт стоит! Да ты лёжа рапортуй! И дело чтоб было, и жизнь чтоб цела! — Он пробежал по пути, ударяя носком сапога по починенным рельсам. — Так... Так... Так... Инструмент забрать! Марш, живо, внутрь!..

После света и снега было темно и душно. У задней стены вагона стояла полевая трехдюймовая пушка, выставив

ствол в длинную амбразуру. Только через это отверстие и проникал свет с улицы. В узком пучке света вдруг возникал то чей-то нос, то глаз, то кисть руки... Где-то в темноте стонал Лапин. Курсанты двинулись туда, но кто-то черный остановил их.

— Не надо, не надо... Потом. Мычит он с непривыку. Осколком по ноге... Кость цела...

Сегалов присел на корточки и, пользуясь темнотой, подполз к Лапину. Он поискал глазами его лицо, но не мог различить, где голова, где ноги.

— Лешка! — прошептал он. — Мы тут... Слышь? Говорят, ничего... не опасно... Ты уж того... не стони очень, а то подумают, что мы... первый раз!..

Василия Дмитрича не было в поезде — его голос слышался снаружи. Вагон вздрогнул и тихо, ошупью пополз куда-то. «По нашим рельсам идет!» — опасно сказал кто-то, и курсанты невольно поднялись на цыпочки: им казалось безотчетно, что так — на цыпочках — они станут легче и легче поезду будет пройти заплатанные места на пути.

В открытую дверь, вместе со светом, со снежным солнцем ворвался Василий Дмитрич. По его улыбке все поняли, что латанные рельсы пройдены. Из какой-то внутренней двери выглянуло замаранное сажей лицо машиниста.

— Задний ход, Василий Дмитрич?

— Как бы не так! — старик снял шапку и вытирал рукавом лысину. — У нас в запасе еще целый снаряд. Разговеемся! — Он подскочил к амбразуре у орудия. — Гляньте!

Впереди, из-за далекого леса, где железнодорожный путь поворачивал вправо, медленно выдвигались три приземистых вагона юденического бронепоезда.

— Ах, господа офицеры! Где же вы раньше были? Ведь нас голыми руками можно было взять!

— Они думают, судя по нашему огню, — отозвался высокий, длиннорукый человек в кожаной куртке, — что мы или подбиты, или путь нам отрезан!..

— О, господи! — всхрикнул Василий Дмитрич. — Да я об этом и гово-

рю! Вот именно: «думают»! Слушай, Игнатенко, — схватил он за плечо высокого, — в середину, в паровоз их, попадешь? Прямой наводкой, как из пистолета? Видишь, разворачивается, как миленький!.. Открыт для удара.

Высокий и еще двое бросились к орудью. Жерло орудия пошло в амбразуре вправо и вниз.

— Хорошие артиллеристы — теперь редкость! — громко заговорил Василий Дмитрич, обращаясь к подвернувшемуся Сегалову, и Сегалов понял, что он говорит это не для него. — Все самоучки! Вот у меня был Акимов! Специалист по прямой наводке. Ну, скажу я вам!.. Золотые руки! Теперь таких и нет уж!..

Старик бросился к амбразуре. Сегалов схватился за уши и раскрыл рот... Ему показалось, что рушится пол. Звук не ушел на волю, а разразился тут, в стальной коробке.

— ... вот еще только мой Игнатенко, — ухмыляясь в бороду, продолжал Василий Дмитрич, возвращаясь от амбразур к Сегалову, — из настоящих мастеров по прямой наводке только вот еще товарищ Игнатенко остался! Григорий Палыч — имя-отчество... Золотые руки!

★

Задним ходом бронепоезд шел к полустанку. В открытую дверь вваливался снеговой ветер, выдувая пороховой дым, духоту. Снежинки влетали в дверь и, не останавливаясь, пронеслись через весь вагон к орудийной амбразуре. Вильнув перед дырой, уходили снова на волю.

Василий Дмитрич прикрыл затихшего Лапина овчинным полушубком.

— Вот и жизнь ваша, мальчики, началась! — сказал он, расправляя складки полушубка. — Вот уж, глянь, и свой раненый есть. Теперь пойдете колесить по гражданской войне, пока не победите!..

... Ах, как хорошо было под'езжать к заветному полустанку вместе с Василием Дмитричем, с одного дела!

Девушка из Червоного Бора

ВАДИМ ОХРЕМЕНКО

★

Девчата купались на рассвете. Прудик, обычно тихий, дремотный, теперь, казалось, кипел, — чорт его знает, куда позаносило ряску, плясали широкие листья лилий, ходили ходуном камыши.

Крик, хохот, звонкие всплески и шлепки. Подруги наперебой осаждали Веру Шульгу.

— Ой, какая ж ты черная!

— А трусы, гляньте, с каемкой, с вырезом! Это у вас, у летчиков, такая купальная форма?

— А ну, покажи еще «брасом», отодвиньтесь, девчата!

Вера, смеясь, повела плечами. Ступила на самый край глинистого откоса. Выпрямилась.

Косой луч ударил из-за сосен: спина девушки вспыхнула бронзой, внизу, над водой, за клубился розоватый туман. Шульга неожиданно подпрыгнула, развернулась и исчезла в каскадах брызг.

Но вот, уже в десятке метров от берега, показалась ее вихрастая голова; рывок вперед — и руки пошли широким махом обмерять прудик вдоль и поперек.

Подруги захлебывались от восторга.

Бригадная стряпуха Ангелючка, громыхавшая вдоль по плотине со своими котлами и мисками, придерживала пегого лошака.

— Прямо навождение! Человек это или, скажем, щука...

Женщина долго следила за диковинными упражнениями Веры Шульги. Потом слезла с телеги, привязала лошака

к вербе. Задумчиво попробовала воду босой ногою и стала решительно снимать юбку...

Колхозные волю спустились к пруду. Пастух Филимон Сиворакша, хромой старичок, медленно шествовал следом. Полотняные штаны его были завернуты до колен, широкополый соломенный бриль торчал на макушке гигантским солнечным опенком.

Вязальщицы, одевшись, на-ходу выжимая мокрые косы, шумной ватагой бежали в гору, к полевому табору.

Сиворакша ударил о землю брилем:

— Эх, и девчата ж, крути его колесом! Шестью восемь — сорок восемь!

★

Вера Шульга, студентка второго курса столичного авиационного института, приехала в родное село на каникулы.

До поздней ночи в хате старого Шульги толпились соседи, родичи, знакомые с дальних кутков; каждого тянуло взглянуть на «авиаторшу», самолично ощупать золотые пуговицы ее форменной тужурки, услышать слово из уст девушки, променявшей веретено и грабли на самолет.

А утром студентка вместе с подругами уже вышла на поле.

Убирали овес. На добрых четыре четверти вынесло стебель: поднимешь срезанную пачку — и тяжеловесные кисти с тихим шуршанием ложатся на плечо.

Вера работала с особым под'емом. Каждый гектар земли на этом участке был ей знаком и по-своему дорог. Сколько здесь сброшено ее руками навоза, сколько тут хожено-перехожено за рядовой сеялкой, сколько выполото в свое время сорняка! Горели щеки, ныла спина, но бушевала в теле громадная энергия. Хотелось не идти, а бежать за самоскидкой, выхватывать овсяные вороха из-под самых ножей и туго вязать громоздкие пудовые снопы.

Словно уловив состояние девушки, старая Харитина, вдова-бобылка, работающая рядом, затянула знакомую песню о молодом казаке, что все искал счастья в богатстве и потерял свою любимую:

Лу-угом иду, коня ве-ду,
растийайся, лу-уже.
Сватай ме-ене, казаче-ень-ку,
люблю те-ебе ду-же...

Шульга с трепетной радостью подхватила песню. Ее маленькое несмелое сопрано взвилось над степью, тонущей в голубом зное.

Подружки вступили согласным хором, подняли, понесли:

Ой як бы ж ти, дивчинно-онь-ко,
була бо-гатенька,
взяв бы те-ебе за руче-еньку,
повив до бат-енька..

Для Веры эта древняя песня была полна особого смысла, она напоминала студентке о давно пережитой личной трагедии. И от сознания того, что все кончилось и сложилось так удачно, что прошлому уже никогда не бывать, что настоящее несказанно прекрасно, — девушка пела на-редкость хорошо. Она словно плыла навстречу солнцу с распахнутым сердцем...

За обедом Харитина налила полную, до краев, кружку березового кваса, резкого, шипучего, только-что с ледника, и торжественно поднесла Шульге.

— Ну, Верка, — сказала вдова просто. — Поздравляю ж тебя, что, в небесах летаючи, не забываешь ты, как... надо снопы вязать!

★

Максим Савчук и Вера Шульга вместе окончили сельскую семилетку. Парню шел двадцатый год, подружке исполнилось семнадцать. Их связывала нежная любовь.

Весенними ночами они бродили по лугу, лежащему в громадной развилке Сейма. Мягко лучились озера, затянутые звездной паутиной. В молодых травах стонали дергачи.

Максим говорил о будущей совместной жизни. Изумительные планы, один другого заманчивей, рождались здесь, у реки. Они быстро пройдут заочные курсы зоотехников и станут разводить мериносов, китайских гусей с особыми шишками на клювах, красноглазых пушистых кроликов. Ведь это так выгодно...

Хотя, нет, к чертям кроликов! Лучше идти по административной линии. Вера научится печатать на машинке и говорить по телефону, в два счета сделают секретарем сельсовета; а там можно и дальше, например, попасть управделом в отделение Зернотреста. Он будет начальником районной милиции, это ясно. Синие галифе, лошадь с подстриженной гривкой, серая, в яблоках. Наган у пояса; когда едешь верхом, новая кобура — рип-рип...

Вера советовала ехать на Днепро-строй, — в то время работы были в полном разгаре. Бетонщики ставили мировые рекорды. Почему им не стать бетонщиками? Это светлая дорога, дорога доблести и геройства...

Всему селу было известно, что осенью Максим Савчук посватает Веру.

В жнива загорелась хата Степана Шульги, — глупая детвора разложила костер под самым крыльцом. Почти одновременно запылал и хлев. Народ не скоро прибежал из степи на подмогу. Старуха Александра, оставленная одна на хозяйстве, растерянно металась в огне, вынося из хаты пустяшные рядна и решета. Когда догадалась она кинуться в хлев за коровой, рухнули горящие стропила.

Александру вытащили из пожарища без памяти, покалеченную. Хату кое-

как удалось отстоять, а старуха умерла через неделю.

Колхоз участливо отнесся к несчастью Степана Шульги. Крыша была выстлана заново, построили сени и новый хлев.

Однако у Веры погребло все придающее — сундук с одеждой, швейная машина, корова.

И странная вещь, именно с этого времени заметила девушка, что Максим как-то охладил к ней. Он стал рассеянным, хмурым. Разговоры о китайских гусях и Днепрострое уже раздражали Савчука. Они перестали бывать в клубе и вообще в людных местах.

Вера поняла: парень стыдится ходить с нею «на улицу», — все наряды сгорели, осталась одна юбочка да ситцевый платок. Стало тяжело, сиротливо, робость затаилась в сердце. Шульга не видела жениха иной раз по целым неделям, он все ссылался на недосуг, говорил, что готовится стать трактористом.

И только однажды, вечером, состоялось у них свидание, живо напомнившее девушке былые дни. Вера давно не видела Максима таким. Он был предупредителен и нежен, он принес ей в подарок полкило пряников и кусок туалетного мыла «Мечта». Они сидели в садике, среди зарослей терновника, над соседним лесом вздымался лунный диск.

Савчук горячо обнял Веру и, почти касаясь губами ее уха, спросил взволнованным шопотом — не беременна ли она? Девушка ответила, что нет.

Максим был в исключительном удаче, он пел, дурачился, бегал за невестою по саду и ушел далеко за полночь, такой желанный и любимый.

А дня через три старик Шульга, смущенно пряча глаза, рассказал дочери о том, что на лугу, в развилине Сейма, встретил он Савчука с Ульяной Пашенко. Они лежали под стогом отавы...

Не помня себя от ревности, обиды и гнева, Вера бросилась к Максиму. Он вышел к ней, красивый и нарядный, в белых флотских туфлях, в полосатой рубашке.

Заговорил спокойно, вразумительно, с нарочитой сухостью.

Да, скрывать незачем, с одной любовью далеко не уедешь. Нищая жена ему не нужна. Правда, Ульяна Пашенко не такая красивая и никаких семи-леток не кончала, но родители дают за нею корову, свинью, самовар, два козюха, сундук белья и платья...

Ничего не ответила Вера. Медленно повернувшись, пошла.

Вскоре — с попами, с музыкой, пляска и пьяными песнями — сыграли Пашенки свадьбу.

Подруги, соседи искренно жалели Веру. Кто советовал подать на Савчука в суд, а кто просто: пойти да хоть выбить у молодоженов стекла. Девушка угрюмо отмахивалась. Горе пришло к ее. Забывалась только в работе. Колхоз убирал свеклу. Шульга работала упорно, не покладая рук.

А по ночам ее душили слезы. Шаркая босыми пятками, осторожно подходил отец.

— Ну, что ж ты, деваха... Зачем оно, это самое. Извелась прямо в нитку. И было бы из-за чего, а то Савчук, подумаешь, это самое, дерьмо дерьмом...

Секретарь комсомольской организации созвал бюро, пригласил Веру.

— Вот что, Шульга. Езжай ты учиться. Мы тебе направление дадим. Нужно собственную гордость иметь и достоинство. Держись, Вера, гвоздем!

До глубины души поразило девушку то, что отец не перечил. Старик сам проводил ее до районного города.

— Иди, дочка! Теперь перед такими, как ты, большие дороги лежат. Коли трудно тебе будет, домой возвращайся, а коли хорошо, так не спеши!

★

Приходилось всяко — и трудно, и хорошо. Вера попала в столичный центр. Училась на рабфаке, имела койку в общежитии.

Тяжело давалась алгебра. На первых порах логарифмические таблицы Пржевальского страшили Шульгу скопищем нулей и запятых. Вывезла выносливость, привычка к кропотливой работе:

девушка стала разделяться с логифмами, как со свеклой, она мысленно разбивала таблицы на рядки и полосы, характерные для сахарных плантаций.

Вера любила физику и химию. Теоретические законы, подтверждаемые опытами, раскрывались перед нею, — прекрасные в своей полноценной ясности.

В дни Октябрьских торжеств ударники учебы посетили подшефную авиачасть. Девушка сделала три круга над городом в открытом двухместном самолете. Она пробыла в воздухе всего восемь минут, но этого оказалось достаточно для определения дальнейшей ее судьбы. Решила непоколебимо: только авиация.

И вот, напряженнейшая работа, целый ряд успешно пройденных испытаний — и авиаинститут.

...Через неделю после того, как Вера сдала на «отлично» экзамен по аэродинамике и, в эти же дни, совершила свой первый парашютный прыжок, — из Червоного Бора приехал Степан Шульга.

Он привез дочери подарок от колхоза: пять кило сливочного масла, корзину груш и протокол общего собрания:

«На Вас, товарищ Вера Шульга, — говорилось в протоколе, — колхозники покладают большие надежды и объявляют Вам свою большую гордость через успехи Ваши. А особенно женщины и девчата, с которыми бились Вы рука об руку за большевистский урожай и культуру. Они даже вырезали из газеты Ваш портрет в кожаной шапке и носили его по селу, как 8-го марта...».

Далее шло подробное описание текущих работ и перечень достижений по всем отраслям колхозного хозяйства.

А последние строки протокола, скрепленного подписями и печатью, звучали так:

«Пусть же будете Вы и на дальше сильной, умной и притом храброй командиром на воздухе и на земле. Держите ж повыше знамя Червоного Бора...».

★

Утром, у криницы, встретила Вера Ульяну Савчук. Женщина шла по воду, ведя с собою мальчугана в замурзанной рубашке. И вдруг ойкнула, ведра со звоном покатались в канаву.

Вера недоумевающе остановилась. Ульяна медленно подступала, уставившись на студентку ненавидящим взглядом. Высокий живот ее уродливо вздымался. Занесла коромысло:

— У, шкура! Нет уже больше силы из-за тебя терпеть...

Но тут же с беспомощной гримасой опустила руки. Запрыгали жиденькие белобрысы брови. Качнулась, зарыдала, припавши к вериному плечу.

— Он бьет меня, как соба-а-аку... Увидел карточку твою в газете, злобой зашелся, завистью. Самовар обухом как есть расплющил, кофты приданные порубал. Говорит: это я виновата, что вы... так вот разошлись... А разве ж все село не знает, жа-адный он, завистливый... Ко мне подлезал, как чорт под монастырь... И все разными гусями да шпорами милицейскими голову морочил...

Мальчишка, сидя в пыли, орал благим матом.

Вера наклонилась, взяла его на руки.

— Ну, чего ты. Гоп, гоп!.. Вишь, и глаза такие, как у батьки!

Помолчали.

— А что ж сельсовет, МТС, правление колхоза, — спросила Шульга, — ты ведь туда заявляла?

Ульяна шмыгнула носом.

— Где заявлять... Люблю я его, гадюку, дети вот... Работает он, при месте...

Внезапно глаза ее стали круглыми.

— Идет!

Женщина выхватила у Веры ребенка, неуклюже полезла в канаву за ведрами.

Вдоль тыквенных гряд, направляясь к кринице, медленно шагал Максим. Увидя Шульгу, он остановился, как вкопанный. Сорвал какой-то стебелек и сунул его в рот. Потом приветственно махнул рукой.

Но девушка повернулась круто и, подхватив полное ведро, пошла, почти побежала к хате.

Савчук засмеялся сипло:

— Конференция.

★

Вечером сидела Вера на крылечке сельсовета, — здесь был своего рода клуб. Собралось человек десять колхозников: расспрашивали о том, страшно ли летать, почему машина в воздухе держится, как нужно прыгать с парашютом.

Девушка обстоятельно отвечала на все вопросы, приходилось для наглядности жестиковать, передвигать воображаемые рычаги, разбирать стропы.

Люди, проходящие мимо, останавливались у дверей сельсовета. Уже не было места на крыльце. Трещал забор палисадника. Уже кто-то внушительным басом предлагал не шуметь без толку, а задавать вопросы по очереди.

Подошел, запыхавшись, Максим Савчук, пробился к самым ступенькам. А когда увидел, что Вера его заметила, сделал равнодушное лицо, с нарочитой медлительностью потянулся за кисетом.

Вокруг зашумелись, закивали головами.

Савчук сворачивал неверными пальцами цыгарку, долго не мог прикурить. Затягивался часто, жадно, — в отблесках тлеющей махры лицо его казалось до странности подвижным. Прислушивался.

Шульга, как ни в чем не бывало, продолжала увлекательную беседу. Она познакомила слушателей с основной системой сигнализации и хотела перейти к описанию гидросамолета, когда Савчук неестественно закашлялся и хихикнул.

— А позвольте ж и мне задать знаменитой летчице один вопрос!

Все насторожились.

— Давайте! — отрывисто сказала Вера. Она чувствовала здесь какой-то подвох. Тревожно сжалось сердце.

— Вот вы, образованная студентка, изучали в столицах двигатели внутреннего сгорания, — еще более сладенко запел Савчук. — И трактора вы обязаны знать получше нас, серых... Может

быть, скажете, что это случилось, когда, согласно инструкции, страница 195-я, параграф три, слышны тупые удары в коробке и что нужно в таком приключении трактористу делать?..

Максим затянулся, и в разом наступившей тишине был отчетливо слышен треск его цыгарки.

Шульга напряженно закусила губу. Тряхнула вихрами.

— Параграф здесь не при чем! Очевидно, подшипники разработаны доотказа. Нужно разобрать, сменить. Вот и все!

Торжествующе захохотал кузнец Тесленко, знавший толк в тракторах:

— Ой, правильно, Верка!

И повернулся к уничтоженному Савчуку:

— А что, укусил? Смотри, от зависти печонка лопнет!

И сразу зашумели, засмеялись вокруг.

— Тупые удары в коробке, — язвительно крикнула верина подруга по бригаде. — Это, видно, у тебя в коробке тупые удары, без всякого параграфа знаем!

Савчук отошел, скорчившись. Охотно дали дорогу. Кто-то тюкнул и засвистал ему вслед...

А люди все прибывали. Уже была запружена улица. Шли степенные «чоловики», шел молодняк, шли дети и дряхлые старики.

В колхозном клубе давно висели плакаты с изображениями самолетов и дирижаблей различных систем. Они как-то не волновали, не брали за сердце.

Но вот появился человек, — родной, колхозный, свой от пяток до макушки, человек, постигающий великолепное искусство летчика. И сразу потянулись к нему червоноборцы. И сразу само слово «авиация» ожило, выросло в их глазах, развернулось в определенное понятие огромной значимости.

Вести беседу на улице становилось трудным. И люди хлынули в школу. Кто-то побежал вперед, разбудил сторожа, услужливо зажег лампы, приготовил доски и мел.

— Спрашивать не будем, рассказывай сама, что знаешь, рассказывай всё! — загудели вокруг.

Сидящим в классе было трудно повернуться, шевельнуть рукой, а сзади все напирало, висли на подоконниках.

У Веры захватило дух. С чего начать? Аудитория, вероятно, ждала потрясающих эпизодов с мертвыми петлями и вынужденными посадками.

Студентка выбрала мелок, переставила доску поближе к свету: нужные полминуты удалось выкроить. И, когда повернулась к выжидательно застывшим людям, серые глаза ее отражали твердую решимость.

— Прежде всего я расскажу вам об устройстве самолета!

И вот, на исцарапанной школьной доске, черта за чертой, стал вырастать

четкий контур аэроплана. Шульга заговорила о несущих поверхностях, о плотности воздуха и значении пропеллера.

Глянула мельком на Сиворакшу. Древний волопас, сидя на краешке скамьи, ловил каждое ее слово.

Спокойная уверенность овладела всем существом девушки, — контакт был найден.

На второй парте протяжно вздохнула Харитина.

— Прошла моя жизнь, а я, может быть, тоже летать хочу, — сказала вдова.

И как-то тихо стало вокруг. И никто не засмеялся.

Тбилисский рыбак

СИМОН ЧИКОВАНИ

★

Когда в Тбилиси ночь проходит
И тянет холодком с Куры,
С живою рыбой он обходит
Передрасветные дворы.

Блеснет ли где ночник из щели,
Он с солнцем к окнам кладовой,
Как будто сверх речной форели
Торгует зорькой весовой.

Когда в подставленную кадку
Летит покупка, как в Куру,
И пахнет сыростью осадка,
Он не купец, а гость в пиру.

И вновь он шастает и шарит,
Не пьют ли с ночи где-нибудь.
Найдет — и ястребом ударит,
К столу прокладывая путь.

Шум, хохот, голос тулумбаша, —
И, весь на взводе, как курок,
Рыбак встает с заздравной чашей,
Подбросив шапку в потолок.

Пока он пьет, от чувств прилива,
Как рыба проданная, нем,
Она, как тост красноречивый,
Горит и ходит телом всем.

А уж лучи, как в полдень, жгучи,
И, их не ставя ни во что,
Вздымает ветер пыли кучи,
Клубя их, как штаны кинто.

Валится с ног, вернувшись в хату,
Рыбак, недавней встречей пьян,
И спит, и видит челн дощатый,
Речную зыбь, ночной туман...

С грузинского перевел и обработал
БОРИС ПАСТЕРНАК

★

Посещение рыбака

СИМОН ЧИКОВАНИ

★

Такие ночи сердце гложут.
Стихами замыслы шумят.
То, притаившись, крылья сложат,
То, встрепенувшись, распрямят.

За дверью майский дождь хлопочет,—
Дыханье робости сырой.
Он на землю ступить не хочет
И паром тянет над Курой.

Как вдруг рыбак с ночным уловом, —
Огонь к окну его привлек.
До рифм ли тут с крылатым словом?
Все заслонил его садок.

Вот под надежным кровом рыба.
Но дом людской не водоем.
Она дрожит, как от ушиба
Или как окна под дождем.

Глубинных тайников жилища,
Она не для житья вовне.
А строчке дома не сидится,
И только жизнь на стороне.

А строчку дома не занежишь,
И только выведешь рукой, —
Ей слаще всех земных убежищ
Путь от души к душе другой.

Таких-то мыслей вихрь нахлынул
Нежданно на меня вчера,
Когда рыбак товар раскинул,
Собрал и вышел со двора.

Прощай, ночное посещение!
Ступай, не сетуй на прием.
Мне ветра встречного теченье
Награда на пути твоём.

Мы взобрались до небосвода,
Живем у рек, в степной дали,
В народе, в веяньи народа
И в сладком веяньи земли.

Мы лица трогаем ладонью,
Запоминаем навсегда,
Стихов закидываем тоню
И тащим красок невда.

В них лик отца и облик вдовий,
Путь труженика, вешний сад,
Пыль книг, осевшая на брови,
Мегрельский тающий закат.

Все это жизнь выносит к устьям,
Но в жизни день не сходен с днем:
Бывает, рыбу и упустим,
Да после с лихвою вернем.

Когда ж нагрянувшая старость
Посеребрит нас, как рассвет,
И ранняя уймется ярость
И зрелость сменит зелень лет,

Тогда, как день на водной глади
Покоит роши и луга,
Так чувства и у нас в тетради
Войдут и станут в берега.

С грузинского перевел и обработал
БОРИС ПАСТЕРНАК

★

Н. Н. Миклуха-Маклай

(1846 — 1888 гг.)

СЕРГЕЙ МАРКОВ

★

1. НОВГОРОДСКАЯ РОДИНА

У малого, простого городишки Боровичи — необычайный герб: щит разделен на два поля — серебряное и голубое. В голубом поле всходит золотое солнце, а в серебряном — изображен корабельный руль, окованный железом. Снег, вода, солнце и символ странствий!

Боровичи дали миру великого русского путешественника. От Боровичей начинается история странствий Миклухи-Маклая по земному шару.

Он родился 5 июля 1846 года в селе Рождественском, возле Боровичей, Новгородской губернии. Отец будущего путешественника, инженер-капитан Н. И. Миклуха, повидимому, жил в небольшом имении на боровичских землях.

Два младших сына инженер-капитана, так же, как и второй по счету сын, немало бродили по земле. Михаил Николаевич Миклуха был геологом. Он исследовал остров Валаам и озерные архипелаги, прилегающие к нему, составлял геологический очерк Олонецкого уезда, исследовал земные пласты в Волынской губернии и немало поработал для познания недр страны. Самый младший из братьев — Владимир Миклуха-Маклай — был моряком. Еще находясь в морском училище, он вступил в революционную организацию «Общество китоловов», и его имя вносилось в тайные дела охранки — списки рево-

люционеро́в в русском флоте. 14 мая 1905 года капитан первого ранга Миклуха-Маклай погиб в Цусимском заливе, командуя русским броненосцем «Адмирал Ушаков».

Братья Маклаи — и моряк, и геолог — были известны, как и знаменитый путешественник, под двойной фамилией. Это следует отметить особо, ибо биографы Н. Н. Миклухи-Маклая, в том числе и акад. Анучин, утверждали, что великий путешественник прибавил вторую фамилию «Маклай» к основной — «Миклуха» совершенно произвольно, в виде некоего экзотического псевдонима.

2. ПЕРВЫЕ СКИТАНИЯ

На боровичской земле семья Маклаев жила недолго. Акад. Анучин свидетельствует, что инженер-капитан Миклуха был начальником вокзала Николаевской железной дороги в Петербурге.

В 1857 году отец Миклухи-Маклая умер. Будущий исследователь Океании после смерти отца поступил в школу. Не закончив гимназии, Миклуха-Маклай определился в университет вольнослушателем физико-математического факультета по отделу естественных наук. Но и в стенах университета Миклуха-Маклай пробыл недолго; в 1864 году юный Маклай был исключен из списков вольнослушателей, при чем университетское начальство взяло у него подписку

в том, что он не будет больше посещать университета...

С этого времени и начинаются странствия Николая Миклухи-Маклая по земному шару.

Он уехал в Гейдельберг и поступил в знаменитый университет. Здесь, числясь на философском факультете, Миклуха-Маклай слушал лекции всех выдающихся профессоров Гейдельберга. Среди них тогда был Герман Гельмгольц, медик и будущий гениальный физик, открывший закон сохранения энергии, и великий физик Бунзен.

Два года прожил Миклуха-Маклай в Гейдельберге, но вскоре переселился в Лейпциг, где мы видим его на медицинском факультете. Непоседливый юноша перекочевал из Лейпцига в Йену, где в то время читал лекции знаменитый естествоиспытатель Эрнст Геккель.

В 1866 году Геккель опубликовал «Общую морфологию организмов», сделавшую имя его бессмертным. И в том же году Миклуха-Маклай был приглашен Геккелем в большое путешествие. Они побывали на Мадейре, в Тенерифе, на Гран-Канарии, четыре месяца прожили на острове Ланцероте. Миклуха-Маклай анатомировал губки и работал над мозгом хрящевых рыб. С океанских островов Миклуха-Маклай отправился в Марокко. Из Африки, через Гибралтар, путешественник поехал в Испанию и через Францию вернулся в Йену. На следующий год мы видим Миклуху-Маклая уже в Мессине, где он работает с зоологом доктором Дорном, изучая морские организмы непосредственно в связи со средой.

Из Мессины Миклуху-Маклая потянуло в другие страны. В 1869 году он появился на берегах Красного моря. Двадцатитрехлетний русский ученый очутился в незнакомой стране, среди враждебных европейцам арабских племен.

Миклуха-Маклай выбрил, как истый мусульманин, голову, выкрасил лицо, облачился в арабский бурнус. В таком обличьи он бродил по жарким берегам Красного моря. Его интересовала связь

фауны Красного моря с фауной Индийского океана.

Убедившись в том, что он уже постиг некоторые тайны Красного моря, изучил его берега, познакомился с бытом арабов, Маклай тронулся в обратный путь. Он увидел Константинополь и скоро сошел с корабля на землю Одессы. В Крыму Миклуха-Маклай был недолго, хотя его расшатанное здоровье требовало отдыха, и устремился на Волгу. Здесь он, под несомненным влиянием Бэра, о чем мы скоро расскажем подробнее, стал работать над мозгом хрящевых рыб. Выполнив эту работу, Маклай приехал в Москву и тут, не отдыхая, прямо из гостиничного номера пошел на собравшийся в Москве Второй съезд русских естествоиспытателей и врачей. С кафедры съезда Маклай предложил проект создания сети зоологических научных станций на четырех российских морях и в Тихом океане. Это предложение молодого естествоиспытателя не пропало даром...

Но Маклай рвался в Петербург, где его ждали большие дела. Особенно он хотел увидеть Карла Бэра.

3. ЗАВЕТ КАРЛА БЭРА

В 1869 году Карлу Бэру было семьдесят семь лет.

Он помнил годы наполеоновского нашествия на Россию, когда, будучи еще студентом, добровольно поехал спасать от тифа русских солдат рижского гарнизона. Бэр побывал под картечью, когда Ригу обстреливали орудия армии Макдональда.

В 1827 году Бэр опубликовал свой труд «О происхождении яйца млекопитающих и человека», совершивший переворот в области эмбриологии. Зимой 1829 года Бэр покинул Пруссию и, избранный русским академиком, поселился в Петербурге, посвятив с тех пор себя работе во славу России.

Карл Бэр принадлежал к тем ученым, вдохновение которых роднит науку с поэзией. Всеобъемлющий ум Бэра живо откликался на все. Он выдвинул проблему соединения каналом Каспийского и Азовского морей, описал Кав-

пий, открыл «закон Бэра» — о неравномерной высоте правого и левого берегов рек, писал исследования о папуасах, делал изыскания по истории олова, пропагандировал разведение новых полезных растений, ратовал за освоение новых рыбных богатств в водоемах России.

Юный Миклуха-Маклай искал встречи с этим великим человеком. У него была рекомендация Геккеля.

Карл Бэр оказал большую честь Маклаю. Престарелый ученый поручил исследователю Красного моря начать изучение коллекций губок, собранных самим Бэром и Миддендорфом в Зоологическом музее.

★

Миклуха-Маклай должен был получить признание адмирала Федора Литке, вице-председателя Русского географического общества. Это общество в 1845 году создали Бэр и славные мореходы — Крузенштерн, Рикорд, Литке, Врангель. Общество прославило себя впоследствии подвигами Пржевальского, Потанина, Певцова, Семенова-Тяньшаньского, Грум-Гржимайло, Федченко, Северцева и самого Миклухи-Маклая. Но осенью 1869 года Маклай был молодым и совершенно неизвестным Географическому обществу ученым. Поэтому Маклай, прежде чем идти в Географическое общество, достал письмо от замечательного путешественника — зоолога Н. А. Северцева.

Но Литке встретил Миклуху-Маклая не так радушно, как Бэр. Географическое общество разрешило Миклухе сделать сообщение о работах на берегах Красного моря. Но дальше этого не шло. Через месяц после доклада о Красном море, в октябре 1869 года, Миклуха подал в совет Географического общества записку о своем желании отправиться на Тихий океан, в воды Японского и Охотского морей. За Маклая ходатайствовал академик Бранд. Но Литке и слышать не хотел о Тихом океане. Адмирал опасался, что планы молодого путешественника «завлекут общество слишком далеко». Он даже не желал принять Маклая и приходил в

ярость при одном упоминании имени самонадеянного юнца. Но секретарь общества каким-то образом уговорил адмирала и столкнул его лицом к лицу с Маклаем. Секретарь был поражен тактом молодого ученого. Обычно застенчивый и молчаливый, Маклай искусно направил разговор на славное прошлое адмирала. Казалось, он сам был вместе с Литке на шлюпе «Камчатка» у Головина в походе вокруг света. Слушая Маклая, Литке вновь видел картины своей прошлой жизни на коралловых островах, видел свеченье волн у русских островов в Океании и венец полярного сияния над русской Америкой. Растроганный Литке сказал, что он будет хлопотать за Маклая.

Обрадованный Маклай начал составлять программы своих научных работ на Тихом океане, согласовывая ряд вопросов с мировыми учеными, включил в программу ответы на некоторые вопросы, поставленные Дарвиным и другими исследователями.

Маклая горячо поддерживали Бэр, Геккель и другие великаны науки.

К этому же времени относится встреча Маклая с Петром Кропоткиным, тогда уже известным путешественником по Китаю, Манчжурии и Сибири. Кропоткин с первых же дней знакомства оценил всю незаурядность личности Маклая. Кропоткин называл маклаевские наблюдения драгоценными и сетовал на то, что Миклуха мало выступал в печати с рассказами о своей жизни и научной работе в Океании.

Маклай изменил свой первоначальный план; в 1870 году он заявил, что поедет на тропики и оттуда будет постепенно продвигаться к северу по Тихому океану — к Берингову и Охотскому морям. Это продвижение от Новой Гвинеи, — очевидно, к Гавайям и от Гаваев к Алеутским островам или через Индонезию, Филиппины, Формозу и Японский архипелаг и Сахалин — к Охотскому морю должно было занять семь-восемь лет.

Географическое общество прохладно отнеслось к плану тихоокеанского странствования Маклая. Литке лишь выхлопотал в морском ведомстве раз-

решение Маклаю сесть на военное судно. Затем путешественнику дали 1 350 рублей! Этим российские географы и ограничились. Изучение Тихого океана их нисколько не волновало. Россия, потеряв Аляску, с точки зрения многих, перестала быть страной, которая может позволить себе такую роскошь, как экспедиция в Океанию...

Маклай должен был надеяться лишь на собственные силы. И он это прекрасно понимал.

В конце октября 1870 года с палубы корвета «Витязь» Маклай прощался с Россией. «Витязь» вышел из Кронштадта в кругосветное плавание; командиру корабля было приказано доставить Миклуху-Маклая в Новую Гвинею. Морские офицеры, выдавшие всякие виды, пророчили Маклаю, что его съедят папуасы, как некогда канаки съели Джемса Кука. Маклай отшучивался, поглаживая бороду, и уходил из кают-компания к себе. В своей каюте Маклай доставал заветную книгу и перечитывал по несколько раз запавшие ему в душу слова Бэра:

«...Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи...».

Вот что внушил Маклаю гениальный старец. А бэровские губки само собой: Маклай их ревностно изучил, составил их описание, и ко времени выхода «Витязя» из Кронштадта маклаевский труд был уже напечатан в «Мемуарах Академии наук».

4. ПОЛИНЕЗИЯ

В тропической части Атлантики Маклай по своему обычаю «заниматься не своим делом», как о нем говорили ученые педанты, принялся за измерение температуры океанских глубин.

Удивительно, что даже биограф Маклая акад. Анучин пишет, что эти опыты Миклухи «едва ли имеют какое значение», и ссылается при этом на «обстоятельные работы» экспедиции на «Челленджере». А ведь исследовательские работы «Челленджера» в этих во-

дах проводились гораздо позднее новогвинейского плавания Маклая! Так уж у нас почему-то повелось издавна — умалять заслуги и открытия русских исследователей.

Из Вальпарайзо Миклуха писал в Петербург, что и в Патагонии, и в Магеллановом проливе он вел научные наблюдения.

Корабль заходил на сказочный остров Пасхи, где Маклай мог целых пятнадцать дней бродить у потухших кратеров острова.

Он видел и описал знаменитые статуи острова — огромных истуканов, вытесанных из базальтовых глыб. Истуканы смотрели на маленького бледного человека с высоты десяти метров своего роста.

Он видел на острове идолов, остатки мостовых из плит посреди правильно разбитых насаждений, развалины загадочных дворцов.

А когда Маклай был в Сант-Яго, он мог видеть в Чилийском музее и знаменитые письмена с острова Пасхи.

И опять умаление Маклая! Его русские биографы заявляют, что Маклай не прибавил ничего нового к познаниям об острове Пасхи и что его записки даже «утратили» свое значение после появления в печати позднейших монографий.

Но биографы забыли одно — Альфонс Пинар, Рауль и другие исследователи пришли к подножью базальтовых статуй позже Маклая и позже него напечатали свои записки!

Акад. Анучин даже с оттенком некоторого упрека упоминает, что Маклай на о-ве Пасхи «в значительной степени обращал свое внимание на местное население и его тип». Да! Быстрый ум Маклая жадно накинуся на новые материалы. Маклай слышал, что в могильниках острова Пасхи находили черепа, похожие на черепа обитателей Новой Гвинеи. Кроме того, он хотел сравнить типы островитян Пасхи и обитателей Мангаревы и Питкерна. Питкери и Паска лежали в одной цепи островов, Мангарева входила в состав островов Революции. Миклуха-Маклай помнил, что именно у пояса коралло-

вых рифов Мангаревы Чарльз Дарвин открыл тайну колебаний уровня земной коры, зачислив Мангареву в ряд феноменов мира.

И Маклай бродил по острову, на который когда-то сходил с борта «Бигля» Дарвин; смотрел город Рикитею, расположенный на опускающемся острове, может быть, будущей полинезийской Атлантиде...

«Витязь» зашел в главный порт и город архипелага—Апиа. Здесь Маклай увидел подневольный труд океанийцев на хлопковых и кофейных плантациях, жителей Меланезии, насильно привезенных сюда для отдачи в рабство европейцам.

Апиа была в то время поделена между Америкой, Англией и Германией. Для приличия острова Самоа именовались конституционным королевством Тау, но все дела вершились в Апиа тремя консулами, пока германский черный орел не распустил крылья над всем архипелагом.

На Самоа Маклай занялся поисками помощников и слуг для жизни в Новой Гвинее.

И хотя Маклай хорошо знал людей, но в Апиа он совершил большую ошибку, наняв шведского матроса с китобойного корабля — Ульсена.

В своих дневниках Маклай так обрисовал трусость, жадность и леность Ульсена, что этот человек читателям дневника кажется хуже животного.

Вторым спутником Маклая был Бой, полинезец с острова Ниуэ, близ королевства Тонга.

И вот, с борта «Витязя» Маклай жадно разглядывает острова Меланезии, — архипелаг, тогда еще не носивший имени Бисмарка. На острове Томбара (Новая Ирландия), в порту Праслин, Маклай видел у подножья высоких гор села меланезийцев, так похожих, кстати сказать, на обитателей Новой Гвинеи.

Маклай еще вернется сюда!

Он горел желанием скорее ступить на землю Новой Гвинеи, и в сентябре 1871 года взору очарованного странника открылся завешанный наполювину облаками берег желанного острова.

5. НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Офицеры корвета оглядывали в подзорные трубы зеленые берега залива, холмы, увенчанные столбами дыма. «Витязь» лежал в дрейфе посредине лазурного залива Астролябии. Командир корвета Назимов советовался с Маклаем, куда лучше высадить его, Ульсена и Боя. Вдруг один из офицеров корвета увидел бегущих папуасов. Но они промчались по песчаному берегу и скрылись в густом лесу. Вскоре корвет стал на якорь у кораллового берега бухты. И тут из леса снова вышли папуасы. Они несли в дар неведомым гостям кокосовый орех.

Маклай велел Ульсену и Бою собираться и первым спустился в шлюпку. Целый день потратил Маклай на первое знакомство с папуасами. Он храбро углубился в лес по неведомой тропинке, зашел в деревню и долго искал в ней присутствия какого-нибудь живого существа. В кустах возле деревни Маклай встретил первого гражданина Новой Гвинеи и своего будущего друга — Туя. Маклай взял за руку Туя, онемевшего от ужаса, и привел его в деревню. На деревенской площади вокруг Маклая и его спутников скоро собралось восемь папуасов, с черепаховыми серьгами в ушах, каменными топорами в смуглых руках, увешанных плетеными браслетами. Маклай щедро одарил папуасов и к вечеру вернулся на корвет. В следующий раз, когда Маклай вновь с'ехал на берег, Туя вышел к нему навстречу.

Маклай решил обосноваться для жилья в Новой Гвинее. Он выбрал место для постройки хижины возле ручья, близ самого моря.

Матросы и корабельные плотники с «Витязя» помогали Маклаю, Ульсену и Бою строить хижину из досок, привезенных с Таити.

Бухта с коралловыми берегами была названа портом Константина, мысы — в честь топографов, делавших эту с'емку, а отражавшийся в голубой воде ближний остров получил имя «Витязя».

Между тем новый друг Маклая, степенный семейный папуас Туя, стал жа-

лобно предупреждать Маклая, что, как только корабль скрется из виду, папуасы придут и умертвят Маклая, Боя и Ульсена. Маклай сделал вид, что не понял Туя, и преподнес ему в подарок еще лишний гвоздь.

27 сентября 1871 года «Витязь» выбрал якорь и покинул бухту Астролябии. Маклай остался один среди папуасов под пальмовой кровлей хижины, над которой в час прощанья с «Витязем» развевался русский флаг.

Так началась на Новой Гвинее жизнь русского храброго человека.

Мало-помалу лицо страны все явственней вставало перед Маклаем. Он уже записывал папуасские слова. Туй, щеголявший в шляпе китобоя Ульсена, помогал Маклаю в его познании папуасского наречия. Туй с толпой папуасов приносил к хижине Маклая поросят и кокосовые орехи. Бой играл перед папуасами на губной гармошке и обучал новых знакомых этому искусству. Дружба завязалась уже с первого дня.

Маклай долго думал — итти ли в папуасскую деревню с револьвером. После раздумья он оставил револьвер в хижине и сунул в карман лишь записную книжку, прихватив подарки для туземцев. Маклай пошел в деревню Горенду. Папуасы пускали стрелы прямо над ухом Маклая, размахивали копьями перед его лицом. Что сделал Маклай? Он спокойно распустил шнурки башмаков и улегся спать на циновке. Проснувшись, подняв голову, он увидел, что папуасы сидели вокруг него, мирно жевали бетель, никакого оружия уже не было видно. Папуасы зачарованно глядели, как Маклай зашнуровывает ботинки.

Он ушел домой, сделав вид, что не случилось и не могло случиться ровным счетом ничего!

Так Маклай «заговаривал» себя от копья, стрелы и костяного ножа. Воля Маклая победила. Он не раз показал свое презрение к смерти, и папуасы решили, что Маклай бессмертен. Туй привалился к хижине Маклая; он почти безотлучно сидел возле лестницы у входа в дом. Число друзей прибывало; они приносили Маклаю провизию —

бананы, плоды хлебного дерева и холодную вареную человечину...

Папуасы уже звали Маклая по имени (прозвище «Тамо-рус» появилось впоследствии).

Жизнь на Новой Гвинее шла размеренно. Как правило, Маклай вставал на рассвете и шел умываться к ясному ручью. Потом он пил чай. После чая он производил наблюдения над приливной водой метром, измерял температуру воды и воздуха, вел дневник. Около полудня Маклай завтракал и шел на берег моря за водяными животными или в лес — ловить насекомых для коллекций. Вечером Маклай склонялся над дневниками.

...Маклай видит: вот идет Туй в ульсеновской шляпе и с каменным топором на плече. Он ведет за собой толпу гостей с острова Витязя. Гости увешаны раковинами, собачьими зубами и кабаньими клыками, вымазаны праздничной краской. Придется их встретить, одарить. Островитяне просят до вечера, а потом уйдут домой, освещая путь факелами из сухих листьев. Прощаясь, они знаками покажут, что Маклая они не убьют и не съедят; для этого найдутся другие... Гости привезут на пироге дары...

А вот приходит Туй, учитель Маклая в папуасском языке и топографии. Туй не раз даже поправлял наброски карты Маклая, так уверенно, как будто он по меньшей мере провел половину жизни в чертежной Британского адмиралтейства! Маклай не раз убеждался в одаренности Туя.

И вот плоды ученья Туя. В записной книжке Маклая — ряды папуасских слов: *тан* — земля, *тамо* — человек, *орех-нуи*, *гребень-си*... Так за время житья в хижине под огромными деревьями Маклай выучил до 350 слов, а он считал, что все богатство папуасского языка можно уложить в одной тысяче слов. Следовательно, «тамо-рус» — русский человек — Маклай прилично знал язык папуасов. Он быстро выучился объясняться с новогвинейцами уже не только с помощью жестов.

Маклай не знал отдыха. Он ухаживал то за Боем, то за Ульсеном, гото-

вил обед, добывал на море медуз, ракообразных — для исследований, ловил огромных пестрых бабочек.

Спутники Маклая часто болели, его самого трепала тропическая лихорадка. Ульсен распустился, выходил из повиновения. Он злобно относился к Туу, в котором видел тайного соглядатая. Бедняга Бой еле двигается; он опух и побелел. Папуасы не считаются с Боем и Ульсеном, и хижину никак нельзя оставить на попечение этих двух людей.

А дружбой и лаской с ними можно было делать все. Вслед за людьми с острова Витязя (Били-Били) является посольство с островка Ямбомбы. Гости застают Маклая на свежих грядах огорода, где он посеял бобы, кукурузу и тыквы с Таити. Послы с Ямбомбы с восторгом понесли домой гвозди — дары «тамо-руса».

Маклай вместе с Боем пристроили веранду к хижине, поставили стол из ящика. С веранды удобнее принимать гостей, не спускаясь на землю и не выходя из хижины: среди гостей могут быть и недобрые.

Живя с папуасами целых полгода, Маклай ни разу не только не употребил оружия, но даже ни разу не показал его.

Маклай свято чтит обычаи папуасов. Он никогда не навязывал им себя. Они приходят к хижине сами и, оставив копья и ножи под присмотром кого-нибудь одного, идут беседовать с Маклаем. Бугай, поселянин из Горенду, первым пустил по всему Берегу Маклая сказку, в которую все поверили: «тамо-рус» Маклай — человек с луны! Луна и Россия — одно и то же.

Как-то среди ночи Маклая разбудил Ульсен и, дрожа, заявил, что к хижине идет толпа дикарей с факелами в руках. Маклай спокойно вышел на веранду и сказал: «Гена» (иди сюда). И толпа папуасов, действительно, с копьями и факелами ринулась к хижине. Но каждый из папуасов держал в правой руке несколько рыб. Оказалось, что темнокожие друзья после богатого улова в первую очередь вспомнили о «тамо-русе» Маклае.

... Слава «тамо-руса» росла. Маклая наперебой звали в гости и на Кар-Кар, и в Рио, и на остров Витязя.

Маклай начал лечить своих гостей, делать перевязки. Пользуясь расположением к себе своих гостей, знакомился с их оружием, орудиями труда.

Все виденное Маклай зарисовывал. Он начал работу над записками о папуасах. В книжке Маклая был длиннейший столбец с именами и «адресами» новых знакомцев. Туй и сын Туя — Бонем и Колле из Бонгу, мальчик Сирой, Дигу и другие приятели. Они водили Маклая в Бонгу, устраивали в честь него пиры, и Ульсен едва успевал принимать приношения — бананы, сладкий картофель, рыбу, сахарный тростник, кокосовые орехи. Маклай бродил по деревне, срисовывая хижины, типы папуасов. Часто Маклай и голодал. Вышел весь сахар, и «тамо-рус» пил боткинский чай с сахарным тростником.

Получив доступ в деревни, Маклай начал собирать папуасских черепов. Черепа родных папуасы не берегли, выбрасывали их в кусты возле хижин, но почему-то хранили нижнюю челюсть, подвешивая ее к потолку хижины. Маклай сбился с ног, отыскивая целые черепа, но так и не находил их. Вечерами Маклай сидел, срисовывая черепа. Ульсен с ужасом смотрел на своего странного хозяина... А для Маклая уже становились ясными некоторые особенности в строении черепов папуасов.

Туй заболел. Маклай ходил врачевать своего друга. Исцеленный Туй устроил в честь Маклая пир и захотел даже обменяться именами с Маклаем.

Неутомимый Маклай отправился на шлюпке к острову Витязя, где его встретил один из вождей островитян, Каин. Здесь Маклай знакомился с папуасскими гончарками (остров славился добротной глиняной посудой). Островитяне — мужчины, женщины, дети — все вышли на берег для встречи с «тамо-русом». Многие из островитян хотели дать своим детям имя Маклая, но скромный «тамо-рус» не дал на это согласия. Возвратившись домой, Маклай выгрузил со шлюпки подарки — пол-

сотни кокосов, саго и огромную связку бананов.

Однажды Маклай с сумкой за плечами отправился в горную деревню Теньгум-Мана, где его очень радушно встретили. Когда Маклай пошел обратно, его сопровождал почетный конвой — целый отряд копьеносцев! Рядом с копьеносцами бежали носители огня, держа зажженные поленья. На пути из Теньгум-Мана Маклай нашел вырезанные на стволе дерева знаки — свидетельства папуасской письменности. Проводники Маклая, зная, что он собирает животных, старались поймать для него ящерицу. Впоследствии папуасы часто добровольно помогали Маклаю в его делах.

Маклай был весел, хотя его мучили частые приступы лихорадки. Он шутил с Ульсеном, угощая его бульоном из мяса черного какаду, прыгал от радости, найдя новые старинные письма, вырезанные на деревьях. Он радовался, как ребенок, когда Туй и Лялу пришли с приглашением — притти на званый ужин, где будет подана тыква из первого урожая (русское слово «тыква» вошло в обиход друзей Маклая). Первую тыкву на Берегу Маклая сварили, примешали к ней скобянку из кокосового ореха и с'ели в один присест.

«Человек с луны» проводил иногда ночи в гостеприимных хижинах, где стояли огромные телумы — статуи, а под потолком или над дверью висели кости казуара, черепах, свиней, собак, кожа ящериц и челюсти родственников. Женщины уже не боялись, как прежде, «тамо-руса», и некоторые деревни даже засылали Маклаю сватов...

Женщины Горенду как-то окружили Маклая и потребовали, чтобы он дал имя новорожденной. Подумав немного, «человек с луны» назвал девочку Марией.

Жители Били-Били хотели строить Маклаю хижину, его звали в Бонгу. Узнав об этом, папуасы Богати обиделись и решили переманить Маклая к себе. Они обещали Маклаю трех лучших девушек в жены, прекрасное жилище, лишь бы «тамо-рус» не переселялся на Били-Били или в Бонгу! Маклай

улыбался, благодарил, а сам шел к микроскопу.

Как-то Маклай сидел дома и писал заметки для Карла Бэра — об антропологических особенностях папуасов. Маклай отложил в сторону работу, потому что увидел приближение гостей. Шла большая толпа — представители всех соседних сел. Они горячо стали просить «тамо-руса» никуда не уезжать, поселиться здесь навсегда и взять себе жен, сколько он пожелает. Оказалось, что деревни устраивали совещания, обсуждали этот вопрос и, наконец, пришли сюда. Что мог сказать «тамо-рус» в ответ на это требование папуасского вече? Он сказал темнокожим друзьям, что если и уедет отсюда, то вернется вновь. Насчет жен Маклай заметил, что женщины вообще много шумят, «тамо-рус» любит покой; что же он будет делать, если все жены начнут шуметь? Деловой ответ Маклая, его невозмутимость убедили толпу сватов, и попытки женить «тамо-руса» на некоторое время были прекращены.

А вдоль всего Берега Маклая уже гремела папуасская песня, сложенная в честь русского человека! Он же неустанно ходил, записывал, рисовал, собирал коллекции, утешал плачущую женщину Кололь: она голосила об умершей свинье, которую кормила когда-то своей грудью... Он вникал во все мелочи трудной папуасской жизни. И в благодарность за это папуасы готовы были пойти за Маклаем в огонь и в воду...

Каин и Гад возили Маклая на пироге к острову Тиару. Они были встречены тиарцами, как лучшие друзья. Маклай вернулся, открыл тридцать островов и широкий пролив.

Страшный приступ лихорадки свалил Маклая на жесткую постель. Ульсен причитал над Маклаем, как над покойником. Продукты шли к концу. Черные какаду — обычная пища «тамо-руса» — куда-то исчезли. 20 сентября, в день, когда Маклай, больной и голодный, бродил среди лиан в поисках добычи, он вдруг вспомнил, что исполнился ровно год с того времени, как он высадился здесь. И в этот день он записал в днев-

нике, что он за это время добился полного доверия туземцев и что сам уверен в них... «Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу» — так заканчивалась запись больного и голодного, но гордого своим успехом сына России.

19 декабря произошло знаменательное событие. Накануне «тамо-рус» пошел в Бонгу на папуасский праздник; вечером Саул упросил Маклая остаться у него ночевать и уложил дорогого гостя в своей хижине. На рассвете Маклай крепко заснул, так как ночной сон много раз прерывался музыкой и криками пиршества. Но скоро его разбудили крики: «Биа! Биа!» (огонь). Маклай спросил: где люди Бонгу видят огонь? Ему ответили, что в стороне Кар-Кара, то-есть с моря. Толпа папуасов бежала к хижине, крича: «Маклай! Корвета-рус!».

Все еще не веря вестникам, Маклай пошел к морю и увидел дым корабля. «Тамо-рус» сел в пирогу и помчался домой. Ульсен лежал на койке и стонал. Когда он услышал весть о судне, он не смог даже выполнить приказа Маклая — поднять русский флаг над Берегом Маклая: у него отнялись руки.

Маклай сам протащил вниз флагинь, и знамя развернулось. При виде его судно пошло прямо к мысу. Маклай сел в шлюпку и пошел навстречу.

С борта корабля узнали героя Новой Гвинеи, и командир в честь такой встречи дал команду матросам: «По реям», — Маклай был встречен троекратным «ура».

Так, вероятно впервые, русский военный флот отдал почести посланцу мира и дружбы... Оказалось, что, это был клипер «Изумруд», посланный на поиски Маклая.

Наступили дни большой скорби на Берегу Маклая. Темнокожий народ понимал, что корабль увезет друга папуасов — «тамо-руса» Маклая.

В Бонгу, Горенду, Гумбу люди сидели у ночных костров и гадали — вернется ли чудесный русский снова сюда? Кто будет теперь помогать поселянам? Папуасы вспоминали, как Маклай

запретил военному союзу селений начать войну с жителями Бонгу и Горенду. Они помнили, что женщины и дети воинов этих деревень находили не только защиту, но и убежище от отрядов врагов у стен хижины «тамо-руса».

Когда Маклай вернулся с корвета на берег для того, чтобы собрать вещи и попрощаться со своими друзьями, вечером он увидел, как к хижине идут его друзья. Освещенные пылающими факелами, из глубины леса выступали смуглые люди с копьями в крепких руках. Они брели, опустив головы, храня глубокое молчание. Здесь сошлись жители приморских долин и горды, старые воины и молодежь с красными цветами в волосах. И они молили Маклая остаться здесь, обещали выстроить для него по дому в каждом селении. Они повели Маклая ночью, при свете факелов, сквозь заросли пальм и банановых деревьев в Гумбу. Там возле костров сидели жители остальных деревень. И все они умоляли Маклая не покидать их хижин.

Маклай сказал своим друзьям, что он рано или поздно вернется сюда. «Тамо-рус» провел всю ночь в кругу островитян, а утром почувствовал, что не может стоять на ногах. Ноги Маклая были покрыты ранами от неустанных походов по трущомам Новой Гвинеи. Тогда друзья «тамо-руса» понесли его на своих плечах к Гарагасси. А на зеленом мысу матросы с «Изумруда» открывали первый своеобразный памятник в честь подвига русского человека в Океании; они прибавали к самому большому дереву на всем Гарагасси тяжелую доску из красного дерева с листом меди, на котором была вырезана надпись в честь Маклая и кораблей «Витязь» и «Изумруд».

И когда Маклай, простившись с народом, который стал ему родным, смотрел в бинокль на зеленые берега острова, он услышал грохот папуасских барабанов. Они гремели по всему Берегу Маклая. «Тамо-рус» стоял на спардеке корабля долго, пока из его глаз не скрылся открытый им Архипелаг Довольных Людей...

6. НОВЫЕ СТРАНСТВИЯ

Корабельный лекарь промыл и перевязал раны Маклая и хотел было уложить его в постель, прописав строгий покой. Но не тем человеком был Маклай! Он сидел в каюте с карандашом в руке и правил рукопись «Антропологических заметок о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее». Это был его подарок Бэру. Заметки эти Маклай написал в хижине на мысе Гарагасси.

«Моим стремлением было, следуя совету К. Э. Бэра, наблюдать людей по возможности без предвзятого мнения» — писал Маклай.

И в новогвинейской хижине, и в каюте корабля Маклая преследовала одна мысль. Он прожил на Берегу Маклая пятнадцать месяцев, изучил местный народ, но этого мало! Нельзя успокаиваться на достигнутом и сходить с первой ступени высокой лестницы. Надо изучить других папуасов Новой Гвинее, сравнить их с обитателями Берега Маклая. А когда в се папуасы Новой Гвинее будут изучены, Маклай исследует остальные земли Меланезии и меланезийцев сравнит с новогвинейцами. Тогда легче будет открыть тайну происхождения меланезийцев, показать, где они составили особенную племенную группу, отделившись от собственно полинезийцев, насколько малайцы сохранили черты, присущие жителям Меланезии.

«Приглядимся к малайцам» — говорил он себе и, пользуясь заходом корабля в порты, сходил на берег и смешивался с пестрой толпой жителей побережий.

Маклай увидел Тидор — столицу одного из молуккских султанств на острове Хальмахер. В границы султанства входили западные побережья Новой Гвинее и папуасские острова близ них. Малайцы Тидора, торгуя с папуасами, разоряя их, приобретали и меланезийских рабов.

В порту Тернанте «тамо-рус» видел те же картины рабского труда. Здесь, на перекрестке дорог из Азии в Австралию и Океанию, Маклай искал законы смешения племен.

На половине пути между Австралией и Азией видны высокие вулканы острова Целебеса, и Маклай ходил по земле северного мыса острова. Он видел целебесцев, очень похожих на папуасов. Маклай, если бы мог, конечно, ринулся бы в леса Целебеса, но «Изумруд» надо итти дальше — к Филиппинам.

И вот уже кормовой флаг «Изумруда» отражается в воде глубокой гавани, и на корабль надвигается берег Люцона. Манилла красиво раскинулась на берегу бухты, встала на обоих берегах реки Пазиги. Рвы, крепостные стены, форты. Огромный собор XVI века, прядильни, фабрики сигар и снастей. Оборванные тагалы, речь пятидесяти племен малайцев... Маклай ищет людей, знающих, как найти негритосов. И, действительно, он находит бродячих негритосов, которых часто также называют азтасами. Это — малорослые, прижатые и забытые люди. Многие из них не имеют жилищ и носят с собой тростниковые щиты, под которыми и укрываются от непогоды. Найти негритосов было не так-то легко. Для этого пришлось переправиться на другой берег манильской бухты, зайти в деревню Лимай, дать отдых ногам, на которых еще не закрылись новогвинейские раны, и на рассвете итти пешком в горы Маривелес.

Хорошо, что попался переводчик и с негритосами можно было объясняться при его помощи. Маклай пришел в табор бродячего племени и прожил в нем несколько дней, так же, как негритос, закрываясь на ночь щитом из листьев пальмы! У маленьких темнокожих людей нашлось почти папуасское слово «тао» — человек; Маклай был великаном по сравнению с этими людьми, рост которых не превышал 1 метра 44 сантиметра... Маклай принялся измерять черепа негритосов, записывать слова, подмечать обычаи людей земли, которую когда-то открыл Магеллан.

В Лимайских горах он нашел несомненно папуасское племя. Общий физический склад негритосов, язык, обычаи, — все напоминало папуасов! Счастливый Маклай нес на корабль черепа негритосов, записи измерений, за-

рисовки. В каюте он достал свои бумаги и вынул драгоценное письмо.

«Я советовал бы Вам,—писал Карл Бэр, — захватить на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить все возможное старание, чтоб привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, что очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов — брахицефалы».

Маклай разрешил этот вопрос: «Да, Бэр не ошибается — у негритосов брахицефальный тип черепа. Такие черепа встречались и на Берегу Маклая!».

Маклая тянуло на родину, но он думал о новых странствиях. Однако надо все же отдохнуть, притти в себя, разобрать материалы и записки. Где удобнее это сделать — на Яве, в Австралии, в Сингапуре? Надо быть поближе к морским дорогам. И снова — новые картины, впечатления, встречи! В Гонг-Конге Маклай сходит с борта корабля, пересаживается на торговое судно, и вот он уже любит Сингапуром, а через несколько дней — Батавия.

В Батавии Маклая ждали. Вероятно, о нем пронюхали колониальные газеты, — иначе откуда узнал о нем все господин генерал-губернатор Нидерландских Индий — Джемс Лаудон? Он зовет Маклая к себе — в прекрасный город Бьютензорг — отдохнуть. Бьютензорг — жемчужина Явы. На высоком холме во дворце Лаудона Маклай прожил семь месяцев. Уединясь в огромном дворцовом саду, он писал свои заметки.

Маклай понял, что ему теперь не откажут в содействии новому походу, и на Яве он задумал проникнуть в голландскую Новую Гвинею.

7. ОКЕАНСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

В декабре 1873 года Джемс Лаудон провожал «короля папуасов» в новое путешествие. На небольшой остров Амбоин в Южном Молуккском архипелаге приплыл Маклай из Батавии. На Амбоине водятся самые причудливые по своим размерам и строению светлых крыльев стрекозы, гигантские мотыль-

ки, а 780 видов рыб в его водах делают Амбоин самым богатым в мире заповедником морской фауны.

Город Амбоин лежит в области торговых путей в голландскую Новую Гвинею. Обитатели островов Серам-Лаут уже несколько веков наживались за счет папуасов. Но хищники из малайских стран боялись показываться на берегу Папуа-Ковиай, якобы населенном людоедами.

Маклай, конечно, пожелал плыть именно к этому берегу, где папуасы сохранились, очевидно, лучше, чем на других берегах, куда плавают малайцы.

На большой лодке «урумбае», с экипажем в шестнадцать человек, Маклай вышел от Серам-Лаут. У берегов Новой Гвинеи он вскоре открыл новый пролив (Елены), значительно поправил старую карту побережья и снова открыл пролив (Софии). На берегу Папуа-Ковиай Маклай выстроил хижину у мыса Айва и начал изучение папуасов. Оказалось, что племя берега ничем не отличается от жителей тех же Горенду, Бонгу или Архипелага Довольных Людей. Маклаю иногда казалось даже, что он видит перед собой брата Туя или сестру женщины Кололь, настолько папуасы Айвы были похожи на его друзей из залива Астролябии! «Таморус» узнал, что и здесь встречается нередко брахицефальная форма головы, так же, как и у жителей Берега Маклая.

Однажды Маклай услышал от новых приятелей, что в горах есть большое озеро. Он загорелся новой мыслью — проникнуть вглубь страны и увидеть самому таинственные берега.

Он смело углубился в неведомые просторы, поднялся на вершины гор высотой в 1200 футов и увидел внизу светлые воды озера. На языке папуасов оно называлось Камака-Валлар. Маклай не зря бродил по берегам озера, — он нашел новый вид губок и любопытные раковины.

У озера он открыл племя вааусирау, общее с береговыми папуасами.

Но в Айве, возле хижины Маклая и в самой хижине, разыгрались страшные события. Оказалось, что двести папуа-

сов из бухты Кируру напали на береговых папуасов, которые отступили к хижине Маклая. В хижине сидели пять спутников Маклая, оставленных для присмотра за вещами. Победители из Кируру, одолев береговых папуасов, убили в стенах дома Маклая трех женщин, старого раджу Айдуму, его жену, а дочь старика разрубили на куски. С воинственными криками папуасы разграбили хижину Маклая, уничтожили научные инструменты и ушли, отравив ручей с пресной водой. Разбойники унесли с собой одежду Маклая, бутылки с красным вином, анатомические ножи и ланцеты...

Но и это не испугало Маклая. Он не хотел покидать берега Папуа-Ковиай и бросить свои работы. Маклай отправился на остров Айдуму и выстроил там новую хижину. Между тем второй отряд папуасов, человек в триста, спустился с гор и явился снова в Айву, чтобы убить Маклая. Но их ждало разочарование: Маклай был уже на Айдуме. Тогда разбойники решили идти к острову Айдуме. Но бесстрашный Маклай и на новом месте работал круглыми сутками и спокойно спал под дырявым кровом своего убежища. Маклай знал, кто был его тайным недоброжелателем. Начальники папуасских сел на берегу Папуа-Ковиай получили от малайцев пышные звания раджи (радя), капитанов, майоров и т. д. Майора острова Мавары звали Саси. Это был отъявленный негодяй и разбойник. Он имел случай встречаться с Маклаем раньше. Майор Мавары и устроил резню в Айве, подговорив папуасов напасть на Маклая и его людей.

Маклай перенес на урумбай вещи и приказал поднять паруса. Айдуму надо было покидать!

Какими же новыми данными обогатил Маклай науку во время путешествия на Папуа-Ковиай? Он доказал, что долихоцефалия — длинноголовость — не может быть сочтена за основной и непреложный признак папуасов. Легенда о пучкообразных волосах папуасского племени была разрушена навсегда; у жителей Берега Маклая, негритосов Филиппин, племени папуа-ковий волосы ра-

стут так же, как у всех людей. Маклай вывез с Папуа-Ковиай ценные наблюдения над смешанными браками малайцев и папуасов.

Но смелый и благородный русский человек узнал и другое, о чем не мог молчать. Он поведал миру о страшных преступлениях малайских купцов и работорговцев. Малайцы, нападая на прибрежных папуасов, грабя и уводя их в плен, развратили мирный когда-то народ. Прибрежные папуасы стали охотиться на своих же соотечественников — горцев — и продавать их в рабство малайцам. Капитан Мавары, Саси, был типичным образцом такого охотника на рабов. Маклай открыл потрясающий факт перехода папуасов к кочевому образу жизни. Укрываясь от малайцев и своих внутренних врагов, целые селения папуасов превратились в водных кочевников; они жили на пирогах, скитаясь вдоль побережий! Маклай снова взялся «не за свое дело» и составил записку на имя губернатора Нидерландских Индий, в которой он гневно бичевал торговцев людьми.

Добравшись до Амбоина, Маклай тяжело заболел. Он слег в постель и потерял возможность двигаться. Лихорадка, страшные невралгические боли настолько измучили его, что амбоинский врач не надеялся на его выздоровление.

Подвиги Маклая уже вызывали восхищение и преклонение океанских европейцев. И, когда от Маклая долгое время не было никаких известий, капитану британского военного корабля «Василиск» Моресби было приказано разыскать Маклая, живого или мертвого, и, если он жив, оказать ему помощь. Британский моряк двинулся на поиски Маклая, но узнал, что он доставлен уже в Амбоин. Тогда Моресби, бросив якорь напротив форта Виктория, сошел с корабля и побрел по Амбоину, разыскивая русского путешественника. Когда Моресби увидел Маклая, капитан невольно остановился посреди комнаты. На белых подушках лицо Маклая казалось особенно страшным. Заросший бородой, с ввалившимися щеками, желтый и исхудавший, маленький человек, казалось, доживает последние часы. Морес-

би написал своему начальству, что он сделал все, чтобы разыскать Маклая, но вряд ли знаменитый русский теперь встанет с постели, настолько он болен.. Но воля и мужество «тамо-руса» и на этот раз победили! Он не только выжил, но и поправился настолько, что стал составлять план нового похода. Из Амбоина Маклай направился в Тернате на остров Хальмахер, в город у подножья вулкана, некогда воспетого Камоэнсом. Здесь, в одном из окраинных кварталов, жили чистейшие альфуры, не смешанные с малайцами и еще хранящие свои древние обычаи и язык. И Маклай снова вспоминал статью Бэра «О папуасах и альфурах».

Народы в Океании разбросаны, как бусины из разорванного ожерелья, но Маклай разыщет племя папуасов и на Филиппинах, и на Целебесе, и в джунглях тропического полуострова! Он закнет это ожерелье...

8. В СТРАНЕ ОРАНГОВ

Маклай снова в Батавии. Снова—гостеприимный дворец Джемса Лаудона, восхищение голландцев подвигом русского, бесконечные расспросы о скитаниях на берегу Папуа-Кювнай. И снова — уединение в саду Бьютензорга, чтение книг, которых так много в библиотеке Джемса Лаудона. Теперь Маклая интересует исключительно Малайский полуостров. В дебрях Малакки среди малайских племен обитают неизвестные оранг-семанги и оранг-сакаи. Кто они? Маклай несколько раз перечитал статью Логана в «Журнале Индийского Архипелага и Островной Азии», работы Ньюболта, Вайца, Ло и других исследователей. Никто из этих ученых еще не видел ни одного живого оранга Малакки. Но почему же они пишут о таинственных народах и гадают о том, кто оранги — малайцы или негры? Гадать нечего! Он сам поедет на Малакку, углубится в леса и горы, найдет орангов, и только тогда можно будет говорить — кто они.

Маклай развертывает тяжелый атлас. Вот она — цель нового странствия. С Азиатского материка в Индийский оке-

ан вылез, как длинный язык, узкий Малайский полуостров. Он уперся своим концом в Сингапур, протянувшись, как некий мост из Индокитая в Австразию. Кто знает, может быть, полинезийские народы прошли когда-нибудь по этому мосту к голубым пространствам океана, и Азия — прародина океанийцев?

Маклай не раз расспрашивал малайцев о лесных людях Малакки, но не мог добиться ценных сведений. Все повторяли одно, что оранги — дики, нелюдимы, живут в глухих лесах, ведут кочевой образ жизни.

Рассказывали, что оранг-утанги—люди малаккских лесов—малы ростом настолько, что их можно назвать карликами. Они поражают врагов отравленными стрелами...

Маклай твердо решил ехать в Сингапур, а оттуда — на Малакку. Но где взять средства? Он писал в Петербург — Географическому обществу, просил устроить заем денег, но общество молчало. Тогда Маклай занял полтораста фунтов стерлингов и с этой, по существу, грошевой суммой пустился в дорогу.

Сингапур, — Львиный Город — в те времена не был таким мощным военным заслоном для морских владений Британии, как теперь. Просто на небольшом острове над морем возвышался форт Каннинг, на другом холме стоял дом губернатора «Колонии Проливов и острова Сингапура». Вокруг холмов тянулись кварталы Львиного Города — индийский, китайский, малайский. Вездесущие китайские купцы покупали и продавали бамбук, кожи, саго, перец. В портовых складах лежали товары Суматры, Борнео, Австралии, Филиппин. Сюда привозили русский керосин, английский каменный уголь, китайский чай.

Маклай не раз смело стучался в двери дворцов и требовал, именно требовал, настойчивого внимания к своим работам. Прибыв в Сингапур, он добился у губернатора письма на имя магараджи страны Джохор.

Край Джохор, или Иохор, был когда-то могущественным малаккским государством и владел не только многими зем-

лями на материке, но и морскими островами. Но и в 1874 году Джохор еще включал в свои владения огромные, малоизведанные области на Малакке. И вот Маклай уже въезжает в город Джохор-Багру. Это скорее большая деревня, чем столица. Но в этой деревне есть дворец магараджи, склады перца, каучука, камфары, слоновой кости.

Магараджа джохорский, человек, побывавший уже в Европе, принял посланца науки очень сердечно. Маклай проводил с магараджей время в расспросах о стране Джохор и ее людях. Он горячо убеждал магараджу в необходимости исследования Джохора, и магараджа с грустью сознался Маклаю, что в его владениях нельзя найти ни одного человека, который мог бы сказать, что он прошел всю страну Джохор от края и до края. У магараджи нет даже карты Джохора! Маклай первым из европейцев исследовал Берег Маклая, первым проник вглубь Папуа-Ковиай, теперь русский впервые пересечет весь Джохор. Маклай пообещал магарадже составить первую карту Джохора, а за это владыка малаккских лесов должен оказать содействие русскому... Тогда магараджа составил и вручил Маклаю указ всем старшинам Джохора — давать Маклаю всюду проводников и носильщиков. Маклай двинулся по полуострову навстречу солнцу — «посолонь», как ходили до него много смелых русских людей в чужих краях. С запада на восток брел он по незнакомым джунглям — через тигровые джунгли. Караван Маклая вспугивал стада диких кабанов. Ночью над головами путников проносились огромные летучие мыши. Устья рек кишели крокодилами. Стоял декабрь — время разлива рек. Маклай семнадцать дней подряд брел по затопленным пространствам Джохора, в густых малаккских лесах, пока путь не пересекло шумное устье реки Муар. В джохорской душегубке, стуча зубами от лихорадки, дыша теплыми испарениями, Маклай плыл по Муару. С лодки он видел малайские деревни под сводами зеленых лесов, но страна оранг-утангов была еще далека.

Наконец, лодка вошла в устье мурарского притока Палона. И здесь с лодки Маклай увидел на лесном берегу жалкие жилища «людей леса»! Так была открыта страна оранг-утангов. Маклай установил родство оранг-утангов с полинезийцами. И, хотя оранг-утанги и смешиваются с малайцами, примесь полинезийской крови настолько явственна, что надо вести дальнейшие поиски, которые приведут к открытию чистых меланезийцев в джунглях Малакки!

Маклай нашел в джунглях Джохора переходные виды от оранг-утангов к малайцам, но еще нигде ему не встретился чистый меланезийский тип. Так Маклай шел по стране Джохор от Малаккского пролива до берегов Китайского моря. На морском побережье, куда он вышел, концом тринадцатидневного похода было устье реки Индау. «Тамо-рус» выполнил свое слово, данное магарадже, — пересечь Джохор, — он сделал это дважды. От Индау он двинулся на юг и через двадцать дней, пройдя Джохор с севера на юг, достиг болотистого берега узкого пролива между Малаккой и Сингапуром.

В феврале 1875 года он вновь сидел во дворце магараджи джохорского, рассказывая ему о пятидесяти днях, проведенных в джунглях страны Джохор. Маклая вновь трясла лихорадка, и он с трудом пересиливал слабость в ногах, старался забыть о звоне в ушах и говорил о новом походе в самую глубину Малакки. Но он не прощался с магараджей и сказал, что они скоро вновь увидятся, когда Маклай пойдет из Джохор-Багру сушей — прямо в Сиам.

Маклай снова в Сингапуре. Сэр Эндрьюс Кларк видит, насколько болен его гость. Он хочет отвлечь его от выполнения новых планов. Он зовет его в Бангкок — подышать чистым воздухом Сиамского залива, отдохнуть на корабле «Плутон», посмотреть сиамскую столицу. Губернатор Пролливов и Сингапура не подозревал, что он ведет Маклая к порогу его новых победных странствий... Во время сборов в Бангкок Маклай ходил у звонкой полосы океанского прибоя, сидел долго на берегу, а потом подымался на губернаторский холм и на-

чинал убеждать сэра Кларка, как члена старейшего в Азии Бомбейского географического общества, основать на сингапурском берегу морскую зоологическую станцию. На борту «Плутона» больной Маклай писал отчет о странствиях в земле «лесных людей»...

Сэру Кларку стоило больших трудов выманить Маклая из каюты — на целый морской воздух.

За кормой «Плутона» бежали последние волны. Грохот якорной цепи заставил Маклая встрепенуться. Бангкок! Столица страны народа тай! Маклай выходит из каюты и бросает жадный взгляд на берег. В шляпке они плывут вместе с сэром Кларком, между шумными берегами мимо штабелей мешков с перцем и кардамоном, на джонках, мимо садов, харчевен, рынков... Конечно, «тамо-рус» осмотрел город Диких Плодов, но его влекло в столицу Сиам другое.

Король сиамский, в то время двадцатидвухлетний Параминдр Мата Чулалконгорн, владел доброй половиной Малайского полуострова; ему подчинялись бесчисленные вассалы — раджи, султаны и князьки Малакки. И Маклай, пользуясь присутствием и дружбой сэра Кларка, смело стал стучаться в золоченые двери чертога короля сиамского!

Грамота короля сиамского предписывала князькам помогать Маклаю во всем...

С легкой руки короля Чулалконгорна, Маклаю дали здесь звание русского князя Маклая. «Дато рус Маклай» немало содействовал будущему сближению России с королевством Сиам...

Вернувшись в Сингапур, «дато Маклай» скоро снова гостил у магараджи Джохора. На этот раз магараджа молил Маклая, убеждал отменить новый поход в страну «лесных людей». Но Маклай стоял на своем. Тогда магараджа махнул рукой и дал «дато русу» тридцать носильщиков и грамоту к владетелю Паханга, с которым, кстати сказать, джохорский магараджа не раз воевал. Как всегда, безоружный и восторженный, Маклай простился с Джо-

хор-Багру и 15 июня 1875 года двинулся в путь.

Его сопровождал папуасский мальчик Ахмат, воспитанник Маклая, хорошо говоривший по-русски, и маленький чиновник джохорского владетеля, который был посредником между Маклаем и князьками.

Караван Маклая вступил в столицу большого государства Паханг — город Пекан, у лимана реки, стекающей в Китайское море. Грамота короля произвела большое впечатление. Бандахара, вассал короля сиамского, ввел Маклая в свой дворец, дал ему людей для дальнейшего путешествия.

Маклай двинулся прямо к сердцу королевства Калантан, где до него не был еще никто из европейцев. Лодка, утлый плот, спина слона, скрипучая буйволовая повозка, а чаще всего — собственные ноги несли Маклая к цели его странствий. Он проходил пешком по сорока верст в день, и снова, по грудь в воде, ступаясь и падая в промоины, преодолевал затопленные пространства. Он встречал россыпи золотого песка на берегах рек и вспоминал о том, что Бэр видел именно в Малакке древнюю страну золота — Офир.

На верхнем течении Паханга, в горных ущельях, между странами Паханг, Трингану, Калантан, Маклай нашел жемчужину своего океанского ожерелья. Пробираясь сквозь горные леса, он спугнул первых встреченных им «людей леса». Это были пугливые, низкорослые, смуглые существа, проводившие ночи на деревьях. Сердце друга обездоленных племен сжималось при виде этих людей, бедных, как птицы. У них не было никакого имущества, кроме тряпья на бедрах и ножа. Они скитались по лесам, добывая камфору, давали своим детям имена деревьев. Эти люди были самыми чистыми меланезийцами...

Сомнений не было! Оранг-сакаи не были похожи на малайцев. «Люди леса» напоминали скорее негритосов Филиппин карликовым ростом, а в остальном были похожи на папуасов Новой Гвинеи. Курчавость волос, цвет кожи, строение тела, множество других при-

знаков указывали на принадлежность орангов к меланезийцам...

Маклай зарисовывал орангов, вел дневник. Он переходил от одного стойбища к другому. Робкие карлики перестали бояться русского, и он узнал о их жизни все, что было в его силах.

Сто семьдесят шесть дней пробыл Маклай на Малакке. От орангов он прошел по владениям семи малайских князей и вступил в город Патани на восточном берегу полуострова. От Патани Маклай двинулся к северу и вскоре подошел к хижинам сиамского города Сонгоро. Он побывал в пяти малайских государствах, семи княжествах Малакки, в пяти сиамских странах. Из Сонгоро Маклай проехал на слоне в страну Кедах — на западном берегу полуострова.

В стране Кедах Маклай услышал, что в Малакке, у южной оконечности полуострова, в этом древнейшем городе, прорезанном каналами, живут еще представители рода орангов. Но «тамо-рус» разочаровался. Малаккские оранг-мантра были смешаны с малайцами, говорили на их языке и носили малайскую одежду.

Два года короткой жизни Маклая ушли на дерзновенный подвиг в малайской глуши...

9. МЕЛАНЕЗИЙСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

На холме Бьютензорга Маклай снова принялся за литературную работу. Он написал статьи — о джохорском походе, который скромно называл экскурсией, о своих скитаниях среди орангов Малакки. В Батавии и Бьютензорге «тамо-рус» узнал новости из Европы. Его учитель Геккель уже два года тому назад выпустил свою «Антропогению» и не уставал бороться за пропаганду учения Дарвина. Фрегат «Челленджер» бродит в пространствах Океании, делает глубоководные промеры, с'емку островов, люди «Челленджера» изучают природу и население Полинезии.

И Маклау кажутся тесными стены дворца в Бьютензорге. Он вспоминает слово, данное им папуасам Берега Маклая. Ведь они ждут его, глядят в про-

сторы океана — не покажется ли над бирюзовым горизонтом дым русского корабля? «Тамо-рус» укладывает вещи и благодарит Джемса Лаудона за любезный прием и гостеприимство. Он едет из Бьютензорга в яванский порт Черибон, где на рейде уже стоит легкая шхуна «Морская птица» с британским флагом на корме.

Легкий попутный ветер понес «Морскую птицу» к Макассарскому полуострову Целебеса. В мае 1876 года Маклай уже исследовал Каролинские острова, бродя по коралловым рифам. На картах Микронезии — русские названия островов: Сенявин, Римский-Корсаков, Хромченко, Суворов, Беринг, Румянцев, Чичагов... Среди земель Западных Каролин высится большой остров Япп, весь в зарослях хлебных деревьев и кокосовых пальм. Здесь Маклая встретили высокие, стройные люди, с белыми раковинами у запястья. Каролинцы — смелые мореходы. Маклай описал быт этих людей-рыб. «Тамо-руса» поражала способность каролинцев нырять на большую глубину в поисках с'едобных раковин, которых островитяне ели сырыми.

Маклай был гостем деревни Киливит на Яппе. Там он лишний раз убедился в жестокости европейских торговцев; каролинцы, взятые белыми для ловли трепанга, мерли, как мухи. И здесь, как на Самоа, германский черный орел обagrял клюв кровью полинезийцев; Германия готовила захват архипелага, который она сама никогда не открывала и не исследовала...

Далее, Микронезия предстала Маклау базальтовыми скалами архипелага Палао, где он пробыл, как он пишет, довольно долго. Палао населяли темнокожие люди, с курчавыми волосами явно папуасского типа.

И Маклай бродил среди этих людей, тела которых были вымазаны густой и яркой желтой краской, а зубы — выкрашены жирной черной землей.

По мере приближения к островам Меланезии, особенно к Адмиралтейским, шкипер «Морской птицы» заметно трусил и бегал к канониру — проверить готовность пушек, о которых Маклай,

кстати сказать, отзывался, как об игрушечных.

«Морская птица» скользила между островков и больших атоллов. Путешественники были теперь в самом сердце страны людоедов, где изысканным яством считался человеческий мозг, смешанный с кашей из саго и мякоти кокосового ореха... «Морская птица» летела в виду берегов главного острова архипелага Адмиралтейства — Тауи, как вдруг Маклай увидел пирогу, качавшуюся на волнах, поднятых шхуной. Пирога подошла к борту «Морской птицы», экипаж большой лодки поднялся на палубу шхуны. Маклай, конечно, пошел изучать пирогу и разглядел странные вымпела на рангоуте пироги: это были человеческие волосы! Маклай спокойно определял, чьи это волосы: папуасские или полинезийские? Маклай вглядывался в лица людоедов, осматривал их утварь и оружие и радостно убеждался, что между этими людьми и папуасами Новой Гвинеи нет никакой разницы!

Маклай расспросил, почему пирога шла от острова Ло, и узнал, что на Ло туземцы добывают обсидиан для вытачиванья каменных копий.

Он зарисовал табирь — круглые деревянные чаши, покрытые искуснейшей резьбой, плетеные сосуды для воды, пропитанные смолами и древесными соками, крепкие сети, каменные копыя, образцы татуировки, пилообразные узкие кинжалы.

Маклай ходил в толпе папуасов, записывая свои наблюдения. Его поразило, что туземцы едят глину, но он тут же вспомнил малайцев-землеедов. «Тамо-рус» сошел на берег и там, в деревнях Пуби и Лонеу, увидел те же барумы — барабаны, которые гремели в честь его на Берегу Маклая.

Поездка Маклая по островам Меланезии оставила русские названия на картах океана — «Отшельник» и «Шашечница». Шашечница — архипелаг пятидесяти мелких островов, группа Отшельника состоит из атоллов.

Маклай не только установил тождество племен островов Адмиралтейства с папуасами, но проник в гущу народа и

даже стал понимать их язык! И снова вьется волшебная нить странствий, и кажется, что ей не будет конца!

10. «МАКЛАЙ ВЕРНУЛСЯ!»

В этом же 1876 году изгнанный из Франции ученый-коммунар, друг Кропоткина, Элизе Реклю начал собирать материал для своей знаменитой «Всеобщей географии». В числе помощников Реклю был не только Кропоткин, но и Лев Мечников. Географ, поклонник Бэра и Дарвина, он прославил себя и ранами, полученными в борьбе за свободу. Лев Мечников был в рядах той знаменитой «тысячи» Гарибальди, которая взяла в 1860 году Сицилию, разбила врагов в нескольких сражениях и торжественным маршем прошла до Неаполя, опрокинув войска короля Франциска... Израненный в боях русский гарибальдиец, по просьбе Элизе Реклю, стал переводить ему статьи Миклухи-Маклая. В 1876 году Мечников принес Реклю первые переводы работ Маклая, и с тех пор ученый-коммунар не переставал следить за великими трудами русского путешественника...

В этом же году умер великий Карл Бэр. До последних дней своих он следил за подвигами Маклая, не только выполнившего его заветы, но и обогатившего науку новыми замечательными открытиями.

...Маклай в ноябре 1876 года не знал о смерти своего гениального учителя и друга. «Тамо-рус» лежал в лихорадке в своей новой хижине на Берегу Маклая. Он не мог спать по ночам: настолько сильна была боль в израненных ногах. Он уже четыре месяца жил на Новой Гвинее. 27 июня Маклай сошел с «Морской птицы» на знакомый берег у Горенду. О, какую радостную тревогу забили папуасские барумы! Все старые знакомые, особенно близкие, живы: Туй, его сын Бонем, Саул, Каин, сват Коды-Боро. Гремят барумы в Горенду, и в Бонгу, и на острове Витязя, и на Кар-Каре, и в деревнях сумрачных горцев. «Маклай вернулся!» — это было живым чудом, сказкой папуасского народа!

«Людоеды» плакали от радости при встрече с Маклаем.

Толпы папуасов просили «тамо-руса» поселиться — каждый в своей деревне. Шкипер с «Морской птицы», потрясенный, смотрел на эту замечательную встречу, понимая, что тут ему никогда не придется заряжать картечью корабельные пушчонки!

Плотник с корабля с помощью толпы папуасов устанавливал новую хижину Маклаю на мысе около Бонгу. Теперь это была уже, пожалуй, не хижина, а настоящий дом, срубленный из привезенного из Сингапура крепкого леса. Маклай встречал новоселье в кругу своих друзей и трех спутников. На этот раз у него были: малаец-повар и два микронезийца из архипелага Палао.

Папуасы рассказывали новости. «Тамо-рус» не знает о том, что здесь без него было несколько землетрясений. Вершины Мана-Боро-Боро стали от этого голыми. А когда земля тряслась, многих папуасов убили на-смерть падавшие кокосовые орехи. В Гарагасси пальмы, посаженные Маклаем, уцелели, но не все. Хижину съели белые муравьи. Они же изгрызли дерево с медной доской. Так, в беседах, проходили первые вечера у костров, где пылал унан — сухая трава побережья. На радостях папуасы принесли Маклаю подарок — кенгуру, и «тамо-рус» устроил для зверя клетку, чтобы держать его живым.

Он сразу же принялся за исследование. В шлюпке Маклай спустился к устью речки Морель, потом побрел пешком через холмы, поросшие унаном. С холмов он увидел четыре горных вершины Берега Маклая. Перепрыгивая через трещины и расщелины — следы землетрясения, он вышел на реку Каиран, спустился в овраги и достиг деревни Марагум-Мана. Следы землетрясения он нашел и возле села Рай. Неутомимо шагая по Берегу Маклая, он достиг реки Гебену.

В августе он пошел к подножью пика Константина и взял его, рискуя жизнью.

Потом он поплыл на остров Витязя — в гости к Каину, где папуасы выстроили для русского друга «дачу» на урочи-

ще Айра. Он ходил в горные села, приносил оттуда черепа, коллекции утвари и... приступы лихорадки.

Маклай любовно посадил пальмы вокруг своего дома, а весь огород засеял новыми растениями. Начинаются будни — наблюдения за папуасами, зарисовки. Праздники для Маклая устраивают сами папуасы, — они зовут его на «ай» в Бонгу, где он впервые видит, как в торжествах участвуют женщины. От Маклая уже не скрывают ничего; он свой, самый близкий и родной человек... А «тамо-рус» в своем новом доме пишет Русскому географическому обществу:

«...Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполняют его коллекции, между тем как почти наверное, при повторных сношениях с белыми, не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому, как я искал оран-сакай и оран-семанг в лесах Малайского полуострова. Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи — я был прав...».

А главная задача Маклая была изучение человека, изучение, свободное от всяких предвзятых мнений, от всяких мыслей о превосходстве одной расы над другой. Он жадно искал человеческое в каждом себе подобном существе — в затравленном негритосе Филиппин, в малайском оранге, в микронезийце и папуасе Берега Маклая, — берега, который останется навсегда в истории человеческой культуры...

Великая дружба «тамо-руса» с папуасским народом облегчала Маклаю его научные работы. Он теперь свободно делал прогулки по всему Берегу Маклая, гостил подолгу в деревнях. В папуасских танцах, в бытовых пантомимах Маклай видел, насколько зачатки народного искусства связаны с жизнью!

Он убеждался в высокой нравственно-

сти папуасов, отсутствии у них разврата, в любви к семье.

Он неустанно проводил свои антропологические наблюдения и исследовал сто пятьдесят папуасов. И все более Маклай убеждался, что форма черепа не может быть решающим признаком расы. Антропологи считали длинноголовость неотъемлемой особенностью папуасов, но Маклай опроверг это и доказал, что среди папуасов встречаются и брахицефалы... Вся жизнь Маклая проходила в борьбе за то, чтобы человечество не знало деления на высшую и низшие расы.

Коды-Боро из Богати как-то узнал, что два человека из Горимы, Малу и Абуи, задумали убить Маклая. Старик умолял русского друга не ходить в Гориму, но Маклай сделал подругому. Как всегда, безоружный, он отправился в Гориму, перешел по пояс в воде реку Киор и разыскал своих будущих убийц. Возле костра Маклай произнес речь. Он говорил жителям Горимы, что не сделал никому в этой деревне зла, что он пришел к ним ночью, через леса и реку, очень устал и хочет спать. Если Абуи и Малу, неизвестно за что, хотят убить Маклая, пусть они поторопятся, а сейчас он хочет спать. «Тамо-рус» завернулся в одеяло и проспал до утра. Наутро пристыженный Абуи притащил и положил к ногам Маклая свинью, привел Малу, и оба они пошли провожать Маклая до дому. Оба «убийцы» шли рядом с удивительным белым человеком, готовые теперь защищать его до последней капли крови.

В июле 1877 года Маклай употребил все старания, чтобы предотвратить угрозу надвигающейся войны поселян Бонгу и Горенду с горными папуасами. Саул, и тот рвался в бой, а старый Туй упрашивал Маклая напустить чародейство на горных жителей, чтобы они все погибли от землетрясения! Но Маклай твердо сказал, что войны не должно быть и не будет никогда, пока он живет здесь. И войны не было, и ретивые копьеносцы поставили оружие обратно к стенам хижин!

Так жил Маклай, окончательно сроднившись с папуасами. Время шло, а

шкипер «Морской птицы», обещавший притти за Маклаем, не появлялся.

6 ноября 1877 года в залив Астролябии случайно зашла британская шхуна. Маклай решил отправиться на ней, и скоро по Берегу Маклая вновь разнесся грохот барумов. На проводы «тамо-руса» сошлись толпы папуасов

И Маклай произнес перед ними изумительную речь.

Он говорил, что вскоре — не сегодня, не завтра, но обязательно — сюда должны будут притти на кораблях люди, похожие на Маклая лицом, волосами и одеждой. Но они будут не такими, как он. Эти люди, выйдя на берег, начнут стрелять из ружей, грабить папуасов и похищать их в рабство (движение в толпе, крики: «Не покидай нас, тамо-рус!»). Маклай еще вернется сюда. Но он должен предупредить своих друзей, что страшные белые люди бессердечны и злы. Что делать папуасам, когда придут злые люди? Надо посылать женщин и детей в горы, прятаться самим и всячески стараться избегать кровопролития, ибо белые сильнее папуасов и начнут стрелять в них из пушек и ружей! А если хотя бы один из белых будет поражен стрелой папуаса, белые не пощадят никого. Поэтому Маклай сейчас расскажет, как надо отличать белого врага от друга, как предупредить бедствие и рабство. Если Маклай пошлет сюда своих друзей, они подадут знаки и скажут слово Маклая! А такие белые друзья «тамо-руса» тоже могут приплыть сюда... Может даже случиться так, что сюда приплывут много-много русских — друзей Маклая. Они не тронут папуасов, а будут им помогать, дружить с ними, как братья. И с этими людьми надо жить в мире. А сам «тамо-рус Маклай» еще вернется сюда!

Так говорил Маклай толпе друзей. И он уехал, провожаемый плачем, громом барумов, прощальными криками...

11. СОЛНЦЕ АВСТРАЛИИ

Сингапурские врачи, осмотрев Маклая, удивились внутренней силе этого

человека. Знаменитый русский был едва жив. От него остались одни ребра и торчащие ключицы — настолько он исхудал. Маклай слег в постель, но его не покидали бодрость и веселость. Он отшучивался, когда врачи пророчили ему смерть, если он не начнет всерьез лечиться и отдыхать. Но легко врачам говорить о перемене климата, об отдыхе, спокойном образе жизни! Вот уже которое письмо в Петербург остается без ответа. Географическое общество печатает его статьи, письма в своих «Известиях», но палец о палец не ударит для того, чтобы добыть Маклаю денег на продолжение работ. Он живет долгами, на долговые средства снаряжает свои походы. Но так долго не проживешь. Гонорар за статьи смехотворно мал. А теперь доктора велят ехать для отдыха в Европу, Японию или Австралию. Что он будет там делать? Ведь нельзя всю жизнь пользоваться гостеприимством чужих людей, как это было в Бьютен-зорге у Джемса Лаудона! Хорошо — Маклай поедет в Австралию и отдохнет там. Кстати, оттуда и до Новой Гвинеи не далеко, стоит только переплыть Торресов пролив. Лучше всего ехать в Сидней, под благодатные лучи австралийского солнца. И с жесткой госпитальной койки в Сингапуре Маклай отправляется на корабль. В июле 1878 года он уже любителю новым городом в новой для него части света. Сидней раскинулся перед ним по большому полуострову между двумя заливами. Чем-то встретит столица Нового Южного Уэльса русского путника?

Имя Маклая уже известно всему миру, но он попрежнему без крова, денег и имущества. Все его вещи оставлены на Берегу Маклая под присмотром папуасов. С собою Маклай везет лишь самое необходимое для жизни и свои драгоценные записи. И Маклай на целый почти год поселился в Сиднее. Его приютил сначала русский вице-консул Паули, а потом — владеец замечательного музея в Сиднее Вильям Маклей. Когда он окреп и встал на ноги, он, конечно, не оставил без внимания ни одного уголка солнечного города. И

здесь Маклай увидел разгул колониальной эксплуатации. Крепкие, ловкие и сильные люди австралийской земли загнаны в бесплодные пустыни. Тасманийцы истреблены целиком, и, если бы Маклай захотел увидеть человека из Тасмании, этого нельзя было бы осуществить: в 1876 году в Австралии умер последний человек племени. Меланезийцы, которых, как рабов, ввозят в Австралию, забиты и развращены. Их заставляют с винтовками в руках пасти бесчисленные стада овец на австралийских плоскогорьях и истреблять местные племена, которые вымирают наравне с кенгуру...

Вместе с Вильямом Маклеем Маклай пишет работу по систематике хрящевых рыб и издает в Сиднее первый ее выпуск. Вильям Маклей предоставил свой музей для занятий русского ученого. Маклай идет в сиднейские больницы и упрощает докторов отдавать ему черепа и свежий мозг меланезийских матросов, умирающих на больничных койках. Таким образом, Маклай получил шесть черепов жителей Океании и занялся сравнительной анатомией мозга темнокожих. Фотографии и пятьдесят рисунков Маклая — иллюстрации к этой работе — дополнили золотой фонд мировой антропологии.

Вскоре Австралийский музей пригласил Маклая для работ в свою лабораторию, и «тамо-рус» перебрался в комнату под кровлей музея.

Его вскоре избрали членом Линнеевского естественно-исторического общества Нового Южного Уэльса. Австралия начала признавать тридцатидвухлетнего русского ученого. Его почему-то стали звать «бароном Маклаем».

Работая на берегу Ватсон-Бая, Маклай вскоре выступил с предложением основать биологическую станцию. Она была впоследствии учреждена, при чем сам Маклай делал чертежи построек и руководил всей созидательной работой. Мы не ошибемся, если скажем, что Маклай был первым русским ученым, связавшим русскую науку с австралийской, при чем сделал это так, что его слушали и помогали во всех работах. И

поневоле испытываешь чувство досады на то, что теперь, когда мы отмечаем пятьдесят лет со дня смерти Маклая, страна, воспитавшая великого ученого, не имеет многих материалов о Маклае, его жизни и трудах в Австралии, которые, очевидно, покоятся в ученых архивах Сиднея...

В 1879 году Маклай на тринадцать месяцев покинул Сидней, отправляясь снова в Меланезию. Вернувшись в Австралию, он продолжал начатые научные работы.

Маклай, конечно, не мог долго сидеть в столице Нового Южного Уэльса. Собирая по подписке деньги на устройство станции в Ватсон-Бае, выходящая с публичной лекцией об изучении морских животных в их природной среде, исследуя мозг акул, Маклай думал о путешествии по Австралии. И, как только представилась малейшая возможность, он проник на северную оконечность материка, туда, где мыс Йорк упирается свои острым носом в Торрсов пролив. На севере Австралии «тамо-рус» изучал остатки племени австралийцев возле Соммерсета и, начиная от мыса Йорк до южного берега Австралии, всюду измерял и зарисовывал туземцев. Его ужасал вид жалких и забитых людей когда-то гордого племени. Жители восточного берега, который наиболее был изучен Маклаем, считались когда-то самыми сильными и красивыми. Теперь они были обречены на гибель. Маклай решал вопросы происхождения австралийцев и пришел к выводу, что старый дарвинист Томас Гексли, пожалуй, прав, выделяя их в особую группу австралоидов.

В золотую книгу русской географической науки Маклай вписал первую страницу о природе и людях Австралии. До него из русских никто не изучал так этой страны. Достаточно сказать, что Лазарев и Завалишин впервые посетили, например, Тасманию лишь во время плавания «Крейсера» в 1823 году, ездили по стране, — и с тех пор ни один из русских не проникал вглубь Австралийского материка. А Маклай, обойдя весь материк по восточному побережью от мыса Йорк до

юга Виктории, углублялся и внутрь страны.

Он несколько месяцев провел в Квинсленде, в его столице Брисбэйне. Здесь Маклая встретили очень тепло, и австралийские англичане наперобой старались оказать «барону из России» как можно больше внимания. Ему отвели для научных занятий, как и в Сиднее, местный музей, пригласили для фотографирования научных экспонатов в лучшую во всем государстве фотолaborаторию межевой службы.

Обитатели Брисбэйна приглашали Маклая пожить у них. Несколько таких приглашений он принял. Маклай не забывал ничего. Еще давно, находясь в Европе, он слышал, что в Австралии будто бы живет племя каких-то безволосых людей. И вот, в Брисбэйне об этих людях не только говорят, но и указывают приблизительно район, где они обитают. Конечно, Маклай пошел искать безволосое племя и нашел около городишки Сен-Джордж, на берегах реки Баллоны, несколько безволосых людей. У людей реки Баллоны волосы совершенно отсутствовали на всем теле. Оказалось, однако, что это было не племя, а одна семья, и Маклай убедился в том, что это лишь случай наследственной патологической безволосости. Маклай написал обо всем этом знаменитому Рудольфу Вирхову...

Через некоторое время Маклай близ города Глен-Инес с лопатой в руке стоял над найденными им в земле Австралии остатками ископаемых животных. Возле Глен-Инес он обнаружил кости дипротодона австралис — существа, похожего на кенгуру, но величиной со слона! Так Маклай, пожалуй, впервые выступил в роли палеонтолога; ему хотелось проникнуть в тайны эволюции животных Австралии, которые и во времена дипротодонов обильно представляли семейство сумчатых. Около Брисбэйна Маклай провел немало вечеров в беседах со знаменитым исследователем Австралии — Грегори...

Прав был Элизе Реклю, сказавший, что «история исследований Австралии есть одна из тех, которые дают самое

высокое понятие о величии человека...». Но это понятие о величии человека, как мог убедиться Маклай, было в то время в Австралии затоптано в грязь. На тростниковых плантациях Квинсленда работали полинезийские рабы и рабы, похищенные из Меланезии. В Квинсленде существовали тайные союзы мореходов и купцов — похитителей жителей Океании. А чего стоила жемчужная каторга — промыслы перламутра в австралийских морях!

И, что самое страшное для Маклая, Австралия уже готовила захват Новой Гвинеи. На острове еще в 1877 году нашли золото, и через год в Сиднее будущие акционеры «Австралийской Компании» уже совещаются о том, как добиться от английского правительства согласия на захват Новой Гвинеи. И первые золотоискатели устремляются на Берег Маклая...

Маклай попрежнему — нищ. Сингапурские и яванские банкиры уже не раз напоминали ему о долгах. Русское географическое общество попрежнему ничем не поддерживает своего знаменитого соотечественника. Правда, русские магнаты начинают раскошелиться; деньги для Маклая дали Нарышкин и Демидов Сан Данато.

Мечта Маклая о морской станции исполнилась; в Ватсон-Бае открыто это замечательное научное учреждение, и Маклай считается почетным директором станции. Но он все еще продолжает пользоваться милостями чужих людей. Премьер-министр Нового Южного Уэльса, сэр Генри Паркер приглашает Маклая поселиться в небольшом коттедже на участке бывшей сиднейской выставки. Придется принимать и это приглашение. Здесь Маклай пишет свои работы о мозге австралийцев, о сумчатых животных, о туземцах Торресова пролива. Сюда к нему заходит Отто Финш — германский орнитолог — рассказывать о своих прошлых походах в Ала-Тау, Китай и Сибирь. Маклай с ужасом видит, что все эти господа — и Финш, и австралийские британцы — стараются выжать из Маклая все его богатые знания об Океании для их собственных корыстных целей. Они хо-

тят захватить Новую Гвинею, установить свои порядки на Берегу Маклая. В Сиднее появился британец Ромилли. Он разыскал Маклая, просил его дать сведения о Береге Маклая, разрешить выдать себя папуасам за брата «таморуса». А brave британский капитан «Василиска» Моресби, который занимался розысками Маклая, немало содействовал тому, что на открытые им берега Новой Гвинеи устремились торговцы, миссионеры и искатели золота. Что делать теперь Маклаю?

Молчать он не может. И он пишет сэру Артуру Гордону, верховному комиссару Британии на западе Тихого океана:

«Считая истребление темных рас на островах Тихого океана не только несправедливою жестокостью, но и непростительным промахом в политико-экономическом отношении, я счел своим долгом изложить некоторые соображения», — так начиналось это письмо.

«Не могу, однако же, удержаться от пессимистического замечания, что справедливость моих доводов, пожалуй, окажется важной причиной к тому, что мое письмо останется без желаемых последствий...» — заканчивал Маклай свое послание к сэру Гордону.

Видя, что его протест остается гласом вопиющего в океане, Маклай составляет новую записку британскому коммодору Вильсону, начальнику военного флота Австралии — *«Похищение людей и рабство в пределах западного Тихого океана».*

12. КАТОРГА КОММУНАРОВ

Биографы Маклая прошли мимо одного явления, оставившего неизгладимый след в душе Маклая.

На рассвете 29 марта 1879 года американская трехмачтовая шхуна «Садди Ф. Каллер» под командой шкипера Веббера покинула порт Джексон в Сиднее. Веббер взял курс на Новую Каледонию; туда он вез товары для города Нумеи. Веббер из Новой Каледонии рассчитывал обойти ряд островов океана — для лова трепанга. На пути из Сиднея в Сан-Франциско лежала стра-

на ужасов и проклятия—Новая Каледония. С палубы шхуны Маклай увидел ее берега, окаймленные рифами, и узкий полуостров с голыми, дикими холмами — Дюкос.

Правее оконечности Дюкоса в море темнеет остров Ну. Он прикрывает собой вход в бухту, и с моря еще не видна самой Нумеи.

Путник здесь увидит страшные вещи, скрытые за показной нарядностью. Французский флаг, реюющий над губернаторским дворцом, покрыт здесь кровавой грязью вечного позора. Маклай молча смотрит на эту могилу парижских коммунаров. Элизе Реклю, прошедший восемнадцать тюрем, скованный цепями, этот пленник версальцев, задыхавшийся в скотских вагонах передвижных тюрем, лишь благодаря заступничеству географов всего мира избежал ссылки сюда, на Дюкос.

3 мая 1872 года, в день, когда «тамо-рус» на Берегу Маклая ел вместе с Туем первые плоды, возвращенные им в Горенду,—от берегов Франции отошел корабль «Даная» с тремястами пленниками версальцев. Семь кораблей с пленниками следовали за первой пловучей тюрьмой, и на одном из них, «Виргинии», везли, в числе остальных коммунаров, пламенную Луизу Мишель. На пути в Новую Каледонию океанские акулы шли за кораблями, и не один из бойцов парижских баррикад сделался добычей акул.

Уцелевшие от расстрелов Галифе, казней и истязательств были согнаны с кораблей, как скот, на каменистый берег Новой Каледонии. И на мертвой земле Дюкоса, в соломенных хижинах Соснового острова, на каторжном острове Ну, вот уже семь лет томятся благороднейшие люди земли. Некоторые из них погибли здесь — сошли с ума, утонули в море, упали под пулями стражи. В начале 1879 года в Новой Каледонии оставалось еще более тысячи узников.

На каторжан натравливали островное население — канаков. Канаки искали по лесам беглецов, убивали их стрелами или пращами и тех, кого брали живьем, приносили в Нумею связан-

ными — на жерди, так, как на Берегу Маклая носят живых свиней! Епископ нумейский, губернатор, офицеры и солдаты, истребляя туземцев, заодно развращали их, вербуя из канаков стражников и полицейских.

Комиссар Новой Каледонии господин Ольри очень любезен. Русский путешественник может осмотреть остров, но г-н Ольри советует не ходить в дальние канакские деревни: здешние дикари еще не замирены окончательно.

И, пока шкипер Веббер разгружал свой кораблик в Нумею и Южной бухте, Маклай успел сделать поездки по этой земле слез и горя.

Незримая нить связывала в то время Маклая с коммунаром Элизе Реклю, который в горах Швейцарии читал вместе с хромым русским гарибальдийцем записки великого странника.

В этот свой поход Маклай собирал не только научные сведения. Он подводил итоги преступлениям торговцев, священников, плантаторов и белых чиновников в Океании...

Ново-Гебридские острова и архипелаг Санта Круз, группа островов Бэнкса и Торреса стали предметом неистощимой любознательности Маклая. Все они образовывали как бы единый район в океане, и шхуна американца Веббера снова шла между этими клочками вулканических и коралловых земель. Жители островов пользовались славой отъявленных каннибалов, которые даже, якобы, выменивали у других племен свежие трупы умерших, если не было возможности почему-либо добыть свежую двуногую дичь.

Шкипер Веббер изрядно трусил и долго оставаться возле каннибальских берегов не хотел. Маклай знал, что острова Санта Круз не были исследованы этнологами и все сведения о племенах архипелага ограничивались записками морехода Алоизо де Менданы и других испанских открывателей XVI—XVII веков. Но трость почтенного янки со шхуны «Сади Ф. Каллер» заставила Маклая ограничиться изучением только тех туземцев, которые гостили на борту шхуны. Но и:

здесь Маклай сумел добыть богатый материал.

Так и вилась нить изумительных странствий — от острова к острову, от базальтовых скал до коралловых рифов. Скоро на горизонте откроются, в солнечных лучах и легком золотисто-синем тумане, острова Адмиралтейства, где когда-то Маклай видел пирогу, плывшую под вымпелами из человеческих волос!

13. ЕДИНОЕ ПЛЕМЯ ПАПУАСОВ

На островах Адмиралтейства наш путешественник хотел во что бы то ни стало отыскать малайца Ахмата, сбежавшего от линьков шкипера «Морской птицы», и двух торговых приказчиков — О'Хара и Пальди. Они были оставлены на островах три года тому назад.

Нашлись и приятели из островитян, знакомых Маклаю по первому пребыванию здесь. Они приветствовали «тамо-руса» возгласами: «Макрай! Уян Кавас!» (хороший друг Маклай). Спутником и посредником у Маклая оказался маленький, уже пожилой человек Кохем.

Маклай рассматривал свои богатства, добытые в островных деревнях. Пять черепов, копыя, деревянные блюда, горшки для варки пищи, пиловидный кинжал, портреты туземцев, виды жилищ, базальтовый топор, кожи из бамбука, раковин и обсидиана, каменные бритвы, записи туземных слов, диковинные лесные плоды «апис», сок которых делает непромокаемыми материи, корзины и охотничьи сети. В Сингапуре у Маклая в то время хранились грузы собранных им коллекций — они весили пять тонн! Два месяца скитался Маклай по поселкам каннибалов, но никто не тронул Маклая. В то же время туземцы убили жестокого и алчного агента германского торгового дома «Братья Гернсгейм», беспощадно угнетавшего островитян...

В эту поездку Маклай побывал и на Соломоновых островах.

И вот уже начинается островная Папуасия. На острове Варе в Китайском

проливе Маклай сошел со шхуны. Шкипер Веббер тряс руку Маклаю, звал его в гости к себе в Сан-Франциско. Веббер обещал доставить в Сидней весь научный багаж Маклая. И «тамо-рус» остался здесь, на китайском перепутьи. Островок Варе вскоре посетило миссионерское судно «Элленгоуэн». Маклай двадцать два дня путешествовал вместе с миссионерами, посещал южные деревни папуасов и достиг порта Моресби. Гавань, открытая командиром «Василиска», была населена знаменитыми папуасскими гончарами. Они выменивали посуду на саго у жителей даже самых отдаленных сел Новой Гвинеи. Здесь Маклай услышал рассказы о «желтых людях» побережья и загорелся желанием разыскать их. Губы Маклая пересыхали от лихорадки, но как только он нашел в себе силы, чтобы подняться с постели, он отправился на поиски желтых людей. И он отыскал их в хижинах деревень Хула, Кало и Карепуна. Это были люди с более светлой, чем у папуасов, кожей, прямыми волосами; очевидно, в их жилах была примесь полинезийской крови. Маклай решил, что когда-нибудь к берегам Новой Гвинеи бурями или волнами были занесены челны с жителями Полинезии, и они поселились здесь среди папуасов.

Эти странствия заняли 409 дней. За это время Маклай сделал много открытий. Он установил совершенно точно, что островитяне Новых Гебрид, Лузиады, Соломонова архипелага в большинстве имеют брахицефальную форму черепа. Это опровергало все мнения прежних антропологов. Маклай проследил переходы от полинезийского к папуасскому типу на бесчисленных островах Меланезии, раскрыл загадку «желтого племени» Новой Гвинеи и доказал еще раз, что Новую Гвинею населяет единое племя папуасов. Маклай сделал драгоценные наблюдения над жизнью людей Меланезии, вникая во все мелочи быта темнокожих.

Так прошел он по цепочке островов от Новой Каледонии до усеянного подводными камнями Торресова пролива.

На острове Четверга Маклай уже не мог двигаться, настолько измучили его приступы страшной лихорадки. Он лежал в доме британского чиновника Честера в бреду и липком поту. Худое тело Маклая терзали нервные боли. Чиновник Честер совещался с женой — уж не приготовить ли для этого изумительного русского моголу в горячей земле острова Четверга? Но Маклай выжил. Худой, обросший темной курчавой бородой, он, улыбаясь, говорил о новой поездке на север Австралии.

14. ДОМОЙ

Снова Сидней и снова неустанная работа, бессонницы, хлопоты в бухте Ватсон-Бай, где, наконец, открыта биологическая станция. Но ужасный удар судьбы! Шкипер Веббер не привез в Сидней научных грузов последней экспедиции. Оказалось, что Веббер умер в море. Шхуна пошла прямо в Сан-Франциско. Пропали труды целого года! Фирма «Дюммлер и К°» шлет с Явы письмо об уплате долга. Денег нет, не на что жить и издавать описание путешествий, нельзя даже перевезти коллекции из Сингапура!

Маклай узнает, что в Сиднее замыслено убийство двух тысяч людей. Учтивый коммодор Вильсон, начальник Австралийской морской станции, отдал приказ приготовить к выходу корвет «Вульверин». Вильсон поведет корвет к южному берегу Новой Гвинеи. Там, в деревне Кало, папуасы убили миссионеров. Коммодор Вильсон хочет строго наказать чернокожих. Он поедет сам туда, предложит выдать убийц, а в случае, если не найдут виновных, сожжет всю деревню Кало. Маклай был в Кало в 1879 году, он знает поселян как мирных людей. Очевидно, хороши были миссионеры, если люди Кало пошли на убийство не только священников, но и их семей... И Маклай собирается в путь. Он едет вместе с Вильсоном на корабле «Вульверин», на котором все приготовлено к уничтожению людей и хижин Кало. Маклай — член карательной экспедиции!

В каюте Вильсона «тамо-рус» горячо убеждает диктатора океана разобраться в виновности жителей деревни. Вильсон дал слово солдата — постараться быть справедливым. Оказалось, что жители Кало были не при чем; убийство миссионеров было делом рук одного лишь начальника деревни — Квайпо. Его убили матросы с «Вульверина», и деревня Кало осветилась только одним высоким костром — пылающей хижинной убийцы. За время этой, пятой по счету, поездки Маклая в Новую Гвинею он посетил еще несколько южных деревень и вывез оттуда новые материалы. И он спас жизнь двум тысячам темнокожих людей... После этой поездки Маклай написал в свои тетради такие строки:

«... за миссионерами непосредственно следуют торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодетели цивилизации едва ли уравновешиваются уменьем читать, писать и петь псалмы...».

Наступал 1882 год... Неожиданно для Маклая в Австралию пришла русская эскадра. В Мельбурне развевались флаги кораблей «Вестник», «Пластун» и «Африка». Это был отряд контр-адмирала Асланбегова, завершавший двухлетний поход в океанах.

Одиннадцать лет не слышал русской речи Маклай. А корабли родины стоят в Гобсон-Бае, напротив Мельбурна, русские матросы ходят по набережным столицы Виктории, в садах у реки Ярра-Ярра. На клипере «Вестника» Маклай был принят как дорогой гость. На «Вестнике» Маклай прибыл в так хорошо знакомый ему Сингапур. Отсюда начинались пути его странствий по Малакке.

Переходя с одного корабля на другой, то на крейсере «Азия», то на броненосном судне «Петр Великий», Маклай плыл к берегам России. В сентябре он увидел первые русские маяки и скоро сошел на землю Кронштадта. Через месяц он выступил перед членами Русского географического общества с докладом о всех своих странствиях. В переполненном зале сидели люди, которых

нельзя было ничем удивить. Во имя русской науки многие из них проходили пустыни, шли под пулями кокандцев по джунглям Сыр-Дарьи, поднимались на заоблачные вершины, плыли в полярных льдах.

Маклай начал тихим и неровным голосом рассказывать историю своих странствий. Просто и скромно, без всякой рисовки, он объяснял, почему так трудно было ему писать научные работы за все эти двенадцать лет.

От него требуют объемистых томов, полных описаний путешествий. Маклай приводил примеры. На Малакке он проходил пешком 176 дней, во время плавания по Меланезии он из 409 дней странствий 172 провел в море, а 237 дней — на берегах, среди людоедов. Хороши условия для научной, кабинетной работы! А болезни! Госпиталь в Амбоине, семь месяцев, проведенных в постели в Сингапуре, лихорадка на острове Четверга, вечная новогвинейская малярия... В 1878 году болел так вымотали Маклая, что он весил всего 93 фунта вместо нормальных 147... Маклай рассказывал мужам науки о всех своих походах этих последних двенадцати лет. И все собрание с невольным уважением смотрело на героя русской науки, ученого без диплома, добровольца великой идеи. Семенов-Тяньшаньский тут же заявил, что Географическое общество будет добиваться издания трудов Маклая. Но общество, как и прежде, не дало и на этот раз никаких средств, хотя Маклай и просил о том, чтобы ему достали деньги хотя бы на уплату долгов яванским банкирам.

Маклай поехал из Петербурга в Москву. Там он, как и в Петербурге, выступал с лекциями о своих скитаниях. Общество любителей естествознания, антропологии и географии присудило Маклаю золотую медаль.

Так начиналась слава, но лучше бы уж ее не было! Маклай ютился в темных номерах плохих гостиниц, заливал невралгию крепким чаем, и под стук бильярдных шаров, доносившийся из трактирных зал, просматривал газеты. Бульварные писаки строчат чорт знает

что,—дешевые сенсации о людоедах, о папуасском короле Миклухе-Маклае, о том, что он нашел на Новой Гвинее золото и скрыл эту Колхиду, стараясь завладеть золотом один.

На лекциях подают записки, спрашивают, каково на вкус человеческое мясо.

Пусть об этом спрашивают лучше у комиссара Новой Каледонии или у коменданта Шлиссельбурга. Мир подвержен безумию; новокаледонская каторга закрыта — ее сменяют Шлиссельбург, Акатуй, Кара и виселицы на окраине Петербурга.

Двенадцать лет жизни ушло на скитания в чужих краях, растрачено здоровье. Но что делать дальше? Ведь для того, чтобы разобрать сингапурские и сиднейские материалы, надо два года посвятить себя только одному этому делу. Географическое общество поддерживает издание его работ и даже настаивает на том, чтобы они были выпущены к 1885 году. Но вот выдержка из постановления совета общества: *«... К сожалению, Географическое общество поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь, как по недостатку собственных средств, так и потому, что предметы исследований М.-Маклая не входят непосредственно в круг деятельности Географического общества, точно определенный его уставом и ограниченный лишь изучением отечества и стран сопредельных...».*

Наконец, сам Александр III «милостиво» пообещал Географическому обществу взять на свой личный, государев, счет издание работ Маклая. Но дальше обещания дело не двинулось.

Декабрь, синий лед на Неве, мороз, снег... Маклай не смог съездить к матери и брату — под Киев. Старший брат, мировой судья, сам приехал к нему в Петербург. После свидания с братом Маклай вновь пустился в путь.

Он заехал к Рудольфу Вирхову в Берлин. Великий ученый приветливо встретил Маклая. Вирхову шел седьмой десяток, но он был бодр и крепок для своих лет. Патолог, антрополог, гигиенист — Вирхов был таким же неутоми-

мым, как Маклай, исследователем. Вирхов уже был знаком с итогами исследований Маклая на островах Меланезии; он пригласил Маклая сделать доклад о гончарной промышленности папуасов.

В зале заседаний Антропологического общества Маклай столкнулся лицом к лицу с... Отто Финшем. Финш чуть не кинулся в объятия к Маклаю. Ведь Финш всюду выставлял себя другом великого русского исследователя Новой Гвинеи! Тут произошло объяснение Маклая с Финшем. Маклай, никогда не лгавший, намеренно ввел Финша в заблуждение. На вопросы орнитолога, куда он едет, Маклай ответил, что отсюда он намерен направиться в Париж и Шотландию, где хочет повидаться со старым приятелем, а потом проехать в Австралию. Причины хитрости Маклая были вполне понятны.

Маклай отправился в дальнейший путь. Он сел на корабль линии Британской Индии, шедший в Брисбэйи. В Австралию Маклай должен был бы прибыть в марте 1883 года, но сиднейцы не дождались путешественника к этому сроку. Маклай исчез!

Доктор Отто Финш совсем не зря заявился в бисмарковскую Германию после четырехлетнего пребывания в Океании. «Железный канцлер» давно устремлял глаза хищника на океанские земли. Маклай видел в Меланезии немецких купцов, дрянное паровое суденышко «Алиса», ползавшее по проливам среди коралловых островов Луб. Все это было только прелюдией...

Маклай, как человек проникательный, прекрасно понимал, почему Отто Финш ищет его дружбы. И он видел, что появление Финша в Берлине было вызвано какими-то срочными обстоятельствами. Так оно и было. Финш в Берлине уже собирал «исследовательскую» экспедицию для захвата Меланезии и Новой Гвинеи. Богатый купец Ганзман щедро давал средства Финшу, и орнитолог был погружен в расчеты, сколько нанять людей, где достать экспедиционное судно, и прикидывал, какими именами назвать будущие земли.

А в это время «тамо-рус» снова ходил по Берегу Маклая...

15. «МАКЛАЙ ВЕРНЕТСЯ!»

Когда Маклай на почтовом судне достиг Батавии на Яве, он застал там русский корвет «Скобелев» и выяснил, что на борту его находится контр-адмирал Копытов, который едет во Владивосток. Наутро командир корвета получил приказ зайти на Берег Маклая, и «тамо-рус» стал устроиваться на корабле. Маклай упрямился Копытова купить подарки папуасам. На корабль сносили свертки красной китайки, зеркальца, бусы, топоры, длинные малайские ножи. Маклай сам ходил по рынкам и закупал мешочки с семенами полезных растений. Надо сделать так, чтобы всюду — и в Горенду у хижины Туя, и на острове Витязя во владениях Каина — росли не только тыквы, но и кофейное дерево, манго, новые виды хлебного дерева, апельсины, лимоны, ананасы. Маклай приучит папуасов к разведению скота. Матросы «Скобелева» уже гонят к кораблю целое стадо, закупленное в амбоинских деревнях: горбатого бычка зебу с двумя коровами, бородатого козла и пугливых коз. Как-то приживутся они на Новой Гвинеи?

В эту свою поездку Маклай был особенно задумчив, грустен и сосредоточен. 16 марта 1883 года, опершись на релинги палубы, Маклай смотрел на знакомые зеленые берега Новой Гвинеи. А вот и пролив Изумруда, и остров Кар-Кар, и цветущие берега Архипелага Довольных Людей, где странствовали они с Каинном...

18 марта Маклай, вице-адмирал Копытов и офицеры корабля сошли на берег. Папуасы окружили Маклая. Сбьющимся сердцем он обходил зеленые пустыри, заросшие густой травой. Что случилось с Бонгу? Цветущая когда-то деревня обращена в погост. Старый друг Саул идет плечо к плечу с «тамо-русом» и без-умолку рассказывает новости этих лет. А новостей много. Не зря папуасы, по совету Маклая, поселили женщин и детей подальше от берега. Ведь с тех пор, как «тамо-

рус» покинул в прошлый раз этот берег, его чернокожие друзья были все время настороже. И в самом деле, злые белые люди вскоре приплыли сюда. Они искали всюду золото и, объясняясь знаками с папуасами, допытывались, что делал здесь Маклай? Британские приискатели из Мельбурна были убеждены, что Маклай скрыл здесь золотые россыпи. Стуча прикладами ружей, они сидели на террасе дома Маклая и поглядывали на висячий замок, — нельзя ли его открыть? Но лишь только один из золотоискателей взялся за запор, папуасы кинулись к пришельцам и заставили их покинуть дом Маклая. И золотоискатели ушли, удивляясь верности дикарей и тому порядку, в котором они поддерживали цветущий сад у дома «человека с луны». Злых людей папуасы вежливо заставили убраться, — так будет поступлено со всеми, не знающими великого знака Маклая.

Саул без-умолку говорил, оглядываясь на белых русских людей. А где же старый приятель, верный Туй? Саул ответил, что Туя нет уже в живых. Из старых приятелей нашлись только Каин с острова Витязя, Марамай, с кольцом в носу и кабаньими клыками на груди, Гассан, с которыми когда-то «тамо-рус» исследовал Архипелаг Довольных Людей.

С корабля пришла ватага веселых матросов с железными заступами. С песнями и шутками сыны русских деревень расчищали площадку, заросшую густыми кустами. Папуасы помогали русским матросам выдергивать бурьян, разрыхлять благодатную землю. Маклай, два матроса и амбоинец Ян, слуга Маклая, начали садить молодые деревца, бросать в землю Новой Гвинееи семена из Амбоина. Папуасы носили воду в полых бамбуках, поливая будущую плантацию. Кофейные зерна Маклай велел Саулу унести в горные деревни, где они могли взойти лучше.

В Бонгу стучали топоры: матросы возводили там загон для скота. Маклай в раздумьи пошел по лесной тропе в Горенду, но жалкий вид всего двух пустых хижин, развалин, пустырей настолько расстроил его, что Маклай, не

оборачиваясь, пошел на корабль. В этот день Маклай записал в дневнике своем, что он никогда раньше не чувствовал такой любви к этим местам, какая проснулась в нем тогда. С печальной улыбкой на бледном лице Маклай сидел у жалких хижин папуасов. Старики, припадая курчавыми головами к плечу своего друга, плакали и перечисляли людей Берега Маклая, умерших за годы разлуки с «тамо-русом». Они опять жалобно просили Маклая остаться здесь навсегда.

Остаток этого дня прошел в веселой возне матросов, привезших с корвета бычка, коров и коз. При виде быка, брыкавшегося и мотавшего рогатой головой, папуасы ринулись на деревья; некоторые стали искать спасенья в море. Горбатый бычок бунтовал весь день, а к вечеру вырвался вместе с телкой из-за загородки и убежал в лес. Солнце уже село, когда Маклай прекратил вместе с матросами поиски рогатого беглеца; бычок исчез в густых зарослях, уведя свою подругу в дебри лесных холмов...

На рассвете «Скобелев» поднял якорь и пошел к острову Витязя пенным синим проливом вдоль Берега Маклая. «Тамо-рус» помогал мореходам проводить корабль по незнакомым коралловым глубинам. Снова Каин, Марамай, Гассан помогали Маклаю в его работах. Правда, они сильно боялись оставаться на корвете, и Гассан даже кинулся в море с палубы. Но Каина и Марамая удалось удержать на корабле ласковым словом и подарками — табаком и гвоздями. Корабль шел к острову Сегу. Когда «Скобелев» был на траверзе острова Голубей, Марамай и Каин показали Маклаю на стройные, пальмы, отражавшиеся в воде пролива. Это были деревья, посаженные когда-то «лунным человеком». Показывая на пальмы, Марамай и Каин повторяли слова: «остров Маклая», «кокосы Маклая».

Русские гидрографы сразу же начали делать промеры у западного берега Сегу. Перед глазами адмирала расстилался синий огромный залив порта Алексея. Копытов понимал, что в таком заливе может поместиться не один

десяток русских кораблей. И эту жемчужину Новой Гвинеи открыл маленький штатский человек, никогда не имевший ничего общего с морским делом!

Загородив от ветра и влетавших в каюту прохладных капель свечу, скупо освещавшую его брезентовую каюту, Маклай достал из походного баула свои бумаги и вынул из них длинный листок, исписанный крупным почерком без нажимов. Это было письмо Льва Толстого. Он писал «человеку с луны», что он, Лев Толстой, прекрасно понял гениальную хитрость простого русского человека. Яснополянский отшельник думал, что Маклай всю научную деятельность на Новой Гвинее избрал лишь предлогом для своего изумительного подвига.

«Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманами насилия, что наивно убедились в том и насилующие, и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и не христианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек, под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений) является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший гипбуг¹, от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно. Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами. Мне хочется вам сказать следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом... ..Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, соста-

вят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу—в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми...».

Маклай в раздумьи отложил письмо. Великий человек ошибается. Маклай посвятил жизнь науке и во имя ее сделал многое. Наука—его оружие. Этим оружием он борется за то, чтобы мир признал тех же папуасов равноправными членами человеческого общества. Он никогда не оставит, не бросит этих людей на произвол судьбы. И ради них он пойдет на все. Он не папуасский Дон-Кихот, он — борец. И как хорошо бы, поселясь навсегда здесь, достать в России храбрых и честных людей, которым тесно жить у подножий александровских виселиц. С этими людьми он на Берегу Маклая разведет благоуханные сады, приучит папуасов к плугу, книге... Он изучит эту страну—людей, растения, животных, птиц—и расскажет в книгах о рождении счастливой страны в лазоревом океане. Он никому не отдаст этой страны, в которой Отто Финш мечтает устроить прусскую каторгу!

И тогда, 22 марта 1883 года, Маклай разыскал на острове Сегу верного Каина. Оба они пошли к жителям Сегу, и Каин перевел речь «лунного человека» островитянам. Великий друг чернокожих спрашивал сейчас папуасов, — дадут ли они ему хотя бы остров Мегаспена — зеленый клочок земли на заливе — для постройки на нем хижин? Люди Сегу не только согласились отдать остров Маклаю, но и очень обрадовались тому, что «тамо-рус» будет жить с ними. Через день «Скобелев» выбрал якорь и, оставляя высокую волну в кильватере, пошел проливом Изумруда от берегов Новой Гвинеи...

16. ЛАЗУРНАЯ СТРАНА

Острова Адмиралтейства, Палао, Филиппины, Гонг-Конг, порт Дарвин в Северной Австралии... В пору светлых летних ливней он возвратился в Сид-

¹ Humbug — обман.

ней. И тут Маклай стоит у нового пепелища, на этот раз — у настоящего холма из остывших головней и пепла. Коттедж в парке выставки сгорел. В огне погибла часть многолетних трудов Маклая, в том числе и заспиртованные мозги темнокожих людей. Хорошо, что еще не все коллекции хранились в коттедже; все наиболее ценное лежало на правительственном складе. Пришлось переселяться в Ватсон-Бай, в просторный дом биологической станции!

Настойчивый разведчик Бисмарка, Отто Финш не упускал случая посетить станцию. Он часто заглядывал сюда, как только ему представлялся малейший повод. Финш, который по иронии судьбы сделался биографом Маклая, знал все о работах великого русского странствования, вплоть до подробного содержания его коллекций.

Германский орнитолог писал, что Маклай поселился в Ватсон-Бае одиноко и очень неустроенно. Он жил отшельником в деревянном доме, в котором, кроме него, не было ни души. Попасть сюда из Сиднея можно было только утром, с пригородным пароходом, а уехать в Сидней — вечером. Отшельник Ватсон-Бая имел под боком у себя соседей; на берегу бухты в поместьи Клобелли жил государственный деятель Нового Южного Уэльса — сэр Робертсон с пятью дочерьми. Одна из них, Маргарита, молодая вдова, сделалась впоследствии избранницей Маклая.

В своем убежище на берегу Ватсон-Бая «тамо-рус» тревожился всерьез за судьбу своих чернокожих друзей. Еще в апреле 1883 года Честер, тот самый английский администратор с острова Четверга, в доме которого русский путешественник лежал при смерти, получил срочный пакет от премьер-министра Квинслэнда. Пробежав письмо из Брисбэйна, английский становой Торресова пролива немедленно помчался в порт Моресби и поднял флаг королевы над землей Южной Новой Гвинеи.

В то же приблизительно время Отто Финш в Берлине снарядил свою экспедицию за счет Ганземана и, конечно, при полной поддержке Бисмарка. Финш

купил в Сиднее корабль «София-Анна», плававший ранее под британским флагом, переименованный в «Самоа» — в честь уже захваченных Германией островов в Океании... Носились слухи о какой-то будущей германской торговой «Компании Астролябии». Это уже непосредственно угрожало покою, счастью и даже жизни Каина, Саула и других бесчисленных друзей Маклая. Сиднейские немцы подняли головы. Китобойный капитан Дальман пропал днями в порту и корабельных мастерских. Прибыл из Берлина и Отто Финш. Он очень часто забегал в гости к Маклаю.

В воздухе пахло грозой.

Мечта о новой стране на коралловом берегу вспыхнула в мозгу Маклая с новой силой. Ни женитьба на Маргарите Робертсон, ни рождение первенца — Александра не отвлекли Маклая от его замыслов.

Да! Голубую прекрасную страну, которую он открыл, надо заселить людьми, которым дороги его дела и мысли. Знак Маклая нельзя доверить людям, которые не стоят этого. Но как все это сделать? Ни Квинсленд, ни Новый Южный Уэльс, ни господин губернатор Нидерландских Индий, ни «железный канцлер» в Берлине не позволят Маклаю заселить его берег. А русское правительство? Еще неизвестно, как посмотрит оно на своевольство Маклая. Надо итти, к сожалению, по официальному пути и этим, может быть, спасти чернокожий народ.

Под шум волн и шелест деревьев в Ватсон-Бае осунувшийся, постаревший Маклай писал доклад великому князю Алексею Александровичу. В докладе он просил о том, чтобы Россия признала независимость Берега Маклая, право папуасов на самостоятельную жизнь и оказало им свое могущественное покровительство.

Напрасно Маклай писал о выгодах устройства станции русских кораблей в прекрасном порту Алексея близ Архипелага Довольных Людей, об удобстве порта Константина напротив Бонгу, — сановники царской России ответили молчанием на первое выступление Ма-

кляя. Где уж тут защищать папуасов! Российская империя прибирает к рукам Мерв, назревает англо-афганский вопрос. Правительство душит революционное движение, наполняет каторгу и ссылку тысячами узников. А тут сиднейский чудак предлагает учредить чуть ли не папуасскую республику! Из-за одного призрачного порта Алексея, где-то за тридевять земель, нечего портить и так уже плохие отношения с Британией... Напрасно Маклай писал о той алчности, с какой Нидерланды, Англия и Германия захватывают новые земли в Океании. Отто Финш тем временем не зевал. Осенью 1884 года, переделав и перекрасив купленный британский кораблик, Финш и китобой Дальман с немецкой командой вышли из Сиднея в Меланезию. Разыгрывая комедию, заранее все знавший Отто Финш стал в море ждать приказа из Берлина — куда ему итти. Приказ был краток и выразителен — отыскивать гавани на острове Новой Британии и северном берегу Новой Гвинеи, приобретать как можно больше земель у туземцев. Скоро германский крейсер показался близ Архипелага Довольных Людей; на помощь Финшу пришло военное судно. Немецкие лейтенанты бродили по открытому Маклаем порту и давали свои названия мысам и бухтам, по которым всего каких-нибудь полгода назад ходили «тамо-рус», Каин и русские моряки!

Финш побывал в Бонгу, видел посаженные Маклаем растения, узнал, что бычок-зебу вместе с телкой живы и невредимы, и папуасы уже привыкли к страшной когда-то «рогатой свинье». Финш слышал здесь великое имя Маклая всюду. Папуасы, показывая топор, говорили по-русски: «топор Маклай». Арбузы, тыквы, другие плоды они обозначали русскими словами, прибавляя к ним имя русского друга.

Папуасы твердо верили в то, что Маклай вернется. Они пытались объяснить это двум десяткам чужих, незнакомых людей, пришедших сюда без «знака Маклая». О, как, наверное, хохотали рослые ганноверские моряки над этой великой верой чернокожих людей! Пушки германского крейсера смот-

рели на Архипелаг Довольных когда-то Людей... Осенью 1884 года Отто Финш поднял германский флаг над Берегом Маклая. Финш, как коршун, вцепился в тело Меланезии. Он дал захваченной папуасской области имя Земли императора Вильгельма. В немецкой географии на месте островов Меланезии появились возникшие вдруг архипелаг Бисмарка, Новый Мекленбург, Новая Померания... Там еще не успели остыть следы Маклая; всюду, где бродил он, безоружный, смелый и простой, собирая свои жемчужины, — прошел Отто Финш с ватагой немцев, под прикрытием пушек имперского крейсера. Весть о британском и немецком флагах на лазурном берегу потрясла Маклая.

«Тамо-рус» в последние годы сиднейской жизни работал над новыми видами млекопитающих, жуками, разбирал материалы прежних поездок. Но одна мысль неустанно угнетала его. Он любил часто приводить индийскую поговорку: «Всего вернее на свете слово честного человека»... Маклай, верный друг папуасов, чувствовал себя виноватым перед ними. Он обещал вернуться к ним, а между тем в последнюю поездку на Берег Маклая «тамо-рус» не выполнил долга перед жителями Горенду. Куда выселились они из деревни в страхе перед приходом белых людей? Он так и не разыскал беглецов. А они так верили в возвращение своего друга! Страшно подумать, что папуасы сочтут его за предателя.

Пожелтевший, согбенный Маклай, с инеем первой седины на висках, начал лихорадочные сборы. Он упаковывал в ящики утварь, оружие, украшения открытых им народов, записи, дневники, брошюры уже изданных трудов. Он решил оставить пока семью в Сиднее и ехать в Россию.

Между тем Отто Финш уже расхаживал по Берлину, упоенный победами в Меланезии. Германия торжествовала: Финш «нашел» на Новой Гвинее семь гаваней для имперских кораблей, устья судоходных рек, плодородные земли. В Берлине, когда речь заходила о Маклае, Отто Финш пытался выставить себя защитником своего русского друга;

ученые немцы говорили о «непостоянстве» Маклая, о том, что он ничего не сделал для науки. Представляя «чистую науку», Финш, защищая Маклая, тут же клеветал на него. Так, почтенный орнитолог утверждал, что у Маклая в Сиднее были все условия и средства для успешного завершения литературных трудов, но Маклай опять ничего не сделал. Орнитолог, очевидно, намекал на те двенадцать тысяч рублей, которые «милостиво» бросил Маклаю российский самодержец. Двенадцать тысяч рублей, как награда за двенадцать лет подвигов, опасностей, болезней; по тысяче в год!.. Но особенно доктору Финшу не нравилась великая дружба Маклая с папуасами. В Берлине, в кругу своих ученых друзей, Финш «искренне сожалел» о талантливом русском чуде. «Специалистам ученым,—разглагольствовал Финш,—такое раздвоение личности наблюдателя—на человека науки и филантропа—представляется достойным сожаления, так как оно раздробляло силы и отвлекало в сторону от намеченной цели!..».

Петербург и Москва встретили Маклая равнодушием. И хотя народ толпился на выставке коллекций путешественника в зале Академии Наук, а молодежь преклонялась перед подвигами Маклая, неумолимая чиновничья машина рвала в клочья полотно чудесной картины, которую золотом и лазурью рисовал Маклай в своем воображении. Он тщетно стучался в двери министерств, палат. Настойчивость Маклая не знала предела. Он послал Александру III доклад об устройстве лазурной страны. Теперь, когда Берег Маклая был отнят у великого гражданина Океании, он выдвигал новый проект. Лазурную страну он устроит на другом острове Тихого океана, куда еще не проникли ни Отто Финш, ни британцы.

Зубцы машины управления Российской империей заработали вновь, и от проекта Маклая летели только клочья. Сам Александр III поведет задать океанскому мечтателю несколько вопросов. Чиновники выясняли у Маклая — на каком именно острове он хочет устроить колонию, как он добудет

земли для колонистов, где он рассчитывает добыть средства на устройство лазурной страны? Доводы и ответы Маклая чиновников не убеждали.

Шел 1886 год... Государства дрались из-за новых земель. Французы подняли флаг Республики на Мадагаскаре, итальянские солдаты шагали по выжженной солнцем Эритрее, англичане прибрали к рукам Бирму, Германия готовила окончательный захват Самоа. Франция и Англия дрались за Тонкин. Французские агенты шныряли по всей Полинезии, чтобы как можно быстрее и надежнее поработить смуглых и стройных людей Таити.

Маклай понимал, что Бисмарк, Финш, Ганзман, банкиры и негоцианты страны, травившей Геккеля, не ограничатся только одним протекторатом над Новой Гвинеей. Вслед за Финшем туда двинулись миссионеры и торговцы. Скоро к Архипелагу Несчастливых Людей придут на кораблях померанские стрелки, гамбургские и штеттинские матросские отряды, чиновники и полицейские.

Маклай метался по Петербургу, просяживал в приемных департаментов.

Он попрежнему ютился в номерах. В Москве антрополог Анучин разыскал Маклая в сумрачной комнате Лоскутной гостиницы. Анучин был поражен видом героя Новой Гвинеи. Осунувшийся, бледный и худой, Маклай был рассеян, грустен и задумчив. Анучин расспрашивал его о плане издания путешествий, о коллекциях. Тихим голосом, затаив боль великого сердца, «лунный человек» рассказывал о неудачах. Географическое общество медлит с печатанием его трудов, обещание издать их на личный счет царя осталось на бумаге. А он мог бы сейчас подготовить сразу два тома; первый — о жизни и странствиях в Новой Гвинее, а второй — о Малакке и островах Океании. Для первого тома составлено уже оглавление, отданы в переплывку отдельные части книги. Врачи признали его инвалидом, Берег Маклая отнят у него, сиднейские дела пришли в расстройство, надо перевозить в Петербург семью, скудное имущество и коллекции. И Анучин стал отчески выгова-

ривать Маклаю. Нельзя Николаю Николаевичу так разбрасываться. Талантливый человек раскидывает жемчужины своего дарования всюду, но эта щедрость только вредит науке. Посудите сами — анатомия, антропология, этнография, филантропическая деятельность... Нельзя так увлекаться! Ведь другой на его месте после таких путешествий по Океании написал бы несколько книг, и они даровали бы бессмертие. А теперь уважаемый коллега снова занялся не своим делом — планами колонии в Океании.

... После скитаний по министерствам Маклай махнул рукой на сановников. Он начал помещать в газетах призывы ко всем, кто пожелает ехать с ним вместе в лазурную страну. Каждого желающего Маклай вызывал к себе лично. За Маклаем окончательно упрочилась слава чудака. Ученые педанты пожимали плечами и передавали друг другу сплетни и слухи о «субботах» Маклая, когда он осаждается толпами кандидатов в граждане океанской республики. Передавали, что на призыв покровителя папуасов откликнулось 2000 русских людей. Но все они не имели ни гроша за душой, а на жалкие добровольные средства надеяться было нельзя.

Лазурная мечта Маклая рассеялась в октябре 1886 года. Русский царь устроил торжественные похороны проекта великого мечтателя. Проект хоронили «по первому разряду»; факельщиками и могильщиками были дипломаты, жандармы, офицеры штабов, адмиралы, сановники министерств. Весь этот «комитет», после совещания, решил отказать Маклаю во всякой поддержке. Вскоре царь прочел всеподданнейший отчет новогвинейского комитета и начертал собственноручно: «Считать это дело окончательно конченным; Миклухе-Маклаю отказать...».

«Тамо-рус» мужественно перенес и этот удар. Австралийская весна застала его уже в Сиднее. Он взял семью и, простившись навсегда со Страной Кенгуру, возвратился в Петербург сразу после того, как по Неве прошел прозрачный ладожский лед. Не все еще потеряно, не все позиции сданы. Время

покажет, как надо начать по-новому биться за лазурно-золотую страну. Теперь надо готовить для печати свои труды. Груды бумаг, планы, карты, рисунки, фотографические снимки, дневники... Шестнадцать карманных записных книжек, шесть толстых тетрадей, уже перебеленные переписчиками дневники первого тома, отдельные оттиски статей... В печати уже опубликован не один десяток работ. Теперь все это надо связать всеедино, систематизировать. Некоторые рисунки не подписаны, кое-какие записи не завершены...

Но еще в Сиднее, прощаясь с Австралией, Маклай чувствовал себя плохо. От ревматизма и невралгии ныло все тело, мысли путались и обрывались. На борту корабля «Неккар» он часто не мог встать с койки.

В Петербурге Маклай, было, взялся за работу, но Маргарита Робертсон спокойно взяла со стола кипу бумаг и спрятала их под замок. Всякая работа отныне запрещена ему врачами. Он должен лечь в постель, отдыхать, ни о чем ни думать.

Всякие разговоры, особенно о Новой Гвинее, ерედны для больного. Близкие ходят на цыпочках по тихим комнатам. Маклай не может, не привык переносить такой страшной тишины, где мерный ход часов кажется ему грохотом разрушающихся миров. Вот, закрыты глаза и услышать синий звон прилива и шелест пальмовых листьев. Взглянуть в ночное окно и вместо Большой Медведицы увидеть ровное и слабое мерцание Южного Креста! И он на несколько месяцев прикован к постели, врачи сидят у изголовья и не дают ни книг, ни газет, ни карандаша.

И в бессонных мечтах, в зеленой невиской ночи, похожей на рассветные часы, Маклай, закрыв глаза, видит картины своих странствий. На волнах качается шлюпка, а он, Маклай, плывет к зеленому берегу, и благоуханный ветер доносит до него радостный возглас: «Маклай вернулся!». Гремят барумы, яркие лучи солнца сверкают на бортах выложенных перламутром пирог, на лазурных волнах пляшут багряные цветы и ветви пальм...

Встревоженная Маргарита Робертсон склоняется над постелью. Маклай бредит! Черные тени блуждают по его лицу. Так проходит осень, зима, и к окну тихой комнаты подкрадывается трескучий январь 1888 года. Маклай чувствует себя немного лучше. Но кто не доглядел и дал в исхудалые руки Маклая газетный лист? В газете напечатано, что Германия начала беспощадный захват Новой Гвинеи, — конец «протекторату», начинается каторга, об учреждении которой заботился Финш! На этот раз Маклаю дадут в руки перо и бумагу — ведь он напишет только несколько строк, чтобы выполнить до конца свой долг. И чуть ли не со смертного одра Маклай посылает телеграмму Отто Бисмарку — гневный крик благородного и смелого сердца:

«... Туземцы Берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии» — эти слова летели по телеграфным проводам в холодный и жестокий Берлин...

А дальше—светлая, собравшая лучи апрельского солнца палата в клинике Виллие при Военно-Медицинской ака-

демии и шесть недель страшных страданий и мужества, изумившего военных докторов, выдавших тысячи смертей. Отважный сын России умирал, как солдат на поле битвы.

Прошедший моря и океаны Маклай умер 2/15 апреля 1888 года на больничной койке.

Прошло много лет. Великие труды Маклая лежали в научных архивах. И только мы, благодарные потомки и граждане великой страны, передали печатному станку часть творений русского человека, Николая Миклухи-Маклая.

Но далеко не все его записки изданы, далеко еще не все известно стране о его мужественной и скромной жизни. Близок тот день, когда вечная память о нем будет облечена в величавую бронзу и золотые буквы расскажут о величайшем подвиге открывателя Архипелага Довольных Людей.

Маклай! Это имя — воплощение великого русского мужества, величавой простоты и дружбы северной страны с угнетенными народами океанских земель, за счастье которых «тамо-рус» Маклай отдал свою жизнь.

Европа под ружьем

ЛИДДЕЛЛ ХАРТ

★

ОТ РЕДАКЦИИ

Среди современных военных писателей Англии Лидделл Харт, военный обозреватель лондонской «Таймс», является наибольшим авторитетом.

В английских военных кругах Лидделл Харт занимает особое положение. Так, в области стратегии Лидделл Харт уже давно сигнализирует об опасностях, угрожающих Англии в Средиземном море в связи с агрессивными планами Италии, а в самое последнее время и Германии. В области тактики Лидделл Харт стоит за широкую реализацию новых форм боя — ночных операций, операций под прикрытием естественных и искусственных туманов и дымов, разрушений и уничтожений, партизанских методов. Английское же командование продолжает придерживаться традиционных тактических форм, будучи, по словам Лидделл Харта, в плену взглядов эпохи последней мировой войны. Наконец в области материальной части Лидделл Харт считает число пулеметов, существующих в пехотных частях, недостаточным, считает излишней конницу и т. п. Это, конечно, не означает, что между ним и военными кругами нет единства взглядов по коренным вопросам. Но Лидделл Харт строит свои суждения на основе изучения опыта прошлых войн и оценки возможностей современного оружия, тогда как генералы, по его словам, ищут в прошлом лишь подтверждения своих догматических положений, основанных на традициях.

Но, как только речь выходит за пределы тактики и вооружения, как только дело идет о людях в будущей войне, их моральном состоянии, Лидделл Харт предстает на позициях буржуазного военного профессионала, не способного понять, что сила армии зависит не только от материальных факторов, но и от политической сознательности бойца. Этот новый фактор с великой силой проявился в конце мировой войны в русской, германской, французской армиях.

Политическая сознательность бойцов Красной гвардии и Красной армии определила исход гражданской войны и интервенции в нашей стране. Численно и материально неизмеримо лучше оснащенные, орды белогвардейцев и интервентов были разгромлены Красной армией, потому что эта армия состояла «не из оловянных солдат, а из людей сознательных, понимающих, куда идти и за что биться» (Сталин).

Статьи Лидделл Харта, написанные им за последние два года в «Таймс» и в американских толстых журналах, ныне собраны в книге «Европа под ружьем» (1937 г.).

Интересны последние главы книги, объединенные общим заголовком: «Прогнозы». Приведенные здесь рассуждения показывают, что в вопросах узко-военных Лидделл Харт стоит на позициях реализма. Он всячески предостерегает от иллюзий о скоротечности будущей войны. Он смеется над «предсказателями 24- и 96-часовой войны». Что касается теории «тотальной войны», то ей автор «Европы под ружьем» Лидделл Харт дает уничтожающую критику и доказывает, что только фашизм мог породить эту теорию. Буржуазный военный специалист Лидделл Харт устанавливает, что теория «тотальной войны» есть путь закабаления всего народа, путь подчинения жизни всего народа интересам агрессий, территориальных захватов, навязывания фашистского режима народам более слабым.

При всех своих заслугах — отличном знании предмета, вдумчивом анализе фактов, разоблачении ряда вреднейших теорий, способных сеять панику среди гражданского населения, авторитетной оценке широчайших возможностей обороны, получивших блестящее подтверждение в восемнадцатимесячной обороне героического Мадрида, — Лидделл Харт не смог до конца остаться объективным.

Понятно, что к буржуазному специалисту нами не предъявляются такие же требования, какие предъявлялись бы к военному теоретику, вооруженному, помимо специальных знаний, марксистско-ленинской теорией. Но работа Лидделл Харта полезна потому, что в известной мере подытоживает опыт прошлого, дает его приложение к настоящему, освещает основные вопросы стратегии, тактики и материального оснащения современных армий.

Итак, Лидделл Харт настойчиво выдвигает на первый план проблему транспорта в будущей войне: перевозки войск для быстрой стратегической и тактической их концентрации и бесперебойного снабжения действующих армий. Из всего этого Лидделл Харт делает свой главный вывод, — что численность армии должна ограничиваться транспортными возможностями страны. Тем самым Лидделл Харт опрокидывает проблему на голову, ибо в действительности развитие коммуникаций должно в полной мере отвечать военным потребностям страны.

Концепция Лидделл Харта тем отличается от концепций других буржуазных военных теоретиков, вроде Фуллера и Секта, что он меньше фантазирует относительно возможности ограничиться в будущей войне малыми, профессиональными армиями. Лидделл Харт реалистичнее своих коллег, но страшится «больших батальонов», т.е. вооруженных масс народа, не меньше, чем вся буржуазная военная мысль.

★

★ ★ ★

Европейская атмосфера становится все более напряженной. Неизбежно вспоминается ситуация 1914 года, но некоторое отличие все же существует. Всюду люди говорят о «войне». Они яснее видят пути, по которым война придет, чем пути, ведущие из тупика. В обнадеживающих же высказываниях не чувствуется твердой уверенности.

Инстинктивно люди обращают свои взоры к небу, и фантазия их работает

еще быстрее. Воспоминания о воздушных нападениях времен мировой войны подогревают фантазию не меньше, чем познания о развитии авиации за последние годы. Хотя воздушные налеты 1914 — 18 гг. нанесли сравнительно небольшой материальный ущерб, но оказали глубокое психологическое воздействие, сохранившееся до сих пор. Как ни малы были силы, участвовавшие в налетах, они вызвали у народов такое нервное потрясение, как ни один другой род оружия. Вот почему в широких

кругах населения мысль о войне непременно ассоциируется с картинами воздушной бомбардировки. Отсюда возникает и естественное преувеличение. Примером тому может служить заявление одной английской газеты, сделанное в 1934 г., будто Германия обладает 25 000 самолетов. Еще через год владелец этой газеты заявил в палате лордов, что Германия имеет 10 000 бомбардировщиков. Французские эксперты под считали, — а, надо сказать, после 1914 г. французы не склонны преуменьшать германскую угрозу, — что численность германской авиации, включая все ее резервы, гораздо меньше 3 500 самолетов.

Следует отметить, что в настоящее время идут активные поиски новых технических средств, способных содействовать внезапному нападению. Те, кто рассчитывают вести наступательную войну в будущем европейском столкновении, вынуждены искать новых путей. Они вынуждены признать, что методы прошлой войны непригодны, что от армий, оснащенных улучшенными образцами вооружения 1918 г., не приходится ожидать ничего иного, как затяжной борьбы без решающего результата. Они боятся, что подобное затягивание решения может привести к непредвиденным последствиям, в результате которых чаша весов быстро склонится на одну сторону. Отсюда родились поиски путей быстрого решения войны. В 1914 г. военное командование рассчитывало решить войну в несколько недель и на этом сосредоточило все свои усилия. События не оправдали надежд. Теперь в тех же кругах считают, что решение может последовать в первые дни, даже в первые часы, и если военное командование не достигнет решительных преимуществ в кратчайший срок, они смогут вовсе ускользнуть. Отсюда лихорадочные попытки найти такие новые средства наступления, которые способны были бы сломать оборону без былой за тязки.

Внезапное нападение не обязательно предполагает изобретение нового оружия. Того же эффекта можно достигнуть, например, неожиданным увеличением численности вооруженных сил. В 1914 г.

немцы захватили врасплох французов, включив в наступавшую армию резервные формирования. Таким образом, в начальный период войны они выставили на фронт вдвое больше того, что рассчитывали встретить французы. Теперь это может быть повторено применительно к авиации. На каждый боевой самолет, находящийся в строю, большинство стран содержит 3 — 4 машины в резерве с тем, чтобы пополнять потери в течение первых месяцев войны — в период, пока промышленность не достигнет уровня производства военного времени. Но страна-агрессор может решить, что перспективы нехватки боевых машин после 1—2 месяцев войны менее опасна, чем неудача в обеспечении себе максимальных преимуществ в первые дни войны. Иными словами, успехи первых дней стоят того, чтобы рискнуть. Тогда страна-агрессор может использовать часть своих резервов в составе ударных кадровых частей.

Но, если игра потеряна, страна-агрессор может оказаться в худшем положении, чем если бы она выжидала полного развертывания военного производства. Насколько хуже будет это положение, подсчитать невозможно. Количественные преимущества одной страны могут вызвать появление качественных преимуществ у другой. Иными словами, эффект нападения может оказаться переоцененным, а уплаченная за это цена — большей, чем предполагалось. Погода, психологические и экономические факторы, политическое положение — все играет свою роль в усложнении проблемы воздушной войны. Недостаточная осведомленность о состоянии вооруженных сил той или иной державы ничто по сравнению с неопределенностью сведений об их эффективности. В прошлом военные расчеты были сравнительно простым делом. Все элементы в значительной мере поддавались исчислению. Начинать войну в тех условиях было не более опасно, чем ставить на скачках на фаворита. И все же — фаворит часто проигрывал. Ныне рисковать войной — то же, что ставить на лошадь, никогда еще не участвовавшую в бегах. Опытный

игрок мудро воздержался бы от того, чтобы ставить на такую лошадь; государственным деятелям следует быть не менее мудрыми...

★

Наполеону принадлежат слова о том, что «провидение сопутствует большим батальонам». Зачастую он не обращал внимания на противоречие своих суждений и на то, как их истолковывают другие. Вышеизложенная формула не родилась целиком из его практики, хотя он больше, чем кто-либо другой из великих полководцев, опирался на численное превосходство. Подобная тенденция была неизбежна, поскольку он не помышлял о том, чтобы сделать свои силы качественно решающими посредством лучшей боевой подготовки или лучшего вооружения. Это объясняется неисчерпаемыми людскими резервами, которыми располагал Наполеон. Но и при всем этом победы Наполеона есть скорее результат маневра, массирования количественно превосходящих сил на решающем участке, чем результат общего численного превосходства.

Слова Наполеона произвели, однако, глубокое впечатление. Они были поняты в прямом смысле. Представитель следующего поколения, знаменитый немецкий толкователь Наполеона Клаузевиц, был твердо уверен в том, что «численное превосходство с каждым днем становится все более решающим». Но ему это было более простительно, чем представителям военных кругов, которые во всех странах повторяли слова Клаузевица в течение целого столетия. Когда Клаузевиц говорил о численном превосходстве, машинный век только начинался, а последователи Клаузевица упорствовали в этом заблуждении уже в дни, когда военная техника непрерывно развивалась количественно и качественно. Эти люди забывают, как Александр покорил Азию, как Ганнибал разгромил римскую армию на ее собственной территории, как Велизарий снова завоевал Римскую империю, как Чингисхан прошел через Азию и Европу с силами, гораздо более слабыми, чем силы

его противников. Они забывают еще более наглядный урок, доказавший все значение превосходства вооружения: завоевание Ирландии полководцем Стронгбоу во главе всего нескольких сотен рыцарей. Этот разительный пример мощи более высокой технической оснащенности повторен Кортесом при завоевании Мексики, Писарро — в Перу, Клайвом — в Индии.

Когда началась война 1914 г., крушение «больших батальонов» оказалось предрешенным техническим прогрессом, дающим возможность одному бойцу с пулеметом справиться с парой десятков, а то и с сотней или с тысячей солдат, атакующих его с винтовкой и штыком. Во множестве случаев, чем больше было атакующих, тем больше насчитывалось убитых. Контраст между количественными и качественными ценностями можно было наблюдать в Камбрэ, 20 ноября 1917 г., когда 378 танков и 4 000 танкистов, поддержанные 6 пехотными дивизиями, ценой потери 5 000 убитых и раненых обеспечили выигрыш большей территории, нанесли противнику более чувствительный удар, чем это удалось десяткам дивизий на Ипре в 3-месячных боях, когда потери исчислялись 400 000 убитых и раненых. Этот пример позволяет дать сравнительную оценку различным техническим средствам современной войны. На Ипре английское командование рассчитывало преодолеть сопротивление противника введением в бой 3 000 орудий и 120 тысяч артиллеристов, выпустивших во время артиллерийской подготовки не менее 4,5 миллиона снарядов.

И теперь еще, несмотря на многочисленные примеры, показывающие, как мало значит количественные показатели, правительства и генералы Европы продолжают считать свои силы по числу солдат. Общественное мнение придерживается той же точки зрения. В самом деле, количественными показателями оперировать куда легче, чем производить сложнейшие подсчеты качественных показателей. Если количественные показатели и бросают какой-то свет на военные проблемы, то прежде всего — для обоснования перед налого-

плательщиком необходимости нести бремя растущих расходов на вооружения.

ВОЙНА ПРОШЕДШАЯ — ВОЙНА БУДУЩАЯ

Во всех странах, усиливающих свои вооружения, царит дух уверенности в техническом совершенстве военной подготовки. При этом считается, что самый рост вооружений свидетельствует о качественном усилении боеспособности. Оправдано ли такое мнение? Опыт прошлого едва ли подтверждает его. Наши сомнения тем более основательны, что условия любой будущей войны окажутся весьма сложными. Всякий разумный человек должен надеяться на то, что войны не будет. Но разумный человек должен знать, что разум играет в наше время незначительную роль. Опыт не слишком обнадеживает нас насчет возможности войны в будущем.

«Какой будет следующая война?», «Будет ли она похожа на прошедшую?». В нынешней обстановке такими вопросами изо дня в день забрасывают всякого, кто занимается мрачной областью знаний, именуемой иногда военной наукой. Но те, кто занимается военной наукой, знают, что, по существу, подлинно научная работа в этой области находится лишь в начальной стадии. Они весьма неохотно рискуют точно предсказывать будущее, и предсказания остаются прерогативой генералов, которым, как носителям традиций, подобает этим заниматься, а как пророкам — нечего терять. Достаточно привести для примера хотя бы некоторые предсказания.

Трудно было не оценить в течение 50 лет, предшествовавших войне 1914 г., роста преимущества обороны благодаря растущей мощи оружия пехоты: сначала магазинной винтовки, позднее — пулемета. Не менее ясно было ограничение возможностей кавалерии. Это было с достаточной ясностью показано во время гражданской войны в США. Но очевидно было и то, что европейские генералы не использовали этот опыт, поскольку Мольтке пренебрежительно определил гражданскую войну в США

как «взаимную охоту двух вооруженных толп, гонявшихся друг за другом по всей стране, — из чего почерпнуть какие-либо уроки нельзя». Франко-прусская война, несмотря на свою кратковременность, обнаружила и в боях при Гравелотте и на ряде других полей сражения те же перемены. Тем не менее в 1883 г. германский идеолог «вооруженной нации» фон-дер-Гольц заявил, что «утверждение о большей силе обороны является чистой иллюзией». Англо-бурская война вполне могла бы породить недоверие к такому постулату. Однако в 1903 г. Фош, будущий маршал Франции, уже тогда выразивший свое мнение официальных военных кругов своей страны, заявил, что «всякое усовершенствование огнестрельного оружия поведет к усилению нападения».

Но Фош имеет хотя бы то оправдание, что он не участвовал в какой-либо настоящей боевой проверке. Зато будущий фельдмаршал английской армии Хэйг, прибывший с полей сражения в Южной Африке со свежим боевым опытом, заявил, что «сфера действий конницы в будущих войнах увеличится». Его предсказание было бы более понятно, если бы он подразумевал попросту стрелка, посаженного на коня с целью противодействовать высоко-подвижным бурам. Но речь шла об атаке конницей, со всей ее спецификой.

С Хэйгом согласились военные авторитеты всех европейских держав. В результате в 1914 г. Германия, Франция, Россия и Австрия развернули свою кавалерию более чем по 100 тысяч сабель каждая. Каков же был результат? Французы основывали свою разведку главным образом на использовании конницы. Но, как это ныне официально признается: «Огромная масса конницы не раскрыла наступления противника... Повсюду французские войска были застигнуты врасплох». Наибольшим достижением германской кавалерии было беспощадное разрушение телеграфных линий, что повлекло лишь парализованную деятельность самого же германского командования при наступлении во Франции. Головным частям наступавшей австрийской армии предшествовали

крупные соединения конницы. Официальная история говорит, что кавалерийским частям австрийцев ни разу не пришлось вступить в соприкосновение с противником. Но они были счастливее тех, кто натолкнулся на русскую пехоту. Австрийская конница вернулась во-свояси с невознаградиво тяжелыми потерями.

Так же мало посчастливилось генералам в предвидении тех возможностей, какие рождались с появлением новых родов оружия. Незадолго до 1914 г. один из членов английского высшего военного совета, ознакомившись с информацией о развитии авиации, писал: «В проблеме завоевания воздуха мы сегодня ушли не дальше, чем во времена воздушного шара братьев Монгольфье». Еще большее неверие выразил русский военный министр Сухомлинов, когда заявил преподавателям Академии генерального штаба, что он, Сухомлинов, «не может без досады слышать слов «современная война». Какой война была, такой она и останется. Все эти вещи являются вредными нововведениями». Мечта Сухомлинова о командовании русской армией в военное время не осуществилась. Тем не менее он мог удовлетвориться сознанием того, что по его милости эти армии пошли на бойню слепыми и почти безоружными.

Иным по форме, но совершенно тем же по существу, было заявление французского главнокомандующего Жоффра в августе 1914 г.: «В заключение мы можем сказать, что немцы выполняют план, о котором мы осведомлены». Итак, преисполненный уверенности, он бросил французские войска на восток в Лотарингию, в ловушку, немцы же в это время катились через Бельгию.

Но если тем самым германское командование получило в начале войны преимущество внезапности, оно растеряло это преимущество из-за самонадеянности, граничащей с опьянением. Германское командование сообщило австрийцам, что, если французская армия перейдет в наступление, война будет решена «на 21-й день мобилизации», т.-е. 23 августа 1914 г.; если же французская ар-

мия будет обороняться на линии пограничных укреплений, то решительная победа немцев последует неделей позже. После этого германские войска будут переброшены на русский фронт, «куда им надлежит прибыть на 41-й день мобилизации». 23 августа пришло и прошло, но решения не было, хотя в этот день французы, наступавшие вслепую, натолкнулись на наступавших в Арденнах немцев и были отброшены. Французов помяли, но им удалось выйти из боя. Германское же командование настолько было убеждено в успехе, что 25 августа начало перебрасывать части со своего правого фланга на восточный фронт. Когда немцы дошли до Марны, численно они оказались гораздо слабее французов. А в 41-й день мобилизации, 11 сентября, германская армия поспешно отступала. Решительный поворот событий последовал в момент, когда английские части проникли в 48-километровый разрыв между двумя германскими армиями на правом фланге. Ирония судьбы тем острее, что германское военное командование отказалось от предложения германского морского командования о том, чтобы препятствовать переброске англичан во Францию, заявляя: «Гораздо выгоднее расправиться со 160 тысячами англичан одновременно с расправой над французами и бельгийцами».

Слепота генералитета, особенно в вопросе о новом оружии и формах боя, не излечилась в жестоком соприкосновении с действительностью. Месяцами германские пулеметы пресекали возможность серьезных операций, а Хэйг все еще сопротивлялся предложению усилить пулеметное вооружение английской армии. «Значение пулемета, — заявил Хэйг, — весьма переоценивалось. Двух пулеметов на пехотный батальон более чем достаточно». Запрошенный по тому же поводу военный министр Китченер согласился, что «батальону могут быть полезны четыре пулемета. Больше же число следует рассматривать, как роскошь». Задолго до окончания войны пулеметное вооружение пехотного батальона было доведено до 40 и больше станковых и ручных пу-

леметов. Но эта мера была осуществлена исключительно благодаря настояниям Ллойд-Джорджа.

Близорукость генералы проявили и тогда, когда зашла речь о методах подавления пулеметного барьера, созданного обороняющейся стороной. В июне 1915 г. начальнику управления вооружений Англии был представлен проект постройки танка. Ответ был поистине ледяным душем: «Прежде чем рассматривать этот проект, следует спуститься с фантастических вершин и обратиться к реальным фактам». Восемь месяцев спустя первый танк был показан Китченеру. «Любопытная игрушка, — проронил он и добавил, — война никогда не будет выиграна с помощью подобных машин».

Большинство генералов уверяло, что выиграют войну задолго до того, как в их распоряжение будут предоставлены бесполезные танки. Впрочем это началось у генералов уже в первый месяц войны, несмотря на многочисленные доказательства от противного. 13 сентября 1914 г. генерал Вильсон, правая рука английского главнокомандующего, записывает в своем дневнике беседу с одним из влиятельных французских военных: «Бертело спрашивает, когда, по моему мнению, мы перейдем германскую границу. Я ответил: через четыре недели. Он считает, что это произойдет через три недели». Союзные армии стояли в этот день на р. Эн, где они пробыли последующие четыре года.

В июне французский президент Пуанкаре горько жаловался Китченеру: «Жоффри и Френч заявили мне в ноябре, что отбросят немцев за границу. То же обещание они дали мне в декабре, марте и мае. Что же они сделали? Наступательные операции обходятся очень дорого и кончатся ничем».

В ноябре 1914 г. английский главнокомандующий ген. Френч заявил, что самые тяжелые бои уже позади. В январе 1915 г. он выразил уверенность в окончании войны до июня того же года. Месяцем позже, в феврале 1915 г., Жоффри утверждал, что война окончится в последних числах июля. В августе этот срок был перенесен на ноябрь и

уже во всяком случае не позднее чем январь 1916 г.

В дни подготовки большого наступления, 1 июля 1916 г., Хэйг и его приближенные (так гласит официальная английская история) всем внушали на совещаниях и в частных беседах, что пехоте придется только двигаться вперед и занимать оставленные противником окопы. В действительности же наступление закончилось провалом на большей части фронта и в первый же день стоило 60 000 убитых.

В конце 1916 г. Жоффри во главе французской армии сменил генерал Нивелль. Говоря о большом наступлении 1917 г., Нивелль утверждал: «Мы прорвем германский фронт, когда захотим». Когда подчиненный Нивеллю ген. Мишелер сообщил, что немцы сооружают третью линию обороны за пределами досягаемости артиллерии союзников, Нивелль беззаботно бросил: «Не беспокойтесь, ни одного немца вы там не застанете. Они только и ждут, чтобы бежать». Нивелль утверждал, что прорыв первых двух линий германской обороны будет стоить ничтожных жертв, что через три дня руководимые им армии выйдут в открытое поле и начнут свой марш к Рейну. В первый день наступления Нивелля было пройдено 550 метров вместо предусмотренных планом 10 километров. Последующие дни принесли лишь увеличение потерь до 120 тысяч человек. Наступление едва не привело к полному крушению боевого духа французской армии и завершилось рядом грозных мятежей среди войск, измотанных наступлением. Армия осталась искалеченной не только на все лето 1917 года, но до конца войны.

Несмотря на паралич французской армии, Хэйг заявил английскому правительству в июне 1917 г.: «Если бои будут продолжаться с нынешней интенсивностью еще шесть месяцев, у Германии нехватит живой силы». Этим заявлением он вырвал у английского правительства согласие на продолжение своего собственного наступления на Ипре. 21 августа Хэйг донес правительству: «Быстро приближается момент, когда Германия не в состоянии будет

содержать свои армии». Требуя продолжения операций в Пашендэйльских болотах, Хэйг 8 октября писал, что крах врага может последовать «в любой момент». Ни разу, ни одним словом Хэйг не обмолвился о возможности для немцев перейти в наступление в кампанию 1918 года. 7 января 1918 г. в беседе с членами правительства Хэйг заявил, что немцы наступать не будут. 21 марта немцы прорвали фронт англичан и проникли в глубину почти на 60 километров.

Какую оценку давали военному флоту, видно из следующего факта. Военный обозреватель «Таймс» полковник Репингтон в период, предшествовавший войне, оценивал помощь английского флота Франции «равной 500 тысячам штыков». Генерал Вильсон, мозг английского военного министерства, считал, что «наш флот не стоит и 500 штыков». После беседы с тройкой, возглавлявшей французское военное командование, Вильсон записывает в своем дневнике: «Кастельно и Жоффр считают, что английский флот не стоит и одного штыка... Фош такого же мнения».

Этот перечень ошибок, допущенных высшими военными профессионалами, должен послужить предостережением на будущее. Этот перечень следовало бы высечь на стенах всех военных академий. Если такая мера и не излечит представителей военного командования от любви к пророчествам, она все же предостережет нас от догматических утверждений, особенно там, где речь идет о чем-то новом.

В существовании военной науки сомневаться не приходится. Но мы еще далеки от открытия ее законов. Не можно ли надеяться, что где-нибудь слово разрушит оковы, на протяжении веков выкованные традицией и закаленные дисциплиной и людской погоней за карьерой? Мало найдется людей, которые становятся искренними еще прежде, чем выйти в отставку. А уже после, выслушивая их признания, людижимают плечами: «Ведь он в отставке...». В войне господствует фактор времени. Время диктует в военной профессии. Нет, пожалуй, никакой другой профес-

сии, где приказ начальника принимался бы с таким некритическим послушанием. Но ни в какой другой профессии выход в отставку не ведет к такому быстрому переходу от деятельной карьеры к полному забвению. Часть отставных военных работает над теоретическими вопросами, и история свидетельствует, что от них именно, а не от лиц, занимающих высокое официальное положение, исходят некоторые наиболее правильные прогнозы в военном деле.

Ошибочно было бы утверждать, что нельзя предугадывать развитие военного искусства. Когда в 1926 г. маршал Фош заявил: «Военная мысль всегда воображает, что следующая война будет развиваться по тем же линиям, что и прошедшая. Так никогда не бывало и не будет», — это было скорее вынужденным признанием, чем научным постулатом. Легко допустить, что в ретроспективе война казалась ему совершенно отличной от того, какой он ее воображал и изображал в прошлом. Но обстановка, ошеломившая Фоша и его друзей, была не чем иным, как кульминационным пунктом процесса изменения военного искусства, который они могли бы предвидеть, но не предвидели. Каждая война, начиная с 1861 г., показывала этот процесс все с большей наглядностью. Другие умы распознали этот процесс.

В конце прошлого века вышла книга «Война будущего», написанная варшавским банкиром Блохом. Автор дал замечательно правильное определение основных элементов этой будущей войны, хотя он еще не располагал данными англо-бурской и русско-японской войн, которые подтверждали выводы Блоха.

Были и военные, не связанные с руководящей верхушкой армии, которые предвидели затяжную позиционную войну и объясняли ее истоки. Французский военный писатель капитан Майер, отталкиваясь от идеи наступательной войны, которую яростно проповедывал Фош, весьма точно предсказал позиционную войну, захватившую врасплох генералов, мечтавших о маневренной войне, но не располагавших средствами обеспечения подвижности. За смелость

капитана Майера бойкотировали. Такая же судьба постигла выдающегося французского военного историка подполковника Груара. В 1911 г. он совершенно точно предсказал, как будут развиваться события, если французское военное командование станет действовать так, как оно стало действовать тремя годами позже. Как мы уже говорили, военный обозреватель «Таймс» полковник Репингтон обладал гораздо большим кругозором, чем французский или английский генеральные штабы, и лучше разбирался в факторах, которые должны были оказать влияние на решение войны.

Если в прошлом можно было оценить перспективы войны 1914—1918 гг., — что и сделали люди, не связанные с официальными кругами, — то теперь гораздо труднее дать прогноз будущей войны. Не говоря о гигантском развитии материальной части в период с 1918 г., много нововведений эпохи мировой войны остаются до сих пор неосвоенными.

В 1914 г. армия шла на поля сражения пешком так же, как это делалось в течение многих веков. Разница была лишь в том, что часть пути армию перебрасывали по железным дорогам. Кроме того, железные дороги обеспечивали переброску резервов с одного фланга на другой. Основной результат этого новшества был тот, что дороги выбрасывали на конечных пунктах такие огромные массы войск и с такой быстротой, что уменьшалась маневренная способность войск. Но, с другой стороны, благодаря быстрой переброске резервов удавалось с большей легкостью задерживать продвижение противника. Война дала потрясающий толчок развитию механизированного транспорта. Число грузовиков увеличилось в тысячу раз. Это повело, однако, лишь к увеличению объема снабжения. Механизированный транспорт не отразился заметно на стратегии, поскольку он не мог способствовать увеличению подвижности войск, зарывшихся в землю под пулеметным огнем противника. Возможность передвигаться со скоростью 50 километров в час мало чем помогала солда-

ту, который должен был отсиживаться перед тактическим препятствием. Для возвращения пехоте способности двигаться перед лицом огневой стены были развиты уже известные огневые средства поддержки, дополненные новыми — ручные пулеметы, мörтиры, ручные гранаты, отравляющие вещества, дым и огнеметы. Некоторые средства действовали обороне, равно как и наступлению, но ни одному из них не удалось возродить маневренную войну.

Появился танк. Лучше всех прочих средств он справился с пулеметами обороны. Немцы признали, что танк явился важнейшим военным фактором в последний период войны. Конец войны наступил прежде, чем танк стал достаточно усовершенствованным для обеспечения чего-то большего, чем частичное ускорение движения пехоты. В отступающей армии, равно как и в армии преследующей, масса автомашин смешалась с еще большим количеством конных повозок. Еще вопрос, можно ли было при этих условиях обеспечить ускорение движения всей массы транспорта в случае, если бы даже преграда в виде пулеметов перестала существовать. На других фронтах — болгарском, турецком, австрийском — тормоз, замедливший отступление, был менее эффективен. В результате новое воздушное оружие получило отличные объекты для своих действий. Под его ударами отступающие армии рассеивались в общем хаосе.

Армии послевоенного периода настолько увешаны всевозможными нововведениями, развившимися количественно и качественно, что наперед оценить их действие, если грянет война, труднее, чем когда-либо. В то же время, в силу традиций, сохраняется старое оружие. Между тем изменений организационной структуры армий, основанной на научных предпосылках, не было. Изменения выражались главным образом в приращении нового к старому, а не в переоценке ценностей и в установлении гармоничных пропорций. В больших армиях лошадь уживается рядом с автомашиной. Обыкновенный грузовик стоит рядом с танком. Культ штыка уживается с автоматическим оружием и

отравляющими веществами. Солдаты могут двигаться со скоростью от 5 до 50 километров в час, тогда как нападение на них сверху совершается со скоростью 500 километров в час. И разве не возможно, больше того, разве не вероятно, что, сложенные вместе, эти различные скорости дадут в сумме круглый ноль?

Флоты 1914 г. были более развиты, чем армии того времени. Но флоты были и менее проверены. Линкоры и крейсеры явились естественным наследием деревянных линкоров и фрегатов, но пар и броня настолько изменили их свойства, что трудно было оценить их возможности, тем более, что с начала эры механизации на море флоты были испробованы очень мало. С изобретением торпеды линкоры и крейсеры оказались перед новой угрозой. Но если новое оружие имело много общего с ранее известными, то возможности его оказались гораздо большими, особенно с появлением подводной лодки. В то же время передвижение флота было еще более затруднено развитием минных заграждений. Оценить происходившие изменения стало трудно еще и потому, что единства мнений о роли торпеды не было. Конфликт между верой и недоверием в торпеду создал атмосферу, в которой удушалась научная разработка проблемы, если на такую разработку вообще можно было рассчитывать со стороны практиков, не имевших никакой теоретической подготовки. Естественным результатом явилось компромиссное смешение старого с новым.

Линейный флот получил новый вид оружия в виде эскадренного миноносца, который скорее усиливал его оборону, чем играл наступательную роль. В 1914 г. немцы обладали 28 подводными лодками. В 1917 г. их стало больше ста, из которых в море находилась всего лишь треть. Оставляя в стороне пагубное действие подводных лодок на торговое мореплавание, можно сказать, что, постоянно угрожая линейным силам, они к лету 1916 г. вынудили английское военно-морское командование увести свой «большой флот» за пределы досягаемости подводных лодок. Офици-

альная английская история военно-морских действий говорит, что подводные лодки привели к «такому ограничению подвижности флота дредноутов (каждый дредноут уже тогда обладал радиусом действия в несколько тысяч миль), что половина Северного моря и треть водного пространства у восточного побережья Англии были практически недоступны для действий флота». Недостаток подводных лодок у немцев привел также к тому, что германский флот сам оказался под замком в те дни, когда весь подводный флот был употреблен на неограниченную подводную войну. В результате — подлинный фарс, когда, по словам уже цитированной истории: «Двум линейным флотам не оставалось ничего иного, как стоять в полном бездействии и следить друг за другом через «ничье море». Нападение и оборона распространялись лишь на торговое мореплавание». Страшная угроза была создана сравнительно небольшою по численности группой подводных лодок, действовавших в крайне неблагоприятных географических условиях в водах, охраняемых 3000 эскадренными миноносцами, конвоирами и охраняемыми кораблями. Так сложилась пропорция 30 : 1 в пользу обороны.

В свете этих фактов нелогично звучат голоса тех военно-морских авторитетов, которые после войны прокламировали недействительность подводных лодок и неизменное превосходство линкоров. А между тем угроза в одном измерении — под водой — стала угрозой в трех измерениях: под водой (подводные лодки), на воде (сверхскоростные москиты) и в воздухе (авиация). Линейный флот может быть в безопасности в океане, но его основная стратегическая задача заключается в обеспечении безопасности побережья и портов метрополии. Хотя весьма важно, чтобы торговому флоту была обеспечена безопасность плавания в открытом море, но грош цена такой безопасности, если торговые суда потопляются вблизи портов назначения. Все известные в истории большие морские сражения происходили всегда недалеко от берегов. А здесь с успехом может действовать

авиация из береговых баз, подводные и легкие надводные силы. Все это сулит большие возможности, но многое еще остается неизвестным и подлежит практической проверке.

Ясно, что ценность линейного флота ныне более ограничена, чем раньше. Не менее ясно, однако, и то, что для страны, нуждающейся в морях и океанах, линейный флот ничуть не стал менее необходимым. Тяготы обороны увеличились в то время, как обеспечиваемая ею безопасность уменьшилась.

Эволюция войны на земле, как и на море, направлена к увеличению ее средств, к усложнению ее методов. Об упрощении в будущем не приходится и говорить. Усложнение это тем большее, что мы стоим перед фактом все возрастающей зависимости вооруженных сил от экономических ресурсов. Во всех странах разрабатывается план экономической мобилизации как необходимой основы мобилизации на суше, на море и в воздухе. Экономическая мобилизация, в свою очередь, порождает бесчисленное множество новых проблем, усложняющих стратегические планы. Но экономической мобилизованности угрожают одновременно развивающиеся новые формы военного давления, особенно — нападение с воздуха.

Не слишком ли сложны стали проблемы ведения будущей войны? Или, быть может, они сложны для стратегов, воспитанных в духе предпочтения простых решений и обыденных средств?

Размышления о будущей войне позволяют сделать лишь одно правильное предсказание: она явится еще более глубоким потрясением, чем война прошедшая. Она начнется замешательством и закончится хаосом. Дело не в том, что генералы и адмиралы не имеют достаточных знаний, но в том, что проблемы будущей войны слишком сложны и оказались вне пределов их компетенции. Их ограниченность проистекает не из глупости, — как могла бы вообразить разочарованная публика, — а из развития науки, которая опрокидывает самые основы их познаний. Генералы и адмиралы подобны людям, укрывающимся в деревянной хижине от землетрясения.

Единственный же путь к спасению лежит в том, чтобы выйти под открытое небо и изучить все проблемы основательно и всесторонне.

Но привычка к научному мышлению меньше всего поощряется при военном обучении и воспитании.

НОВОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ

Было бы неправильно рассчитывать на то, что все программы вооружения и механизации армий заполняют пропасть, которая отделяет армии от их цели — успешного наступления. Лично я считаю, что потенциальное развитие наступательной мощи далеко отстает от развития — к тому же еще очень мало осознанного — мощи оборонительной. Процесс же механизации уже сегодня усиливает способность к сопротивлению в большей мере, чем можно рассчитывать извлечь из него в будущем для усиления наступления. На угрожаемый участок для пресечения концентрации «ил врага сегодня могут быть быстро двинуты не только огонь, но и средства заграждения и разрушения.

Перед армией стоит вопрос: можно ли преодолеть оборону в ее нынешнем состоянии, а тем более при ее дальнейшем развитии? К этой проблеме можно подойти и с другой стороны — поисков тактического решения. Если сомневаются в возможности преодолеть оборону усилением наступательных средств, — а такие сомнения есть, — может быть, оборону можно преодолеть иными средствами — усовершенствованием военного искусства? Современные трудности наступления так велики, что для их преодоления понадобится нечто большее, чем искусство отдельного генерала. Даже если бы армии породили Наполеонов, на что в условиях мирного времени никто рассчитывать не может, они не смогли бы двинуться вперед, не располагая средством, парализующим действие пулемета. Армии нуждаются в развитии новых методов ведения боя, а затем в создании соответствующей этим новым методам материальной части.

Четыре года назад была создана комиссия из молодых английских генералов, которой поручили изучить уроки войны и проверить, сделаны ли все необходимые выводы для боевой подготовки современной английской армии. Известно, что это повторное изучение уроков мировой войны привело к выводу о том, что внезапность действия есть необходимейшее условие как в наступлении, так и в обороне. Из прошлой войны был извлечен величайший урок: нельзя успешно наступать, если сила сопротивления врага не парализована более или менее внезапным действием. Известно также, что комиссия со всей резкостью отзывалась о стереотипности боевых приемов нашей армии как во время, так и после мировой войны. Вместо того, чтобы развивать изобретательность, у нас очень часто стремились, по сути дела, к упрощению проблемы обороны для противника.

Следует все же отметить увеличившийся опыт и изобретательность, с которой войсковые части маскируются от воздушного врага, и развитие ночных наступательных операций. Ночь таит в себе еще много неиспользованных возможностей, и здесь возможно дальнейшее совершенствование. Умелое использование темноты в ее различных формах может возратить атакующему некоторую часть утерянной мощи. В то время как массовая атака днем означает истребление, «маскированная атака» под прикрытием темноты или тумана, естественного или искусственного, таит потенциальные возможности, которые еще очень мало использованы. Темнота — сильнейшее средство против пулеметов обороны и в наступлении может оказать самую лучшую защиту, чем броня. Опасность ночной атаки кроется в основном в возможности замешательства. Но такая опасность все же меньше, чем угроза уничтожения пулеметным огнем, и боевой подготовкой можно уменьшить ее еще больше. Превосходство отлично подготовленных войсковых частей перед обычными гораздо более заметно ночью, чем днем.

Использовать темноту надо, однако, в разумной мере и применительно к роду

войск. Темнота служит для атакующей пехоты лучшей защитой, чем искусственный туман, так как должным образом подготовленные солдаты ночью могут видеть. Если же солдат движется в тумане, ему трудно ориентироваться, и в момент, когда он выходит из дымового прикрытия, он становится удобной мишенью для обороняющейся стороны. Но и ночь имеет свои недостатки, даже если в дело пущена пехота, получившая специальную подготовку. Эти недостатки заключаются в ограничении глубины атаки. Под прикрытием ночи можно взять позицию, если же наступление продолжать, то риск замешательства может возрастать непропорционально проходимому вглубь расстоянию. Это объясняется трудностью сохранения руководства наступающими войсками, втянутыми в ночной бой. Начальная атака может пройти хорошо, трудности же начнутся после перегруппировки и дальнейшего продвижения вглубь. Возможно, проблему использования ночной атаки и расширения ее сферы удастся решить путем освещения каким-либо способом участка боя после того, как неприятельская позиция взята.

В районах, обеспечивающих хорошее прикрытие — леса, деревни, сильно пересеченная местность, — пехоте, может быть, удастся преодолеть пулеметы обороны и двинуться вперед посредством так называемой «крадущейся атаки». Этот метод поощрения индивидуального мастерства таит большие возможности. Но поклонение ему не должно ослеплять нас настолько, чтобы не видеть ограниченного поля применения подсобного метода. «Крадущаяся атака» годна лишь в специальной обстановке. Она медлительна, поэтому рассчитывать при планировании операции большого масштаба на такую атаку не приходится. По существу своему, это скорее подготовительная или подсобная к основной операции, чем самостоятельная форма атаки.

Таким образом, основными формами атаки, сулящими какую-то надежду на проникновение в расположение противника и изгнание его оттуда, остаются маскированная и броневая формы атаки.

Но, кроме штурма позиций, есть другие способы подавления сопротивления обороны, как есть другие способы выигрыша войны, кроме способа выигрыша сражений. Дело военного искусства найти эти способы. В момент, когда мощь обороны сделала штурм ее позиций весьма сомнительным делом, нужда в иных методах чувствуется больше, чем когда-либо прежде. Противник может быть захвачен на позициях врасплох. Он может быть изгнан с занимаемых им позиций путем маневра. Он может быть оставлен там, хотя общее его положение окажется ослабленным в силу увеличения давления в ином районе, на направлении, которое его позиции не прикрывают. Как следствие, он может быть захвачен на марше в условиях, когда у него не будет времени занять позиции для обороны.

Подобных форм операции может оказаться больше, чем предполагают те, кто мыслит будущую войну, как повторение прошлой. Нынешнее положение вещей нисколько не благоприятствует созданию непрерывных фронтов, во всяком случае — в первый период войны. Массовые армии нелегко поддаются механизации, а поскольку механизированные соединения окажутся в распоряжении командования раньше, чем остальные силы, есть основание полагать, что в первой критической фазе войны будут участвовать лишь механизированные соединения. Тогда мы станем свидетелями действий относительно незначительных сил на широком фронте. Концентрация масс на границах окажется затрудненной опасностью воздушных нападений на колонны на марше и перебоями в снабжении армии, поскольку коммуникационные линии на большой территории тыла окажутся под ударом.

Общим для всех вариантов развития войны является фактор времени. Если речь идет о завоевании преимущественного положения, следует ускорить развитие операций. Весы войны склонятся не в пользу стороны, имеющей «большие батальоны», а в пользу стороны, которая будет иметь их первой. Я считаю аксиомой современной войны такое положение: сто бойцов с пулеметами,

прибывшие на место первыми, сильнее, во всяком случае днем, чем 500 и даже 1000 бойцов, пришедших вторыми.

Это показывает всю ценность использования наличных механизированных и моторизованных сил для захвата решающих позиций. Ничто так не разочаровывает в маневрах последних лет, как тот факт, что быстродходность марша механизированных частей и соединений определяется скоростью движения наименее подвижных их подразделений. Это показывает, что командование не считается с другой аксиомой современности, проистекающей из факта превосходства обороны над нападением. Эта аксиома сводится к формуле: «Обладание есть девять десятых войны».

Военное командование занимается сегодня в основном проблемой атаки — исключительно трудно разрешимой. Оно могло бы уделить немного времени изучению таких форм ведения боевых операций, при которых вся тяжесть решения проблемы атаки оказалась бы переложеной на плечи противника. Я имею в виду сочетание наступательной стратегии с оборонительной тактикой. Оглядываясь назад в историю, мы видим, что такая форма доказала свою жизнеспособность, при чем с появлением современного оружия ее преимущество увеличивается еще больше. Быстрым продвижением вперед и подвижностью маневра можно обеспечить захват пункта, который противник будет вынужден атаковать. Дав ему отпор, можно контратаковать его уже утомленные и выдыхающиеся войсковые части, что гораздо менее сложно, чем атака обороняемой позиции. Возможность такой формы операции может быть обеспечена и стратегическим отступлением.

Какую форму ни принять, ее ответственность будет зависеть от сохранения в тайне намерений командования. Введение противника в заблуждение действует, как парализующий наркотик. Вековой опыт показывает, что самым верным методом введения противника в заблуждение являются активные действия на широком фронте. Метод этот не рекомендуется использовать ничтожным руководителям. Но в умелых ру-

ках риск с лихвой окупается достигнутыми преимуществами. Ведением активных операций на широком фронте можно пустить пыль в глаза противнику и тем самым извлечь для себя выгоды. Это — психологическая дымовая завеса; она вносит смятение и может подорвать дух у самого упорного врага. Под прикрытием такой завесы легче всего захватить решающие пункты. Механизация усиливает мощь такого метода и уменьшает риск. Но и сам по себе этот метод дает ускорение продвижения, поскольку он ведет к рассредоточению войск на насыщенных участках фронта.

Что касается понятия «концентрация», то неискушенному человеку трудно понять, что, по существу, важнее внешний эффект концентрации, чем ее форма. Приспособление методов к меняющимся условиям отстает из-за обычной для военных кругов консервативной приверженности к традиционным понятиям. Вкладывая новые идеи в старые термины, мы затрудняем рост понимания новых идей. Я осознал это лично, работая над послевоенными уставами английской армии. Но в высших сферах продолжают оперировать старыми понятиями. Мы все еще продолжаем называть «стратегической концентрацией» исходное расположение сил, на какую бы глубину оно ни распространялось.

В наши дни крайне важно осознать совершающийся процесс изменения форм войны. До конца XVIII века концентрация стратегическая (к полю сражения) и тактическая (на поле сражения) была правилом. Наполеон, основываясь на идеях Бурсе и новой организационной системе своих вооруженных сил, ввел стратегическое подтягивание и самостоятельное движение отдельных частей армии. Но это относилось лишь к стратегическому подтягиванию сил. Тактическое подтягивание продолжало оставаться в целом концентрированным. К концу прошлого столетия, с развитием огнестрельного оружия, тактическое подтягивание стало рассредоточенным, т.е. подтягивание шло отдельными частями, с целью уменьшить ущерб, наносимый огнем. Зато стратегическое под-

тягивание стало снова концентрированным, что следовало приписать частично увеличению численности, частично непониманию методов Наполеона. Ныне, если уже говорить о возрождении искусства стратегии, то надо признать необходимость возрождения стратегического подтягивания отдельными частями. Два новых фактора — авиация и моторизация — говорят о перерастании этого процесса в рассредоточенное стратегическое подтягивание. Опасность воздушного нападения, необходимость внезапности, необходимость извлечь максимальную пользу из подвижности, основанной на двигателе внутреннего сгорания, предполагает распределение наступательных сил на таком широком пространстве, какое допускается сложностью боевой операции, а также рассредоточение этих сил при достаточном обеспечении их взаимодействий. Развитие радио несомненно поможет правильному сочетанию метода рассредоточения сил с руководством этими силами.

Если позволительно надеяться на возрождение действительности армии, то успеха следует искать в развитии новых форм и новых методов: захват и господствование над территорией, а не захват линий; практическое стремление к парализованию действий неприятеля, а не теоретическое стремление к разгрому его сил. Метод просачивания сил может оказаться более успешным, чем концентрация, которая приводит к беспомощной скованности. Море сильнее парового катка — это должно определять наш военный идеал. Основная трудность заключена в сомнительной способности солдата, обученного по ныне господствующей системе, подняться до уровня новой техники. Если же это окажется невозможным, то лучше оставить мечты об атаке и смириться перед тем фактом, что оборона является единственно возможной для армии в современной войне, когда обе стороны вооружены почти одинаково.

УРОКИ ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЫ

Итальянская армия, отправленная в 1935 г. в Эритрею, была как по форме, так и по существу армией старомодной.

Механический транспорт и авиация являлись не больше чем придатком к массе пехоты. Но то упорство, с каким примитивный в военном отношении противник ставил ставку на количественное превосходство, соединенное с методом использования механизации и авиации итальянцами, спасло последних от тупика и даже гибели, куда вела их приверженность старым идеям. Вначале кампания определялась растущим успехом машины в преодолении естественных препятствий и сопротивления людей. Последующий анализ данных о кампании подтвердил, что пулемет и отравляющие вещества явились решающим оружием, авиация — решающим родом войск, а механизация в целом — основной итальянских успехов. Это вполне реабилитирует тех, кто, не считаясь с господствовавшим недоверием и даже сопротивлением, на протяжении ряда лет твердил о важности этих новых факторов. Но абиссинский театр военных действий был такой дикий и суровый, стратегически столь недоступный, что авиации и наземным войскам приходилось оперировать в исключительно трудных условиях.

Трудности операции были еще больше усугублены методами итальянского командования. Вторжение в Абиссинию оно начало в стиле вторжения германских полчищ в 1914 году. Опираясь на массовость, оно само затрудняло свою подвижность, и то, что бывало выигрышно благодаря механизированным средствам передвижения, большей частью снова терялось из-за необходимости использовать транспорт главным образом для подвоза продовольствия и снаряжения масс пехоты. Снабжение столь значительных сил требовало развитой системы дорог, а строительство этих дорог потребовало много рабочих и войск для охраны. Кормить рабочих и их охрану значило увеличивать нагрузку транспорта и усиливать движение по новым дорогам, что разрушало дороги почти с такой же быстротой, с какой их строили. Таким образом, трудности усугублялись из-за тех самых факторов, которые были призваны их преодолеть.

Абиссинская война началась с нового доказательства, в иной, правда, форме, правдивости уроков последней европейской войны. Чем больше становится армия, тем ей не легче, а труднее. Таким образом, количественное превосходство таит в себе свое собственное противоречие.

Опыт этот подтверждает положение, высказанное двести лет назад знаменитым полководцем XVIII века маршалом Саксом: «Большие числа ведут лишь к путанице и замешательству». Сакс, а сто лет спустя Шерман видели, что есть предел численности армии, обусловленный подвижностью, который можно определить как «рациональную величину армии». Чтобы установить такой предел, нужно исключительное искусство, ибо масса и подвижность — величины, трудно примиримые. Если не будет найдено средство или средства, способные изменить нынешнее положение, то польза от вооруженных сил может быть сведена к нулю их собственными противоречиями.

К счастью для итальянцев, им не противостояла авиация. Это спасло их не только от риска закупорки коммуникационных линий, но и от беспорядков в тылу. В конце 1935 г., после трех месяцев боевых операций, масса итальянских войск стояла в бездействии, не имея перед собой объекта для удара. В то же время до предела перегруженные коммуникационные линии оставались уязвимыми для партизанской войны. Но еще хуже стало бы, если бы узкие горные дороги оказались под ударом с воздуха. Это положение стагнации усугублялось ростом недовольства среди населения и итальянских туземных войск. Тогда-то абиссинские руководители и пришли на помощь итальянцам, организовав ряд массированных атак, тем самым предоставив удобные мишени для итальянских пулеметов, действовавших на земле и с воздуха.

Итальянское командование превратило свою пехоту в дорожных рабочих, а для дальнейшего продвижения стало опираться на сравнительно небольшие моторизованные ударные отряды. Одновременно итальянцы применили иприт для деморализации неприятельских

войск и населения абиссинского тыла. Наступление итальянских летучих колонн прикрывалось тяжелыми бомбардировщиками. Снабжение же этих отрядов частично осуществлялось транспортной авиацией.

Весьма показательно, что итальянцы, стратегически сохранявшие за собой инициативу, фактически на протяжении всей кампании совмещали ее столь же систематически с тактической обороной. В четырех сражениях, которые в основном решили судьбу Абиссинии, инициатива исходила от стороны, которая была разгромлена. Таким образом, хотя при поверхностном изучении абиссинская кампания позволяет утверждать, что современное вооружение обеспечивает наступлению новую силу (особенно в том случае, если одна сторона обладает абсолютным превосходством в вооружении), то при более глубоком анализе ее уроков становится ясно, что итальянцы воспользовались прежде всего мощностью современной обороны, за которой следовал наступательный маневр.

Абиссинская кампания дает генеральным штабам всего мира еще один повод для размышлений. Она доказала яснее, чем даже мировая война, что войсковая масса становится тяжелым и опасным бременем, когда пытаются концентрировать ее на передовых линиях.

Ход абиссинской кампании не оправдал всеобщих ожиданий, и после трех месяцев войны вера в способность абиссинцев к сопротивлению лишь укрепилась. Вот почему драматически быстрое развертывание событий после этого явилось для общественного мнения неожиданностью. Итальянцы сами прогнозили, что они не ожидали того бедственного положения, в каком оказались.

Кампания 1935 г. поощряет тех, кто пропагандирует так называемый научный метод изучения войны, метод, дающий возможность определить основные вехи и частные проблемы будущей войны с достаточной точностью, вместо фаталистического предостережения о том, что всякая новая война застанет ее неподготовленными в смысле знания ее условий.

Если опыт изучения войн в прошлом так часто вел по ложному пути в определении хода развития и особенностей последующих войн, из этого не следует делать вывод, что война не поддается научному исследованию. Дело в том, что и по духу, и по методам изучения опыта прошлого было недостаточно научным. Оглядываясь назад, трудно поверить, как плохо поняли авторитетные школы военной мысли эволюцию военного дела, с такой настойчивостью демонстрированную на протяжении всех войн XIX века и начала XX века. Изучая эти ошибки, можно прийти к единственному объяснению, что они происходили из субъективного, а не объективного осваивания наследия прошлого. В военной истории представители этих кругов искали материала для своих проповедей, вместо фактов для анализа. Доказательством тому может служить попытка составления прогноза абиссинской войны. Условия здесь были совершенно особые. Неизвестных величин весьма много. Следовательно, задача была относительно более трудная, чем в случае войны где-либо в Европе. Это позволяет убедиться, насколько можно избежать ошибок, если рассматривать войну, как проблему, предвзято и беспристрастно, основываясь лишь на общих уроках изменений, происшедших в области военного дела. Приведем наши суждения, появившиеся весной 1935 г. в «Таймс», а затем сравним прогноз с событиями:

«С военной точки зрения, — писали мы тогда, — абиссинская проблема заключается в единственном слове: «Адуа», вернее, во фразе: «Память об Адуа». Военное значение слова «Адуа» кроется в основном в действиях абиссинцев. Если дело дойдет до вооруженного столкновения, окажутся ли абиссинцы опьяненными памятью победы над итальянцами? Или же они полагают, что 1896 год может быть повторен в условиях 1935 года? Не помешает ли это опьянение абиссинцам понять, что единственная их надежда на успешное сопротивление заключается в применении с самого начала неуклонного метода партизанской войны?»

Наибольшая опасность для абиссинцев кроется в том, что либо из-за чрезмерной самоуверенности, либо, подстегиваемые страхом потери территории, они соберутся в больших количествах у границы и попытаются оказать сопротивление завоевателю. Быть может, они попытаются даже с бессмысленной храбростью атаковать итальянские пулеметы. Может быть, повторятся события под Ондурманом. Из истории известно, как легко суданцы могли создать трудное для нас положение при наступлении на Хартум. Вместо этого, проявив излишнюю храбрость, они действовали на-руку нам и своей массовой атакой днем позволили нам наглядно продемонстрировать эффект огневой мощи. В лучшем случае от абиссинцев можно ожидать некоторых успехов в области тактики. Но за 30 лет огневая мощь развилась настолько, что едва ли какое-нибудь улучшение тактических приемов сможет заполнить этот разрыв.

Для плохо вооруженной стороны, в наши дни, единственная надежда на успех заключена в тактике партизанской войны.

Если абиссинцы настолько безрассудны, что станут создавать мишени для современного оружия, то трудно даже предвидеть все последствия их острогоразочарования. Рассматривая возможный эффект концентрированной воздушной бомбардировки по таким неподготовленным войскам, вспоминаешь опыт арабов при первом их соприкосновении с артиллерийским огнем в период Геджасского восстания против турок. А ведь вес снарядов, которые рвались тогда, ничто по сравнению с весом бомб, которые самолеты смогут сбрасывать теперь на абиссинцев. Вероятно, сильнейшими козырями итальянцев будут авиация и танки, с помощью которых им удастся заставить противника эвакуировать пункты, где иначе могла бы произойти долгая заминка. Но, чем дальше будет совершаться продвижение и чем меньшие цели станут представлять абиссинские войска, тем меньше полезного эффекта будут извлекать итальянцы из своего нового вооружения.

Если абиссинцы с самого начала примут партизанские методы, итальянскому командованию можно не завидовать, особенно, если перед ним поставлена задача полного покорения страны со столь трудными топографическими условиями. При этом условии «давление с воздуха» — эта новая форма нападения на тыл — обещает дать меньший эффект, чем она дала бы даже в других странах, так же лишенных крупных центров и так же мало промышленно развитых, как Абиссиния. Но положение может измениться с проникновением итальянских сухопутных сил вглубь страны. С другой стороны, чем дальше они будут продвигаться, тем труднее будет им вести войну. Действительное покорение страны в значительной степени зависит от наличия целей, которые можно поразить. Целей будет мало, если абиссинцы сами не пожелают их создать. А ничто так не подрывает моральной устойчивости оккупационной армии, как неосязаемая вездесущность партизана-врага, оперирующего в своей собственной стране.

Зато гораздо труднее перейти к партизанской войне после разгрома. Поэтому-то для абиссинцев и опасно будет слишком свято хранить память об Адуа. Правда, в прошлом, в борьбе с армиями Наполеона, испанцам удалось перейти к партизанским методам после того, как их регулярные части были разбиты. Но они имели помощь Веллингтона в виде английской интервенции, выиграли время и территорию для организации партизанской войны с тем, чтобы затем зажечь ею всю страну. Так происходило 100 лет назад. Ныне воздушные силы и механизация позволяют ускорить использование победы над организованными силами и тем препятствовать собиранию их остатков, способных если и не остановить неприятеля, то хотя бы тревожить его.

Для противодействия современному вооружению нападающей на них стороны абиссинцы так же мало нуждаются в равноценном оружии, как и в боевой подготовке европейского образца. Нужны же им легкие пулеметы в достаточном числе и боеприпасы к ним».

Основное содержание моей «оценки положения» было помещено в американской печати 4 сентября 1935 г. под следующим заголовком: «Иллюзии Адуа могут решить судьбу войны. Массовые атаки означают для абиссинцев уничтожение. Заявление Лидделл Харта».

А теперь посмотрим, как развивались события.

Вторжение началось 2 октября со стороны Эритреи. 6 октября итальянцы взяли Адуа, не встретив серьезного сопротивления. Абиссинцы воздерживались от действий, которые могли бы быть предприняты под влиянием «памяти об Адуа». У итальянцев начались трудности с коммуникационными линиями, и наступила пауза, длившаяся несколько недель. Однако бомбардировка с воздуха начинала вызывать некоторую нервозность в абиссинском тылу. К итальянцам переметнулся Гугса и несколько мелких вождей племен. Это показало, что итальянцы стремятся облегчить свое продвижение, пользуясь старым римским правилом: «Разделяй и властвуй».

В начале ноября итальянцы возобновили продвижение и 6-го заняли Макале, в 144 км. от Адуа, не встретив при этом сопротивления. Далее они повернули на запад, расширяя свой фронт по долине р. Такказе. Против ожидаемый, абиссинцы проявили способность воздерживаться от широких действий, но им не удалось развернуть подлинную партизанскую войну и терзать наступающего противника. Были утеряны большие возможности, ибо итальянцы испытывали растущие трудности со снабжением. Размер их сил все больше способствовал перегрузке и без того неудовлетворительных коммуникационных линий.

Если бы абиссинцы располагали даже малыми воздушными силами, они смогли бы в этот период вызвать крах итальянской стороны, атакуя узкие многочисленные дороги, по которым шло снабжение итальянцев. 5-го на юге был взят Горохаи. Бомбардировкой позиций обороны авиация подготовила атаку пехоты. Но развить успех итальянцам не

удалось, и они оказались отброшенными назад.

Застой был всюду. Инициатива перешла к абиссинцам, которые начали развивать своеобразное партизанское наступление. Обойдя растянутый итальянский фланг, они внезапно завладели переправами через р. Такказе и продвинулись на север. Неделей позже была взята часть Тембиена и тем поставлена под угрозу итальянская группа в Макале. Впоследствии итальянцы признавали, что эта операция создала для них трудное положение по всей линии фронта. Введение в действие итальянской авиации помогло снять непосредственную угрозу, но давление продолжалось и расширялось.

Новый год итальянцы встретили безрадостно. Положение их было незавидным, и в широких кругах европейской публики считали, что оно ухудшится еще больше. При этом, однако, не учитывалась слабость абиссинцев; оптимизм был беспочвенным, поскольку абиссинцы не располагали необходимыми средствами для интенсивной партизанской войны.

В середине января 1936 г. наступил перелом. Ободренный пассивностью итальянцев, рас Деста прорвался к границе Сомали у Доло. Если эта операция и создала потенциальную угрозу итальянскому флангу на юге, она в то же время создала предпосылки для итальянского удара в районе, где местность благоприятствовала использованию танков. Представившуюся возможность итальянцы использовали, и удар по цели был нанесен. Танки появились в тылу абиссинцев, сопротивление было сломлено и за победой последовало 400-километровое преследование до Негелли. На следующей неделе итальянцы атаковали на севере с целью высвободить район Макале. Абиссинцы ответили контратакой, за частичный успех которой они дорого заплатили. Здесь то и проявилась опасная тенденция к массовой атаке; несмотря на итальянские пулеметы, «память об Адуа» давала себя знать. Абиссинцы сами притупляли острие своих сил. Командующий итальянскими силами Ба-

долью замечает, что после провала повторных атак абиссинцы, «обескураженные тяжелыми потерями, недостатком боеприпасов, задержками с прибытием подкреплений и продовольствия», впали в состояние пассивности. В связи с этим Бадольо решил, что может без риска начать наступление к югу от Макале, предварительно укрепив свои коммуникационные линии.

Здесь итальянцев поджидали основные силы абиссинцев. Тем самым они поставили себя под сосредоточенный огонь артиллерии. После подготовки, итальянцы окружили противника в Амба-Арадам и уничтожили его под прикрытием густого тумана (пример «атаки в темноте»). Мощные контратаки абиссинцев повели лишь к увеличению их потерь и подорвали веру брошенных на пулеметы бойцов в своих командиров. Абиссинцы потеряли около 20 тысяч, итальянцы — 800 человек. Бадольо поручил своей авиации преследовать отступавших, сам же нанес второй удар по абиссинским силам в Тембиене, за которым последовал третий — в Шире. Машина неизбежно должна была справиться с плохо вооруженным противником, принимавшим бой и выступавшим большей частью в качестве атакующей стороны. В результате абиссинская сторона потерпела тяжелые удары, тем более чувствительные, что они сопровождались непрерывной бомбардировкой с воздуха. В дальнейшем итальянцы, в частности корпус на р. Такказе, получали все снабжение воздушным путем. В начале марта итальянцы заняли всю территорию, утерянную с ноября, и даже продвинулись еще на 30 км. к югу, до Амба-Алаги. Эта исключительно сильная позиция была оставлена абиссинцами без боя. Причиной тому явилась итальянская авиация. В своих атаках Бадольо применил метод широкого тактического заслона так, что попытки противника контратаковать были встречены и ликвидированы огневой стеной.

Но и после всех успехов итальянцы за пять месяцев войны прошли лишь четвертую часть пути до Аддис-Абебы. Впереди оставалось 480 км. пути с о-

ромными естественными препятствиями, которые давали обороняющейся стороне гигантские возможности, если бы она действовала не только решительно, но и осторожно. Хотя угроза Харару отвлекла большую часть лучше вооруженных абиссинских войск, на север были высланы резервы. Вопрос о шансах итальянцев на то, чтобы добиться решительных результатов до периода дождей, зависел либо от их способности кардинально изменить положение вещей вводом новых средств, либо от того, совершат абиссинцы или не совершат новую глупость.

В марте итальянцы широко применили иприт, ранее использованный лишь в отдельных случаях. Разумеется, они не пускали его в ход в боях или на основных линиях своего продвижения, поскольку здесь это средство вскоре же обратилось бы против них самих. Но большие возможности для применения иприта сказались на флангах и коммуникациях итальянцев, где он прикрывал их от контратак неприятеля, деморализовал резервы противника и истреблял гражданское население в тылу. Эффект применения иприта против абиссинского народа был страшный, при чем моральный ущерб оказался сильнее физического.

Быстрое падение моральной устойчивости абиссинских частей после отпора, который встретили их массовые атаки, и появление отравляющих веществ сделало безнадежными сопротивление итальянскому наступлению или эффективные действия на флангах и коммуникационных линиях агрессора. Негус был вынужден окончательно оставить свою дальновидную стратегию и перейти в конце марта к попыткам штурма итальянских позиций, расположенных к югу от Амба-Алаги. Результат оказался роковым для абиссинцев. За один только день тридцать первого марта абиссинцы потеряли 8.000 человек убитыми — больше трети сил, брошенных в наступление. Атаки следующего дня лишь прикрывали отступление абиссинцев, которое вскоре превратилось в бегство под ударами с воздуха.

За крахом наступления, самоубийственного наступления, последовало крушение воли к сопротивлению. Тогда путь на Аддис-Абебу оказался неожиданно открытым. Оставалось еще много позиций, где сравнительно небольшие отряды исполненных решимости и вооруженных пулеметами воинов могли бы удерживать крупные формирования наступающих войск. Но сопротивления не было. Задачи итальянцев оказались внезапно облегченными и сводились к триумфальному маршу по трудным дорогам. Это было движение моторизованных колонн, прикрытое воздушными авангардами.

9 апреля итальянцы начали наступление на Дессисэ. На протяжении 200-километрового марша, продолжавшегося шесть дней, снабжение группы войск, численностью до 18 тысяч человек, осуществлялось авиацией. Одновременно 20 тысяч человек готовились продолжать наступление на столицу. Эта группа была доставлена в Дессисэ, после занятия города итальянцами, и 25 апреля выступила дальше на юг, получив приказ вступить в Аддис-Абебу к 5 мая. Вторжение в Абиссинию началось с 300 тысячами людей. Решающее наступление вели всего 20 тысяч человек, 2000 грузовиков и 500 самолетов, собранных к тому времени на театре военных действий.

На юге абиссинцы оказывали упорное сопротивление на линии полевых укреплений у Саса-Бене, демонстрируя пример успешной обороны с материальной частью, лишь отдаленно напоминавшей современное оружие. Итальянские атаки в течение трех дней были безуспешны, и лишь 18 апреля фронт оказался проорванным в результате грандиозной воздушной бомбардировки. Но Саса-Бене была взята лишь 29 апреля после ожесточенных боев. Здесь атаковали итальянцы. И они потеряли 2000 человек убитыми, против 5000 человек, потерянных абиссинцами. Разложение южной абиссинской армии ускорилось под влиянием бомбардировок с воздуха, как только она была выбита из укрепленной полосы в открытое поле.

Абиссинская кампания ясно говорит

о том, что преимущества итальянцев основывались прежде всего на механизации. Авиация, пулемет и иприт были решающими элементами. Пулемет на земле служил для разгрома атак противника. Пулемет на самолете углублял результаты разгрома. Иприт служил невидимым заслоном и источником истребления и паники в неприятельском тылу. Самолет стал сверхподвижной кавалерией, средством снабжения, придающим наземным силам подвижность, средством для разложения неприятельского тыла пропагандой. Но если абиссинцы и помогли итальянцам тем, что составляли мишени для их современного оружия, следует все же учесть, насколько труднее становится партизанская война с появлением у противника авиации. Подвижности партизанских отрядов противостоит еще большая подвижность авиации. Пытаясь сражаться в качестве организованной армии, абиссинцы дали авиации противника возможность продемонстрировать свою способность парализовать действия и сокращать мощь противника. Вот в чем существо урока, преподанного на абиссинском театре военных действий.

ГЕРМАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Людендорф проповедует доктрину «тотальной войны» как естественного приложения к «тоталитарному государству». Обращенные к немцам, писания Людендорфа должны привлечь внимание других народов. Ознакомиться с ними следует также людям, работающим в области военной науки.

Людендорф начинает с атаки на теорию Клаузевица, которая, по его словам, лежала в основе германского плана 1914 г. Клаузевиц, умерший почти сто лет назад, формировал умы крупнейших военных руководителей и государственных деятелей не только в Германии, но и во всех странах Европы в годы того поколения, которое предшествовало мировой войне. Его теории подвергались критике за их тенденцию подчинять политику стратегии, а стратегии отвести роль немногим большую,

чем прямой дорожки к бою. Теоретически изощренная идея Клаузевица об «абсолютной войне», идея «насилия, доведенного до крайних пределов», противоречила здравому смыслу. Неограниченное применение силы без учета затрачиваемых резервов есть отрицание государственности. Истощение сил Германии в 1918 г. было естественным следствием этого заблуждения. Руководители ее военной машины, менее мудрые, чем Бисмарк, не знали, где остановиться; они двигались до тех пор, пока не свалились в пропасть.

Хотя причина и следствие в данном случае вполне ясны, Людендорф все еще не способен их понять. Рассматривая события сквозь призму своих теорий, Людендорф утверждает, что ошибка учения Клаузевица не в том, что оно вело к крайностям, а в том, что оно вело недостаточно далеко. Учение Клаузевица, оказывается, отводит политике слишком большую, а не слишком малую роль. Людендорф выдает за типичное для Клаузевица следующее положение: «Политическая цель есть цель конечная. Война есть средство для ее осуществления. Средство же нельзя рассматривать вне определенной цели». Для Людендорфа это старомодная чепуха. Принцип «тотальности» требует, чтобы в военное время народ все отдал на службу войне. Что же касается времени мирного, то народ должен все отдать на службу будущей войне. Война есть высшее выражение «воли нации к самопожертвованию», а политика, следовательно, должна быть подчинена интересам ведения войны.

Ясно, что основное различие между Клаузевицем и его преемником состоит в том, что последний принимает идеи, бессмысленные для первого. Людендорф мечтает о войне как средстве без конечной цели, если не считать такой конечной целью милитаризацию всего народа. Но это ведь совсем не так ново, как воображает Людендорф. То же самое пыталась осуществить Спарта, а с той поры, как она больше не существует, прошло две тысячи лет!

Для подготовки нации к войне, создания сверх-Спарты, Людендорф пре-

жде всего стремится обеспечить «психологическое единство нации». Из идеи создания «чисто-германского бога», по мнению Людендорфа, должен родиться национализм, ведущей мыслью которого будет принятие всеми женщинами своего высшего предназначения — рожать сыновей, которые «понесут бремя тотальной войны». Что же касается мужчин, то им надлежит всемерно помогать этому деторождению; короче говоря, — рожать и быть рожденными, чтобы позднее быть убитыми. Все другие «позитивные предложения», которые делает Людендорф для обеспечения «психологического единства», сводятся к давным-давно известному требованию уничтожать всякого, кто выражает мнение или даже думает иначе, чем это угодно высшему военному командованию.

Следующее положение касается создания слаженного и автаркического экономического организма, поставленного на службу «тотальной войне». Таким образом, Людендорф, повидимому, понимает, что военная мощь покоится на экономической основе. Людендорф много говорит об эффекте союзнической блокады Германии и о трудностях, которые она из-за этого испытала. Непонятно, однако, как может это уживаться с его же утверждениями о том, что судьба войны решается на полях сражений. И действительно, единственное, что Людендорф признает за Клаузевицем, это то место в его сочинениях, где он говорит об уничтожении неприятельских армий в сражении. Этот принцип Людендорф признает «нерушимым», хотя за последнее столетие он получил мало практических доказательств. К счастью для Людендорфа, его не волнуют исторические факты, когда они расходятся с его теоретическими высказываниями.

Обратимся теперь к изображаемой Людендорфом картине «тотальной войны». Война должна начаться без объявления, дабы народ нападающей страны не испытывал «угрызений совести» по поводу того, что он является агрессором. Через несколько часов после того, как решено начать войну, ударные воз-

душные, сухопутные и морские силы должны быть приведены в состояние полной боевой готовности. Остальные части авиации и флота должны закончить свои мобилизационные мероприятия на следующий день. Через несколько дней заканчивается мобилизация сухопутной армии. Боевые действия начнут механизированные дивизии, сосредоточенные у границы, имея задание открыть брешь в укреплениях неприятеля. На море надводные и подводные силы нападут на торговый флот страны, подвергшейся агрессии. «Отныне центральным моментом войны является посылка авиационных формирований, которые должны обеспечить превосходство над неприятелем в воздухе, приостановить продвижение неприятельской армии как по железным дорогам, так и всеми другими способами. Она также должна напасть на аэродромы неприятеля. Последуют сражения в воздухе». Будут подвергнуты бомбардировке крупные промышленные центры. Через 48 часов, и даже того меньше, морской флот попытается начать решительное сражение. «Главное наступление на земле» может начаться несколько позднее, так как нужно время на подтягивание людских масс, перебрасываемых по железным дорогам ввиду недостатка автотранспорта. Людендорф утверждает, что «к концу второй недели войны операции будут полностью развернуты на всех фронтах». Сражение последует за сражением до тех пор, пока либо враг будет сокрушен, либо истощатся собственные людские и материальные резервы. «В столкновениях между европейскими странами исход войны будет решаться на суше». Авиацию следует использовать прежде всего как подмогу для разгрома армии противника, только тогда армия сможет использовать «свое воздушное оружие» против тыла неприятельской страны.

Армия, авиация и флот должны действовать совместно для того, чтобы достигнуть превосходства в огневой мощи. Тем не менее этого будет недостаточно «для уничтожения врага». «Конечное решение будет заключаться в борьбе человека с человеком, танка с чело-

веком или танка с танком». Но Людендорф не объясняет, какими средствами, кроме огня, танк способен уничтожить танк противника. Для Людендорфа сражение на земле продолжает оставаться процессом, в котором пехота, поддержанная артиллерией, пулеметами, мортирами и танками, движется вперед до тех пор, «пока в бою человека против человека она не добьется превосходства».

Людендорф не возражает против прямого нападения на народ, т.-е. на гражданское население. «Требования тотальной войны... не могут считаться с жалким теоретическим желанием отменить неограниченную подводную войну». На помощь подводным лодкам придет самолет. Совместно они будут топить всякое судно, пытающееся войти в порт противника, «даже суда, плавающие под нейтральным флагом». Точно так же на земле настанет время, «когда бомбардировочная авиация должна будет без всякой пощады действовать против гражданского населения». Но по военным соображениям, которые главенствуют, такую меру следует при нормальном развитии войны оттянуть до выигрыша главных сражений.

Людендорф заявляет, что техника приобретает все большее значение, и тем не менее цепляется за старое представление о том, что превосходство определяется численностью: «Факт тот, — говорит Людендорф, — что «победа сопутствует большому батальонам». Отсюда — «тотальная война требует мобилизации в армию всех мужчин, способных держать в руках оружие». Признавая, что условия современной войны требуют от каждого бойца проявления наибольшей индивидуальности, Людендорф забывает, что вряд ли тоталитарное государство являет собою благодарную почву для расцвета индивидуальности. Людендорф приветствует каждый новый вид оружия, но весьма редко задумывается над их взаимодействием. Он не дает ясной картины взаимодействия различных факторов войны и, очевидно, сам об этом не имеет представления. Насколько можно понять, Людендорф призывает к предельному количествен-

ному увеличению материальной части с тем, чтобы где-нибудь добиться результатов. Но где этих результатов следует добиваться, Людендорфа не касается, об этом он и не думает. Одно совершенно ясно: главное командование дает приказания политическим деятелям, а последние должны их строго выполнять, служа интересам войны.

Что же предлагает Людендорф взамен требования о предоставлении неограниченной власти главнокомандующему и о бесконтрольном распоряжении всеми народными ресурсами? Символ веры Людендорфа можно формулировать так: «Верую в чистокровного германского бога, создателя вооруженной германской нации, и его единственного сына и наместника на земле. Верую во всемогущество большого войска; в сражение как средство выигрыша войны; в атаку как средство выигрыша сражения; в рукопашную схватку как конечное средство преодоления вражеского сопротивления».

Из этого ясно, что вера Людендорфа основана на традиционных теориях ведения войны, хотя он и отрекается от виднейших их авторов, что вера Людендорфа основана на прошлом, хотя найти в опыте прошлого примеры, подтверждающие установки Людендорфа, весьма трудно. Легче вспомнить войны, где сражения не привели к решению, чем войны, где сражения принесли бы решающий результат. Возьмем Тридцатилетнюю войну, первую великую войну в новейшей истории. Было много сражений, в которых одна сторона оказывалась фактически уничтоженной. Между тем ни одно из этих сражений не имело решающего влияния на исход войны. Взаимное истощение произвело столь глубокое впечатление, что в течение почти двух столетий генералы-средняки не решались на сражения вообще, и даже выдающиеся полководцы шли на сражения лишь тогда, когда случай или стратегия наверняка обещали им успех или, как говорил маршал Сакс, когда «были все мыслимые основания рассчитывать на победу... ничем при этом не рискуя».

Перемены наступили с приходом Наполеона. Наполеон был корсиканец, а не француз. В осуществлении своих замыслов Наполеону не приходилось испытывать чувства ответственности за благосостояние своей страны, независимо от его личных интересов. Если в мечтаниях он не знал границ, то в политике далеко не заглядывал, — не дальше дня собственной смерти. Время было всегда против него, и Наполеону нужны были немедленные результаты. Каковы бы ни были трудности, связанные с выигрышем войны в результате сражения, этот метод приносит самое быстрое решение войны, — если только это достижимо. Отсюда склонность Наполеона к такому методу.

К тому же Наполеону благоприятствовали новые обстоятельства. Во-первых, новая организация французской армии, поделенной на самостоятельные дивизии. Это позволило навязывать противнику сражение там, где было выгодно Наполеону и невыгодно его врагу. Это позволяло концентрировать мощные силы против сил слабых, мешая в то же время концентрации сил противника. Далее, армии было придано новое качество — подвижность. Революционные войска не могли довольствоваться старой, сложной системой снабжения. Надо было находить новую, гибкую систему; приходилось обеспечивать свое снабжение на месте, приходилось приучаться к скудному пайку и маршу налегке. Оказалось невозможным сохранить старый, жесткий строй, который в интересах симметрии замедлял движение. Революционные войска передвигались гораздо скорее, чем их противник, и могли окружать его на поле сражения. Появился новый метод использования артиллерийского огня — быстрое сосредоточение его на решающих участках. Стало возможным дезорганизовать оборону еще до штурма ее позиций.

Не следует, однако, забывать, что позднейшие войны Наполеона не были решены сражениями. В Испании трудности Наполеона начались лишь после того, как испанская армия была уничтожена. Не в сражениях испанские

партизаны подорвали позиции Наполеона и положили начало его общему крушению. Наполеон наступал на русскую армию, но не побил Россию. Русские разгромили армию Наполеона, не принимая генерального сражения и выжидая, пока приступят к делу генералы Голод и Зима. А окончательное его падение было довершено в 1814 г., когда союзники определили его судьбу броском на Париж, в то время как Наполеон пытался встретиться с ними в генеральном сражении.

Гражданская война в США тоже насчитывала немало сражений. Неудача Ли при Геттисберге, несомненно, подорвала надежды Юга. Но главный удар по моральным устоям Юга нанес Шерман своим стратегическим маршем через Джорджию и Каролину, нарушившим коммуникации и сокрушившим дух войск Конфедерации.

Изобиловала сражениями последняя война. Правдивый историк скажет, что они сыграли роль спутствующего фактора в крушении Германии, ибо основным фактором являлось экономическое давление. Напомним, что говорил Хэйг в октябре 1918 г.: «С военной точки зрения, Германия не разбита. В последние недели ее армия отступала... в превосходном порядке». Союзники были утомлены, и пришлось провести реорганизацию их сил прежде, чем можно было продолжать преследование. Но внутренне Германия оказалась разбитой голодом, болезнями, отчаянием. Ее крушение явилось прямым следствием разочарования в судьбе весеннего наступления, которое, несмотря на обещания Людендорфа, победы не принесло. Однако основы германского сопротивления были подорваны блокадой.

Сомнительность сражения как средства выигрыша войны следует приписать уменьшению мощи наступления для преодоления обороны. Объясняется это усовершенствованием современного огнестрельного оружия. В годы гражданской войны в США считали, что один боец в окопе равен трем-четырем в наступлении. Европейские войны 1866 и 1870 гг. принесли новое дока-

зательство парализующего влияния огня на наступление, хотя кратковременность обеих этих войн в известной мере затушевала их уроки. Тем не менее выигравший обе войны Мольтке отлично понимал, что его победы не могут быть повторены. Он заявил: «В результате усовершенствования огнестрельного оружия тактическая оборона приобрела большие преимущества перед наступлением. ...Очевидно, атаковать выгодно лишь после того, как отражено несколько атак противника». Это предостережение не было услышано преемниками Мольтке, о чем можно судить по оптимистическому заявлению фон-дер-Гольца: «Идея большей мощи обороны есть чистейшее заблуждение». Такого же оптимистического взгляда придерживались во Франции. Так, в конце прошлого века будущий маршал Фош изрек следующую аксиому: «Всякое усовершенствование огнестрельного оружия обязательно усиливает наступление». Собственного удовольствия ради Фош сопровождал это положение драгоценными арифметическими выкладками.

Английский опыт в войне с бурами доказывает ложность подобных утверждений, но в Европе его рассматривают как результат слабости английских атак. Далее последовала русско-японская война. Уже в ней были заложены все те факторы, которые спутали расчеты военного командования в 1914 г., — парализующая сила пулемета, безнадежность фронтальных атак и вытекающее отсюда отсиживание армий в окопах. Но факты не поколебали оптимизма военных кругов. Ревностные воины не мыслили себе войны без успешной атаки. Вскоре же после начала войны стала очевидной ошибочность такого представления. Еще яснее это вышло с переходом к позиционному периоду, который длился четыре года. Показательно то, что основательные результаты имели лишь те сражения, которые носили форму контратаки, — после того как противник выдыхался в безрезультатных атаках. Таковы победы союзников в первом и втором сражениях на Марне, германские победы

при Танненберге, Горлицах и Капоретто.

Попытки историческими примерами обосновать веру в рукопашную схватку не выдерживают критики, а в конечном счете все-таки подрывают веру в количественное превосходство. В течение целого столетия европейские уставы стояли на позициях Клаузевица: «Бой на близкой дистанции, бой рукопашный, следует рассматривать как реальную основу боя». Французская доктрина 1914 г. горячо ратовала за то, что целью всякой атаки является «уничтожение противника штыком» (это положение оставалось в английском уставе до 1924 г.). Нкоторый смысл во всем этом был бы, если бы упор делался на психологический эффект штыковой атаки, но по тому, сколько времени уделялось тренировке со штыком, можно судить, что штыковой бой расценивался по непосредственным результатам. Между тем еще в XVIII веке такой практический командир, как Гибер, говорит о редкости штыкового боя, а Жюмини, один из свидетелей наполеоновских сражений, отмечает, что, за исключением деревень и дефиле (узкий проход), он «никогда не видел штыкового боя». Полвека спустя Мольтке опроверг французское утверждение о том, будто битва при Сольферино была решена штыком. В 1870 г. французские войска дорого заплатили за недооценку их генералами огневой мощи пруссаков.

Теория массирования численно превосходящих сил может действовать лишь при условии, когда столкновение действительно возможно. Трудно применить ее в обстановке, когда один боец с пулеметом стоит больше многих, атакующих его с примкнутым штыком. После 20-летних размышлений Людендорф возродил теорию «больших батальонов» для приложения ее к будущей войне.

Было бы нецелесообразно игнорировать высказывания Людендорфа и принимать взамен их популярное представление о том, что будущая война разыгрывается в воздухе, при чем каждая воюющая сторона будет стремиться уни-

чтожить столицу противника, а население забрасывать бомбами до тех пор, пока оно не сдастся на милость победителя. Рассмотреть проблему будущей войны в свете идей Людендорфа стоит не потому, что они могут оказаться реальными, но потому, что его концепции могут оказаться примененными. Это — путеводная нить к пониманию взглядов, еще господствующих среди многих европейских военачальников, к пониманию живучести устарелых концепций при наличии нового оружия и вытекающего из всего этого сумбура в военной мысли. Гонка вооружений предоставляет в распоряжение военного командования больше материальных средств, чем они могут теоретически освоить. Теория Людендорфа — живое доказательство того, что сможет произойти в начале, если не в конце будущей войны.

Механизация дала генеральным штабам уверенность в возможном ведении маневренной войны и в быстром успехе их наступательных операций. Во многих странах генеральные штабы проповедают отмирание позиционной войны и предсказывают, что в будущем войны будут происходить и завершаться с невиданной доселе быстротой.

Конечно, в начальной стадии мото-механизированные войска имеют большие преимущества перед теми, которых будут перебрасывать маршем или по железным дорогам. Это тем более важно, что на границах выросли новые долговременные укрепления. Надежды на вторжение окажутся, конечно, тщетными, если противнику будет дано время использовать укрепления и резервы, полученные в результате мобилизации. Не приходится сомневаться, что новые механизированные дивизии, которые имеются в европейских армиях, будут использованы в первые же часы войны для проникновения на территорию противника и открытия бреши для более основательного и широкого наступления. Все генеральные штабы повернулись лицом к новой картине войны, первые фазы которой разыгрываются с участием наличных механизированных соединений, не ожидая, как это имело

место в 1914 г., концентрации основных сил армии.

Можно сомневаться, способны ли будут механизированные соединения дать искомые, решающие преимущества применившей их стороне. Здесь мы не говорим о случае успеха внезапного нападения, обусловленного отсутствием у жертвы механизированных сил. Во-первых, существует такое средство, как создание препятствий, естественного противоядия механизации. Используя реки, каналы и железные дороги в качестве барьера, разрушая мосты, блокируя дефиле, оборона может многое сделать для уменьшения нависающей опасности. Механизация, в свою очередь, позволяет быстрее перебрасывать средства разрушения в угрожаемые районы. Механизированные части обороняющейся стороны, в меньшей мере опасющиеся возможных препятствий, смогут быть переброшены на нужном направлении и справиться с опасностью быстрее, чем механизированные части атакующей стороны смогут усилить угрозу. Преимущества механизации для обороны более значительны, чем для наступающей стороны.

Как ни малы перспективы начального удара, наносимого сравнительно небольшими механизированными силами, он окажется более эффективным, чем действия основной массы европейских армий. Даже если допустить, что они подойдут достаточно близко для нанесения удара, какие основания есть рассчитывать на то, что с обороной они справятся лучше, чем в прошедшую войну? Основным оружием, остановившим тогда наступление, был пулемет. Ныне пулеметов, тяжелых и легких, станковых и ручных, гораздо больше, чем было в 1918 г. В тот период наступающая сторона рассчитывала на артиллерию, как на средство преодоления пулеметов. Ныне во всех армиях артиллерии гораздо меньше, чем было в 1918 г. Даже если артиллерийский парк будет доведен до размеров военного времени, артиллерия, при массировании, имеет тенденцию затруднять продвижение пехоты, а не содействовать ему. Артиллерия действует в качестве

автоматического тормоза. Он отражается на работе коммуникационных линий, так как ее боепитание требует массы транспорта. Танк доказал в прошлой войне, что он — лучше средство обеспечения продвижения пехоты. Но использование брони во фронтальной атаке против организованной обороны теперь, очевидно, потеряет большую часть своей ценности ввиду широкого развития средств противотанковой обороны — пулеметов и даже винтовок, не говоря уже об артиллерии.

Как я уже говорил выше, гораздо большие возможности заложены в искуственном использовании темноты.

Но основным вопросом остается способность массовой армии вообще добраться до поля сражения. Она должна двигаться по грунтовым и железным дорогам. Она заполнит артерии, которые ныне на протяжении сотен километров могут оказаться под ударом с воздуха. Гигантские потребности в продовольствии и боепитании заставят поддерживать по этим артериям непрерывное движение. Угроза потери связи с тылом останется нависшей даже в том случае, когда самой армии удастся пройти. Чтобы оценить возможное развитие событий, стоит изучить процесс мобилизации и сосредоточения в 1914 г. Несмотря на все усилия и тщательную подготовку, случился ряд провалов, создавших серьезное беспокойство и угрожавших еще худшим. Между тем в 1914 г. противник не мешал. Теперь же его авиация мешать будет. Она подвергнет бомбардировке мосты, железнодорожные узлы, воинские эшелоны и колонны на марше. Надо ожидать иприта на дорогах, железнодорожных станциях, у продовольственных складов, на бивуаках. Гигантские разрушения, подобные описанным в книгах о будущей войне, — не обязательны. Но и без этого сложный, тонкий процесс мобилизации и движения к границам в таких условиях может оказаться нарушенным и недостаточным для крушения.

Если противник использует иприт, тогда паралич военных операций станет еще более верным, поскольку на фронте иприт является самым эффективным

средством обороны. Невидимый, он представляет собой непреодолимую стену для наступающих армий, особенно для пехоты. Что касается применения иприта в тылу, то он внесет замешательство в его организационную работу и в регулирование движения. Впрочем, иприт и не обязателен для создания положения неподвижности. Для приостановки наступления вполне достаточно будет применения пулемета и средств разрушения. Воздушная бомбардировка войскового тыла поможет приковать армию к тому месту, где она впервые остановится. Блокированная с фронта, массовая армия может быть сокрушена с тыла. Если содержание такой армии в тягость государству в мирное время, то попытка использовать ее в условиях войны угрожает государству банкротством.

Поиски победы в морском бою едва ли обещают большее. Нет нужды рисовать себе картину уничтожения линейных флотов воздушными бомбардировками. Если в прошлой войне угрозы подводной лодки и мины было достаточно, чтобы предотвратить столкновения линейных сил, то насколько более достижимым стало парализование их действий, когда в нашем распоряжении есть авиация, базирующаяся на береговые центры, и скоростные торпедные катеры, число которых быстро увеличивается во всех флотах.

Лишь в воздухе наступление превосходит оборону. Но наступательные операции не должны принимать характера удара по воздушным силам противника. Проще, много проще, чем на земле, ударить по источнику сил противника, не преодолевая его заслонов. Воздушные просторы так велики, а скорость современных самолетов так быстро увеличивается, что бессмысленно растрачивать силы на борьбу, если можно противника обойти. Верные своим традициям, генералы могут попытаться разгромить воздушные силы противника. В этом случае, завязав сражение, они рискуют проиграть войну.

Даже Людендорф понимает, что будет происходить экономическое давление в разных формах. С ростом со-

циальной и промышленной организации экономические объекты по своему значению переросли объекты военные. Они стали более уязвимыми, тогда как уязвимость военных объектов уменьшилась. Поток материального снабжения армии может быть тем легче остановлен, что пути морской торговли окажутся под ударом воздушных сил с береговых авиабаз и других новых военных средств.

Военная мудрость ныне заключается не в собирании армии, а в уменьшении уязвимости страны. Промышленность, увеличивающая военный потенциал нации, увеличивает и ее уязвимость. Отрицательные стороны имеет и централизация промышленности. Следует изучить и изыскать все средства, которые способствуют рассредоточению возможных объектов воздушных атак, сокращению их уязвимости. Не менее важна готовность народа к войне. В качестве примера укажем, что обучение населения мерам противовоздушной обороны, понимание им обстановки, в какой очутится страна в военное время, по меньшей мере так же важны, как важна обеспеченность зенитной артиллерией и убежищами. О современной войне можно определенно сказать лишь одно: ее перспективы более неопределенны, чем когда-либо.

По сравнению с нынешним временем, кажется, будто в 1914 г. легче было строить военные расчеты. Но все тогдашние расчеты провалились, и фаворит проиграл. Начать войну сегодня значит то же, что поставить на «темную» лошадь, даже неизвестных кровей. Если бы правителями двигал расчет, они бы наверняка воздержались от агрессии. Но амбициозные и воинственные правители окажутся самыми законными азартными игроками. Их святой — Наполеон. Но никогда еще не было более яркого случая упрямого самообмана, чем его уверенность в исходе марша на Москву. Военная среда еще может породить игроков его типа. Но в них заложено их собственное противоядие, поскольку они устремляются к созданию армий для сражений и тем самым взваливают на плечи своего

военного аппарата такое бремя, что оно подрывает его силы. Серьезно опасаться таких игроков можно было бы только в том случае, если бы они развивали искусство войны, направленной к парализованию, а не уничтожению; войны, основанной на численном давлении, без битв; сверхпартизанской войны, направленной против источника, а не оболочки вооруженных сил врага; армии, разящей на множестве участков — экономических, политических и психологических — на максимальном протяжении; войны, где армия не подставляла бы себя в качестве мишени для противника и не схватывалась с ним в смертельном объятии.

ПОГИБНЕТ ЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ?

Для многих этот вопрос даже не существует. В своей книге «Честный мир» А. А. Милн говорит: «Разве не совершенно ясно, что новая европейская война будет означать полное крушение цивилизации?». Значение вопросительного знака, поставленного в конце фразы, сводится на-нет подчеркиванием слова «совершенно». Несколько ниже в той же книге автор и вовсе снимает вопросительный знак: «Если мы накануне нового Армагеддона, то мы накануне разрушения мира. Это абсолютно ясно».

Лично я предпочитаю оставить вопросительный знак. Признавая долю справедливости за предсказаниями А. А. Милна, я имею основания полагать, что эти предсказания могут и не оправдаться. Но даже если они станут реальностью, я полагаю, что крушение наступит от косвенных причин и неожиданно, а не от прямых, как это предсказывает большинство публицистов. Крушение наступит в результате паралича, а не разрушения цивилизации.

Все публицисты единодушны и, надо полагать, за недостатком времени для тщательных изысканий, попросту копируют друг друга. Вот какую картину рисуют нам они. В момент объявления войны или предшествуя ему,

воздушный флот неприятеля появляется над столицей государства, подвергшегося нападению. Город забросан бомбами, большей частью химическими, и спустя несколько часов — это город мертвецов. Отравлены миллионы людей. С некоторыми вариантами второстепенных деталей картина во всех случаях остается в основном одинаковой.

Биверли Николз в книге «Крик ужаса» призывает в свидетели знатоков, добытых для него, очевидно, бюро газетных вырезок. Так, Николз цитирует заявление лорда Хэлзбери о том, что «иприт является самым смертоносным отравляющим веществом. На Большой Лондон хватило бы 42 тонн иприта, чтобы через 12 часов все мужчины и женщины и дети, находящиеся на его территории, погибли». Из этого Биверли Николз делает вывод, что «поскольку каждый бомбардировщик поднимает ныне 2 тонны бомб, то 20 самолетов будет достаточно для успешного завершения всего дела». Все это звучит достаточно неправдоподобно, поскольку доказано, что иприт наименее смертоносное отравляющее вещество из всех примененных в прошедшей войне. Он выводил из строя большое число людей, но смертных случаев было не более 4 процентов. Особая эффективность иприта не в его смертоносности, а в способности срывать планы военного командования противника.

Тем не менее даже отставные военные проповедуют такие же взгляды. Так, германский генерал фон-Альтрок заявляет на страницах «Милитер вохенблатт», что «население большой территории может ожидать уничтожения в любой момент». «Следующая война, — говорит фон-Альтрок, — скорее примет форму массового убийства гражданского населения, чем конфликта между вооруженными силами».

Все же есть ряд авторов, осмеивающих подобные панические предсказания. К таким авторам следует отнести профессора Холдэйна. В своей книге «Каллиникус» Холдэйн напоминает, что задолго до применения иприта немцами английские химики предложили тот

же иприт английскому военному командованию. Генерал, от которого зависело принятие иприта на вооружение, спросил: «Ваш газ убивает?». Ему ответили: «Нет. Но он выводит на время из строя огромное число людей противника». Тогда генерал сказал: «Ваш газ не годится. Нам нужно нечто такое, что будет убивать».

Холдэйн все же приходит к выводу о том, что, если не будут приняты необходимые меры противохимической обороны, последствия могут оказаться весьма серьезными.

Объективному наблюдателю, даже если он изучает военные проблемы, трудно сказать, на чьей стороне правда. Из спора мы можем все же сделать вывод, что уязвимость того или иного объекта по меньшей мере равна мощи наступательного оружия, а может быть, и превосходит ее. К этому вопросу мы еще вернемся. Что особенно поражает при чтении описаний будущих ужасов, — городов, уничтоженных в течение одного часа, — это ограниченное внимание, уделяемое публицистами тем, кто будет руководить нападениями будущего, — военному командованию.

Ведение войны остается, однако, за генеральными штабами. Рисуемые этими штабами картины войны весьма отличаются от того, что пишут публицисты. В подавляющем большинстве это образы 1918 года, которые ныне рисуются с той же уверенностью, с какой в 1914 году рисовались картины по образцу 1814 года. В них на первом плане стоит армия, а не воздушные силы. Как и в 1914 г., многомиллионные армии идут на поля сражений. Им предшествуют механизированные авангарды. Но основная масса армий идет пешком, отчасти из-за традиции, отчасти из-за своей ведичины. Автотранспорта хватает лишь на перевозку грузов и подсобных формирований. Задача этих массовых армий достойна Наполеона — они должны уничтожить армии противника. Мечта современных полководцев — вихрем пронестись по всему миру, в наполеоновском стиле. Они попрежнему заражены идеей на-

ступления, ибо на смену охлаждающей голову холодной струе 1914—1918 гг. снова пришел знойный дух убийства. Жажда истинного вояки неутолима. Какое бы разочарование его ни постигло, он твердо верит, что в следующий раз дело пойдет на лад.

Конечно, фон такой картины затемнен некоторыми неприятными образами. Отравляющие вещества и дымь сплываются картину и вносят некоторое смятение. Генералы признают, что эти новые элементы могут повлиять на окончательное решение, но рассматривают их прежде всего как средство уничтожения неприятельских армий. Что же касается эффекта, производимого новыми элементами на собственную армию, то о нем распространяются возможно меньше, как и о прочих неприятных вещах. Можно предположить, что, как бы ни развивалась будущая война, планы и начальные операции могут совершаться по трафарету, свойственному и войнам прошлого.

Будущая война, следовательно, может быть продолжением того, что мы наблюдали в 1918 г., или в крайнем случае того, что было уготовано на 1919 год.

Такой взгляд противоречит широко распространенному мнению, что каждая война в корне отличается от предыдущей. В действительности дело обстоит не так. Правда заключается в том, что история, даже новая история, демонстрирует постепенную эволюцию войн. Главные особенности войны 1914 г. определяли характер еще русско-японской войны, происходившей на десять лет раньше, и явственно обрисовались во время гражданской войны в США, пятьдесят лет тому назад.

Замедленный ход эволюции следует приписать энергичному сопротивлению военного командования по отношению ко всякому нововведению. Толчка в развитии науки в XIX веке было недостаточно для штурма этих крепостей. Общеизвестно, какое сопротивление встретил танк еще прежде, чем появился на полигоне в 1916 г. Менее известен факт, что танк можно было иметь еще

до начала войны. Речь идет о танке конструктора де-Моля. Конструкция была передана английскому военному министерству и погребена там до окончания войны. Выдающиеся идеи содержались в проекте, предложенном одним слесарем из Ноттингема. Об этом тоже не захотели слушать до конца войны.

Подобную же слепоту в вопросах войны в воздухе проявили даже наиболее мыслящие представители руководящих военных кругов. Когда Фош наблюдал в 1910 г. авиационные гонки, доказавшие жизнеспособность нового изобретения, он воскликнул: «Отличный спорт, но для армии аэроплан бесполезен».

Оценивая постепенность эволюции военного дела, нам придется напомнить основные линии его развития за последние лет сто.

Сперва увеличилась численность. От Франции эпохи революции и Наполеона через Америку времен гражданской войны и Пруссию времен Мольтке армии пришли к миллионным формированиям 1914 года. Но еще в XVIII веке маршал Сакс предвидел трудности, связанные с ростом численности войск.

Затем, с появлением винтовки и магазинного оружия, наступил рост огневой мощи.

Это повело к усилению явлений паралича в военных действиях на суше и на море.

Далее настала пора усиленной индустриализации. Переход от распыленных сельских общин к концентрации населения в городах, взаимозависимость отдельных районов страны наряду с усложнением потребностей более развитой формы общества привели к росту значения экономических объектов в войне.

Даже в условиях относительно примитивного Юга действия Шермана против экономических объектов решили судьбы гражданской войны в США. Но в Европе военные этого не видели, ибо глаза их были залеплены кровью. А ведь именно экономическое давление, осуществленное в основном флотом, решило исход мировой войны.

Наконец, в результате появления паровой машины и двигателя внутреннего сгорания резко усилилась подвижность войск. Как это ни парадоксально, но главным ее результатом, во взаимодействии со всеми другими новыми тенденциями, явилось уменьшение фактической подвижности армий. Железная дорога сообщает скорость, но не обеспечивает эластичности — второго элемента подвижности. Она приводит к сосредоточению людских и товарных масс. Движение тормозится не только их количеством, но и ростом огневой мощи. До начала войны на двигатель внутреннего сгорания не обращали внимания. Он получил применение главным образом в качестве средства перевозки людей. Лишь с появлением танка двигатель внутреннего сгорания начал участвовать в процессе возрождения подвижности, ибо позволил бойцам продвигаться вперед, несмотря на огонь обороны. Самолет тоже начал свое существование в армии в качестве подсобного средства. Несмотря на увеличение численности машин, авиация продолжала оставаться на незначительных ролях. В крупнейшем воздушном налете на Лондон участвовало лишь 33 самолета, тогда как около 4 000 машин было занято в качестве вспомогательного средства для сухопутной армии. В последней стадии войны авиация показала свою силу, препятствуя спасению разгромленных болгарской, турецкой и австрийской армий. Волну отступавших войск авиация превратила в кровавое месиво.

Каковы же важнейшие уроки войны в свете этих четырех положений? Прежде всего большие армии, основанные на всеобщей воинской повинности, имеют тенденцию сделать войну неизбежной, подобно тому, как после начала войны они содействуют переходу ее в позиционный период: «Мобилизация означает войну» — угрожал германский посол русскому министру иностранных дел в 1914 г.

В этих словах заключено больше правды, чем предполагал сам автор. Армии, участвовавшие в мировой войне, оказались столь громоздкими, что не-

возможно было изменить направление их движения.

Когда кайзер спросил у начальника германского генерального штаба Мольтке: «Значит, мы идем только на Восток?», тот ответил: «Невозможно. Наступление армии, насчитывающей миллионы людей, является результатом долголетнего кропотливого труда. Однажды спланированное наступление не может быть изменено». Когда появился приказ о задержке наступления против Франции на 24 часа, Мольтке патетически записывает в свой дневник: «Для меня это был большой удар, словно мне камнем сердце придавили».

Но, когда армии добрались до поля сражения, их остановили пулеметы, как ни мало их было. Еще в 1884 г. один из военных предсказал, что пулемет явится «концентрированной сущностью пехоты». Военное командование не обращало внимания на подобные предсказания, пока не началась война 1914 г. Тогда выяснили, что солдат за пулеметом равен десятку, сотне и даже тысяче солдат, атакующих его с примкнутым штыком. Генералы стали втупик. Они всегда считали силы по числу голов.

Верные своей теории чисел, генералы попытались массировать артиллерию. По сравнению с затраченными усилиями, этот метод дал ничтожные результаты. Он позволил совершать короткие переходы, но не допускал значительного проникновения вглубь расположения противника, ибо пехоте приходилось идти по полю, вспаханному артиллерией.

В 1916 г. появились танки. Военное командование приняло их скрепя сердце. Реальная возможность проявить себя была предоставлена танкам лишь в последний год войны. Танки сделали возможным более глубокое и быстрое продвижение. Если бы война затянулась до 1919 г., союзники собирались испытать новый метод прорыва фронта танками, игнорируя при этом пехоту противника, остающуюся в тылу танков; а именно: нанесение танками удара по штабам, коммуникационным линиям и тыловым центрам для подрыва

беспособности неприятеля в самой ее основе.

Немцы тоже пытались использовать новые средства для преодоления обороны. Это были отравляющие вещества. К счастью для союзников, германские военные сорвали планы германских химиков, и прекрасная возможность решить войну была утеряна. Все же отравляющие вещества продолжали играть серьезную роль в войне. Но их стратегический эффект заключался больше в блокировании атак противника, чем в содействии собственному наступлению. Таким образом, они лишь усиливали палач, сковавший войну.

Особенно недооценивали возможность преодоления пулеметного огня посредством ночных атак. Ночные атаки были редким явлением, из-за того, что командование опасалось замешательства, хотя это было, безусловно, менее рискованным, чем наступление днем под огнем пулеметов обороны. Ни разу полностью не использовали и дымовые завесы. Когда их предложили в 1914 г., Китченер, английский военный министр, глубокомысленно заявил: «Дымовая завеса непригодна для сухопутных операций». Тем не менее в 1918 г. немцы не раз прорывали фронт союзников именно под прикрытием тумана — естественного дыма. Когда тумана не было, немецкие атаки проваливались. Поразительно, что ни та, ни другая сторона не попыталась использовать искусственный туман в широком масштабе.

Что можно сказать о будущем? Если не изменить течения истории, оно станет продолжением прошлого. Непрактично было бы рассматривать здесь гипотетические факторы, которые могут революционизировать обстановку. До тех пор, пока ученые не достигнут результатов не только вполне осязаемых, но и реальных с точки зрения военного специалиста, электроволны и стратосферные ракеты могут быть смело оставлены на попечение писателей, занимающихся фантастикой. В то же время не следует забывать, что архивы военного министерства доказали свою действенность в качестве противоядия для каж-

дого нового средства или оружия, во всяком случае на то время, пока эти нововведения могли бы быть наиболее эффективными.

Попробуем же на основе того, что существует и что можно предположить в качестве вполне реального, рассмотреть перспективы будущей большой войны или во всяком случае первого ее акта. По тем или иным причинам, второго акта, в общепринятом смысле, может и не быть: за первым актом следует эпилог.

В силу привычки и естественного желания оправдать свое существование, весьма вероятно, что армии попытаются действовать так, как они действовали в 1914 г. Мы, вероятно, даже сможем увидеть многочисленные войсковые колонны, пересекающие границы. Но нужна большая сила воображения, чтобы представить себе эти колонны проникающими глубоко в расположение противника. Колонны смогут сняться с места, если сделают это еще до сигнального выстрела стартера, т.-е. до «объявления войны», в отличие от 1914 г. Они смогут продвинуться вперед под покровом ночи. Вероятно, большая часть военной авиации в начальный период будет занята более важным делом. Но, как только войска перейдут границу, они окажутся остановленными препятствиями гораздо серьезнее тех, что известны в прошлом. Это будут цепи пулеметов, в потайных железобетонных казематах, или те же пулеметы, выброшенные вперед на вздоходах. На флангах будут действовать тучи танков. В воздухе нападающих встретят еще большие тучи самолетов, которые принудят пехоту расстрелоточиться, нападут на длинные транспорты, которые расстрелоточиться не смогут.

Не следует также упускать из виду, что за последнее время достигли больших успехов в искусстве останавливать атакующего подготовкой местности, разрушениями. Вторжение может вскоре превратиться в медленное движение, а затем и в плачевное топтание на месте.

Автомашины существуют не только на

вооружении армии, они есть в каждом городе, в каждой деревне. Даже самая скромная старая машина может перевозить пулеметы.

А пулеметы останавливают наступательное движение. Пулеметы можно перебрасывать в любой пункт. Ими можно закрыть любой участок, которому угрожает вторжение. Они, конечно, задержат продвижение противника.

Двигатель внутреннего сгорания позволяет вооруженному гражданскому населению сыграть в будущей войне роль еще более значительную, чем в прошлой.

Если армии противников придут в соприкосновение, то атакующей стороне придется преодолевать препятствия в виде пулеметов, усиленных проволочными заграждениями и минированными полями. Разве сегодня больше шансов на успех атаки, чем было в прошедшей войне? Скорее меньше, ибо количество артиллерии и танков — средств уничтожения пулеметных точек — в настоящее время во всех армиях меньше, чем ее было в 1918 г. С другой стороны, количество пулеметов, как станковых, так и ручных, резко увеличилось. Даже простой арифметический подсчет позволит gritти к заключению, что оборона обладает теперь большими преимуществами, чем в прошлом. Учитывая это, дальновидное командование может предпочесть оборону и выжидать атаки неприятеля. В этом случае войска обороняющейся стороны будут физически и морально менее истощены, но они не зачтут в свою пользу каких-либо положительных результатов в смысле приращения территории, — разве что в своих безрезультатных атаках противник окажется настолько истощенным, что не выдержит контратаки. Возможно также, что обе стороны проявят дальновидность и будут взаимно выжидать атаки.

В случае применения иприта быстрая стабилизация фронта станет еще более вероятной. Армии попытаются использовать иприт на тех участках, где они предполагают вести оборону, и сосредотчат свои силы там, где условия бла-

гоприятствуют наступлению. Поскольку условия, благоприятные для одной стороны, неблагоприятны для другой, мы можем оказаться свидетелями абсурдного положения, при котором сектор наступления одной стороны окажется зараженным ипритом другой. Тогда обе армии будут беспомощно сидеть друг против друга, разделенные барьером, созданным ими совместно.

Возможность двигаться вперед, несмотря на пулеметы и заражение местности отравляющими веществами, дают танки. Но число их настолько невелико, а страх перед ними так велик, что, вероятно, обе стороны сосредоточат усилия на блокировании и уничтожении танковых частей противника. До тех пор, пока танковые части имеют небольшой удельный вес в общей массе вооруженных сил, такая мера имеет шансы на успех. Но до тех пор, пока противник располагает танками, страх перед ними в частях, не обладающих броней, будет затруднять движение этих частей, а это в свою очередь обещает еще больше увеличить паралич, который мы уже наблюдали в прошлом.

Угроза с воздуха — небольшая угроза для рассредоточенной или окопавшейся пехоты. Но длинные колонны на марше уязвимы. Их движение может быть легко приостановлено. А если они не смогут двигаться, то не смогут достигнуть поля сражения. Танки и вездеходы при их движении, особенно вне дорог, когда они идут рассредоточенными строями, — скверная цель для бомбардировки с воздуха. Но они становятся уязвимыми при остановке, будь то добровольная или вынужденная. Кроме того, подобно всем прочим родам войск, танковые части зависят от питания горючим, боеприпасами и продовольствием. Наибольший успех воздушное нападение будет иметь именно против протяженных коммуникационных линий и пунктов, в которых сосредоточено снабжение.

Все же не следует принимать за чистую монету все утверждения поклонников воздушного оружия по поводу меткости бомбометания.

Система снабжения многочисленных армий так сложна, что нарушить ее — дело легкое. Нарушения же этой системы, даже при небольших разрушениях, будет вполне достаточно для уничтожения движущих сил армии. Каждое новое усиление подвижности авиации — ее скорости и дальности действия — все больше угрожает подвижности сухопутной армии.

Таким образом, устрашающее наступление пехоты может закончиться всеобщим фарсом, хотя кое-где превратится в трагедию.

Не нужно особой изобретательности, чтобы представить себе солдат, не получающих довольствия, нарушающих дисциплину под влиянием голода, грабящих свои собственные города и села, тем самым ускоряя голодную смерть всего населения.

Это неизбежно случится, если не будет быстро заключено перемирие и восстановлены коммуникационные линии.

Можно без ошибки сделать и другой вывод. Чем большую армию содержит и пытается мобилизовать страна, тем слабее может стать эта страна. Закупорка всех артерий народного хозяйства — а к этому неизбежно ведет мобилизация в широком масштабе — создаст огромные затруднения и усилит опасность перед лицом воздушного нападения. Тем самым уменьшится способность сопротивляться неожиданному напряжению первых дней войны. Возможно, что агрессор отойдет от старых методов вторжения, хотя в современной организации европейских армий есть лишь крупинки новых идей. Будет, конечно, сложнее остановить вторжение механизированных сил, мощных, но сравнительно небольших, чем преградить путь марширующим миллионам, особенно, если механизированные силы вторгнутся в пределы страны без предупреждения. Подобные части, подготовленные для вторжения, можно за одну ночь сконцентрировать на известном расстоянии от границы, а к утру перебросить их через границу. Механизированные части могут преодолеть сопротивление обороняющих границу форми-

рований раньше, чем те поймут, что война началась, и прорваться через систему долговременных укреплений. На такую возможность следует обратить серьезное внимание, ибо здесь кроются большие шансы на успех: машины будут идти по радиолучу, под прикрытием дымовой завесы.

Но даже в случае удачи эти силы смогут только обострить беспорядок внутри страны, подвергшейся агрессии, — беспорядок, созданный воздушными нападениями на промышленные центры и коммуникационные линии. Если со стороны подвергшегося агрессии государства не последует немедленная капитуляция, — а в условиях хаоса и это сделать нелегко, — агрессору придется подкрепить ударные корпуса резервами и оккупационными войсками. А в этом-то и заключена наибольшая опасность для агрессора. Эта проблема тем опасней, что теперь труднее, чем когда-либо в прошлом, сохранять порядок на коммуникационных линиях. Допустим, что агрессор обладает даром необычайного предвидения и ему удастся точно предвосхитить развитие событий, разработать до мельчайших подробностей меры для уменьшения собственной уязвимости, при сохранении всех своих наступательных сил, и тем самым вызвать внутренний крах своего противника, одновременно избежав самому подобного внутреннего краха... Но — такого предвидения никогда еще не проявлял ни один поджигатель войны.

Конечно, правительства могут решиться на войну, несмотря на все предупреждения. Но справятся ли они с нею? Результат окажется скорее просто нелепым, чем смертельным и решающим. Разумеется, я говорю только о столкновении вооруженных сил. Но такое рассуждение не снимает, однако, вопроса об опасности, угрожающей странам, вступающим в войну. Опасность — двоякая.

Во-первых, народы могут не настолько своевременно протрезветь, чтобы восстановить порядок на своих коммуникационных линиях. Во-вторых, в результате воздушного нападения может

быть нанесен непоправимый ущерб населенным центрам.

Почти повсеместно царит представление, что любая будущая война начнется с концентрированного воздушного нападения на столицу противника. Как я уже говорил выше, позволительно сомневаться в правильности этого убеждения.

Мы поступили бы безрассудно, если бы принимали на веру «законы войны». История последних лет достаточно ясно показывает, что законы нарушаются, как только они начинают служить помехой. Было бы, однако, неправильно недооценивать обуздывающую силу подобных законов, особенно в начальный период войны. Вероятнее всего, вред населению будет нанесен косвенным ударом — по военным объектам тыла: арсеналам, аэродромам, докам, расположенным в густо населенных районах. Для воюющей стороны, менее разборчивой в средствах, такие объекты представляют удобную цель и вместе с тем служат оправданием воздушных бомбардировок городов. Использование зажигательных и фугасных бомб — комбинации более эффективной и, с военной точки зрения, более экономичной, чем отравляющие вещества, — при бомбардировке населенных центров может оказаться более результативным, ибо там много легко воспламеняющихся материалов, и пожары станут быстро распространяться за пределы военного объекта. Пожары посеют панику быстрее и в большем масштабе, чем разрушения относительно изолированных домовых блоков. Такая возможность ставит вопрос о важности вывода военных объектов — предприятий, работающих на оборону, как можно дальше от населенных центров.

Пока официальные военные умы будут придерживаться догматов Клаузевица, заключающихся в том, что основная цель в войне уничтожение вооруженных сил противника, мы можем рассчитывать на проведение в жизнь ограничений, предусмотренных «законами ведения войны», ограничений более действенных, чем любой из законов, разработанных в Женеве. Профессиональ-

ная привычка сильнее чувства гуманности. И хотя бряцающие оружием государственные деятели могут не быть заражены тягой профессиональных военных к сражениям, на них сможет повлиять сознание ответственности перед населением городов, а может быть, и свои собственные эмоции городского жителя. Страх перед немедленными репрессиями, тем более сильный, что это страх перед неизвестным, может, весьма вероятно, привести к тому, что эти государственные деятели останутся на ортодоксальных планах ведения войны, т.е. на нанесении удара по вооруженным силам противника и его базам.

В пользу такого развития вооруженных действий говорит и неисправимый оптимизм, обуревающий военные круги. Они уже оправились от тяжелых ударов 1914—1918 гг.; живучесть оптимизма помешала им до конца почувствовать силу этих ударов. Изучая военных руководителей европейских держав, мы убеждаемся, что, за редким исключением, они полны веры в победу не меньше, чем их предшественники накануне мировой войны. Снова генералы мечтают о сокрушительном наступлении и быстром решении. Только недавно итальянские военные власти напыщенно заявили, что «война в окопах отжила свое время», что «первый же штурм танков и моторизованной пехоты будет означать прорыв линии окопов; начнется война в открытом поле, движение станет столь быстрым, что рытьем новых окопов оборона ничего не выиграет». Итальянцам поддакивают представители других армий.

Хладнокровному наблюдателю подобные заявления кажутся тем более любопытными, что итальянцы обладают отличными естественными рубежами для обороны, а танков для атаки лишены в большей мере, чем ряд других держав.

Если, к несчастью, подобный солдатский оптимизм введет правительства в заблуждение относительно шансов на победу и приведет к войне, мы будем, вероятно, компенсированы тем, что в начальной своей стадии война пойдет по проторенным дорожкам, — повиди-

мому, к тупику. Как только начнется движение массовых армий (авиация противника сделает свое дело на их коммуникационных линиях), появятся признаки закупорки коммуникаций и всеобщее топтание на месте. А если начнется паралич с хвоста, то весь организм армий может оказаться скованным еще до того, как армии доберутся до поля сражения. Лишь тогда опасность воздушного нападения на города станет реальностью. Выполнив свои задачи в отношении военных объектов, авиация сможет перенести свое внимание на объекты невоенные. Но современная военная авиация зависит от широкой наземной организации, подтвержденной общей участи — хаосу. Отсюда может явиться ограничение, если и не исчезновение, воздушной угрозы в тот момент, когда, по существу, она должна достигнуть наивысшего своего напряжения.

К такой ограниченной угрозе можно соответствующим образом подготовиться, при чем не столько прямой обороной отдельных объектов, сколько общим уменьшением уязвимости страны. Прежде всего, как мы уже говорили, надо вывести военные объекты из пределов городов, что более выполнимо, чем постройка бесчисленных убежищ. Меры противовоздушной обороны, подготовка всевозможных аварийных служб — весьма полезны. Но из всех мероприятий подобного рода наиболее важно — обучение населения. Эти элементы обороны дают, по существу, ответ на вопрос, готово ли государство как материально, так и морально к отражению воздушного нападения и к борьбе с хаосом, который сулит первый же период войны. Следовательно, судьба народа в значительной мере в его собственных руках.

Римская поговорка гласит: «Если хочешь мира, готовься к войне». Она жизненна и сегодня, но в ином смысле. Дело не в увеличении численности вооруженных сил, особенно их громоздких частей, ведущих к хаосу на коммуникационных линиях, а в подготовке косвенной обороны — дробления объектов, подготовки разных мероприятий, уменьшающих риск хаоса.

Самым обнадеживающим симптомом следует, конечно, считать тот факт, что наиболее воинственные государства не понимают современных условий ведения войны. Доказательством тому громадные кадровые армии. Толщина не означает силы. Ясно, что они потеряли чувство подвижности. Тысячелетиями войны велись со скоростью пяти километ-

ров в час. Ныне мы имеем возможность вести войну со скоростью пятисот километров в час. К счастью, риск более велик для бессмысленно атакующей стороны.

Можно поэтому рассчитывать, что в новой войне крушение нападения последует прежде, чем крушение цивилизации.

Маяковский в борьбе с врагами

Н. ПЛИСКО

★

Советская страна отмечает восьмую годовщину со дня трагической смерти «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», В. В. Маяковского.

После разоблачения троцкистско-авербаховской банды диверсантов и вредителей в литературе стало очевидным, что бешеная травля ими Маяковского проводилась сознательно и планомерно. Они предпринимали все доступные им средства, чтобы вывести из строя этого трибуна и глашатая социалистической поэзии.

Особенно тяжело сознавать, что великий поэт социалистической революции умер в полном расцвете творческих сил, преисполненный множества художественных замыслов, навеки унеся с выстрелом 14 апреля 1930 года неспетые песни и стихи, невоплощенные замечательные образы, которые бы славили наш мир, клеймили черные души предателей, торговцев родиной, шпионов, диверсантов — всех этих зиновьевых, каменевых, рыковых, бухаринных, тухачевских, ягод.

Троцкисты создавали в литературе обстановку, в которой не только отпадало желание творчески работать, но до невероятных размеров нарастала психическая депрессия. Они направляли свои удары по самым решающим звеньям советской, социалистической литературы. Когда троцкисты, враги народа увидели, что травля, погромными статьями Горького не возьмешь, они переменяли тактику и умертвили Горького.

Маяковский, вслед за Горьким, вел ожесточенную борьбу со всей нечистью и гнилью старого мира. Он бил фашистов, буржуазных реставраторов, троцкистов, кулаков, подхалимов, бюрократов, помпадуров, вельмож. Враги лютой ненавистью встречали каждое слово поэта, поднявшего, как знамя, в борьбе с ними «все сто томов своих партийных книжек».

Первые стихи Маяковского родились в капиталистическом мире. Здесь он увидел и почувствовал на себе самом все зверства капиталистического режима, уродующего и растлевающего человеческую личность; и поэт восстал против этого мира.

Сквозь все свое творчество, могучее и стремительное, как грохот горного обвала, Маяковский пронес мечту о счастье трудового человека, мечту о социализме, в котором устанавливаются подлинно человеческие отношения, где рождаются настоящие свободные люди, «бога самого милосердней и лучше». Чутко реагировал поэт на все, что причиняет человеку мучения, на все, что высвобождает в нем могучий творческий дух, на все, что помогает выпрямиться ему во весь гигантский человеческий рост. В нем жили величайшая любовь к человеку и неистребимая ненависть к угнетателям. И он вскоре понял, что только в жесточайшей борьбе с миром насилия, угнетения можно освободить любимое им, необъяснимое чудо — человека.

Великая социалистическая революция, направленная гением Ленина—Сталина, привела к тому, что Маяковский стал поэтом большевистской партии; чутьем гениального поэта угадывал он правильность ее генеральной линии и всеми доступными ему средствами боролся за проведение этой линии в жизнь.

Маяковский видел в Ленине человека, воплотившего с помощью партии и при поддержке самых широких демократических слоев мечту о социализме в реальность. Ленин и большевистская партия для Маяковского — синонимы:

Партия и Ленин —
 близнецы-братья, —
 Кто более
 матеря — истории ценен?
 Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
 Мы говорим — партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

И Маяковский находит самые вдохновенные слова, воспевающие силу и мощь партии. Он зовет трудовые массы объединиться под знаменами коммунистической партии, ибо только под этими знаменами народ победит.

Враги партии — враги народа, враги социализма. Борьбе партии с ее врагами Маяковский и отдает «всю свою звонкую силу поэта». Эсеров и меньшевиков он клеймит позором, оттачивает для них самые острые и разящие стрелы своей сатиры:

Меньшевики такие люди —
 Мамашу могут проиудить.

Экватор мучает испарина,
 Эсера смой — увидишь барина.

Так писал он в своей, ставшей знаменитой, «Советской азбуке». Уже в годы гражданской войны Маяковский подхватывает клич партии к повышению классовой революционной бдительности, к единству и укреплению наших партийных рядов:

Если щель в рядах есть,
 в эту щель враг норовит влезть.
 Чтоб враг революцию пылью не вытер,
 партийные ряды крепите.

И уже в 1921 году, т.-е. когда Троцкий стал шпионом, Маяковский предупредил читателя о необходимости активной борьбы против шпионов и диверсантов:

Теперь война с разрухой.
 Чтоб фронт прорвать наш,
 И тут враги устанавливают шпионаж...

... Товарищи, бдительны будьте —
 О происках врагов не забудьте!

Глубоко веря в гений Ленина, в его правоту, поэт в дискуссии о профсоюзах 1921 г. безоговорочно занимает ленинско-сталинскую позицию. В своей изумительной по драматургической новизне «Мистерии Буфф» Маяковский издается над троцкистско-бухаринской точкой зрения в этой дискуссии. Слова о «перетряхивании» и «буферность» позиции изменника и предателя Бухарина Маяковский высмеивает в реплике машиниста:

Буфера?!
 Попала не в глаз, а в бровь:
 прачка-то с буферами,
 а паровоз без колес, не то что без
 буферов.

В уста же Кузнеца, героя «Мистерии Буфф», Маяковский вкладывает ленинскую оценку дискуссии о профсоюзах:

Тонем в разговорах,
 Но виден брод...
 ... Чего растекаться словесной рекой?
 Наляжем лопатой!
 Взмахнем киркой!

В то время, когда страна переходила к новой экономической политике и многие так называемые пролетарские поэты запели упадочные стихи, — на что указывал В. И. Ленин в одном из своих выступлений, — Маяковский буквально в десятках стихотворений и плакатов разъяснял массам с большевистских позиций смысл и значение новой экономической политики.

В стихотворении «Особое мнение» Маяковский выступает против троцкистов, тщетно пытавшихся свернуть партию с пути индустриализации:

Смотрите,
 в ударных бригадах
 союзу,

В. В. Маяковский

держат темп
и не ленятся,
но индивидуум в ответ:
«А я
остаюсь
при моем
особом мнении».

Мы выполним
пятилетку,
миртены воспламеня,
не в пять годов,
а в меньше,
но индивидуум не верит:
«А у меня
имеется, мол,
особое мнение».

Маяковский подчеркивает, что с «особым мнением» — люди, не имеющие никаких корней в трудовых массах, одиночки, которые, естественно, должны искать себе поддержку за пределами Советского Союза. Ибо

И у нас,
и у массы
и мысль одна,
и одна генеральная
линия.

Эта генеральная линия, линия большевистской ленинско-сталинской партии, является той линией, за которую Маяковский отдавал свой бесценный дар поэта.

Бандитско-бухаринскую «теорию» вращения кулака в социализм Маяковский высмеял в пантомиме-феерии для цирка «Москва горит». Злопыхательство правых, надевавшихся на провал коллективизации, заклеил Маяковский в замечательном стихотворении «Любители затруднений».

Всем своим творчеством Маяковский утверждал социализм; он был поэтом одной темы — и этой темой был социализм. От самого маленького, двухстрочного стихотворения-лозунга, вроде «Разоблачайте сразу правые делишки и левую фразу» до монументальных «150.000.000», «Ленин» и «Хорошо» — Маяковский был поэтом социализма, поэтом социалистического народа.

Враги знали, что Маяковский — большой поэт в самом точном и подлинном смысле этого слова. И больше всего беспокоило их до бешенства то обстоятельство, что весь грозный арсенал поэтиче-

ского оружия Маяковского — от поэм, «прижавшихся жерлом к жерлу», до «застывшей в гике кавалерии острот» — стоит на защите ленинско-сталинской большевистской партии, на защите завоеваний социализма.

Поэтому бухарины, воронские, авербахи травили Маяковского. Они пускали в ход все средства — от цинического хамства, оглушающего улюлюкания до тонко замаскированных хитросплетений, чтобы сбить Маяковского с того революционного пути, на который он стал. Они третировали агитационно-пропагандистскую работу Маяковского, заявляя, что в этих произведениях «поэзия и не ночевала». Весь Маяковский, по лживому мнению предателя Воронского, — в таких вещах, как «Облако в штанах»; когда же он пишет такие произведения, как «Ленин», он якобы становится на поэтические ходули, ибо поэма эта является «рифмованной политграммой»... Маяковский приводит любопытный факт: «Когда я читал Воронскому свою поэму о Ленине, — рассказывал поэт, — то он подчеркнул, что мало мест, где сквозит мое «личное». «Вас, — говорил он, — мало. Вы не дали нам нового Ленина». Я ему ответил, что нам и старый Ленин достаточно ценен, чтобы не прибегать к гиперболам, чтобы на эту тему не фантазировать о каких-то новых вещах». Критические шавки из банды Авербаха называли октябрьскую поэму триумфального марша социалистических побед и высокого пафоса — поэмой «хорошо-с».

Враги пускались на всяческие уловки, чтобы травмировать Маяковского, вывести его из строя действующих гигантов нашей поэзии.

Травля Маяковского продолжалась и после того, как он вступил в РАПП. На конференции МАПП он говорил, что внутри РАППа он будет драться по творческим вопросам.

Но драться ему не дали. Он был зажат троцкистскими шпионами в литературе до крайних пределов. Отсюда, от смрадного политиканства врагов, он бежал к читателю.

Звучание своих произведений, силу воздействия их Маяковский всегда про-

верял на восприятии массы. Он шел к читателю со своими сомнениями; он требовал от него совета и конкретных указаний. Здесь, в живом общении с трудовой читательской массой, Маяковский находил убежище, забывался от диверсантских наскоков авербаховцев-троцкистов. После обсуждения пьесы «Баня» в клубе «Пролетарий», на котором рабочие сделали автору ряд удивительно точных и верных замечаний, Маяковский говорил: «Меня страшно растрогало со-

брание потому, что оно очень внимательно и хорошо подошло к моей вещи... Мне остается только сказать, что я ободрен вашим к себе вниманием. Я вижу, что я дохожу, действительно, до самого рядового слушателя и читателя».

Какой человеческой теплотой, чувством глубокого удовлетворения веет от этих слов поэта! Да как и не дойти словам Маяковского до нашего читателя, если они выражают заветные думы, глубочайшие чувства и волю народа.

Великий поэт революции

Г. БРОВМАН

★

В истории русской поэзии едва ли можно найти еще одно имя, которое вызвало бы в момент своего появления так много брани со стороны врагов и столь восторженное признание со стороны друзей. Двадцать пять лет назад бросил Владимир Маяковский свой знаменитый вызов поэтам-современникам — эстетствующим эпигонам, охранителям идейной реакции и косности в искусстве:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?
(«А вы могли бы?»)

Это были первые звуки нового поэтического голоса. Он возвысился сразу же над «чириканьем» Игорей Северяниных, он поднялся над всем буржуазно-мещанским «искусством», над всеми «певцами» шовинизма и империалистических вождельней.

И с полным правом мог сказать о себе поэт в прологе к «Войне и миру»:

Сегодня ликую!
Не разбрызгав
душу,
сумел,
сумел донести.
Единственный человекий,
среди воя,
среди визга,
голос
под емлю днесь

Большая душа истинного человека будущего, могучий голос революции — вот что звучало уже в первых поэтических созданиях Маяковского. Этими звуками одарил поэта народ, из недр которого он вышел; идею, силу и страсть дало ему революционное большевистское движение, к которому он был близок еще до семнадцатого года и с которым он безраздельно слился после Октября.

Весь путь дореволюционного Маяковского — путь неутомимого борца за дело революции. Все его произведения — от маленького стихотворения «Несколько слов обо мне самом» (1913) и до большой поэмы «Война и мир» (1916) — проникнуты пафосом революционного действия.

Маяковский ненавидит капиталистическое общество со всеми его отвратительными проявлениями, он презирает собственность и эксплуатацию, он не выносит сытых и благодушных хищников-буржуа, он возмущен продажной моралью торговцев, он негодует на их ханжество и лицемерие, он борется против их рыночного подхода к чувствам, к любви... Маяковский мечтает о великой силе, способной сокрушить этот старый мир и принести человечеству радость и свободу, он мечтает о революции, и он видит уже ее могучие очертания:

... вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

(«Облако в штанах», 1915 г.)

Понятно поэтому, с каким восторгом встретил Владимир Маяковский Великую Социалистическую революцию. Одним из первых среди работников искусства призвал он к солидарности с советской властью. На собрании Союза деятелей искусств 17 ноября 1917 года Маяковский заявил: «Нужно приветствовать новую власть и войти с ней в контакт». И поэт не только «вошел в контакт» с властью рабочих и крестьян, но отдал ей все свои силы, весь свой огромный поэтический талант.

С песней Маяковского:

Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй, —

шли красногвардейцы на штурм Зимнего дворца, со стихами Маяковского шли красноармейцы на борьбу с белобандитами, с его стихами выступали рабочие и крестьяне против капиталистического охвоста, притаившегося в уголках страны побеждающего социализма. И потому страницы свои Маяковский мог смело назвать «войсками» и проходить по «строчечному фронту»...

В 1927 году в статье, написанной к десятилею Октября — «Только не воспоминания», Маяковский рассказал о своей работе в первые годы социалистической революции, в частности, о знаменитых «Окнах Роста».

«Окна Роста», — писал поэт, — фантастическая вещь. Это обслуживание горстью художников вручную стопятидесятиmillionного народа. Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек»...

Всего Маяковским, по его подсчетам, сделано было «тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей. Эти талантли-

вые строки-подписи поэта составляют боевое оружие в арсенале социалистической поэзии. Маяковский — новатор, смелый и сильный художник, «революцией мобилизованный и призванный», полностью сказался в этих стихах из «Окон Роста». Что бы ни говорили литературные снобы, тысячи подписей Маяковского — великое поэтическое служение социализму, изумительная страница в развитии мировой революционной поэзии. И народ достойно оценил героическую работу своего поэта, работу, которую можно смело сравнить с самыми великими культурными делами социалистической революции. Именно эти стихи стояли, — как писал Маяковский во вступлении к поэме «Во весь голос»:

готовые и к смерти
и к бессмертной славе;

ибо своим поэтическим трудом в «Окнах Роста», — еще мало изученным и почти не освещенным, — Маяковский действительно ковал «железки строк», это «старое, но грозное оружие».

По существу, все поэтическое наследство Маяковского представляет собой сложное сочетание всех родов поэтического оружия. Наряду с работой в «Роста» Маяковский в первые же годы революции становится одним из выдающихся мастеров агитационной поэзии вообще. Невозможно назвать ни одной стороны многогранной деятельности революционного народа, которая не была бы освещена поэтом. Он воспекает высокие идеалы социализма, дает образы организаторов и вдохновителей строительства нового общества, пишет о рядовых героях революционной борьбы. Он гневно бичует врагов, зовет к искоренению недостатков новой жизни, клеймит смехом тех людей, которые пытаются остановить великий процесс создания социализма. Против мещанства, бескультурья, антисемитизма, бюрократов — направлял свое оружие Маяковский.

Партия высоко ценила эту деятельность поэта. Шестого марта 1922 года, в докладе на заседании коммунистиче-

Партия и народ стерли с лица земли всю эту шпионскую нечисть. Партия и народ воздали и воздают должное своему поэту.

Маяковский «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» — так сказал товарищ Сталин. И его устами это сказал о своем любимом поэте весь народ.

Маяковский принес в советскую поэзию все то лучшее, чем богато было русское поэтическое творчество, он обогатил сокровищницу искусства новыми, блестящими поэтическими открытиями,

он явился родоначальником социалистической поэзии.

Традиции поэтической работы Маяковского — это традиции великой русской революционной поэзии, это традиции поэзии социализма. На этих путях будет лежать будущее нашего поэтического искусства, создатели которого должны так же, как Маяковский, получить историческое право на слова:

пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

О двух поэтах

А. ЛЕЙТЕС

★

1. ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Многие поэты для литературной критики все еще остаются «человеками-невидимками». Эти поэты появляются на страницах нашей периодической печати, газет и толстых журналов. Их песни распеваются в народе. Стихи их выходят отдельными изданиями. Между тем критика с настойчивостью, достойной лучшего применения, предпочитает «не замечать» авторов этих песен и стихов. В лучшем случае она ограничивается полупрезрительными репликами или холодными рецензиями. Это суживает горизонты нашей поэтической критики, это роняет ее авторитет.

Можно ли уважать критика, который в октябрьском номере журнала «Знамя» за 1936 г. писал о песнях Лебедева-Кумача и Суркова («Песня о родине» и «Конармейская»), что «они туго поддаются заучиванию»? А ведь такой курьез очень показателен. Что сказать о критике, который в своей статье («Красная новь», 1936 г., № 11) объединил нескольких писателей высокомерной кличкой «полу-поэты»? Сказать можно одно: термин этот характеризует не тех, о ком писалось в статье, а — самого критика, с барской пренебрежительностью третирующего поэтов, которые в корифей не попали, а в молодых уже не числятся.

Не так уж трудно «обслужить» похвальной рецензией признанного кори-

фея советской поэзии или «добить» отрицательным отзывом какого-нибудь экс-корифея. Гораздо важнее изучить тенденции развития всей советской поэзии, интересуясь не репутациями, а живыми писательскими судьбами, анализируя не фикции, созданные некоторыми критиками, а конкретные факты сегодняшней поэтической действительности. Последних накопилось предостаточно.

Эти факты нуждаются в комментариях. Мы не раз бывали свидетелями быстро расцвета и столь же стремительного крушения поэтических репутаций. Еще не так давно некоторые критики, культивируя вкусовые, импрессионистские рецензии, создавали вредный ажиотаж вокруг имен отдельных поэтов. Они наделяли их кучей похвальных эпитетов, сулили им неуклонное процветание в дальнейшем. Они анализировали их творчество изолированно от общего хода советской поэзии. Это приводило некоторых поэтов в состояние праздничной восторженности, пьянило и дезориентировало их. Часто литературная удача таких стихотворцев словно повисала в воздухе. На поверку она оказывалась всего-навсего удачей отдельных стихотворений, а то и строф. Дезориентированный поэт шатался вкривь и вкось, неудачно выбранный им путь сводил на-нет его старые — беспспорные, но частичные — успехи.

Тогда тот же поэт становится жертвой критиков-ворчунов, злопыхательски

выдерживающих цитаты, злорадно, с еле прикрытой восторженностью констатирующих провал стихотворца. Его начинают называть «не-поэтом», «полу-поэтом» «четверть-поэтом». Неприглядна судьба писателя, которого критик «то к небу вознесет высоко, то в бездну бросит без стыда!». Сознание художника травматизируется. Он шарается из стороны в сторону. Это не только подрывает доверие к отдельным рецензентам, но — что гораздо хуже — мешает развитию советской поэзии. В последнее время было сказано много обидного об отдельных неудачах поэтов. Оценки эти в большинстве своем правильны и заслуженны. Но нет ничего более неправильного самого принципа — ориентироваться в своем анализе только на слабое и отсталое в творчестве того или иного поэта.

Это вовсе не значит, что художники нуждаются в осторожной, приседающей, уклончивой, «перестраховочной» критике, преисполненной оговорок и недосказанностей. Разумеется, нет. Нашей литературной критике так же, как и всем другим участкам советской общественной жизни, прежде всего нужна ясность и определенность. Критик должен знать, «что такое хорошо, что такое плохо». Но только тогда — в устах его — оценка хорошего и плохого даст благие результаты, когда она будет основываться не на поспешных умозаключениях, не на случайных вкусовых симпатиях, а на конкретном всестороннем анализе пути поэта и выдвинувшей его среды. Будем же стараться изучать каждый литературный факт «во всех его связях и опосредствованиях»...

2. ЛИРИКА БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

В 1937 г. в издательстве «Советский писатель» вышла лирическая поэма Степана Щипачева «Бермамыт». В этом же году наши толстые журналы («Новый мир», «Октябрь», «Красная новь») опубликовали несколько новых стихов и поэм Щипачева. Каждый, знакомый с прежним творчеством этого поэта, воспринимает его новые произведения, как радостную неожиданность. Неожидан-

ность, — ибо последние стихи Щипачева по своему качественному уровню высоко поднимаются над его прошлыми (скажем прямо) заурядными, серенькими стихами. Радостную, — потому что удача Щипачева не является чем-то случайным. Напротив, она закономерно отражает под'ем советской поэзии в последние годы.

Двумя основными чертами характеризуется этот под'ем. Во-первых: огромным расцветом песенного творчества. «Путем песни» — так назвал свой последний сборник один из советских поэтов. Название это и симптоматично, и показательно. На путях лирической народной песни, короткой и эмоциональной, ищут поэты слова и ритмы, способные вызывать отклик в сердцах миллионов. Разумеется, далеко не каждая работа лирика на поприще песни завершается удачно. Как ни велик спрос на песни в народе, он с каждым годом подвергает их все более и более строгому отбору. В этом отборе есть своя закономерность.

Замечательный поэтический документ, сборник «Творчество народов СССР», недавно изданный «Правдой», лучше всяких теоретических разглагольствований поможет нам обнаружить эту закономерность. Ряд песен поэтов-профессионалов («Песня о родине», «Полушко», «Конармейская», «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Партизан Железняк» и др.) фигурирует в книге как безымянные песни народа. Они «давно стали народными, народ давно считает эти песни своими, он их варьирует, дополняет, изменяет» — справедливо указывает редакционное предисловие к сборнику. Стихи лучших советских художников-профессионалов неуклонно приближаются к подлинно народной поэзии.

Как приближаются? Ответить на этот вопрос — это и значит уяснить себе основные тенденции развития советской поэзии. Поэты-профессионалы становятся народными отнюдь не потому, что они стилизуют свои стихи под народную песню, стусеивают или суживают свою индивидуальность. На-

против. Нет ничего более чуждого народу — в особенности народу советскому — такого стилизаторского пути. Чем больше поэзия выражает настроения расцветшей индивидуальности, чем разнообразней ее темы, сюжеты, ритмы, — тем она ближе народу.

Бессмысленно и нелепо сводить спор о народности советской поэзии только к проблеме формы. Большой читатель предпочитает и ямбы, и хорей, и пиррихий, и анакрузы, и большие сюжетные поэмы, и короткие песни, он даже готов предпочесть сонеты и триолеты, короче говоря, любую стихотворную форму — при одном условии: она должна выражать ясно и определенно те конкретные, глубокие и сложные лирические переживания, которые бытуют в народе. Но тот же большой читатель отвергает любой стихотворный жанр, если он возникает как плод стилизаторских ухищрений, мелкой возни доморощенных Гамлетиков, если он далек от живого лирического опыта, накопленного сотнями тысяч рядовых участников социалистического строительства.

Прислушайся же ко всему
Голосу моему,
Не к вылущенной цитате!
К опыту моей седины
Пыл свой присоедини,
Друг мой, большой читатель! —

восклисал несколько лет тому назад Н. Асеев. Еще недавно некоторые поэты довольно упрощенно представляли себе свое взаимоотношение с «большим читателем»: они ему, дескать, предлагают свой опыт, а взамен ждут только пылкого эмоционального отклика. Между тем массовый читатель накопил опыт, нередко более внушительный, во всяком случае более широкий и емкий, чем опыт самих поэтов. В свете этого опыта возросла читательская непримиримость ко всему поверхностному, наносному, случайному, фальшивому и неконкретному в нашей поэзии. Современная лирика должна выражать настроения цельных большевистских характеров, а не случайные эмоциональные выкрики и декларации. Только такой она импонирует народу.

Лучшие советские поэты давно это осознали. Для них поиски «большого читателя» неотделимы от поисков больших (большевистских) характеров. Нельзя отрицать, что эти искания некоторых поэтов сопровождаются известными — притом немалыми — трудностями. За лириком тянулся хвост индивидуалистских пережитков, архаичных романтических представлений. Лучшие советские поэты энергично «обрубали» эти хвосты, настойчиво боролись с архаической романтикой во имя нового, подлинно народного лиризма. Не отвлеченными декларациями и клятвами, не стопорожными обращениями к народному читателю определялась эта борьба. Последовательное органическое чувствование в настроения героев социалистического эпоса делало эту борьбу успешной. Гениальный поэт революции Владимир Маяковский, через год после «Про это», создает «Владимира Ильича Ленина». Кому не ясно сейчас, что эта величавая эпическая поэма, признанная подлинно народным лиризмом, стала — прежде всего — знаменательной и показательной вехой в развитии советской лирики? Лирика отныне ищет скрещивания с социалистическим эпосом. Именно это «скрещивание» определяет ее основные успехи.

Вот почему нынешний подъем советской поэзии характеризуется не только расцветом песенного жанра, но и другой чертой: тягой к своеобразным лирико-эпическим поэмам. Возникают такие разнородные произведения, как «Киров» Адалис, «Челюскининеца» Сельвинского, «Бессмертие» Бажана, «Страна Муравия» Твардовского, «Командир танка» Панова, «Беломорская поэма» Казина, «Бермамыт» Щипачева.

Лирики ищут встречи с большевистскими характерами. Все ли к ней надлежало готовы? Тут нет сплошных удач. Только большой внутренний демократический пафос обеспечивает художественную плодотворность такой встречи...

★

Встреча с другом-большевиком, товарищем по годам гражданской войны,—

вать поэму «Бермамыт», — это так же трудно сделать, как трудно передать «своими словами» любое лирическое или патетическое стихотворение. «Бермамыт» местами вырастает в свободный, не отягощенный излишними интеллигентскими размышлениями гимн великой дружбе миллионов, а временами подымается до славословия могучему политическому и моральному единству людей Советской страны:

Бывает: входишь в двери
иль за угол свернешь,
и вдруг —
глазам не веришь,
стоишь —
себе не веришь,
что другу руку жмешь.

Где в кипарисах ветер
и где полярный наст —
езде, где солнце светит,
товарищи у нас.
От Сунгари, от Ладоги,
от Терека — идут,
стоят у длинных складов
на огневом посту,
готовятся к докладам,
со мной трамвая ждут.
В снегах, в воде, хоть выжи, под пулями стоят
товарищи по жизни —
хорошие друзья.

Есть строки, которые предпочитаешь цитировать, вместо того, чтобы их комментировать. Они наглядно иллюстрируют демократический пафос поэзии Щипачева. При этом надо добавить: трезвое, ясное чувство природы, свойственное Щипачеву, только усиливает этот пафос.

★

О чувстве природы в стихах Щипачева следует поговорить особо. Оно характерно не только для него, но и — во многих отношениях — для нынешнего этапа советской поэзии. В свое время пролеткультовские схоласты и рапповские упрощенцы много навредили и немало напутали в этом вопросе. Пейзаж считался если не запретной, то во всяком случае подозрительной темой в глазах некоторых ретивых литературных администраторов. Поэта, воспевающего природу, обвиняли в биологизме, в нейтральной тематике и прочих смертных

грехах. В результате — лирика пейзажа была как бы «на откуп» у кулацких стихотворцев. Многие советские поэты стыдливо обходили эту тему. Другие иронически обыгрывали ее в тоне недостойной, циничной бравады.

Приближение творчества советских лириков к фольклору мы нагляднее всего обнаруживаем, наблюдая новую здоровую и смелую лирическую трактовку пейзажа. Народное творчество никогда не позволяло себе циничного обращения с темой природы! Пейзаж всегда служил для народа источником высоких и чистых лирических переживаний.

Как равный равному, в глаза
глядят гора и человек, —

прекрасно сказано в «Бермамыте». В этой поэме человек и природа даны преимущественно в плане патетического единства. Для Щипачева (как и для ряда других советских поэтов) природа — не случайная привеска к тому или иному поэтическому сюжету, а вполне самостоятельная, закономерная лирическая тема. Уже это одно показывает значительный поэтический рост автора «Бермамыта». Это обнаруживается уже при сравнении «Бермамыта» с прежними стихами поэта, писавшимися в годы 1929—32. В ту пору поэтическая мысль Щипачева, как и многих его литературных сверстников, развивалась линейно, узко, однобоко. Поэт мыслил не столько образно, сколько публицистично. Даже в том случае, когда поэт прибегал к помощи пейзажа, он тут же, словно не доверяя ему, переводил его на язык публицистики. Достаточно прочесть одно стихотворение из сборника Щипачева «Наперекор границам» (1932 г.), чтобы наглядно убедиться в этом:

И кажется, мне лепечут в тиши
отяжелевшие каплями ветки:
Пора, пора, пора разрешить
проблему дождя в пятилетках.

Чтоб, пятилетки на штурм ведя,
на подступах мы не устали,
нет-нет и в окно пахнет от дождя
привкусом теплой стали.

Даже заглавие этого стихотворения звучит весьма показательно — «Проблема дождя». Поэт писал о дожде, словно это была для него не конкретная данность, а отвлеченная проблема, иллюстрации к публицистическому тезису. Поэт спешил от лозунга к пейзажу, а от пейзажа снова к лозунгу.

Иначе дан пейзаж в поэме «Бермамыт». Художник ощущает плотность, трехмерность окружающей его природы:

Высунь руку из окна купе,
и ладонь упрется в плотный ветер.

Пристально вглядывается поэт в пейзаж, неторопливо изображает его. Тот же дождь выступает, как конкретно осязаемое данное:

Я даже капли различаю,
они летят у самых глаз

Правда, иной раз пейзаж у Щипачева носит на себе следы непреодоленного космизма. «Пустая, мертвая дорога миров осколками пылит» — пишет он в «Курсантах». Эти «осколки миров» нередко врываются в стихи Щипачева, вредят им, разрывая их конкретную поэтическую ткань. Немало импрессионистического, стоящего на грани вычурности, есть и в поэме «Бермамыт». Например: «Коням радуга в небе кажется слаще лугов». Но, несмотря на импрессионизм отдельных образов, Щипачеву чуждо кокетство с пейзажем. Он его неизменно ощущает во взаимодействии с человеком. Вот пример — Еланин прощается со своей подругой. И у Щипачева возникают задушевные, запоминающиеся лирические строки:

Кажись, давно ль сидели,
обнявшись в первый раз...
Потом сады седали;
потом в слезах блестели
глаза у самых глаз.

Щипачеву знаком и иной «рисунок» ночи: напряженный, целеустремленный. Идет борьба с кулачеством —

Забыть ли,
как, в седле качаясь,
шли кулакам наперерез,

и ночь в ущельях Карачая
молчала, как в стволе свинец?

(«Бермамыт».)

Воспевая могущество природы, ее стихийную силу, поэт неизменно подчеркивает мощь человека, ею овладевающего. В результате Щипачев создает удивительно сжатую, великолепную горскую песню «Бурка»:

Ливень нахлынет
льда синей,
град застучит по кручам,
но бурка тепла:
шерстинок в ней
больше, чем капель в туче.
Вьюга в ущельях
с пути собьет,
лютого зверя злее,
но бурка тепла.
А орден
ее
сделал еще теплее.

Эти превосходные строки звучат едва ли не классически. Здесь ничего не прибавишь и не убавишь. Они показывают тот уровень мастерства, к которому подымается поэзия Щипачева.

★

Мы уже упоминали о том, что слово «тепло» часто встречается в стихах Щипачева. Добавим к этому еще одно слово, к которому поэт неоднократно и охотно прибегает. Это слово — «ясность». Поэт ищет ясности и определенности не только в своих непосредственно политических стихах, но и там, где он воспевает окружающую природу. «За ясность ледяную твоих вершин, Кавказ!» — этим тостом заканчивается одно из стихотворений Щипачева. Природа дает возможность поэту ощутить свою связь с миром, яснее выразить свое жизнелюбие:

Прошел в работе вечер
и ночь — за поздний час.
И голубая вечность
миров течет сквозь нас.
Холодным ясным светом
вся залита земля.
По травам ходит лето,
дорогами пыля.
И душен сон пшеничный.

И, на ветру остыв,
румяные от вишни,
идут в рассвет сады.

«Бегство в природу» — состояние, знакомое большинству архаических романтиков, — чуждо Щипачеву. Мобилизационных, а отнюдь не демобилизационных ощущений ищет Щипачев в окружающей его природе. «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук хватает на-лету и закрепляет вдруг и темный бред души, и трав неясный запах» — писал когда-то один из лучших лирических пейзажистов XIX века — А. Фет. Этот «темный бред души», этот «трав неясный запах» меньше всего привлекает к себе Щипачева. Не такой встает природа в поэме «Бермамыт» и в других его лирических произведениях. Поэту свойственно не только радостное, но и волевое, целеустремленное отношение к окружающему его пейзажу. Он мобилизует его гражданские, советские, патриотические чувства:

Я рад зайчонку, крошечной букашке,
цветам веселым — что они живут.
Вчера соседский мальчик-птицелов
принес мне жаворонка.
Вот он в небе тонет,
я отпустил его, и на ладонях
осталось птичье нежное тепло

Когда это жизнелюбивое стихотворение Щипачева о зайчонке и букашке, цветах и жаворонке заканчивается строфой:

Вот потому (тут не в зайчонке дело,
травинка тихая, к ногам ложись)
я ставлю штык, вочающийся в тело,
которое нам заслоняет жизнь, —

то эта строфа ощущается, как нечто естественное, вытекающее из общей системы его образов. Любовь Щипачева к жизни и к человеку переключается в здоровую ненависть к тем, кто является врагами жизни и народа. В этом смысле у Щипачева нет «нейтральной» трактовки пейзажа. Пользуясь выражением Багрицкого, скажем, что в нынешних стихах Щипачева — как и раньше — «слово вьется вокруг штыка», вокруг советского штыка, защищающего народное счастье и великую будущность человечества.

Степан Щипачев когда-то считался оборонным поэтом. Его сборники стихов «Война войне», «Наперекор границам», «Одна шестая» были посвящены одной основной теме — теме вооруженной борьбы за коммунизм. Можно ли сказать, что Щипачев, написавший сейчас ряд стихов о советской дружбе, о природе, перестал быть оборонным поэтом? Ни в коем случае. Последние стихи Щипачева — в какой-то мере — иллюстрируют емкость оборонной советской лирики нынешнего периода.

У албанцев существует поэтическая легенда об одном бродячем народном музыканте, любимце страны. Для каждого он находил свою песню. Детворе он свистел в дудочку, влюбленных забавлял игрою на лютне, каменщику, дробящему скалы, он играл на флейте, пастушеские кочевья встречал он протяжными звуками трубы. Когда же иноплеменики вторглись в Албанию и грянул решительный час сражения, — музыкант забыл о своих инструментах. Он взял в руки барабан, и — чудо! — в мерной, казалось бы, однообразной дроби барабана каждый услышал знакомый ему мотив. Сюда влетались и напевы флейты, и игра лютни, и повист дудочки, и трубные звуки. Тогда все, как один, поднялись кочевники, каменщики, земледельцы и пошли вслед за барабанщиком защищать мирный труд, досуг влюбленных, радости детских забав, свои домашние очаги, все то, о чем напевал им когда-то певец...

Когда мы думаем об оборонной лирике наших дней, нам вспоминается эта албанская легенда. Оборонная лирика социалистической страны не может не включать в себя всю конкретную многогранную действительность нашей жизни. Великая Октябрьская революция — не однобокая революция. И политическая поэзия великого народа, совершившего Октябрьскую революцию, не может быть однобокой!

Только мобилизуя все чувства народа, — в том числе и чувство товарище-

ства, чувство природы, — она может выполнить свое ответственнейшее назначение: выразить оборонные, патриотические чувства граждан Союза Советских Социалистических Республик. «Нам есть что защищать, нас есть кому защищать, нам есть чем защищать» — эта формула должна быть раскрыта советскими оборонными поэтами возможно более полно, всесторонне, конкретно.

И часто хочется запеть
о том, как ты живешь,
но голос чувствуешь в себе,
да слов не подберешь, —

рассуждает герой поэмы «Бермамыт».

Ответственной трудоемкой задачей предстает оборонным поэтам. Еще много и много им надо работать, чтобы подобрать слова, насыщенные глубоким и конкретным лиризмом, слова, достойные выразить оборонную готовность советского народа, его политическое и моральное единство. Как часто мотивы наших боевых песен звучат несравненно сильнее, чем их слова! Мы не сомневаемся, что Щипачев не раз повторяет слова своего героя: «...голос чувствуешь в себе, да слов не подберешь». Немало в его стихах «слепых строк», вялых ритмических ходов. То здесь, то там ощущаешь явное несовершенство стихотворной техники, недостаточное богатство словаря. Об этом можно было бы говорить более подробно. Однако, оценивая литературный путь поэта, надо видеть главное, основное в этом пути. «Бермамыт» ценен, как начало нового этапа в творческом развитии Щипачева. От Бермамыта» возможен путь к дальнейшим, еще более значительным достижениям поэта. Если поэт не всегда правильно подбирает для своих песен слова, то он ищет их в правильном направлении: в конкретном многообразии окружающего нас мира —

Здесь все:
и камни, и трава,
и звонкая подкова
подскажут песни той слова.

(«Бермамыт».)

Оборонная лирика Советской страны — это, прежде всего, поэзия огром-

ного жизнелюбия, большого демократизма, ясности, определенности, конкретности. Это основное обстоятельство Щипачев чутьем художника слова начинает постигать. Вот отчего его лирика становится емкой, эмоциональной, а его литературные удачи — все более и более закономерными.

3. СТИХИ С. ГАЛКИНА

Когда Белинский прочитал одно из стихотворений Лермонтова, он написал: «Хвалить такие стихи можно только стихами и притом такими же».

Это — искреннее восклицание большого человека, который чувствует живое волнение, соприкасаясь с подлинным произведением искусства. Это — яростное стремление критика донести до читателя не сухой скелет художественного организма, а его горячую плоть и кровь. Белинский, разумеется, не писал стихами ни о Лермонтове, ни о Пушкине, ни о других поэтах. Но каждая строчка его публицистической прозы дышит такой любовью к поэтическому искусству и народу, что она — эта «проза» — до сего времени звучит более поэтично и впечатляюще, нежели иные стихи. Как живые, воскресают при чтении Белинского не только бессмертные его современники — Пушкин, Лермонтов, Кольцов, но и какой-нибудь безвестный стихотворец Петр Штавер или полузабытая поэтесса Юлия Жавдовская.

Теперь вообразим себе читателя, который захотел бы получить представление о наших поэтических новинках только на основе критических статей последнего года... Он найдет в этих статьях и оживленную полемику, и скучноватые «беспорности», и мелкие, почти корректурные замечания — все, кроме одной «малости»: пафоса непосредственного восприятия поэтических фактов.

Узнаёт ли, к примеру, читатель этих критических статей о существовании поэта Самуила Галкина? Нет, не узнаёт... Между тем, наткнувшись в третьем номере «Нового мира» за текущий год на два коротеньких стихотво-

рения, подписанных этим именем, читатель, несомненно, ощутит потребность обстоятельнее познакомиться с автором.

Когда вчитываешься в простые и мудрые строки стихотворения «Стекло», невольно думаешь о еврейском советском лирике Самуиле Галкине, как о разительном примере поэта, оставшегося в течение долгого времени «человеком-невидимкой» для нашей общесоюзной литературной критики. Если бы С. Галкин написал даже только эти двенадцать строк «Стекла» (в еврейском оригинале их всего десять), то и тогда поэт имел бы право на внимание.

Перу Самуила Галкина принадлежат не десять, а свыше десятка тысяч стихотворных строк; печатаясь, примерно, с 1920 года, он давно занимает своеобразное место в еврейской советской поэзии. Что же? Был ли он замечен — хотя бы в какой-то мере — теми нашими критиками, которые специально занимаются вопросами текущей советской поэзии? Отнюдь нет. Еще в 1936 году в Гослитиздате вышла на русском языке довольно об'емистая книга избранных стихов Самуила Галкина «Контакт». Ни одной рецензией, ни одной беглой строчкой не отозвалась критика на этот сборник. В своих декларативных статьях мы горячо, убежденно, красноречиво говорим о контакте (без кавычек) между братскими отрядами наших национальных литератур. На деле же, как видно из данного примера, мы, критики, недостаточно содействуем этому плодотворному сближению. Надо ли доказывать, что в истории нашей советской поэзии наступила пора, когда только на расширенной основе сравнительного изучения многочисленных литератур социалистической страны, только на базе детального и конкретного знакомства с лучшими их представителями можно делать серьезные выводы и большие обобщения?

Стихотворение «Стекло» С. Галкина декларативно по существу. Оно правильно выражает установку социалистического лирика, у которого сквозь любую, даже сугубо-личную, сугубо-интимную тему светится огромный, слож-

ный человеческий мир, а не двухмерная, плоскостная зеркальная гладь. Оно, не прибегая ни к одной риторической фразе, разоблачает тех виртуозов «непроницаемой» поэзии, тех поклонников грошовой формалистской мишуры, которые тщательной зашифровывают свои образы и — чтобы создать иллюзию особой глубины — мутят источники своего лирического вдохновения:

Но если у стекла люблю из сторон
Покроешь хоть слегка грошовым
серебром,
То исчезает с глаз все то, что в мир
влекло,
И зеркалом простым становится стекло.
Пусть зеркало чисто, пусть гладь его
ясна
И нет на нем нигде малейшего пятна,
Но, радуясь и злясь, ликуя иль скорбя,
Ты сможешь видеть в нем
лишь самого себя.

Декларативное по существу «Стекло», между тем, по форме ничем не напоминает декларацию. Оно впечатляет читателя своей необычайной конкретностью. Это — особого рода аллегория, в которой нет ничего зашифрованного, в которой все выражено чрезвычайно прозрачно и убедительно. Аллегория, сквозь которую, как сквозь ясное, ничем не замутненное стекло, видишь мысль автора...

Глубокая ясность — вот первое впечатление от этого стихотворения С. Галкина. Это впечатление не ослабевает, а усиливается, когда знакомишься с другим стихотворением, в котором поэт пробует себя на большой, ответственной, политической теме. «Стекло» написано еще в 1933 году, и только сейчас, сравнительно удачно переведенное А. Безыменским, дошло до русского читателя. Второе стихотворение возникло совсем недавно, как непосредственный отклик на процесс право-троцкистского «блока» предателей, шпионов, диверсантов и убийц.

Пигмей ползком взобрался на гору.

И он поверил сам, об'ятый жалкой
спесью,
Что вовсе не гора позволила ему
Подняться к облакам по склону своему,
А это он гора — с земли до
поднебесья.

Несмотря на все это, сборник «Контакт» дает нам возможность составить представление об основных чертах поэтического облика С. Галкина. Дарование этого лирика в течение ряда лет наиболее сильно выявлялось там, где он выступал как поэт конкретных фактов, зачастую малозначащих, мы бы даже сказали — микроскопических. Его стихи часто оказывались (да и сейчас оказываются) тем, что Гете называл «стихами на случай» (Gelegenheitsgedichte). То поэт рассказывает о своей поездке в троллейбусе, то посвящает стихотворение дребезжанию посуды в буфете, то воспекает пучок моркови в огороде. Эти «случаи» поэт, однако, неизменно стремится поднять на высоту философского обобщения. Несмотря на посредственные переводы, сквозь эти лирические стихи неизменно чувствуешь, что —

жизнь встает
в ином разрезе
и большое
понимаешь
через
ерунду

(В. Маяковский.)

У поэта есть стихотворение «Росинка» (название весьма характерное для С. Галкина) — в нем ведется диалог между поэтом и некоей венгерской поэтессой:

... С листа на лист иной
снесешь ли жемчуг росяной,
чтоб он не мерк, чтоб он не блек,
катясь на новый стебелек? —

озабоченно спрашивает у поэта собеседница. В ответ на это еврейский лирик отвечает:

... В моей стране
Бережь ум:ют наравне
И блеск расплавленной руды,
И свет чувствительной звезды.

Поэт очень чувствителен к каждой росинке, ибо он уверен, что —

Не тысячью тысяч страниц возвещают
победу героя.
Весы есть, что взвесят без гирь.
Не на меди колеблемых чаш;
И сквозь грани стиха виден мир
Огромный, сверкающий, наш!

«Нигде природа так не велика, как в малом» — говорил древнеримский естествоиспытатель Плиний. Это изречение С. Галкин мог бы поставить эпиграфом ко многим своим стихам. Он великолепно оттачивает грани своего стиха. Это дает ему возможность передать большое через малое. А «вниманию к мелочам» позволяет ему с предельной конкретностью обнаружить и воспеть «огромный, сверкающий наш мир». Правда, С. Галкин в прошлом легко и поэтому малоубедительно «перепрыгивал» от малого к большому. Довольно показательно в этом смысле стихотворение С. Галкина — «У позорного столба»

Автор работает в огороде:

На этой полгряде редискою займусь;
Люблю, зажав в кулак зеленую косицу,
Ее лгогонько дернув, удивиться,
В ладони ощутив румяный, сочный груз.

Ощувив усталость, поэт в изнеможении отложил в сторону заступ. Он слышит голос земли, попрекающей его:

И вот стоишь на грядке тут, счастливый,
Лиюющий, и ждешь... чего? Пучка
моркови?!
моркови?!

Стою и слушаю.
Назад я отступаю, изумленный,
В белках весеннее отсвечивает солнце,
Я плясую, плясую, мне нужна опора,
И в заступ свой, как в страшный столб
позора,

Спиной я упираюсь...
Передо мной
Сияющий, зеленый
Весь шар земной.

Стихотворение это относится к 1931 году. В нем поэт справедливо приговждает к «позорному столбу» тех, кто широковещательно разглагольствует на большие, космические темы и в то же время чувствует себя прикованным к своему маленькому камерному миру. Он пытается обличить тех лириков, которые любят пространственные риторические рассуждения и охотно поэтизируют звездные миры и тысячелетия, лишь бы укрыться в своем маленьком огороде от конкретных злободневных задач эпохи. Но старая «система образов», к которой прибегает С. Галкин в этом стихо-

творении, звучит не совсем убедительно и... риторично, так что обличительный его смысл как бы выветривается. Думаем, что самому поэту покажется сейчас несколько наивным это противопоставление «сияющего шара земного» — пучку моркови.

Не случайно в тот период стихи С. Галкина, посвященные политическим темам, звучали достаточно риторично. А надо ли доказывать, что там, где автор «Контакта» впадает в риторизм, в публицистичность, он теряет лучшие черты своего поэтического облика.

К счастью, таких стихов не так уж много у С. Галкина. Поэт старался писать, по его собственному выражению, «без огней бенгальских и без речи шумной». Может быть, подсознательно и на ощупь он ищет путей к политической лирике, столь же конкретной, столь же интимной, как его лирика пейзажа. Он не просто отказывается от своей камерности, — напротив, он преодолевает ее на новой основе.

Мы не знаем, когда именно написана поэтом «Новая летняя песня», включенная в сборник «Контакт», но это стихотворение производит впечатление решающего и благотворного перелома в творческом мироощущении поэта.

Из случайной пейзажной зарисовки возникает тема большого лирического напряжения.

В летний дождливый день поэт едет в троллейбусе:

В троллейбусе простор и благодать.
Зияло несколько свободных мест.
Кто их займет,
Но разгадать:
Дитя или немощный старик...
Окрест
Все взрыхлено дождем. И даль мутна.
Трамвай навстречу нам, битком набит,
Как бы набухший гроздьями, летит.
И мысль у каждого в глазах одна:
Как хорошо, что в проливень такой
Троллейбус защищен стеклянной броней
И так просторно в нем — летящий рай...
Какое хочешь, место выбирай!

Вы читываетесь дальше в это стихотворение — и у вас возникает ощущение не только дождливого июньско-

го дня и катящегося по асфальту просторного троллейбуса, но прежде всего ощущение живых людей, возвращенных нашей солнечной, социалистической эпохой:

Вдруг — настезь дверь,
Весь в мускулах, лютый,
И нараспашку грудь, влетает футболист,
И запах тела — свежий, молодой,
За ним берет небесно-голубой,
Коротенький жакет простой
И щеки — ярче роз, и взор лучист...
Кондукторше протягивает лист,
Намокший влагой дождевой:
«Собрание в парке. Непременно будь».
Троллейбус мчится в даль, и в дождь,
и в муть.

И все глаза — на голубой берет,
И каждый думает: вот голубой привет,
Который солнце нам передает
Во дни ветров, дождей и непогод!..
Троллейбус катится. Чернеет высь,
И каждого — как будто слово жжет:
«Со мной, голубизна, со мной садись!».

Мы сожалеем, что, за недостатком места, не можем процитировать более длинные отрывки из этого чрезвычайно динамичного стихотворения. Оно принадлежит к тем лирическим произведениям, которые бодрят, как горный воздух.

Именно потому, что строки Галкина поэтичны в лучшем смысле этого слова, навязчивого философствования, утомительного резонерства не встретишь в них. Есть нечто тютчевское в отдельных его стихах. У поэта философски насыщены конкретные факты, поэтические образы. А это главное и решающее!

Некоторые критики от времени до времени требуют «умной лирики». Но это «требование» формулируется настолько общо, что на практике не обнаруживает своей плодотворности. Так ли уж трудно тому или иному стихотворцу стать в позу философствующего и притвориться мыслителем, зарифмовав несколько сентенций и высокоумных изречений? Перекаладывать на рифмы правильные идеи, интересные сюжеты, глубокие мысли — это еще не значит писать умные стихи.

Путь С. Галкина несравненно более органичен: он мыслит лирически. Подобно тому, как в знаменитой статуе

французского скульптора Огюста Родэна «Мыслитель» вы ощущаете силу мысли, обозревая в с ю ф и г у р у (т. е. не только покаты́й лоб, не только морщины на лбу, но и пальцы на ногах, их напряжение), изваянную художником, вы чувствуете, что и в глубоком лирическом произведении мысль не может быть случайным придатком художественного

организма. Последние стихи С. Галкина—органичны. Каждая клетка пронизана в них оптимистической философией, стремлением к ясности, любовью к родине и ее лучшим людям.

Именно поэтому художник и на самом ответственном участке нашей поэзии — на участке политической лирики — идет дорогою удач.

Александр Николаевич Веселовский

(К столетию со дня рождения)

Л. ЯКОБСОН

★

Около двухсот лет тому назад гениальный русский поэт-ученый Ломоносов, стремясь освободить свой народ от духовного германского ига, обратился к будущим молодым поколениям с такими словами горячего патристического призыва — доказать всему миру,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!

И великий русский народ ответил ему появлением таких гениальных и высокоталантливых ученых, как Лобачевский, Сеченов, Менделеев, Тимирязев, Павлов и многие другие, труды которых уже давно получили международное значение во всех областях научного знания.

К числу таких ученых необходимо отнести, в области науки о литературе, знаменитого, хотя и мало известного в широких кругах до сих пор, историка литературы и теоретика акад. А. Н. Веселовского. Составляя красу и гордость русской науки, он является, по определению покойного венского слависта акад. Ягича, одним из самых замечательных ученых второй половины XIX в., не только на родине своей, но и в целой Европе.

Отмечая столетие со дня его рождения, следует вдуматься и понять, в чем смысл и значение той научно-литературной деятельности, которой он отдал 48 лет самой интенсивной работы, и

каково то место, которое его литературное наследие должно занять перед лицом нашей современности.

I. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Александр Николаевич Веселовский родился 17 февраля 1838 г. в высококультурной дворянской семье в Москве. До поступления во 2-ю гимназию (в IV кл.) мальчик воспитывался дома, при участии отца, под непосредственным руководством матери, придававшей исключительное значение в деле воспитания знанию иностранных языков. В гимназии же учение шло настолько ровно по всем предметам, что трудно было еще осознать свое призвание. Только поступив в Московский университет, 16-ти лет (в 1854 г.), и всецело погрузившись в кипучую студенческую работу, юноша впервые почувствовал потребность определить свое призвание и найти свое место в жизни.

Эпоха конца 50-х и начала 60-х гг., когда молодой Веселовский складывался как ученый, характеризуется, — по его же выражению, — как время «тревожных ожиданий» и «розовых надежд», которые, как известно, быстро переходили в широкое революционно-демократическое движение. Весьма показательным, что уже на склоне лет сам Веселовский, вспоминая прошлое, дал, вслед за Пыпиным, такую типическую характеристику этого периода: «И вот наступила весна, стаяли ледяные цен-

зурные покровы, все ожило. Явились новые журналы, интересные книги, читающая публика, молодые даровитые деятели; проснулось самосознание и новая умственная жизнь»¹.

Действительно, в 1855 г., когда Веселовский был на 2-м курсе, появилась знаменитая диссертация Чернышевского, построенная на идеях Фейербаха: «Об отношении искусства к действительности». Она вызвала большое оживление в литературной критике и послужила как бы сигналом к первым вылазкам «новых людей» против старолиберальной партии дворянской литературы 40—50-х гг. Быстро сделавшись идеологическим знаменем молодых разночинцев, диссертация Чернышевского не могла не влиять и на общественные настроения университетской молодежи. Далее, уже в совершенно другом плане, появляется в 1857 г. известная диссертация Пыпина, разумеется, лишенная общественного значения первой: «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». Ознаменовав собой целую эпоху в историографии русской литературы, она, несомненно, имела решающее влияние на будущего великого ученого, впервые вызвав у него глубокий интерес к этнологическим изучением в области народного творчества и древней литературы. Наконец, революционно-демократическое движение 60-х гг. особенно отразилось в той классовой литературной борьбе, которая развернулась в журнале «Современник». Борьба шла между вступившими в его редакцию Чернышевским и Добролюбовым — с одной стороны, и представителями литературной партии либералов, «бар-эстетов» (Фет, Майков, отчасти Тургенев и др.) — с другой.

Таковы были те новые настроения и общественные течения, которые, так или иначе, не могли не влиять на молодого Веселовского. Решающее же значение сыграли студенческие кружки. С удовольствием вспоминая о них в своей автобиографии, Веселовский пишет:

«Присоедините к этому чтения, которыми тогда увлекались в университетских кружках: читали кландestino Фейербаха, Герцена, впоследствии рвались за Боклем, за которого я и впоследствии долго ломал копыя»¹. Именно здесь, в этих студенческих увлечениях университетской молодежи — ключ к пониманию всего склада критически-трезвого ума и реалистического мирозерцания молодого ученого-шестидесятника.

Первым профессором, лекции которого всецело захватили и увлекли его, был П. Н. Кудрявцев, сумевший на всю жизнь пристрастить его к итальянской литературе эпохи Возрождения. Это был «профессор - художник», чрезвычайно увлекательно и глубоко излагавший свой предмет. Наоборот, весьма характерно, что популярный тогда историк-идеалист Грановский несколько претил своим риторическим красноречием студенту-«нигилисту»: «Я никак не мог, — иронизирует он, — пристать к его поклонникам, и от его лекций мне отдавало фразой...» Увлекался студент также сравнительным языкознанием и особенно сравнительной мифологией. В этом первенствующую роль сыграл акад. Буславев. Под его руководством Веселовский всецело отдался работе по изучению русско-славянского материала. Но подлинным учеником и последователем Буславева он никогда себя не считал. Причина этого в приверженности последнего к мифологической школе: «Некоторые стороны дела, — говорит Веселовский, — постановка мифологических гипотез и «романтизм народности» никогда меня не удовлетворяли, и у меня немного найдется статей, в которых отразилась бы эта буславевская струя»².

Новые общественные интересы, связанные с вопросом о раскрепощении крестьянства, приковывали внимание и таких ученых, как Пыпин, к проблемам этнографического изучения народных начал в области языка, литературы и общей культуры. Но оканчива-

¹ Автобиография. См. А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. II, Дополнения, стр. 424.

² Там же, стр. 425.

¹ «А. Н. Пыпин». Некролог. Журнал МНП. 1905, январь, стр. 40.

ющему университет необычайно одаренному студенту было уже достаточно ясно, что для научного изучения народного творчества и древней литературы тогдашняя русская наука о литературе давала еще слишком мало опорных пунктов. Вот почему его мечтой было — немедленно же по окончании университета отправиться для подготовки к профессорской деятельности за границу.

Благодаря счастливой случайности, «кандидат» Веселовский, ставший преподавателем «теории словесности» в средней школе, вскоре же выехал за границу в качестве домашнего учителя в семье русского посла в Мадриде. А в 1862 г. он был командирован за границу на два года для подготовки к профессорскому званию, получив, таким образом, возможность всецело отдаться науке. С этого же времени начинаются его учёные странствия по Европе. Побывав в Берлине, Праге и других городах, он после окончания срока командировки устроился в Италии, где в течение ряда лет самым интенсивным образом работал над итальянскими рукописями во Флоренции и Болонье, собрав огромный материал для истории итальянского Возрождения. Убедившись, однако, что на такую работу может уйти вся жизнь, Веселовский сгруппировал этот материал вокруг одной вновь найденной рукописи; на этом построена была им магистерская диссертация, напечатанная на итальянском языке в 1868 г.: «Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentisti. Bologna».

Веселовский стал задумываться над тем, чтобы и вовсе остаться в Италии. Но профессора Ф. И. Буслаев и Леонтьев уговорили его немедленно вернуться в Россию, пообещав ему кафедру.

Защитив в Москве диссертацию, которая была переведена с итальянского под названием «Вилла Альберти», Веселовский занял должность доцента по кафедре всеобщей литературы, но не в Москве, а в Петербурге, где и протекла затем вся его многолетняя научно-литературная деятельность. Начиная с этого времени, он с головой ушел в свою науку, и в личной жизни его трудно отметить какие-нибудь крупные или

вообще неожиданные события. Вся она полностью как бы сливается в одно органическое целое с историей его научных исканий и капитальных трудов. Также и академическая карьера его протекает последовательно и планомерно. Так, в 1872 г., после защиты докторской диссертации, Веселовский избирается экстраординарным, а в 1879 г. — ordinary профессором; с 1876 г. он — член-корреспондент Академии наук; в 1880 г. он избирается экстраординарным, а в 1881 г. — ordinary академиком; наконец, в 1900 г. он — председатель отделения русского языка и словесности Академии наук, в какой должности и пребывает до самой смерти в 1906 г. Помимо преподавания в университете и на Высших женских курсах, он состоял еще членом многих ученых обществ, русских и зарубежных университетов и академий наук. Такова была научная жизнь этого колосса русской науки, неутомимого труженика, типичного «кабинетного» ученого, гениальные труды которого вследствие последнего обстоятельства отличаются исключительно гелертерским характером, сделавшим их по изложению мало доступными для широких кругов, а потому и мало популярными, несмотря на огромную ценность этого наследия даже для нашего времени.

II. ВЕСЕЛОВСКИЙ КАК ШЕСТИДЕСЯТНИК

К тому времени, когда Веселовский сформулировал свою научную программу в известной вступительной лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870 г.), он в достаточной мере уже сложился как историк литературы. Это был прежде всего ученый-шестидесятник, каким, в сущности, и остался на всю жизнь. Черты шестидесятника впервые особенно сказались в его «Дневниках», отрывки из коих печатались в виде «корреспонденций из-за границы», и особенно в его «кандидатских отчетах», которые ежегодно печатались в журнале МНП.

В «Дневниках» перед нами ярко выступает социально-политическая ситуа-

ция разных стран Европы, особенно Италии, переживавшей период борьбы за объединение и освобождение, — под углом зрения демократически настроенного молодого ученого, остроумно издевающегося в своих художественно-бытовых зарисовках над всякой метафизикой и романтикой, а тем более над церковной мистикой, которую ему, особенно в Италии, приходилось наблюдать. Кандидатские же отчеты его наглядно показывают, как складывалась и развивалась личность этого молодого, богато одаренного заправского ученого. С необычайной остротой, оригинальной свежестью и критическим чутьем он сумел поставить целый ряд серьезных проблем литературной науки, решение которых в дальнейшем определило основную тематику его изысканий.

Подобно тому, как Белинский начал литературную деятельность с того, что в «Литературных мечтаниях» выступил со своим парадоксальным, как казалось тогда, тезисом: «У нас литературы еще нет», — так и Веселовский начал свою научно-литературную работу с не менее парадоксального, казалось бы, тезиса: «Науки всеобщей литературной истории пока не существует, ее остается еще создать». Как шестидесятника-«нигилиста» молодого Веселовского совершенно не удовлетворяли тогдашние ходячие определения литературы и ее истории, а тем более те «методы» последней, которые до 60-х гг. всецело господствовали у нас. Действительно, до Веселовского история литературы представляла собой, по меткому его определению, не что иное, как «перечень литературных фактов, расположенных в хронологическом порядке и пересыпанных эстетическими оценками и картинками нравов...».

Причину такого поверхностного понимания задач данной науки он видит в том, что она ограничивается исключительно чисто эстетическим рассмотрением так называемых шедевров, т.-е. «изящных произведений, поэзии в широком смысле», полностью игнорируя общественно-бытовые явления. Протестуя против эстетического метода, молодой шестидесятник недоуменно спрашивал: «Почему именно отведена исто-

рии литературы область изящного и в каких пределах? Я не думаю, чтобы кто-нибудь в наше время останавливался преимущественно на эстетических вопросах, на развитии поэтических идей. Времена реторик и пиитик прошли невозвратно»¹. При этом наш молодой «разрушитель» эстетической критики, один из первых, выступает и против критиков-эклектиков. Последние умудрялись сочетать в одно целое такое определение литературы, которое давали представители эстетствующего идеализма, с тем, какое они, от случая к случаю, заимствовали у представителей противоположного лагеря — разночинцев. «Даже те господа, — говорит он, — которые из истории литературы желали бы сделать историю поэзии, приводят в защиту себя вовсе не поэтическое оправдание, взятое из другого лагеря: поэзия — цвет народной жизни, та нейтральная (!) среда, где бесконечно (!) и целно высказался характер народа, цели и его душевные стремления, его оригинальная личность»². По словам Веселовского, такое определение литературы со стороны «бар-эстетов» «уничтожает само себя», так как «прямо ведет от поэзии к жизни». Непоследовательность же таких эклектиков Веселовский видит в том, что в действительности они и шагу ступить не в состоянии по направлению от литературы — к жизни и наоборот. «В самом деле, — доказывает он свою мысль, — чтобы понять цвет этой жизни, т.-е. поэзию, надо, я думаю, выйти от изучения самой жизни, чтобы ощутить запах почвы, надо стоять на этой почве». Иначе говоря, чтобы изучать литературу, надо знать ту жизнь, которая породила эту литературу и так или иначе в ней отразилась. «Историю провансальской поэзии, — продолжает он, — нельзя ограничить биографиями трубадуров да сирвентезами Бертрана де-Борн и нравоучительными песнями Джираута де-Борнейль. Биографии трубадуров поведут к рыцарству, к жизни замков и

¹ «Отчет кандидата А. Веселовского». Журнал МНП, 1863, СХVII, стр. 155.

² Там же, стр. 155.

судьбе женщин в средние века; на ярком фоне крестовых походов яснее выскажется значение любовной песни; а сирвентазы заставят говорить об альбигойцах и их непоэтической литературе»¹.

Отсюда ясно, что, как шестидесятилетний, Веселовский один из первых у нас стал отстаивать то положение, что литература отражает реальную действительность, и потому история ее никак не может ограничиться, как это делали критики-эстеты, одним только «имманентным» изучением поэтического творчества. Чтобы стать подлинной наукой, она должна включать в себя и анализ структуры общества, и такие социально-политические явления, как крестовые походы, и течения общественной мысли. Конечно, в дальнейшем такое слишком широкое, всеобъемлющее понимание истории литературы в трудах Веселовского значительно эволюционировало в сторону ее спецификации. Так, в 1870 г. он дает еще такое широкое определение истории литературы: «История литературы в широком смысле этого слова — это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и политическом и закреплена словом»². Но по мере того, как работа Веселовского дифференцировалась, перед ним возникает проблема все большей и большей спецификации этой дисциплины. А к началу 90-х гг., когда он окончательно приступил к построению своей поэтики, для него стало очевидным, что история литературы лишь тогда станет подлинной наукой, когда перестанет напоминать такую область, куда «заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей». Вот почему в 1893 г. он дает уже такое определение: «история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих ее формах»³. Но в конце 60-х гг., разумеется, было еще слишком рано говорить о такой спецификации.

¹ «Отчет кандидата А. Веселовского», журнал МНП, 1863, СХVII, стр. 155.

² Собрание соч., том I, изд. Академии наук, П 1913 г., стр. 17.

³ Там же, стр. 31.

Так как в данной области знания тогда, действительно, еще не было ничего твердо установленного, то Веселовский считает основной своей задачей осмотреться в массе имеющихся налицо литературных фактов, обозначить опорные пункты для более специальных исследований и, в первую очередь, разработать свою собственную научную программу. Этому всецело и посвящена была его вступительная лекция 1870 г. В ней доцент Веселовский сумел с такой глубиной и так удачно развернуть свои основные принципы, что без особых изменений они проходят фактически через всю его последующую научную деятельность, помогая нам раскрыть методологические принципы его капитальных трудов.

В этой программной лекции ярко отразились те основные течения, без рассмотрения которых нельзя понять и самое дело, которому служил великий литературовед. Таково, прежде всего, влияние сгущенной общественной атмосферы 60-х гг. На этой почве легко воспринимались основные течения западноевропейской научной мысли, связанные с позитивизмом О. Конта: доктрина Бокля и—специально в области художественных явлений—идеи Ипполита Тэна. При этом роль Бокля заключалась только в том, чтобы при помощи его механического «материализма» исправить и дополнить идеалистический историзм Ипполита Тэна как историка литературы, для которого история есть фактически только «дополнение к пейзажу».

Личность и среда, великий поэт и массы, сравнительный метод как наиболее положительный из всех предшествовавших ему (эстетический, философский, исторический), закон и закономерность в литературе и—как окончательный вывод—проблема литературных традиций и ее влияние на личный почин в поэтическом творчестве, — вот тот круг вопросов, которые впервые у нас были поставлены Веселовским, в связи с учением о детерминированности литературных явлений.

Отрицая чрезвычайно популярную до 60-х гг. «теорию героев» Карлей-

ля, Веселовский ищет объяснения явлений художественной литературы не в творческой личности великих поэтов, а в жизни широких народных масс. Великие же поэты для него являются только «отблесками того или другого движения, пригтовленного в массе, более или менее яркими, смотря по степени сознательности, с какою они отнеслись к нему, или по степени энергии, с какою помогли ему выразиться»¹. Поэтому вместо хронологического приурочивания периодизации истории литературы к творчеству отдельных великих поэтов, Веселовский предлагал еще в 60-х гг. «дать преимущество народному началу», не игнорируя «мелких фактов, скромных влияний и доживающей втихомолку жизни». Дело в том, что все «они сказываются в результате, который никогда не поймешь из одних крупных явлений и красной буквы написанных периодов»². «Тайных пружин исторического процесса» он ищет в народной жизни, в движении масс, «которые до тех пор стояли позади, лишенные голоса»...

Не трудно видеть, что такое понимание взаимоотношения поэта и массы во многом делает Веселовского близким и понятным для нашей современности. А между тем принципы эти, усвоенные в 60-х годах, бережно были им пронесены через всю свою долгую научно-литературную деятельность до самой смерти.

Далее, в поисках закономерности литературного развития Веселовский проводит аналогию между историей языка и историей литературы, так как поэзия есть, по его мнению, также особый язык поэтических форм. В истории языка одно и то же слово, «которое мы получили от рождения совсем готовым, не подлежащим отмене, под влиянием новой культурной эпохи меняет свое внутреннее содержание, обогащаясь новыми успехами знания, новыми понятиями человечности». В том же смысле, — полагает наш исследователь, — и в исто-

рии литературы сохраняется, как литературная традиция, «ряд неизменных формул, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу». Таковы, например, сюжеты, мотивы, образы, драматические интриги и т. п.

В каждую культурную эпоху все эти поэтические формулы обогащаются новым содержанием — «новыми успехами знания, новыми понятиями человечности» и т. д. «Доказательства, — говорит Веселовский, — приносит ежедневный опыт: нет повести или романа, в которых положения не напомнили бы нам подобные же, встреченные нами при другом случае, может быть, несколько переиначенные и с другими именами. Интриги, находящиеся в обращении у романтиков, сводятся к небольшому числу, которое легко свести к еще меньшему числу более общих типов: сцены любви и ненависти, борьбы и преследования встречаются нам однообразно в романе и новелле, в легенде и сказке, или, лучше сказать, однообразно провозжают нас от мифической сказки к новелле и легенде и доводят до современного романа»¹.

В этот первый период Веселовский еще придавал решающее значение устойчивости поэтических форм — «детритов», от чего в конце 80-х гг., под влиянием проф. Н. Кареева, он частично отказался. Но к 70-м гг. Веселовскому еще представлялось возможным и целесообразным, по аналогии с языкознанием, создать своего рода «сравнительно-историческую грамматику поэтических форм творчества». По его мысли, она должна была решать совершенно новую задачу — «проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие»². Такова была первоначальная смутная идея будущей поэтики Веселовского.

¹ Собр. соч., т. I, стр. 5.

² «Отчет кандидата Веселовского», журн. МНП, 1864, ч. СХХI, стр. 401.

¹ Собр. соч., том I, 1913, стр. 15.

² Там же, стр. 17.

III. ЛИТЕРАТУРОВЕД-ЭТНОЛОГ

Как историк литературы Веселовский сложился уже всецело к 70-м годам, т.-е. в ту пору, когда модная школа бр. Grimm («сравнительная мифология»), главным представителем которой был у нас акад. Буслаев, начинала претерпевать явный кризис. С одной стороны, дальнейшее развитие мифологических идей неизбежно превращалось в грубую вульгаризацию, особенно со стороны таких эпитонов, как Кун, Шварц, Вольф, Манигарт и др., у нас — проф. Афанасьев; с другой стороны, под влиянием распространявшегося позитивизма, большую популярность стала приобретать по всей Европе школа Бенфея, создавшая новое антимифологическое направление в фольклоре и истории литературы. Мифологическая школа, представители которой, по меткому выражению Веселовского, «долго витали в романтическом тумане арийских мифов и верований», отстаивала, как известно, так называемую «арийскую теорию». Согласно последней, первоисточник сюжетных сказочных схем и мотивов надо искать в мифологии доисторического времени, на основе племенного родства индоевропейских народов от их арийского «пранарода»¹. Наоборот, школа Бенфея, выдвинувшая теорию заимствований и международных литературных влияний, базировалась на культурно-историческом общении всех народов и племен.

Если юного Веселовского еще могли на лекциях Буслаева привлекать «веяния» бр. Grimm, «откровения» народной поэзии, то даже тогда главным для студента была «работа, творившаяся почти на глазах, орудовавшая мелочами, извлекавшая неожиданные откровения из разных Цветников, Пчел и т. п. старья». Но под влиянием чтения таких авторов, как Фейербах, Бокль, Герцен, а затем и под непосредственным воздействием «Философии искусства» И. Тэна, особенно его учения о среде и детерминированности литературных явлений, трезвый критический ум молодого

Веселовского очень быстро сумел хорошо подметить и достаточно резко оценить все отрицательные стороны этого течения как «романтизм народности». Примкнув в начале 70-х гг. к позитивной школе Бенфея, Веселовский «с удовольствием спускается к земле» и становится у нас лучшим представителем сравнительного метода. Однако необходимо тут же отметить, что, вопреки общераспространенному мнению, этот метод характеризует его главным образом, если не исключительно, в 70-х гг. и лишь частично в 80-х гг. Так, в 1872 г. появляется его докторская диссертация — «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моррльфе и Мерлине»¹. В этой книге Веселовский прослеживает исторические пути перехода влияния восточных представлений на европейское творчество. Автор стремится раскрыть основные условия и закономерность этого влияния. Исходя из общения между Востоком и Западом, Веселовский изучает различные сказки, легенды и эпические мотивы, которые сходны в поэтическом творчестве Востока и Запада, как результат исторического общения. Сложность дела, однако, заключается в том, что сходство между какой-нибудь восточной и западной повестью еще не доказывает, по мнению самого Веселовского, влияния или заимствования. И то, и другое может быть объяснено также, как «продукт равномерного психического развития, приводившего там и здесь к выражению в одних и тех же формах одного и того же содержания».

Эту капитальную работу акад. Буслаев признал самым лучшим опытом применения бенфеевской теории заимствований к русским источникам. На этом основании создалась традиция, в силу которой Веселовского иногда называли бенфеистом. В действительности, однако, даже в этой книге он отнюдь не является типичным бенфеистом, так как наряду с теорией заимствований допускает применение как мифологической гипотезы, в тех случаях, «когда

¹ Порочность такого рода построений блестяще была доказана акад. Марром.

¹ Собр. соч., изд. Академии наук, т. VIII, 1921 г.

уже кончены все счета с историей», так и, тем более, теории так называемых встречных течений в литературе на основе единства законов цивилизации и человеческой психики. Проверая и дополняя Бенфея собственными историко-литературными исследованиями из неизвестной последнему греко-славяно-русской письменности, Веселовский всегда стремился идти своим, самостоятельным путем. Излюбленные же приемы «сравнения» и «сличения» текстов составляли только методикой в его работе по сравнительному литературоведению, а не общий метод, который характеризует его деятельность в целом. Последний складывался гораздо шире под непосредственным влиянием Тэна и Бокля, а начиная с конца 70-х гг. — сравнительной этнологии (Тэйлор, Баховен, Пост, особенно Морган и др.).

Последнее обстоятельство, т. е. огромное влияние сравнительной этнологии, легко объясняет тот факт, что главная тематика его исследований в средний период (70—80-е гг.) — это явления народной европейской литературы. Таковы «Опыты по истории христианской легенды» (переделанное цензурой название вместо — «Опыты по истории христианской мифологии»); «Разыскания в области русских духовных стихов»; «Южно-русские былины» и т. д., наконец, капитальный труд «Из истории романа и повести».

Исходя из традиционного представления о методе Веселовского, как сравнительно-историческом, некоторые (Б. М. Энгельгардт и др.) пытались доказать, что ограниченные познавательные особенности этого метода легко объясняют неудачи в завершении системы поэтики, так как якобы с неизбежностью придавали его исследованиям чисто эмпирический характер. При этом обычно ссылались именно на средний период (70—80-е гг.), который акад. Ягич в свое время называл «таинственно-запертым волшебным ларцом». Мало того, на основании работ данного периода Веселовского иногда обвиняли даже в «крохоборчестве». На самом же деле этот «загадочный» период не только не отличается типичным эмпиризмом или «кро-

хоборчеством», но, может быть, наоборот, именно здесь — ключ к пониманию истинного смысла всей многолетней деятельности Веселовского в целом. Анализируя элементы поэзии как явления международной литературы, он ищет народности в структуре произведений и выступает как литературовед-этнолог, подбирающий материал для грандиозного обобщения, в виде историко-этнологической поэтики. А такие монументальные монографии, как «Боккаччо» и «Жуковский», хотя сами по себе и имеют огромное значение для истории литературы, но тем не менее не в них — «тайна» его научного гения.

Дело в том, что еще под влиянием диссертации Пыпина молодой Веселовский стал обнаруживать большой интерес к этнографическим изучением народной литературы. А в дальнейшем, сделавшись приверженцем бенфеевской теории литературных заимствований, он, тем не менее, ведет борьбу с мифологической школой именно при помощи историко-этнографического метода. Так, например, еще в 1873 г. в статье «Сравнительная мифология и ее метод» Веселовский ведет свою критику этого течения, исходя из этнологических принципов Тэйлора и его «замечательной» книги «Первобытная культура».

Впервые, в отличие от бенфеистов, он намечает этнологическую теорию встречных течений. Одинаковые бытовые условия, в связи с единством законов человеческой психики и цивилизации, порождают одинаковые поэтические мотивы в разных странах. «С тех пор, — говорит он, — как разработка народной литературы распространила круг изучения на всевозможные расы и национальности, чаще стали представляться такие случаи, что какая-нибудь эскимосская сказка показывает черты, сходные с африканской, или древний римский обычай сохраняется на островах Полинезии»¹. Далее, изучая в 1876—1881 гг. средневековые христианские легенды, Веселовский анализирует их опять-таки как средневековую «народную мифоло-

¹ «Сравнительная мифология и ее метод». «Вестник Европы», 1873 г., кн. 10, стр. 639.

гию», методом историко-этнографическим, как иногда сам автор его называл, и т. д.

Вот почему, если встать на ту точку зрения, что наиболее характерные особенности Веселовского заключаются именно в том обстоятельстве, что в его лице мы имеем, начиная с конца 70-х гг., литературоведа-этнолога, то «загадочные» для многих моменты его литературных исследований среднего периода теряют всякую загадочность и становятся вполне понятными. В частности, становится вполне ясным, что он придавал такое огромное и, можно сказать, исключительное значение этнологическому изучению литературы, исходя именно из народных начал.

Между тем как-раз к концу 70-х и началу 80-х гг., наряду со сравнительной историей права, впервые была обоснована, особенно на новых исторических открытиях Моргана, сравнительная этнология, получившая большое значение для всех общественных наук, в том числе, разумеется, и для истории литературы и искусства. Представители этого течения выдвинули требование решительного пересмотра «исторических теорий», основанных на изучении древних юридических памятников, и «архаизмов», представляющих собой только косвенное воспроизведение данных о явлениях древнего общества — без всяких личных, непосредственных наблюдений. Вместо всех этих книжных теорий создаются новые историко-этнологические учения о происхождении семьи, частной собственности, государства и т. д. Характерные особенности этих новых построений заключаются в том, что они базировались, главным образом, на эмпирической основе непосредственных изучений остатков первобытной культуры в современной жизни. Эти явления всего легче было наблюдать у современных диких племен, у наиболее угнетаемых и потому и наиболее отсталых народностей и, наконец, даже, в особых случаях, в древних религиозных обрядах, обычаях и суевериях, сохранившихся еще среди культурных народов. Никем непревзой-

денные образцы такого рода изысканий дал замечательный американский этнолог-материалист Морган в своей известной книге «Древнее общество» («Ancient Society» 1877), получившей столь высокую оценку Маркса и Энгельса.

Так, для непосредственного изучения особенностей древнего общества автор сам много лет проживал среди современных американских дикарей-ирокезов, будучи даже усыновлен одним из их племен. У нас его открытия о происхождении семьи получили новое подтверждение в наблюдениях долго проживавшего в ссылке на Сахалине Л. Штернберга (случай группового брака), на основе непосредственного изучения современной жизни гиляков (его открытие, в свою очередь, получило лестный отзыв Энгельса). Кроме Штернберга, к Моргану частично примкнул у нас и социолог-этнолог проф. М. М. Ковалевский, автор книг «Современный обычай и древний закон», «Закон и обычай на Кавказе» и «Очерк происхождения и развития семьи и собственности».

К 90-м гг. такие же этнологические исследования стали появляться и в области истории поэзии и искусства в целом (ср. Латурно, Эрнст Гроссе, Карл Фроос, Карл Бюхер и др.). Вот почему нет ничего удивительного в том, что, вслед за М. М. Ковалевским и не без его влияния, акад. Веселовский также в общем примкнул к этому движению. Особенно, как увидим далее, некоторые методологические принципы и исторические открытия Моргана были использованы в «Поэтике» Веселовского. Например, «Поэтика сюжетов» всецело спроектирована была на этих новых данных (ср. анимизм, тотемизм, гетеризм, матриархат, патриархат и пр.).

Если в первый период идея такого обобщения представлялась Веселовскому как своего рода «сравнительно-историческая грамматика поэтических форм творчества», то под влиянием конкретных историко-этнологических исследований 70-х гг. он приходит к новому пониманию принципов построения теории литературы, которая должна базироваться на основе истории литературы (подробнее см. ниже—в гл. IV).

Начиная с 1881 г., он читает в университете и на Высших женских курсах трехгодичный курс под названием «Теория поэтических родов в их историческом развитии». Здесь на массовых фактах мировой литературы, особенно народной, прослеживается история развития отдельных литературных жанров — эпоса, лирики, драмы, романа и новеллы. Наконец, как обобщение этого огромного конкретного материала, в 1886 г. появляется его двухтомный труд «Из истории романа и повести», где ставятся и впервые решаются у нас вопросы личного творчества, формы и содержания, закономерности литературного процесса и т. п. Но все эти вопросы теории литературы решаются на основании фактов истории: теория, по его мнению, «лучше сделает, если чаще будет прислушиваться к урокам истории. История поэтического рода — лучшая проверка его теории; она сделает невозможным слишком широкие, хотя бы и поэтические, обобщения».

«Как последовательные изменения быта, — говорит здесь Веселовский, — и рост общественного и личного сознания выражались в новых формах политического устройства, в выделении научного мирозерцания из мифического, философии из религии, истории из эпоса, — так выражались они и в поэзии, в чередовании ее форм, обусловленном изменениями ее идеального содержания»¹. Такова, по его учению, закономерная связь, существующая между историческими «изменениями быта и ростом общественного и личного сознания» — с одной стороны, и «поэзией, в чередовании ее форм, обусловленном изменениями ее идеального содержания» — с другой.

Таким образом, познавательную роль литературы Веселовский определяет как отражение действительности. «В этом смысле Шлоссер был прав, — пишет он, — говоря, что историю народа можно написать по его романам; я бы обобщил: по его поэтической литературе.

¹ А. Н. Веселовский. «Из истории романа и повести». «История или теория романа?». Сб. отделения русск. яз. и слов. Академии наук, т. 40, СПб, 1886, стр. 1.

Материал богатый и благодарный, если уметь воздержаться от излишнего недоверия — и от крайней доверчивости к бытовой подкладке поэтической идеализации»¹. Нельзя не напомнить при этом известные высказывания Энгельса о романах Бальзака и их познавательном значении для изучения истории народа»².

IV. «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА»

Начиная с 90-х гг., в деятельности Веселовского наступает третий и последний период, когда его необыкновенное дарование развернулось во всем своем блеске, создавая вокруг него исключительно благоприятную в научном отношении творческую атмосферу, влияющую даже и на смежные области знания, как, например, востоковедение и лингвистика. «С расцветом востоковедения в Петербургском тогда университете, — вспоминает об этих годах акад. Марр, сам испытавший на себе это влияние, — неслучайно совпало исключительно творчество по методологии деятельности известного историка литературы и теоретика с яркими социологическими моментами в изысканиях, профессора и академика А. Н. Веселовского, чутко учитывавшего вклады в предмет его исследования всех народов и племен»³.

Особенно сильное влияние имели тогда на Н. Я. Марра те доклады Веселовского в Историко-Филологическом обществе, которые впоследствии, в виде отдельных глав, вошли в его «Поэтику». Таково было то грандиозное обобщение всей предшествующей многолетней деятельности Веселовского, чему были посвящены главным образом последние 12 — 15 лет его жизни. «Поэтика Веселовского, — совершенно правильно говорит один из ближайших учеников и друзей его, проф. Шишмарев, — книга, с идеи которой Александр Николаевич

¹ А. Н. Веселовский. «Из истории романа и повести». «История или теория романа?». Сб. отделения русск. яз. и слов. Академии наук, т. 40, СПб, 1886, стр. 12.

² Письмо Энгельса к Маргарэт Гаржнес. «Литературное наследство», 1932 г., кн. 2-я, стр. 2.

³ Акад. Н. Я. Марр. «Яфетология в ЛГУ». «Известия ЛГУ», 1930 г., № 11, стр. 66.

начал свою научную работу, будучи еще преподавателем военной школы в Москве, и написанием которой он закончил свой долгий путь исследователя»¹.

Действительно, идея такого рода обобщения в виде «Поэтики будущего» красной нитью проходит через всю деятельность Веселовского, начиная с «Дневников» и «кандидатских отчетов», когда он мечтал об ней, как о «Земле обетованной», и кончая «Поэтикой сюжетов», над которой он работал в последние годы жизни. Продолжительность подготовительных работ Веселовского над этой книгой напоминает историю создания книги Моргана «Древнее общество». «Около 40 лет, — говорит о последнем Энгельс, — работал он над своим материалом, пока вполне овладел им. Но зато и книга его, — одно из немногих творений нашего времени, составляющих эпоху в науке»². Подобно этому и Веселовский также около 35 лет работал над своим материалом, прежде чем непосредственно перешел, начиная с 90-х гг., к построению своей «Поэтики», которая, хотя и осталась незаконченной, в свою очередь, также составляла эпоху в истории литературной науки. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, чтобы понять истинный смысл так называемых «эмпирических» исследований его в средний период. В противовес эмпиристам, в прямом смысле слова, у которых знание фактов не ведет ни к каким выводам, и в отличие от таких культурно-исторических построений, скорее умозрительного характера, которые давал даже Пыпин, — Веселовский, при всей скрупулезности изучения материала, домогался именно широких научных построений, но совершенно иного типа. Это были, в отличие, например, от исследований Пыпина и других, действительно новые созидания высшего порядка — искания закономерности литературных явлений. Если за-

слуга Моргана в том, что он «открыл и восстановил в главных чертах доисторическую основу нашей писанной истории» (Энгельс), то заслуга Веселовского в том, что он открыл и восстановил в главных чертах народные основы поэтического языка и художественной литературы.

Такова была его «Историческая поэтика», которая в силу ограниченности буржуазного литературоведения представлялась ему тогда лишь как «Поэтика будущего».

И, приступая в 90-х гг. к ее построению, он прямо говорил: «Несколько лет тому назад мои лекции в университете и на Высших женских курсах, посвященные эпосу и лирике, драме и роману в связи с развитием поэтического стиля, имели в виду собрать материал для методики истории литературы, для индуктивной поэтики, которая устранила бы ее умозрительные построения, для выяснения сущности поэзии — из ее истории»¹.

Образцами такого рода капитальных исследований, с широкими обобщениями, послужили для Веселовского следующие книги: «История цивилизации в Англии» Бокля, «Первобытная культура» Тэйлора, «Философия искусства» Ипполита Тэна и упоминавшееся «Древнее общество» Моргана. Наконец, книга Летурно «Литературное развитие разных племен и народов» и особенно «Поэтика» В. Шерера окончательно убедили Веселовского в полной возможности такого рода индуктивных построений и в литературе, о чем он сам мечтал на протяжении целых десятилетий. Но, в отличие от таких эволюционистов, как Спенсер и Брюнетьер («Эволюция жанров»), строивших свои обобщения «сверху», на основании готовых схем естествознания, Веселовский создал свою поэтику «снизу», строго индуктивно, на массовых фактах, главным образом доисторической поэзии и народной литературы.

Свою «книгу» Веселовский открывает главой «Введение в историческую поэтику». Здесь он ставит себе целью

¹ В. Ф. Шнишмарев, «Н. Я. Марр и А. Н. Веселовский». «Язык и мышление». Изд. Всесоюзной акад. наук, кн. 8, 1937 г., стр. 329.

² Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Партиздат, М. 1932 г., стр. 6.

¹ Собр. соч., т. I, стр. 31.

определить границы истории литературы, которую слишком часто смешивали с другими, смежными дисциплинами (история культуры, история общественных идей и т. д.), и выяснить специфику той научной дисциплины, которая ему представлялась как «Поэтика будущего». «История литературы, — говорит он, — напоминает географическую полосу, которую международное право освятило, как *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию»¹. По мнению Веселовского, хотя в конечном счете все должно сводиться к изучению современной литературы, тем не менее материалы и наглядные примеры необходимо брать из истории литературы, так как «историческая память минует мелочные факты, удерживая лишь веские, чреватые дальнейшим развитием»². Исходя из принципов сравнительной этнологии, он полагает, что «в таких случаях новое, подлежащее наблюдению, является мерлом старому, пережитому вне нашего опыта»³.

Для литературоведа-этнолога «прочные результаты исследования в области общественных, стало быть и историко-литературных, явлений получают таким именно путем». При этом автор исходит из того, что прогресс науки «зависит от проверки систем, построенных на фактах исторического прошлого, наблюдениями над жизнью современных суеверий и говоров. То же в истории литературы»⁴. Выступая против мифологических гипотез и так называемой «исторической школы», Веселовский считает необходимым применять новые принципы к решению вопросов происхождения языка и поэзии: «Мы конструировали, — иронически говорит он, — религиозное миросозерцание первобытного человека, не спросившись близкого

к нам опыта, объектом которого служит наше простонародие, служим мы сами; строили фонетические законы для языков, звуки которых никогда до нас не доносились, а рядом с нами бойко живут и развиваются диалекты, развиваются по тем же законам физиологии и психологии, как и у наших прародителей арийцев».

Намеченный в «Введении» целый ряд сложных вопросов литературоведения, так называемые *Les pourquoi?* — Почему? — получают свое разрешение в остальных главах. Так, в двух из них, «Из истории эпитета» и «Эпические повторения, как хронологический момент», он показывает на различных примерах из международной поэзии, как складываются в системе поэтического языка особого рода изобразительные средства, так называемые *loci communes* (общие места), которые меняются в зависимости от стиля настолько, что «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании».

Для раскрытия генезиса такого рода изобразительных средств поэтического языка и «поэтических формул» Веселовский дает изумительную по своей неистощимой эрудиции в области международного фольклора главу, равная которой едва ли найдется во всей нашей литературной науке. Это — глава «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля». Истоки поэтического творчества Веселовский ищет в древнем обществе. Так, под влиянием анимистического миросозерцания первобытный человек отождествлял себя с окружающей природой. Но процесс исторического развития от полного отождествления приводит к постепенному выделению человека из природы. Этому ходу развития соответствует и развитие поэтического стиля; человек выделяет себя из природы, устанавливая в поэзии параллелизм между собственной внутренней жизнью и аналогичными, как ему казалось, явлениями в жизни окружающей природы.

Например, в русской народной песне говорится так:

Рябина, рябинушка, что ты рано отдвела?
Дивчина, дивчинушка, что ты замутилась?

¹ Собр. соч., т. I, стр. 30.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 33.

Здесь мы имеем уже не тождество и еще не сравнение, а только простую постановку рядом двух фактов, двух мотивов, двух образов, при чем один из них вызывает другой. Такая поэтическая формула «положительного параллелизма» чаще всего встречается в народных песнях французских, славянских и менее у германских племен.

Вторая фаза в развитии поэтического стиля, когда человек стал себя противопоставлять природе, это — появление отрицательного параллелизма, особенно характерного для славянских народов:

Не рябинушка отцвела,
А девушка замутилась.

Наконец, третья фаза в развитии народного творчества характеризуется тем, что прежние формулы параллелизма за быты и им придается иной смысл: параллель приобретает новое значение, как поэтическое сравнение, как стилистический прием для наглядности, как изобразительное средство:

Дерево запечалилось так же,
Как запечалился молодец.

Отсюда берет свое начало, по Веселовскому, личный почин в поэзии, характеризующий уже появление элементов художественной литературы. Когда такого рода параллели, как сравнения, полюбятся, они входят в поэтический язык как определенные формулы стиля, расширяясь иногда в многочленный параллелизм или, наоборот, стягиваясь в два слова. Например, в латышских песнях жених и невеста сравниваются, как «топор и сосна», «коза и лист», «волк и овца», «ястреб и куропатка» и т. п. По учению Веселовского, из такого двучленного или многочленного параллелизма возникают все специфические особенности поэтического языка: метафоры, эпитеты, образы-символы и т. п. Например: «Равнина разостлалась уютно»; «молодая радуга перескочила через поляну»; «тощ и хребет крадетца, словно ходячий скелет, а холм поднимается, растет, точно полный желания, навстречу весеннему небу» и т. п.

Все эти явления природы, согласно мнению Веселовского, переживаются нами до последнего времени, как элементы человечности. «В таком искании созвучий, — говорит он, — искании человека в природе, есть нечто страстное, патетическое, что характеризует поэта, характеризовало, при разных формах выражения, и целые полосы общественного и поэтического развития»¹.

Вот образец того, какими конкретно-историческими путями великий ученый раскрывал сущность, например, поэтического языка. Таким же образом в остальных главах решаются вопросы происхождения и развития поэзии. Таковы главы: «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов»; «От певца к поэту и выделение понятия поэзии», и, наконец, последняя глава, оставшаяся незавершенной, — «Язык поэзии и язык прозы».

Второй том «Поэтики» содержит в первом своем выпуске «Поэтику сюжетов» (1897—1906), напечатанную по рукописям автора уже после его смерти, в необработанном виде. Здесь намечены были такие главы: «Мотив и сюжет», «Важнейшие направления в изучении сюжетности», «Бытовые основы сюжетности. — Доисторический быт и отражающие его мотивы и сюжеты» и т. д.

Основная и наиболее ценная для современной поэтики глава — «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов». Теория «первобытного синкретизма», как обычно, обосновывается на массовых фактах из народной поэзии различных племен и народов. Здесь с особой силой сказалось влияние методологических принципов сравнительной этнологии в применении к генезису народного творчества. Влияние этих этнологических принципов сказалось в том, что Веселовский противопоставляет свою теорию всяким субъективно-идеалистическим домыслам о происхождении поэзии и последовательности выделения и раз-

¹ А. Н. Веселовский, Собр. соч., 1913 г., т. I, стр. 224.

вития отдельных поэтических родов (ср., например, Якобовский и др.), а также объективно-идеалистическим построениям Гегеля и его школы. Именно здесь особенно ясно обнаруживаются те «яркие социологические моменты», о которых писал в свое время акад. Н. Я. Марр и которые в последний период характеризуют его метод как эволюционно-социологический.

Решая проблему происхождения поэзии, Веселовский устанавливает в истории народного творчества три основных момента:

1) момент обрядового ритмико-музыкального синкретического хорового действия, в котором в слитном виде имеют место зародыши всех будущих видов творчества;

2) момент отделения от обрядового начала музыки и песни, которые начинают получать более или менее самостоятельное существование, например, в гимнастических играх, в маршевых песнях, хоровых песнях и, наконец, в песнях за работой;

3) спорадическое выделение из обрядового синкретического «действия» лиро-эпической песни (кантилена), характеризующей переход от религиозного сознания к сознанию эстетическому и дающей начало народному эпосу, впервые приобретающему свое самостоятельное развитие. Отсюда в дальнейшем в таком же порядке выделяются как самостоятельные жанры — лирика, драма, роман и новелла.

Влияние метода Моргана сказывается в данном случае в том, что «разные виды хоровых действий (например, в древней Греции.—Л. Я.), живших или еще доживающих среди культурных народностей», Веселовский считает возможным «приравнять к категориям, установленным нами для народностей некультурных». Иначе говоря, наблюдения над поэтическим творчеством, связанным с суевериями и обычаями обрядового происхождения, сохранившимися так или иначе в современной жизни культурных народностей, проверяются на данных из доисторического прошлого, у некультурных народов. И, наоборот, научные изыскания

из области далекого прошлого «древнего общества» проверяются на непосредственных наблюдениях современной жизни. В этом отношении вполне прав был поэтому один из наших литературоведов, когда, отмечая в теории синкретизма «стихийный материализм» Веселовского, он писал: «Косвенным подтверждением этого может служить то обстоятельство, что эту теорию принимает и на нее опирается создатель материалистического учения о языке Марр. Но и, помимо этих влияний, прямое ее содержание говорит нам о том же»¹.

★

Подводя итоги вышеизложенному, мы приходим к следующему заключению. Ключ к пониманию литературного наследия Веселовского и особенно его «Исторической поэтики» — итога всей его деятельности, — как можно утверждать, заключается в том обстоятельстве, что последнее грандиозное обобщение, по образцу знаменитого труда Моргана, было задумано как историко-этнологическая поэтика. И если чрезвычайно осторожный автор предпочитал не декларировать свою приверженность к Моргану, то, может быть, данный факт находит себе объяснение в том, что под влиянием английских этнологов, противопоставлявших Моргану, из национального пристрастия, Мак-Леннана, сложилась традиция («признак хорошего доисторического тона») замалчивать, — как говорит Энгельс, — великие открытия этнолога-материалиста, стараясь по возможности даже не упоминать его имени. Не этим же ли влиянием академической среды объясняется и тот факт, что, ссылаясь на книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Веселовский называет его, вслед за рецензентом Н. Х (арузиним?), лишь «популярным Морганом»..

Думается, что в узкой области истории и теории литературы значение наследия Веселовского для нашей совре-

¹ И. Виноградов. «Вопросы марксистской поэтики». Л. Гослитиздат, 1936, стр. 150.

менности все о легче понять, если вспомнить, как Энгельс определил значение научного наследия Моргана: «Открытия Моргана теперь признаются, вернее, присваиваются всеми исследователями первобытной истории даже в Англии. Но почти ни у одного из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану обязаны мы этой революцией во взглядах»¹.

В применении к Веселовскому речь о том же могла бы идти, по аналогии, разумеется, исключительно в смысле исторических взглядов на происхождение и сущность поэзии. Но и в этих узких пределах так могло быть в прошлом. И позволительно надеяться, что, особенно в связи со столетним юбилеем, так не будет в будущем, когда этим трудным, мало доступным, но чрезвычайно ценным наследием стихийного материалиста критически овладеют наши молодые советские научные кадры.

Что касается определения того места, которое это литературное наследие должно занять перед лицом нашей современности, то в журнальной статье это можно сделать, разумеется, лишь в самом сжатом виде. Громадная начитанность Веселовского в области всех видов

литературного творчества, небывалое знание им едва ли не всех основных языков, как новоевропейских, так и средневековых и древних, и, наконец, феноменальная эрудиция раскрывали перед ним такие возможности, каких не знал ни один из буржуазных ученых — филологов, историков, этнологов и фольклористов его времени. Все это определяло широчайшие горизонты его научных изысканий, начиная от древнейшей поэзии и кончая литературным творчеством величайших поэтов-художников (Данте, Боккаччо, Пушкин и др.). Отсюда, думается нам, у Веселовского конкретно-исторический подход ко всем вопросам поэтического творчества, любовь к объективным массовым историческим фактам, упорные искания генезиса художественной литературы именно в творчестве широчайших масс, в народно-психологических началах и т. д. Владея такими сокровищами литературного творчества, Веселовский, уже под давлением этого колоссального материала и несмотря на парализовавшие его часто буржуазные влияния, не мог не обнаружить в своих изысканиях те материалистические тенденции и яркие социологические моменты, о которых шла речь выше и которые могут быть надлежащим образом поняты и оценены только в наше время, при строго критическом анализе всего этого наследия в целом.

¹ Фридрих Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Партиздат, 1932, стр. 18.

Экспромт А. С. Грибоедова

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

★

Известный собиратель материалов о жизни и творчестве А. С. Грибоедова Д. А. Смирнов в одной из своих статей¹ по вопросу об отношении Грибоедова к событиям 14 декабря 1825 года писал:

«Грибоедов, собственно, не принадлежал к заговору... Но он знал о заговоре, может быть, даже сочувствовал желанию некоторых перемен, был знаком с большей частью заговорщиков, и с некоторыми — в переписке. Это-то знакомство и было причиной того, что его «потянули», как он после выразился в едва ли кому неизвестном четверостишии, которое неудобно печатать...»².

Только через четыре года это первое упоминание о четверостишии было раскрыто в отрывке из записок известного водевиллиста П. А. Каратыгина, общавшегося с Грибоедовым на почве театральных интересов. В этих записках находим следующее сообщение:

«Известно, что Грибоедов в 1826 году был вытребован из Тифлиса следственной комиссией по делу 14 декабря; его подозревали также прикосновенным к заговору; он был с фельд'егерем привезен в Петербург и содержался не-

сколько дней¹ под арестом в главном штабе. Вскоре, однако, он был освобожден, потому что никаких улик против него не оказалось. Я помню его экспромт, сказанный им по поводу этого ареста... Вот он:

По духу времени и вкусу,
Он ненавидел слово: раб...
За то посажен в главный штаб
И там притянут к Иисусу!»².

¹ Следует внести поправку к свидетельству Каратыгина: Грибоедов был привезен в Петербург 11 февраля, выпущен из-под ареста 4 июня 1826 г., т.е. содержался при главном штабе почти четыре месяца.

² «Александр Сергеевич Грибоедов (Из моих записок)» — («Русская старина», 1872, март, стр. 429—430). К этой публикации редактором «Русской старины» Семеновским сделано примечание: «В одном из рукописных сборников П. А. Ефремова это четверостишие сохранилось в другой, едва ли не более верной, редакции:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово раб,—
Меня и взяли в главный штаб
И потянули к Иисусу».

В отдельном издании записок Каратыгина 1880 г. этот текст дан в сводной редакции, т.е. вторая строка заменена вариантом Ефремова. В издании 1929 г. (Academia) воспоминание передано следующим образом: «Грибоедов, сидя в главном штабе, написал четверостишие, которое нам после читал смущенно».

Текст здесь приведен по изданию 1880 г., но с вариантом в ст. 3:

За что посажен в Главный Штаб.

Выражение «притянуть к Иисусу» обозначает привлечь к судебному делу — на расправу (см.

¹ «А. С. Грибоедов. Биографические известия о Грибоедове» — Беседы в Обществе любителей российской словесности, 1868, вып. II, стр. 20.

² В напечатанной в 1909 г. статье Смирнова «К биографии Грибоедова» четверостишие приведено («Исторический вестник», 1909, март, стр. 1040).

В одной из записных книжек Н. В. Пятты¹, в разделе «Заметки, выписки, воспоминания и проч.», нами обнаружена запись, в общем совпадающая со свидетельством Каратыгина, но несколько варьирующая текст четверостишия. Интерес записи повышается новыми колоритными подробностями, которые рассказывались современниками:

«Грибоедов, подозревавшийся в принадлежности к тайному обществу, был потребован в следственную комиссию по делу 14-го декабря 1825 г. — Его привезли с фельд'егерем в Петербург и посадили в дом Главного штаба, против Зимнего дворца. Там, под арестом, он начертил чем-то на стене, или на оконной раме, следующее четверостишие:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово раб, —
Меня и посадили в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

На допросе в Комиссии один из членов ставил ему в вину, что он хулил и позорил словами Петра Великого. — Грибоедов отвечал: «Правда, я ругаю его через день, всякий раз что бреюсь». — Так рассказывали всё это в то время.

И. Д. Гарусов в своем обширном комментарии к «Горе от ума»² приводит новый вариант этого «известного грибоедовского экспромта, сказанного им в 1826 г. по выходе из ордонанс-гауза после полного своего оправдания в поздрении участия в заговоре 14 декабря:

Покорный времени и вкусу
Я презираю слово раб...

М. И. Михельсон, «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии», т. II, СПб, стр. 127). Выражение это, очевидно, было в литературном и эпистолярном обиходе того времени — см., напр., в письме Н. И. Любимова к М. П. Погодину («Литературное наследство», № 16—18, стр. 721).

¹ Хранящейся в Мурановском музее, за № 5, на стр. 15.

² «Горе от ума», комедия в четырех действиях в стихах А. С. Грибоедова, по счету сороковое, по содержанию первое полное издание... Изд. Книжной торговли. Спб., 1875, стр. 126—127.

Меня и взяли... в главный штаб
И потянули к Иисусу.

В собрание сочинений Грибоедова четверостишие вводится впервые в 1886 г.¹ и затем в 1889 г.², по тексту, приведенному в примечании к первой публикации Каратыгина, т.-е. в редакции рукописного сборника Ефремова.

Редактор академического издания собрания сочинений Грибоедова Н. К. Пиксанов, печатая текст четверостишия по «Историческому вестнику» 1909 г., заметил:

«За отсутствием авторитетного текста, относим это стихотворение в отдел «приписываемых»³.

Вот и всё, что до сих пор было известно об этом экспромте.

★

В одной из пушкинианских тетрадей (1849 — 1854 гг.) П. И. Бартенева⁴ есть запись трех эпиграмм на А. Н. Голицына.

Текст второй из них:

Он добрый малый, брат сестрицам⁵,

Он не был зол ни на кого;
Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?

«По словам С. А. Соболевского, это стихотворение принадлежит Грибоедову» — оговаривает Бартенев. «Так часто обвинял он людей. Это отрывок из более длинной пьесы, но не Пушкина, а

¹ Сочинения А. С. Грибоедова, изд. К. К. Шамова, М. 1886, стр. 62 — под заглавием «Эпиграмма».

² Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под редакцией И. А. Шляпкина, Спб. 1889, т. II — под заглавием «Экспромт».

³ Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Изд. Разряда изящной словесности Имп. академии наук, под ред. и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина, т. I, 1911, стр. 287.

⁴ «Из Пушкинианы П. И. Бартенева». Публикация и комментарии М. А. Цявловского. «Летописи Гос. литературного музея». Кн. I. Пушкин. 1936, стр. 513.

⁵ Явная описка: следует читать: «сестрицын».

Грибоедова» — утверждает и Лонгинов¹.

В печати четверостишие впервые появилось в изданном Н. В. Гербелем² сборнике стихотворений Пушкина в числе трех эпиграмм под общим заглавием «Князю А. Н. Голицыну». В том же году вводит эпиграмму в свой сборник Н. Огарев с вариантом в последнем стихе:

Уж не повесить ли его?

и с примечанием: «В этом четверостишии, кажется, намек на поведение Голицына в Верховном Уголовном суде в 1826 г.»³.

В издании сочинений Пушкина 1882 г. Ефремов указывал, что эпиграмма не введена им как «лишенная смысла, едва ли принадлежащая Пушкину»⁴, подтвердив через двадцать с лишним лет⁵, что «даже понять ее невозможно».

Н. О. Лернер⁶ присоединился к мнению о сомнительной принадлежности четверостишия Пушкину и подробно развил доказательство того, что в стихах заключается намек на двусмыслен-

ное поведение кн. А. Н. Голицына в следствии по делу о декабристах.

Но все эти толкования не раз'ясняли смысла «эпиграммы» в целом. Из-за фрагментарности, на которую правильно указал еще Лонгинов, оставалось непонятным, кто же такой этот «добрый малый, брат сестрицын».

★

Все сомнения, связанные с обоими рассматриваемыми четверостишиями, неожиданно получают полное раз'яснение. В одном из альбомов поэтессы гр. Е. П. Ростопчиной¹, с которым мне только-что довелось ознакомиться, сохранилась следующая запись:

«Как Грибоедов определял мнение о себе московских дам:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»,
За то попался в главный штаб
И был притянут к Иисусу...

Ему не свято ничего, —
Он враг царю... он друг сестрицын
Уж не повесят ли его,
Скажите правду, князь Голицын?..

(Князь Александр Николаевич Голицын, статс-секретарь при Александры 1-м, заведующий духовными и другими тайными делами)».

Записку этой, наиболее ранней из всех известных, таким образом, отводится принадлежность Пушкину четверостишия «Он добрый малый...» и устанавливается, в согласии с показаниями Соболевского и Лонгинова, принадлежность его Грибоедову в качестве второй строфы восьмистишия, первая строфа которого («По духу времени и вкусу...») приводилась исследователями и авторами мемуаров как законченный, экспромт.

¹ В сборнике пушкинских текстов М. Н. Лонгинова (копия С. Д. Полторацкого, хранящаяся в Всесоюзной библиотеке им. Ленина, № 2603, на стр. 172). Такой же текст и тоже как эпиграмма на Голицына имеется в сборнике рукописных копий П. А. Ефремова на листах, вклеенных в качестве дополнения в VII том собр. соч. Пушкина под редакцией Анненкова 1857 г. (на стр. 60). Приведено оно и в рукописном сборнике под названием «Пушкин» принадлежавшем В. Е. Якушкину (хранящемся в Пушкинском Доме), с неправильной датой: «1819».

² «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». Берлин, 1861, стр. 99.

³ «Русская поэтическая литература XIX столетия». Отдел первый. Стихотворения, ч. I. С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861, стр. 83.

На основании заграничных публикаций напечатал в 1880 г. эту «эпиграмму» Г. С. Чирков («Русский архив», 1881, кн. I, стр. 178).

⁴ Сочинения А. С. Пушкина, изд. 8, исправленное и дополненное, под ред. П. А. Ефремова, т. I, 1882, стр. 498.

⁵ Сочинения А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, изд. Суворина, 1905, т. VIII, стр. 123.

⁶ «Труды и дни Пушкина», 2-е изд., Спб., 1910, стр. 487—488.

¹ Озаглавлено: «Pensées, poésies, fragments, extraits de mes Lectures et cet., Livre 4-eme, Petersbourg, 1843, appartenant à la C-sse Eudoxie Rostoptchine». Владельцу альбома Ю. Н. Верховскому приносим глубокую благодарность за предоставленное нам право публикации этого текста.

Помимо установления записью Ростопчиной связи этих двух фрагментов и восстановления тем самым грибоедовского экспромта, ему дается заголовком записи реальный комментарий, не противоречащий свидетельствам Д. А. Смирнова и П. А. Каратыгина и убедительно разъясняющий его смысл.

★

Сидя под арестом и относясь к этому своему положению со свойственным ему юмором¹, Грибоедов представлял себе волнения и толки, возбужденные в обществе (среди «московских дам») его приключением.

Грибоедов имел основания быть «недовольным Москвой». «В Москве все не по мне» — писал он в письме к Бегичеву. Мнение о нем «московских барынь» могло занимать Грибоедова уже потому, что близкие ему люди — мать и сестра — жили в Москве; со стороны матери его литературное дарование так и не заслужило «признания», она осуждала его как «карбонария» и вольнодумца. Естественно, что Грибоедов живо представлял себе, как московские барыни, зло и метко осмеянные им в «Горе от ума», обрадуются случаю похлословить на его счет.

«Все эти московские Татьяны Юрьевны... употребляли все пути, чтобы комедия не появлялась ни на сцене, ни в печати... из-под руки набрасывали на Грибоедова тень, будто он разделяет в душе идеи противуправительственные», — писал Гарусов и утверждал, что именно «вследствие этого Грибоедов в 1826 г. ... был даже вызван из Тифлиса в Петербург»².

А. А. Бестужев³ свидетельствует о том, что Грибоедов «не любил жен-

щин», которые «судят остроумно, только без основания, и, быстро схватывая подробности, едва ли могут постичь, объять целое». Именно пересуды этих «меценатов в чепчиках, всегда готовых увлекаться наружностью лиц и вещей», пародируются в восстанавливаемом экспромте Грибоедова.

Здесь как бы воспроизводится отрывок разговоров в какой-то московской гостиной, как бы ряд реплик тараторящих дам.

Нам легко представить себе, как Грибоедов, «смеючись»¹, читал своим приятелям этот блестящий экспромт; немудрено также и то, что он понравился, повторялся из уст в уста, но, попадая в рукописные сборники и мемуары, терял то первую, то вторую строфу, терял даже авторство и всячески варьировался.

Ростопчина, записывая стихи, как и все другие, по памяти, видимо, нарушила последовательность 7-го и 8-го стихов, которые следует переставить.

Помимо незначительных стилистических разночтений, даваемых разными списками и в основном устраненных вновь обнаруженной записью, остается два существенных варианта для 5-го и 6-го стихов; один — политически разоблачающий, ростопчинский:

Ему не свято ничего,
Он враг царю... он друг сестрицын!

другой, смягченный:

Он добрый малый, брат сестрицын,
Он не был зол ни для кого.

Весьма возможно, что оба варианта принадлежат самому Грибоедову. Предвидя успех и распространение экспромта, он мог пустить безобидный вариант в общий оборот, придерживав из осторожности основную редакцию для близкого круга.

Традиция, подтверждаемая и записью Ростопчиной, относит 7-й стих к кн. А. Н. Голицыну, что вполне приемлемо, так как он был членом следствен-

¹ Любопытно, что Каратыгин, пытаясь «обелить» Грибоедова и отвести от него обвинение в принадлежности к заговору декабристов, писал: «Эта добродушная веселость при неприятном положении не свидетельствует ли о полном незнании Грибоедова об умыслах декабристов?» (изд. 1880, стр. 137).

² В предисловии к первому изданию «Гора от ума» (СПб, 1873, стр. VII).

³ «Отечественные записки», 1860, № 10, стр. 633—640.

¹ По выражению Каратыгина — см. выше.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВИЛИ БРЕДЕЛЬ. «ТВОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ БРАТ».

Перевод с немецкого Я. Редкера.

★

Последнюю свою книгу «Твой неизвестный брат» Вили Бредель посвятил «свободным гражданам страны Советов к двадцатилетию их победы». Она вышла в «Издательстве иностранных рабочих», русский перевод ее (в несколько сокращенном виде) был напечатан в «Интернациональной литературе» (№ 11 за 1937 г.) и затем вышел отдельным изданием в Жургазобединении. Таким образом, книге обеспечено чрезвычайно широкое распространение среди советских читателей.

Последние хорошо знают Вили Бределя по предшествующим произведениям писателя. Его роман «Испытание», его рассказы из жизни коммунистического подполья в Германии привлекали к нему симпатии и любовь широких масс Советского Союза. «Испытание» явилось одной из первых книг, в которой наш читатель в образной форме увидел фашистскую действительность со всеми ужасами, творящимися в «Третьей империи», — с одной стороны, и типы рядовых борцов-антифашистов во всем их величии и суровой простоте — с другой.

«Твой неизвестный брат» — книга о буднях подпольной работы немецких коммунистов нынешнего дня, о росте и воспитании борца-пролетария.

«Арнольд Клазен любит жизнь» — говорит автор о главном герое своей книги. И действительно, он молод и здоров; жизненный путь его еще только начался. Но Арнольд Клазен, не задумываясь, жертвует и своей молодостью, и здоровьем, и даже этой, еще не изведанной в сущности жизнью — за пролетарское дело, за партию, за идеал светлого социалистического будущего.

Арнольд мужественно вынес жестокие пытки концентрационного лагеря, куда он был заключен за нелегальную революционную работу. Выйдя из лагеря, он не бросает работы, не опускает рук, не отходит от борьбы.

Шаг за шагом показывает автор, как растет Арнольд на революционной работе, как выковывается из него тот мужественный, непреклонный, целеустремленный боец, перед стойкостью, твердостью характера которого в изумлении останавливаются даже враги.

Вот он — районный работник нелегальной коммунистической организации в Гамбурге. Он еще неопытен, не закален в борьбе; у него нередки еще периоды малодушия, трусости, не верия в свои силы, в мощь организации, в конечную победу. Иногда кажется, будто вот-

вот сорвется он, бросит эту страшную, полную тревог, борьбы и величайшего напряжения жизнь. Но достаточно нескольких слов его старшего товарища по партийной работе, и к Арнольду возвращается присутствие духа, он снова забывает о себе, живет, дышит и волнуется только жизнью своей организации, только доверенной ему партией работой.

Время идет. На нелегальной работе люди растут со сказочной быстротой: вот Арнольд уже работает одним из окружных руководителей партийной организации. Умело и чутко воспитывает он молодые партийные кадры, еще не прошедшие суровой школы антифашистского подполья: «Нет ничего легче, чем закончить счеты с жизнью, но коммунист не имеет на это права, он принадлежит не одному себе, — говорит он молодому товарищу-комсомольцу Гейнцу, решившему не даваться живым в руки фашистов. — Партия дорожит жизнью каждого товарища. Насажать гнилую фашистскую «романтику смерти» — недопустимо. Коммунист должен бороться до конца. Никто не имеет права швыряться своей жизнью».

В руководство окружной партийной организации проникает агент гестапо Вальтер Кеплер. Мгновенное ослабление бдительности, один-два неверных шага — и Арнольд становится жертвой провокатора.

В фашистском застенке на Принц-Альбрехтштрассе завершается революционное воспитание Арнольда. Попытка покончить жизнь самоубийством после дикого избиения и надругательства — последняя вспышка малодушия, последняя уступка человеческой слабости. Каждый день, проведенный в застенке, закаляет его волю и увеличивает мужество.

Ни слова не услышали от него палачи на допросах, — не помогли ни одиночка, ни кандалы, ни лишения пищи, ни зверские избиения. «Каждый третий день — голодовка, каждый десятый — экзекуция... Каждый десятый день, после вечернего чая, появляется экзекуционная команда. Арнольда увозят в самую отдаленную камеру подвала. Привязывают к козлам. Отсчитывают двадцать пять ударов и записывают в тетрадку. В первый раз он даже кричал от боли, и охранники осыпали его насмешками и бранью. Но теперь, когда они пристегивают его ремнями к козлам, он переносит зверские побои без звука, лежит оцепеневший и немой».

Арнольда мучит лишь одна мысль: как обезвредить организацию от провокатора, как дать знать товарищам, что Вальтер Кеплер — агент гестапо? Он решает кричать везде — в камере, в коридорах, на допросе, везде, где только есть люди, что Вальтер Кеплер — провокатор. «Они будут истязать меня еще больше... Может быть, заткнут мне рот кляпом... Может быть, даже решатся прикончить... Но дело уже будет сделано... Сказанное громко всегда может пойти дальше, его слова могут стать известны Стефану, товарищам...». И Арнольд приводит свой план в исполнение.

Упорство, воля, почти нечеловеческое мужество героя приводят в изумление и страх его палачей. Больной, искалеченный, с ввалившимися глазами, в 30 лет уже дряхлый, почти умирающий старик, — таким предстал Арнольд после 6 месяцев заключения на допрос. Но и теперь не проронил он ни одного слова; ни одного имени не услышал от него инспектор Траутнер, производивший допрос, даже настоящего своего имени не назвал Арнольд, чтобы не навести гестапо на след организации. «Траутнер не находит слов. Откинувшись на спинку кресла, он смотрит на этого измученного, изголодавшегося человека... Что это за люди, которые в таком состоянии продолжают упорствовать?».

Траутнеры не понимают, что перед глазами Арнольда стоит «Германия без палачей, без концентрационных лагерей, без подвалов гестапо, без воинственных завываний и без расовой ненависти».

Образ Арнольда Клазена — содержание, цель, идея и пафос книги Бределя. Психологически верны и колоритны и некоторые другие персонажи романа — молодой энтузиаст Карл Фишер, старик социал-демократ — отец Арнольда и эпизодические фигуры (лавочник Дайзен, горняк Ян Бюрен, покончивший с провокатором).

Значительно слабее, однако, представлен характер партийного руководителя Стефана. Он все время действует как-то издалека; это не образ, а скорее силуэт, неясный, расплывчатый. Эпитеты, которыми наделяет его автор, не

убедительны, например: «Стефан, сильный, твердый, как кремень, железный, неумолимый Стефан...», ибо об этих качествах только говорится, но они нигде не показаны. Поэтому данный образ не запоминается читателем.

Неудачно показан и провокатор Кеплер. Он гадок, грязен, жалок и подл — все черты эти показаны автором в достаточной степени отчетливо, но они сконцентрированы в трафаретном, не прибавляющем ничего нового к нашему представлению о враге, облике.

Одновременно Бределем ярко показан также важнейший процесс в современном рабочем движении — создание единого фронта против фашизма. Движение это возникает стихийно и бурно; социал-демократы и коммунисты общими усилиями, в совместной борьбе добиваются свержения фашистского режима. С другой стороны, в романе противопоставляется этому гниль фашизма, разброд и метания в его рядах, отход от него поддавшихся вначале его безудержной демагогии групп населения. Вспомним владельца табачной лавочки Дайзена, свято верившего когда-то в дело «полного обновления Германии и освобождения маленького человека от процентного рабства, от еврейского финансового капитала и от гнета снова поднявших голову трестов и концернов», но в конце-концов жестоко разочаровавшегося и покончившего с собой; вспомним штурмовика, передающего Арнольду извещение от коммунистов, что его сигналы о провокаторе услышаны; вспомним «доверенного» национал-социалиста Гейтеприсна, перешедшего на сторону антифашистов.

Книга Бределя глубоко оптимистична. Вы мучаетесь вместе с Арнольдом, вы тяжело переживаете каждый день его пыток в подвале на Принц-Альбрехтштрассе, но вы знаете, что эти страдания не пропадут даром, что «на месте каждого арестованного, замученного, казненного встают новые бойцы», что «борьба за свободу, счастливую Германию не прекратится никогда», что «армия борцов за свободу — самая могучая армия в мире».

С. Востокова.

ГЕНРИХ МАНН. «ЮНОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV».

Перевод с немецкого Н. Крымовой.

М. Жургазоб'единение, 1937. Стр. 726. Тир. 30.000. Ц. 2 р.

★

Все чаще и чаще обращаются антифашистские писатели Запада к истории. Эпохи общественного перелома, эпохи народных волнений и смут, эпохи формирования великих народных вождей в особенности привлекают к себе их пристальное внимание.

Не для того, чтобы убедить от современности, обращаются писатели-антифашисты к прошлому. Наоборот, образы прошлого привле-

каются ими для участия в борьбе сегодняшнего дня. Лучшие гуманистические традиции прошлого используются ими как грозное оружие идеологической борьбы, знамя воинствующего гуманизма современности. Факты истории помогают им разоблачать гнусные фальсификации фашистов, пытающихся крупнейшие события прошлого «зачислить» в «предисторию» фашизма. Ибо, как говорил т. Димитров

на VII всемирном конгрессе Коминтерна: «Фашисты перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма».¹

Разоблачение фашистских фальсификаторов, исторически правильное отражение в полнокровных художественных образах прошлого народа, стремление связать свою антифашистскую борьбу с революционными традициями прошлого — таковы актуальнейшие задачи современных писателей-антифашистов. И они эти задачи блестяще выполняют: достаточно вспомнить «Посев» Реглера, роман Кассу о Парижской коммуне, исторические романы Фейхтвангера, романы Шандора Гергеля о крестьянских восстаниях средневековья.

Среди подобного рода произведений «Юности короля Генриха IV» Генриха Манна принадлежит почетное место.

Генрих Манн известен советскому читателю, главным образом, как автор таких грандиозных сатирических полотен, как «Верноподданный», «Голова», «Учитель Унрат», действие которых происходит в империалистической Германии XX века. В своем новом романе Генрих Манн переносит нас в XVI век — эпоху французского Ренессанса, эпоху ожесточенных религиозных войн и становления единого национального государства.

Обращение Г. Манна к истории Франции не случайно. Лучшие умы Германии нередко обращались к прошлому французского народа, как неиссякаемому источнику передовых идей и традиций. В своем романе Г. Манн и противопоставляет варварство и мракобесию Германии сегодняшнего дня один из наиболее прогрессивных, наиболее плодотворных периодов французской истории; звериному шовинизму и расовому изуверству фашистов — светлые идеи гуманизма того раннего периода развития Франции.

Роман Г. Манна, по существу, биографичен. В нем прослеживается жизнь главного героя — Генриха Наваррского — от первого детского лепета до тех лет, когда он «с уже седеющей бородой, лукавый и мудрый» завоевывает Париж.

Долгие, тяжелые годы унижений и презрения переживает герой при дворе Катерины Медичи. Здесь впервые познает он злобу и хитрость вельмож, их лицемерно и подлость. Здесь умерщвляют его мать, убивают адмирала Колиньи; здесь совершается кошмар Варфоломеевской ночи. Тут научается он хитрить и ненавидеть, из ребенка превращаясь в юношу, а затем — в зрелого мужа. Суровая школа лицемерия, ненависти и предательства французского двора не прошла для него да-

ром: он закалил свой характер, сделал гибким и изворотливым свой ум, отточил жало своей ненависти и научился бить врага его же собственным оружием.

Образ Генриха Наваррского — крупная удача писателя.

Гуманист, осмелившийся в эпоху самого дикого, зверского взаимопребления католиков и протестантов проповедывать широкую веротерпимость и человеколюбие; автор Нантского эдикта, в котором эти принципы нашли свое осуществление; человек, не побоявшийся даже после Варфоломеевской ночи заявить: «кто честно исполняет свой долг, тот одной веры со мной, а я одной веры с теми, кто отважен и добр» — и доказавший всему миру, что «можно быть сильным, оставаясь в то же время человечным»;

опытный политик, далеко заглядывающий вперед, ставящий интересы государства выше интересов религии, еще в 18 лет заявивший: «нашей задачей будет объединить страну против ее врага» — и добившийся в конце-концов объединения страны в единое мощное государство;

суровый и храбрый воин, ночи и дни проводящий в седле, не знающий ни усталости, ни утомления, не ведающий отдыха: у него «с начала этого похода ввалились щеки, на нем, как и на остальных, серый шлем и железный панцырь, и его единственная рубашка, надетая на нем, еще не просохла после стирки»;

вождь народных масс, предводитель «войска бедноты, войска гонимых за правое дело», «король угнетенных и обездоленных, победитель рыцарей в серебряных доспехах и откупщиков»;

пылкий и страстный любовник, возлюбленный каждой женщины, попадавшейся на его пути, вечно ищущий все новых и новых наслаждений. —

таков этот Генрих Наваррский во всем своем историческом величии и человеческих слабостях.

Образ Генриха IV — разрешение одной из серьезнейших проблем современной антифашистской литературы, — проблемы создания положительного героя.

Генрих IV велик, велик потому, что он сумел встать впереди своего века, понять, куда идет историческое развитие, и повести народ, государство по этому пути. Он сумел встать выше предрассудков и ограниченности своего времени. Но он и глубоко человечен. Он не парит в облаках над вами, а все время находится бок о бок с вами на земле, такой земной, такой человеческой.

С удивительным мастерством вылеплены Г. Маном и другие образы романа: фанатика, беззаветно преданного своей вере, Колиньи; старой отравительницы, лицемерной и злобнейшей Катерины Медичи; несчастного неврастеника с исковерканной, надломленной психологией, Карла IX; прекрасной «ученой принцессы» Маргариты Валуа и др.

Столь же художественно значительна в романе и обрисовка исторической обстановки. Не

¹ Г. Димитров. — Доклад и заключительное слово на VII всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. М. Партиздат, 1935, стр. 76.

впадая в излишнюю модернизацию (чем нередко грешит Фейхтвайгер), не увлекаясь внешними эффектами, скромно и скупое, немногими резкими, четкими штрихами рисует он быт, нравы, «дух» эпохи. И, как живые, возникают перед читателем и мрачный колодец луврского дворца, и пестрая, колоритная галерея придворных Карла IX, и залитые солнцем и зеленью окраины Франции — Наварра, Беарн, Арманьяк; и разношерстное, и нестройное войско Генриха Наваррского, и маленькие, обнесенные крепостными стенами, средневековые городки; простодушные и хитрые горожане, фанатичные протестанты, развращенная клика феодальной реакции, окружающая Катерину Медичи и Гизов... — все это удивительно ярко, сочно и живо. Эпоха возникает перед нашими изумленными глазами во всей своей пестроте и нестройности, во всей неповторимости своих противоречий и красок.

Прекрасный роман Г. Манна не свободен, однако, от ряда существенных недостатков, обусловленных, в конечном счете, его идеалистическим толкованием исторического процесса, его неумением осветить во всей полноте экономические и социальные причины исторических событий.

В первую очередь здесь необходимо указать на примитивное и схематичное толкование борьбы католиков с протестантами, как войны «богатых» с «бедными». Оно искажает, затушевывает подлинную классовую подоплеку этой борьбы — борьбы все еще сильного феодального дворянства с нарождающимся и крепнущим третьим сословием.

Отсюда же вытекает также и недооценка автором силы народных масс и переоценка им роли отдельных личностей. Между тем, если ни одно подлинно великое историческое движение не совершается без участия народных масс, то тем более — движение, имевшее своим

результатом создание национального государства, выдвигание на политическую арену нового социального слоя — третьего сословия.

В своей речи на I-м съезде колхозников-ударников товарищ Сталин указывал, что «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами.

... Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»¹.

Этого Г. Манну не удалось дать в романе, отсюда известное искажение исторической перспективы, неконкретность в изображении им народных масс.

Снижает, наконец, ценность романа и стремление автора придать своим персонажам внеисторический, вневременный, «извечный» характер. Эта тенденция особенно ощутима в главном герое, которого он хочет сделать «выразителем разума и человеческого счастья»: или — в Катерине Медичи и ее окружении, которые показаны, как какая-то темная, злая сила, внеклассовая, вневременная, своего рода злой дух средневековья.

Несмотря на это, роман Г. Манна — величайшая политическая и художественная победа антифашистской западной литературы. Только темперамент бойца-революционера, только уверенная рука мастера могли создать такую злободневную, такую волнующую книгу.

С. В.

С. ГОЛУБОВ. «БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ».

М. Жургазов'едивенне. 1938. 418 стр. Ц. 3 р.

★

Биографическая серия «Жизнь замечательных людей» насчитывает уже свыше 100 книг. И тем не менее рецензируемой биографии Бестужева принадлежит в ней особое место. Свообразие этой книги, прежде всего, в форме обработки и подачи биографического материала.

В данном отношении можно установить два основных вида биографии: научную и художественную. От автора первой требуется умение посылно полно собрать имеющийся фактический материал; строго критически отнестись к каждому факту, проверив установленными научными методами его достоверность и оценив его значение; и, наконец, на основе проверенных и установленных данных связно описать

в хронологической последовательности, с должной полнотой жизненный и творческий путь данного лица. В научной биографии нет места для фантазии автора; он в праве, правда, допускать те или иные гипотезы, но каждая из них должна быть не только тщательно оговорена, но и научно обоснована. Научная биография, разумеется, может предназначаться не только для специалиста, но и для широкого круга читателей, так как научность и популярность изложения отнюдь не исключают друг друга.

¹ И. Сталин. — «Вопросы ленинизма». М. Партиздат. 1934 г., стр. 527. Разрядка наша. — С. В.

Но биографические факты могут получать и иную обработку. Жизненный и творческий путь замечательного человека может быть показан читателю в образной форме. Автор такой биографии должен не просто излагать факты, а дать их в художественном воплощении. При описании поступков и переживаний данной исторической личности и лиц, его окружавших, автор допускает возможные предположения, вероятные домыслы. Он воссоздает ни в каких документах не зафиксированные думы, разговоры, речи и поступки действующих лиц. В биографии подобного рода неизбежно наличие более или менее произвольного, вымышленного, — и в то же время она может сохранять всю полноту исторической правды. Необходимо лишь одно условие: такой биограф обязан хорошо знать и правильно оценить не только жизненные факты данного лица и его окружение, но и изучить и ту эпоху, к которой эти факты относятся. Он должен подчас по одной известной детали воссоздать несохранившееся целое, при чем так, чтобы это последнее не было плодом сплошной фантазии, а основывалось на точных фактах и имело характер бесспорной убедительности. Так знаменитый Кювье воссоздавал скелет никому не известного, давно вымершего животного по одной сохранившейся кости. Так — чтобы взять более близкий пример — историк В. О. Ключевский часто воссоздавал правдивые образы людей и событий далекого прошлого.

В длинном ряду выпусков названной серии книга С. Голубова — первый опыт именно художественной биографии и притом опыт удачный. Перед автором стояла задача показать довольно сложный облик человека — образа декабриста Бестужева, писателя Марлинского и, наконец, образ вообще одного из наиболее ярких представителей «удивительного времени наружного рабства и внутреннего освобождения» (Герцен).

И новый биограф Бестужева, прежде всего, едва ли не исчерпывающе использовал первоисточники и другие относящиеся сюда материалы. Ему удалось в общем хорошо показать детские и юношеские годы Бестужева, семейную и социальную среду, в которой он жил и формировался, участие в декабристском заговоре и самом восстании, последние годы жизни на Кавказе и смерть в сражении с горцами, а также — его литературную деятельность.

Книга довольно полно раскрывает круг тех интересов, которыми жил не только Бестужев, но и окружавшие его люди. Перед читателем живо выступают, помимо самого Бестужева, многие участники его эпохи и яркие картины тогдашней исторической и бытовой жизни.

В книге немало коротких, но ярких характеристик отдельных лиц, много запоминающихся образных описаний. Вот одна из таких характеристик: «По чрезвычайной своей скромности и несветскости Рылеев с первого взгляда казался вовсе обыденным человеком. Но стоило поговорить с ним немного, чтобы увидеть, что это не так. Небольшой ростом, с быстрыми глазами, из которых глядела мысль, с волосами черными и чуть завитыми природой, он, разговаривая, вдруг становился выше, ярче, словно раздалось в стороны его хрупкое тело, и дух светлел в лице. Говоря о литературе, он походил на прозрачную гипсовую вазу, снаружи которой нет никаких украшений, но, как только запылет в ней огонь, прекрасные изображения, изваянные внутри хитрой рукой художника, вдруг обнаруживаются сами собой» (стр. 108).

С. Голубова можно упрекнуть, впрочем, за некоторую скудость в характеристике других значительных лиц, вводимых им в биографию Бестужева; такая колоритная и своеобразная фигура, как Чаадаев, показана только мельком.

Автор с полным основанием утверждает в предисловии, что приведенные в его книге многочисленные диалоги «представляют собой иногда сокращенное, очень редко дополненное воспроизведение подлинных разговоров, которое абсолютно близко к текстам, зафиксированным в делах процесса декабристов, мемуарах современников, в письмах и других материалах подобного рода» (стр. 4). Принципиально такой метод использования фактического материала в данном случае не может вызвать возражений; однако, излишний ригоризм в его применении здесь привел к известной разностильности в диалогах. Ибо введенный автором в книгу диалогический материал дословно взят им из источников, принадлежащих разным эпохам и разным лицам. В общем же, язык книги живой и образный, несколько тяжелых фраз, встречающихся в книге (напр., на стр. 11: «Он становится позади кресел и жадно разглядывает открывающиеся в книге, по мере того, как Саша читает, гравюры»), являются исключением.

Автор удачно избрал жанр беллетризованной биографии, вполне соответствующий своеобразию фигуры Бестужева-Марлинского — романтика в жизни, в политике и в литературном творчестве. Именно такие биографии замечательных людей вообще дойдут до широкого читателя, так как усвоение важных исторических фактов и разнообразных сведений, которые в них содержатся, облегчено яркостью возникающих у читателя представлений.

П. Попов.

Редакция: Ф. В. Гладков.
Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Ответственный редактор В. П. Ставский.

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5. Тел. 95-02.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ НАЧАЛАСЬ	3
МИХАИЛ КОЛЬЦОВ. — Испанский дневник	5
РАССКАЖИТЕ СТАЛИНУ ПРО МЕНЯ, белорусская народная песня, перевод М. Исаковского	126
Д. СТОНОВ. — Отец, рассказ	127
Л. ДЛИГАЧ. — На родине, стихотворение	135
И. ФЕФЕР. — Клад, поэма, перевод с еврейского С. Липкина	136
И. ГЕХТМАН. — Погоня, рассказ	139
О. КОЛЫЧЕВ. — Конопля, глава из поэмы «Щорс»	153
Н. МОСКВИН. — Дни юности, рассказ	155
ВАДИМ ОХРЕМЕНКО. — Девушка из Червоного Бора	161
СИМОН ЧИКОВАНИ. — Тбилисский рыбак, стихотворение, пере- вод с грузинского Бориса Пастернака	167
СИМОН ЧИКОВАНИ. — Посещение рыбака, стихотворение, пере- вод с грузинского Бориса Пастернака	168

ЛЮДИ И ФАКТЫ

СЕРГЕЙ МАРКОВ. — Н. Н. Миклуха-Маклай	169
---------------------------------------	-----

ЗА РУБЕЖОМ

ЛИДДЕЛЛ ХАРТ. — Европа под ружьем	203
-----------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Н. ПЛИСКО. — Маяковский в борьбе с врагами	239
Г. БРОВМАН. — Великий поэт революции	244
А. ЛЕЙТЕС. — О двух поэтах	248
Л. ЯКОВСОН. — А. Н. Веселовский. (К столетию со дня рождения)	261
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ. — Экспромт А. С. Грибоедова	276

БИБЛИОГРАФИЯ

С. ВОСТОКОВА. — Вилли Бредель, «Твой неизвестный брат»	281
С. В. — Генрих Манин, «Юность короля Генриха IV»	282
П. ПОПОВ. — С. Голубов, «Бестужев-Марлинский»	284

ГОТОВЬТЕСЬ К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

ПОКУПАЙТЕ КНИГИ

ИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

СТАЛИН И. В.

Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: к. Ц. 30 к.

СТАЛИН И. В.

Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москва 11 декабря 1937 г. в Большом театре. Ц. 10 к.

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. Ц. 10 к.

МОЛОТОВ В. М.

Речи на первой сессии Верховного Совета СССР. Ц. 15 к.

РЕЧИ НА СОБРАНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР И. В. СТАЛИН, В. М. МОЛОТОВ, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, М. И. КАЛИНИН, А. А. АНДРЕЕВ, А. И. МИКОЯН, В. Я. ЧУБАРЬ, С. В. КОСИОР, А. А. ЖДАНОВ, Н. И. ЕЖОВ, Н. С. ХРУЩЕВ, Г. М. ДИМИТРОВ. Ц. в пер. 1 р.

КАЛИНИН М. И.

О проекте Конституции РСФСР. Доклад на Чрезвычайном XVII Всероссийском Съезде Советов 15 января 1937 г. Ц. 20 к.

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Ц. 10 к.

ДОКЛАДЫ И РЕЧИ НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. Ц. в пер. 1 р.

БУЛГАНИН Н. А.

О проекте «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР». Доклад на IV сессии ВЦИК XVI созыва. Ц. 15 к.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР. Ц. 10 к.

ВЫШИНСКИЙ А. Я.

Избирательный закон РСФСР. Положение о выборах в Верховный Совет РСФСР в вопросах и ответах. Ц. 25 к.

★

МОЛОТОВ В. М.

К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. Партиздат. Ц. 15 к.

КАЛИНИН М. И.

Что дала советская власть трудящимся. Партиздат. Ц. 15 к.

О КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР. (Сборник) Партиздат. Ц. 30 к., в пер. 1 р. 05 к и 1 р. 55 к.

НАША РОДИНА, Партиздат. Ц. 50 к., в пер. 85 к и 1 р. 25 к.

20 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. Статистический сборник. (Цифровой материал для пропагандистов). Партиздат. (Центр управл народнохозяйственного учета Госплана СССР). Стр. 110. Ц. 50 к. в пер 1 р. 25 к.

СССР И СТРАНЫ КАПИТАЛИЗМА. Под ред. А. Степко, Л. Мехляса, Е. Варга и В. Карпинского. Партиздат. Ц. 50 к.

ЛИТЕРАТУРА К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗА'а, СОЮЗПЕЧАТИ, В РАЙКУЛЬТ-МАГАХ И ЛАВКАХ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ.

СМОТРИТЕ, СЛУШАЙТЕ НА ЛУЧШИХ ЭКРАНАХ СОЮЗА

НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА КИНО-СТУДИИ

ЛЕНФИЛЬМ